НЁМАН

12/2014
ДЕКАБРЬ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1945 года
Минск

СОДЕРЖАНИЕ

Редакционно-издательское учреждение
«Издательский дом «Звязда»

К сведению авторов

Авторы несут ответственность за приводимые в материалах факты.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Редакция только сообщает автору свое решение.
Материалы, отправленные только по электронной почте, редакция не рассматривает.
Объем прозаических произведений не должен превышать 6 авторских листов.

Техническое редактирование и компьютерная верстка *С. И. Таргонская*
Стильредактор *С. В. Казак*
Набор *Е. Г. Кахновская*

Подписано к печати 08.12.2014 г. Формат 70 ×108 1/16. Бумага газетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 19,60. Уч.-изд. л. 19,98. Тираж 2662. Заказ 3334.
Цена номера в розницу 21 400 руб.
Журнал «Нёман» зарегистрирован в Министерстве информации Республики Беларусь.
Регистрационный № 11 от 22.08.09 г.

Юридический адрес: 220013, Минск, ул. Б. Хмельницкого, 10а.
Почтовый адрес: 220034, Минск, ул. Захарова, 19.
Телефоны: главного редактора, заместителя главного редактора — 284-79-85;
отделов прозы, поэзии, публицистики, критики, зарубежной литературы — 284-80-91.
e-mail: neman-lim@mail.ru

Республиканское унитарное предприятие «Издательство «Белорусский Дом печати».
220013, Минск, пр. Независимости, 79. ЛП № 02330/106 от 30.04.2004 г.

Учредители — Министерство информации Республики Беларусь;
общественное объединение «Союз писателей Беларуси»;
редакционно-издательское учреждение «Издательский дом «Звязда»

СЕРГЕЙ ТРАХИМЁНОК

*Геном Ньютона**

Повесть

«Если в четырех концах города с двухмиллионным населением с абсолютно разными людьми происходят совершенно разные вещи, то опытный читатель, конечно же, предположит, что все как раз наоборот и эти события, несмотря на свою непохожесть, тесно связаны между собой. И будет прав, потому что у писателя нет возможности описывать линии судьбы всех людей, живущих в данном городе. И если уже он выбрал только этих, то для чего-то они писателю понадобились.

— Так всегда происходит в книгах. В жизни же все иначе, — скажет тот, кто умеет читать, но не является читателем.

И будет неправ, потому что в жизни как раз все так плотно соотносится друг с другом, что является неразрывным целым. И любое событие, происходящее с конкретным человеком, связано посредством среды, как с самой средой, так и с ее отдельными элементами и, прежде всего, элементами одного рода. А раз речь идет о конкретном человеке, с которым сие событие произошло, то таковыми являются другие люди.

Поэтому нет нужды спрашивать по ком звонит колокол. Он звонит по тебе.

Но наш разум похож на гаишника, который может только «отнимать и делить». И в его представлении все выглядит случайным и не имеющим связей с другими событиями...»

Так рассуждал Петр Налыгов, молодой ученый-физик, завязывая шнурки на кроссовках, перед тем как выйти из квартиры на утреннюю пробежку. Рассуждал, не предполагая, как он близок к тому, что называется истиной.

Петр вышел из подъезда, бросил взгляд на дорожку, которая вела от подъезда к соседнему дому, огибала его и выходила к тыльной стороне парка. Потом демонстративно согнул ноги в коленях и лениво побежал в сторону от своего подъезда.

Углубленный в свои рассуждения, он не заметил, что на лавочке возле соседнего подъезда, несмотря на раннее утро, сидит довольно прилично одетый человек и делает вид, что не замечает Налыгова.

Когда Налыгов скрылся за соседним домом, человек набрал номер мобильника и произнес.

— Он вышел.

— Он только вышел или уже ушел? — переспросил его голос, искаженный микрофоном мобильника.

— Уже ушел, — сказал раздраженно человек, поднимаясь со скамейки.

---

* Журнальный вариант.

* * *

Владик Морозов, бывший лектор общества «Знание», а ныне респектабельный сотрудник консалтинговой фирмы «Форес» пил кофе.

Владик был похож на старого мальчика. Так как сохранил свои волосы и даже прическу «под битлз», правда, волосы эти были уже не иссиня-черными, как тридцать лет назад, а напоминали соль, перемешанную с перцем.

Как многие историки, он до девяностых специализировался на проблемах научного коммунизма. После девяностых заделался политологом и специалистом по гуманитарным технологиям. Отдать должное, Владик, несмотря на свой солидный возраст, а было ему слегка за пятьдесят, всегда был на коне.

Он был первым в рядах застрельщиков и строителей коммунизма и активно тянул туда сомневающихся. Затем переместился в первые ряды строителей капитализма. И также активно стал агитировать окружающих за переход на рельсы рыночных отношений.

Один из его коллег по истфаку говорил, что Владик — реальная иллюстрация известного афоризма о том, что истинный коммунист может и должен колебаться вместе с линией партии, а капиталист — вместе с парадигмой социального развития. Такой модный околонаучный оборот появился на рубеже девяностых. Правда, потом он канул в Лету, оставив после себя только анекдот.

Встречаются два слесаря.

— Ты что, с женой разводиться задумал? — спрашивает один другого в девяностые годы.

— Да.

— А почему?

— Мне ее парадигма не подходит, — отвечает второй.

Обладал Владик и хорошей памятью, не только цитировал наизусть Маркса, Энгельса, Ленина, но и помнил всех своих вольных и невольных обидчиков. То есть был злопамятным.

Вчера, например, он полемизировал в бывшем обществе «Знание» с физиком Налыговым, и тот нелестно прошелся по поводу пафосности его речей. Тем самым сразу попал в черный список, который Морозов составлял в своей душе. Именно душе, а не уме. Потому, что ум холоден, а душа горяча, и к ней лучше прикипает все плохое.

Вспомнив о вчерашнем споре с молодым выскочкой-физиком, он еще раз пережил несколько неприятных секунд. Перед ним возник образ оппонента — скуластое лицо, большие очки.

— Ботаник, — вслух обозвал оппонента Морозов.

Он и хотел было продолжить заочное унижение вчерашнего визави, но... тут раздался звонок в дверь.

Разумеется, это не могли быть люди с улицы, поскольку в данном случае сработал бы домофон. Владик поднялся из-за стола, прошел к дверям и выглянул в волчок. Увидев хотя и искаженные линзой вполне приличные физиономии двух рабочих в комбинезонах от ЖЭКа, он открыл дверь. Но пока он дверь открывал, рабочие успели напялить на головы шерстяные маски. И это настолько шокировало Морозова, что он даже не сделал шага назад, когда ему сунули в нос мокрую тряпку и стали считать.

— Раз, два, три...

На цифре семь его сознание помутилось, он отключился и уже не видел и не слышал, как его аккуратно поместили в большой мешок для мусора, понесли вниз по лестнице.

Вся эта операция заняла не больше четверти минуты. И все было бы нормально, но похитители не знали, что в спальне у Морозова нежилось в постели не совсем юное создание по имени Лена Копчикова. Как только за похитителями захлопнулась дверь, она вскочила с постели, подбежала к окну и выглянула во двор. «Рабочие» погрузили мешок из-под мусора в багажник машины, сели в нее, машина тронулась. А Лена побежала искать бумагу и ручку, чтобы записать номер машины, на которой увезли ее возлюбленного.

* * *

Арсений Вартов — следователь по особо важным делам городской прокуратуры, в юридическом простонародье — важняк, ехал на работу, когда ему позвонила подруга Морозова Лена и сообщила о похищении.

— Ты номер запомнила? — спросил он ее.

— Да, ответила та, — сейчас продиктую.

— Не надо, я за рулем, я и так нарушаю правила, сбрось мне эсэмэской.

— Ты их поймаешь?

— Разумеется.

Вартов ставил машину на стоянку возле дома номер 38 по улице Раковская, когда мобильный его слабо пискнул. Это Лена сбросила ему информацию о номере машины.

С Морозовым Вартов был знаком со студенческих времен. В конце восьмидесятых они были комсомольскими активистами, правда, в профессионалы комсомольской работы не пошли.

В девяностые их дороги разошлись, зато потом, после того как мир отметил странный рубеж под названием «миллениум», сошлись снова.

И Вартов, и Морозов развелись со своими женами. Однако причины этого были разные. Жена Вартова так и не дождалась карьерного взлета своего мужа. А Владик в какое-то время сломался и стал крепко пить. Потом он, правда, завязал, но это было потом.

Через пару лет после своих разводов они вдруг встретились на утреннике в одном из детских садиков, куда пришли к своим внукам.

Как известно, деды любят внуков больше, чем детей. Поскольку у них одни и те же враги. Это дети — для дедов и родители — для внучат. И именно на этой фундаментальной основе возродились приятельские отношения Вартова и Морозова. И не только возродились, но и стали развиваться. Вартов приглашал Морозова к себе на дни рождения, а Морозов представил Вартова своей очередной пассии — Лене Копчиковой. Яркой брюнетке, впрочем, скорее всего, крашенной, поскольку при иссиня-черных волосах на ее лице явственно просматривались рыжие веснушки.

Морозов, отойдя от неумеренного употребления алкоголя, впал в другую крайность, стал трезвенником и начал крутить романы с молодыми женщинами.

— Сие дает мне силы для некоей сверхзадачи, ради которой я пришел на эту Землю, — напыщенно говорил он Вартову.

Вартов благосклонно относился к этой слабости, а может быть, силе приятеля. Профессия научила его квалифицировать деяния, но не оценивать людей. Его нельзя было склонить к союзничеству сообщением о том, что кто-то его, Вартова, не любит. Или кто-то его, Вартова, назвал... Вартову было плевать, как его называют. Единственное, чего он не любил, это когда его называли Сеней. Но никто из окружения об этом не догадывался.

Поднявшись на четвертый этаж и войдя в свой кабинет, Вартов списал номер с мобильного телефона в записную книжку и позвонил коллегам из милиции.

Уже через четверть часа он знал, что данный номер принадлежал машине, которая разбилась полмесяца назад вдребезги. Машина, как утверждали гаишники, не подлежала восстановлению. Но, видимо, номера сохранились, и кто-то толкнул их налево.

Ситуация была тупиковой для любого нормального человека. Но не для Арсения Вартова.

Он узнал из телефонного справочника, что улица, на которой жил Морозов, значится за Фрунзенским УВД, сообщил в секретариат, что будет именно там, и поехал во Фрунзенское управление к начальнику следотдела.

* * *

Налыгов перепрыгнул через разрушенный забор с тыльной стороны парка и углубился в одну из аллей, как некто приличного, совсем не бомжеватого вида, выскочил из кустов и бросился ему под ноги. Споткнувшись о неизвестного, Налыгов упал и потерял очки. В это время на голову Петру надели мешок, несколько сильных рук подхватили его и затолкали в багажник машины.

— Очки подбери, — произнес мужской голос. — И это было первое и последнее, что он слышал, во время всей манипуляции с ним.

Далее машина тронулась с места. Об этом молодой физик догадался по тому, как его трясло на гравии парковых аллей, а потом стало вполне сносно, потому что автомобиль поехал, скорее всего, по асфальту улиц, время от времени останавливаясь у светофоров.

Вскоре остановки стали реже, а потом и совсем прекратились.

— Твою дивизию, — выругался Налыгов, понимая, что его вывозят за город.

Налыгов собрался и стал считать минуты проезда, полагая, что за городом автомобиль движется в среднем со скоростью девяносто километров в час, и, если подсчитать время, можно установить, насколько далеко его увезут.

Федор Щекин, в прошлом уголовный авторитет, имевший в молодости погоняло Зяблик, а ныне добропорядочный бизнесмен, чуть-чуть не дотянувший до звания олигарха, а посему не попавший на страницы журнала Форбс, просматривал прессу.

Был Федор мал ростом, нарочито нетороплив. Говорил тихо, но именно в этой неторопливости негромкой речи чувствовалась некая скрытая и скрываемая энергия, которой ее обладатель мог воспользоваться в любой момент.

Он сидел в кресле в шелковом халате. На стеклянном столике перед ним лежали газеты и стояла чашка кофе.

По утрам он никогда не пил чай, а когда его спрашивали о причинах этого, загадочно улыбаясь, произносил:

— Были времена, когда я его употреблял в большом количестве. Так что я выпил отведенный мне лимит.

Однако Федя лукавил. В колониях он был в конце восьмидесятых, когда чай уже не был валютой на зонах, и им не измерялось благосостояние и возможности сидельцев. Не то, что в шестидесятых, когда в сибирских лагерях пачка грузинского была эквивалентна паре валенок, а валенки могли приравниваться к стоимости жизни их владельца.

Зачем Федя читал газеты? Наивный читатель скажет, что он просматривал биржевые новости, котировки валют и прочей чепухи, которая так важна всем финансовым воротилам на западе. Ничего подобного. Федя смотрел в них последнюю страницу с анекдотами, казусами и кроссвордами.

Всем остальным в его бизнесе занимались клерки, которых он нанял для работы, а также клерки, которые контролировали первых клерков. Но это же самый проигрышный вариант организации бизнеса, скажет продвинутый читатель. Потому что и первые, и вторые не заинтересованы в умножении капитала собственника, однако и тут он ошибется. Потому что Федя, при абсолютной своей финансово-экономической безграмотности, обладал редкой способностью видеть своих работников насквозь и время от времени устраивать показательные чистки, которые сдерживали аппетиты наиболее рьяных мечтателей поживиться на халяву деньгами Феди.

Впрочем, Федя всегда очень тонко намекал окружающим, что он всего лишь смотрящий за деньгами, а на самом деле это деньги вовсе не его. А...

Это тоже сдерживало всех желающих поживиться тем, что имел Федя. Поскольку индивидуальный собственник может простить некий финансовый грешок подчиненного, собственник же коллективный не имеет человеческих чувств да слабостей и беспощаден как Страшный суд.

У Феди было двое сыновей. Один из них старший... нет, не сидел в тюрьме, но почему-то все время туда стремился. И папаше стоило больших усилий все время выручать его.

Младший же, надежда Феди, учился в Лондоне в некоей закрытой школе и именно на него Федя возлагал большие надежды. Полагая, что пуританская обстановка Англии и такое же воспитание позволят сыну не повторить фединых ошибок молодости.

В кармане халата зазвонил мобильный телефон:

— Все в порядке, шеф, — произнес искаженный мембраной голос.

— Сделайте выдержку и начинайте работать, — ответил Федя. — Доклад по мере важности...

— Все понял, шеф, — ответил начальник службы безопасности и отбился.

Машина остановилась, Налыгова вытащили из багажника, завязали глаза и повели куда-то вниз по ступеням. Шли они недолго. Вскоре на его плечо положили руку, знак того, что он должен остановиться. Налыгов услышал, как скрипят несмазанные петли какой-то двери, и в следующий момент с него стащили повязку, надели на нос очки и втолкнули в камеру.

То, что это была именно камера, а не комната, Налыгов определил сразу, хотя никогда в камерах не был. Но он был парнем начитанным и знал, какими бывают камеры. Здесь все было обустроено классически. Обитые железом двери с волчком и кормушкой. Тусклая лампочка в углу. Двухъярусные нары у одной из стен. Стол и табурет у другой, а также сантехническое устройство, которое вопреки всем санитарным нормам было рядом с раковиной для умывания.

Разумеется, первое, что сделал Налыгов, это развернулся, чтобы посмотреть на тех, кто его привез сюда. Но дверь захлопнулась, не позволив ему сделать это.

Налыгов обошел камеру, ощупал стол и табурет на предмет их надежности. Он даже поискал на стенах надписи, которые могли пролить свет на все, что с ним произошло. Но стены были чисты. Правда, на обратной стороне верхних нар было вырезано ножом слово «Зяба». Что оно означало, было непонятно.

Исследовав все, что можно было исследовать, Петр уселся на нижние нары и стал подводить некоторые итоги последних событий.

Итак, его похитили. Это ясно. Какая цель похищения — предположить трудно. Он не олигарх и выкуп за него никто платить не будет.

Вселяло надежду несколько моментов или, как сказал бы его научный руководитель, факторов.

Во-первых, ему завязали глаза. Значит, не хотят, чтобы он видел похитителей, а также место, куда его привезли. Это тоже говорило за то, что его рано или поздно отпустят. Во-вторых, с ним обошлись довольно мягко, если не сказать большего, вообще по-джентельменски. Что тоже способствовало некоему успокоению.

Был и третий фактор: а не розыгрыш ли это его коллег?

Хотя времена кэвээновских розыгрышей прошли лет двадцать назад, а то и более.

Да и не в силах его коллеги организовать такое похищение.

Осознав, что в своих рассуждениях он все равно дальше, чем есть, не продвинется, а для того, чтобы продвинуться, нужна дополнительная информация, Налыгов улегся на нары и стал ждать этой информации. А то, что она появится, он не сомневался.

Морозова везли долго. А может, это ему только показалось. Один раз похитители даже останавливались и раздвинули молнию на мешке, которой он был зашпилен. Но похитителей он не видел, так как лежал на боку. Просто он почувствовал, как чья-то рука пощупала у него пульс на шее. При этом тестирующий удовлетворенно хмыкнул, осознал, видимо, что похищенный не врезал дуба.

Всю дальнейшую дорогу Морозов ничего не предпринимал, чтобы сориентироваться в обстановке, не считал минуты, дабы потом прикинуть, как далеко увезли его от города. Он просто тихонечко скулил, хотя особых причин для этого не было. С ним обошлись корректно и даже в багажнике положили не на голое железо, а на какую-то попону.

Почему он думал, что это попона? Наверное, по тому неприятному запаху, который исходил от подстилки. По мнению Морозова, так должны пахнуть именно попоны, которые какое-то время были на вьючных животных, а потом стали подстилками, в том числе и в багажниках современных автомобилей.

Когда машина остановилась, кто-то открыл багажник, вытащил Морозова из него, а потом и из мешка для мусора.

Ему не стали завязывать глаза, а тихо приказали, чтобы он их закрыл. И Морозов честно выполнил приказание.

От этого тихого голоса он пришел в ужас.

Он с детства боялся таких приказаний и угроз, потому что жил в «элитном» доме, построенном на Грушевке. Это был первый дом будущего многоэтажного квартала. Но почему-то другие дома строились медленно, и их пятиэтажка долгое время была окружена частным сектором, в котором, как говорили его родители, жили окраинные бандиты.

Впрочем, сами бандиты имели вполне приличный вид, не ходили шайками, работали в локомотивном и вагонном депо, да и Владику не делали ничего плохого. А вот их дети испытывали истинное наслаждение, поймав его одного по дороге домой или из дома. Один из их предводителей, имевший кличку Зяблик, никогда не кричал. Он тихим голосом, почти шепотом, приказывал Владику измерить спичкой ширину улицы. А потом также тихо требовал озвучить результат. После чего уже более громко сообщал окружению.

— Молодец, умный мальчик, хорошо считает.

Потом он давал Владику пинка, и они расставались до следующей поимки.

Собственно о чем-то подобном может поведать любой современный интеллигент, живший в многоквартирном доме рядом с домами частными. На языке ученых гуманитариев это называется социализацией. И в этом нет ничего удивительного.

Удивительным было то, что день, когда его снова поймают окраинные для проведения математических экспериментов, Морозов чувствовал заранее. Накануне он начинал испытывать неприятный холодок под ложечкой. Но мер к бегству и спасению не предпринимал. То ли тихий вкрадчивый голос Зяблика завораживал его, как взгляд удава завораживает кролика. То ли он, как хронический больной, знал, что у него будет какое-то время для нормальной жизни после очередного приступа болезни, и ждал наступления этого приступа. И действительно, после очередной поимки на какой-то период Морозов становился неинтересен для окраинной шпаны.

Так продолжалось довольно долго. Но самое удивительное было то, что со временем он не только притерпелся ко всему этому, но и стал испытывать желание вновь услышать нарочито вкрадчивый голос Зяблика. Да и Зяблик перешел с ним на более мягкие формы взаимоотношений. Во всяком случае, пинка Владик уже не получал и все ограничивалось измерением длины находящихся на улице предметов сначала спичкой, а потом сигаретой. Что было гораздо удобнее, потому что сигарета длиннее и процедура заканчивалась быстрее.

Морозова привели в подвал, он понимал это, поскольку идти пришлось по лестнице, ведущей вниз, остановили перед какой-то дверью и втолкнули в помещение.

Послышался лязг задвижки, но Морозов глаза не открыл, потому что не получил команды от вкрадчивого голоса «конвоира».

* * *

Вартов приехал во Фрунзенский РУВД, поднялся на второй этаж к начследу. С ним он был шапочно знаком.

Нельзя сказать, что начслед обрадовался появлению Вартова, но и не огорчился особенно. В жизни все может быть, сегодня ты полезен прокурорскому важняку, завтра он окажет услугу тебе. Чего еще от жизни желать.

Начследа звали Виктор, был он в звании майор. Кабинет его выглядел игрушкой. Что могло свидетельствовать только об одном: он любит свою должность и даже «тащится» от нее.

— Чем могу? — сказал начслед после дежурных приветствий.

— Друга у меня похитили, — ответил Вартов.

— Похитили или он пропал?

— Похитили.

— Сему есть свидетели?

— Да, его гражданская жена, — произнес Вартов, несколько повысив статус Елены в глазах начследа.

— Сожительница? — отреагировал на это начслед.

— Пусть будет так.

— Она может сделать заявление?

— Может, но стоит ли ее трогать. Она, скорее всего, не в курсе, что происходит. Это, во-первых, а во-вторых, может направить нас по ложном следу.

— Она...

— Нет, у нее представление о наших возможностях из женских детективов. Есть и в-третьих, но это только предположение.

— И какое же?

— Все это некая ошибка. Морозов не олигарх, он консультант в некоей консалтинговой фирме. Пятое колесо в телеге, как раньше говорили.

— Но мы не можем начать расследование об исчезновении кого-либо, если он не отсутствует хотя бы три дня.

— Это тогда, когда он просто исчез. Но в данном случае у нас есть... Будут показания свидетеля о том, что его поместили в мешок и затолкали в багажник машины.

— И все равно в этом случае нет оснований для возбуждения уголовного дела. Возможно, это ей показалось или у них неприязненные отношения. И она решила таким образом подставить своего сожителя... Нужно еще что-нибудь...

— Ты скажи еще, что это чья-нибудь шутка.

— Ну, я так не скажу.

— Да я и сам понимаю, что нужно еще что-нибудь, но у вас есть возможность начать проверку факта до возбуждения уголовного дела... Возможно, к тому времени все разрешится или, во всяком случае, проявится.

— Каким образом? — спросил начслед, он все больше входил в роль надзирающего за законом и законностью проведения следственных действий. — Мы обнаружим его труп?

— Нет, возможно, он вернется, так как похитители убедятся, что взяли не того и его отпустят...

— Если похитители ребята серьезные, что его отпускать... Грохнут, чтобы проблем не создавал.

— Если они ребята не совсем отмороженные, то они так не поступят. Но если истинные отморозки, это как раз возможно.

— Хорошо, — согласился начслед. — Мы можем начать проверку, но пусть первым материалом в ней будет объяснение этой дамы.

— Да нет проблем, — ответил Вартов. — Я сейчас ей позвоню.

— Прекрасно, — сказал начслед. — Я сам этим займусь, потому что моим подчиненным надо будет долго объяснять, для чего все это делается.

Вартов согласно кивнул. Он чувствовал себя неловко в роли просителя. Обычно при контактах с милицейскими коллегами все было наоборот.

— Чего прижмурился? — раздался до боли знакомый голос. — Можешь открыть глаза и убедиться, что ты не в раю.

Морозов открыл глаза. Он стоял в некоем помещении, больше похожем на тюремную камеру. Здесь чувствовался еще более отвратительный запах, чем от той попоны, на которой он лежал несколько минут назад. Но самое отвратительное было то, что на нарах этой камеры, на правах хозяина в позе лотоса сидел его недавний оппонент Налыгов. Такое Морозову и в страшном сне присниться не могло.

— Ты как тут оказался? — спросил Морозов.

— Знаете, коллега, — начал говорить Налыгов, поправил очки и позэковски оттопырил нижнюю губу, — я расскажу вам, как я здесь оказался. Иду я по улице, никого не трогаю. И вдруг вижу шильду, на которой написано — тюрьма. Дай, думаю, зайду... Вот так я здесь оказался.

— Ну хватит ерничать, обстановка не располагает к таким шуткам. Так как все же ты тут оказался?

— Предполагаю, что, так же как и ты, — ответил Налыгов, нарушив некие правила ведения научной полемики, обратившись на «ты» к оппоненту, который почти вдвое старше его по возрасту.

Морозову стало неловко, что он, проживший на свете более пятидесяти лет, растерялся в означенной ситуации и ведет себя не так уверенно, как Налыгов. Он прошел к нарам и попытался сесть.

— Стоп, — сказал на это Налыгов, — а где разрешение?

— Разрешение на что?

— Разрешение пройти и сесть на чужие нары, ты что, первый раз в тюрьме?

— Первый, — ответил Морозов.

— Ну тогда слушай, что тебе говорят старые сидельцы. Если уж ты попал в камеру, то должен представиться.

— Зачем? — спросил Морозов, все более теряясь от уверенного и бесцеремонного тона молодого сокамерника.

— Затем, чтобы старожилы поняли, что ты такой же сиделец, а не подсадная утка вертухаев.

— Кого?

— Вертухаев.

— И кто такие вертухаи, и причем здесь утка?

— На охоту ездил? — спросил Налыгов, продолжая упиваться собственным превосходством над Морозовым.

— Ну да.

— Так вот, подсадные утки — это предатели, которые заманивают на озеро пролетающих сородичей.

— Петя, да ты же меня знаешь.

— Я тебя знал там, на воле, — продолжал куражиться Налыгов, — а здесь другое дело. Как ты оказался здесь?

— Не знаю.

— То-то.

— И что мне делать дальше? — спросил Морозов, чувствуя, что голос его начал дрожать.

Почувствовал это и Налыгов и сбавил обороты.

— А ничего, залезай на верхние нары и думай, какого черта кто-то нас свел в одной камере.

— А почему на верхние. Я все же старше тебя...

— Ты старше меня по возрасту, — ответил Налыгов, снова входя в роль пахана, — а я старше тебя по пребыванию здесь.

Тут Морозов уловил неискренность в аргументах Налыгова.

— И на сколько старше?

— На целый час, — расхохотался Налыгов, — садись на нижние, а я пересяду на табурет и обсудим сложившуюся ситуацию.

— Давай, — согласился Морозов, — с чего начнем?

— Начнем с того, что я объясню тебе, кто такие вертухаи.

Начслед допрашивал Лену Копчикову. Впрочем, правильнее сказать опрашивал, поскольку люди, знакомые с УПК, знают, что допрос — следственное действие и до возбуждения уголовного дела его проводить нельзя. Но кто может возбранить проводить его по существу, называя допрос опросом.

К тому же опрашиваемый не видит в этом разницы и не возмущается, когда его предупреждают об ответственности за дачу заведомо ложных показаний, чего делать в соответствии с тем же УПК тоже нельзя.

Но начслед именно так и начал, приведя этим Елену в состояние психологического ступора. Затем, внутренне чертыхаясь, он вопросами «об овощах, неких человеческих органах и пряниках» вывел ее из этого состояния и начал собственно опрос. В ходе него он выяснил все подробности жизни Морозова, но ни на сантиметр не приблизился к разгадке причин его похищения.

Тогда ему ничего не оставалось, как задавать вопросы по второму кругу.

И тут сработал механизм, который заложен в каждом из нас, заложен с детства, потому что в детском саду или школе, а то и институте, воспитатели и преподаватели частенько спрашивают провинившегося:

— А что тебе мешало или почему ты поступил так?

Этим они вольно или невольно подталкивали провинившегося к придумыванию ответа. Причем в этом были заинтересованы обе стороны. Сторона, грозно спрашивающая, торопилась закончить процедуру воспитания и заняться более приятными делами. А сторона, воспитываемая, лихорадочно искала любые причины, лишь бы воспитатель быстрее отцепился.

Так вышло и с Леной. Осознав, что от нее требуют, она поправила правой рукой прическу в стиле женщины-вамп и на вопрос:

— Что известно вам об угрозах Морозову со стороны других лиц?

Ответила:

— Да, ему угрожали.

«Слава богу, — подумал начслед, — хоть что-то есть».

— Кто? — спросил он

— Его бывшая жена.

А далее начслед безуспешно пытался перевести разговор в другое русло. Лену как воду в прорвавшейся плотине было уже не остановить.

— Вы знаете, это страшная женщина, когда я ее увидела первый раз, я поняла, что она способна на все.

— В чем это выражалось? — слабо сопротивлялся следователь.

— Как в чем, — обиженно произнесла Лена, — во всем.

— М-да, — сказал начслед, — но могла ли она похитить Морозова таким образом?

— Вполне!

— Почему вы так считаете?

— Вы ее не знаете. Она на многое способна. Вы посмотрите, какие у нее глаза. Это глаза убийцы...

И Лена стала рассказывать о том, какая сволочь бывшая жена Морозова.

— Ну не сама же она это сделала, — прервал ее начслед.

— Ну да, — согласилась Лена, — она наняла убийц.

— То есть исполнителей?

— Да, — уже совсем безапелляционно ответила Лена. — Она...

— У нее есть средства нанять исполнителей такого уровня? — перебил ее начслед.

— Какого уровня? — не поняла Лена.

— Которые отважились бы прийти в квартиру к чужому человеку и усыпить его, а потом увезти средь бела дня на машине?

— Конечно, если бы вы ее видели.

— Но какие у нее для этого были причины?

— Но это же козе понятно, — сказала Лена, — все это лежит на поверхности. Дети выросли, алименты выплачены, вот она и решила ему отомстить.

— Вы это предполагаете или есть какие-то факты, которые...

— Разумеется, она иногда звонила ему по телефону и, по-моему, угрожала.

— Конкретно, желательно дословно, что она ему говорила? И какое время прошло с момента этих угроз или разговоров?

— Ну откуда я знаю, что она ему говорила. Дословно не знаю, а судя по интонациям и тому, что он расстраивался после этих разговоров...

Задав еще несколько вопросов, начслед понял, что Лена окончательно отошла от некоего шока, поймала за хвост птицу «свидетельской удачи», эксплуатировала ее на полную катушку и далее будет делать то же самое.

Надо ли говорить, что это ничего не дало начследу.

— А номер машины вы запомнили или записали? — спросил он.

Лена поскучнела и еще раз пересказала, как она увидела номер, как повторяла его, пока искала ручку, как боялась забыть... Как понимала, что это главная улика, которая может помочь найти похитителей.

* * *

Итак, — произнес Налыгов, — мы имеем уникальный случай, когда два совершенно незнакомых человека, которые до этого виделись один раз, да и то на некоем подобии научного диспута, вдруг похищаются бандитами и помещаются в одну камеру. Возникает вопрос: зачем?

— Ты уверен, что мы похищены бандитами? — спросил Морозов и опасливо оглянулся. Ему показалось, что он снова стал пятиклассником и где-то здесь за стенами их «тюрьмы» находится его мучитель Зяблик, — на дворе две тысячи десятый, а не лихие девяностые.

— Уверен. Ведь если бы нас взяли органы, они не стали бы шифроваться. Предъявили бы ксивы, посадили бы в воронок, привезли бы в отделение и так далее.

— А ты откуда все это знаешь? — спросил Морозов.

— Книжки разные читал, — ответил Налыгов, — а ты думал я по статье чалился[1]?

— Чего?

— Ладно, проехали, не будем отвлекаться. Я вот что подумал, ты где-то влетел и тебя замели. Но я-то тут при чем?

— А мне кажется, что влетел ты, а ни при чем тут я, — искренне обиделся Морозов.

— Да, дела, — произнес Налыгов, — впрочем, у меня есть одна мысль.

— Хорошо, что одна, — съязвил еще не совсем проглотивший обиду Морозов.

— Ладно, не обижайся, на обиженных воду возят.

— Почему именно воду?

— Не отвлекайтесь, коллега. Иначе я спрошу вас, почему вы так остро отреагировали на мое высказывание о мысли. И почему хорошо, что она, то есть мысль, единственная?

— Потому что, в противном случае, ты бы растекся ими, мыслями, по древу, как делал это в нашей полемике.

— Коллега, вы должны придерживаться этических норм ведения дискуссии, — сказал Налыгов. — Я обращаюсь к вам на «вы», вы же мне «тыкаете». Еще раз напомню, что я старожил данных мест, не столь отдаленных...

— Ладно, я неправ, но какая мысль тебя, то есть вас, посетила?

— Я, конечно, мог стать в позу и потребовать сначала высказать мысль с вашей стороны, но не буду этого делать, дабы не уподобляться хреновому оппоненту, у которого за душой ни одного аргумента, а только надутые щеки.

— Что?

— Щеки.

— Слушай, у меня тоже появилась мысль, но я выскажу ее после того, как ты изложишь свою, — произнес Морозов, внимательно рассматривая вырезанную на досках верхних нар надпись «Зяба».

— А почему я должен делать это первым?

— Потому, что ты, то есть вы, вызвался сделать это несколькими минутами ранее. Щеки, щеки...

---

[1] Чалиться (жаргон) — отбывать срок по уголовной статье.

— Логично, — согласился Налыгов, пропустив мимо ушей факт упоминания Морозова о щеках.

Федя Щекин после «чтения утренних» газет посмотрел новости по телевизору, а затем вызвал к себе начальника службы безопасности.

— Ну и что они говорят? — спросил он.

— Пока ничего, мелют чепуху.

— Чепуху нужно фильтровать, любезнейший. Дай мне запись, — сказал Щекин.

Сомнение босса относительно его способностей покоробило начальника службы безопасности. Тем не менее, он не высказал неудовольствия явно.

— Сейчас позвоню.

— Не надо звонить, — раздраженно ответил Щекин, — принеси сам.

Начальник пожал плечами и вышел.

А Федя взял в руки пульт и снова включил телевизор. Но на этот раз на экране появились не кадры мировых новостей, а коридор подвала его «замка». По нему шел начальник службы безопасности и ругался. И хотя слов не было слышно, нетрудно было понять, что его недовольство направлено на босса.

Щекин едва уловимо ухмыльнулся.

Начальника своей службы Рощупкина он подобрал в конце лихих девяностых из числа бывших военных.

Правда, сначала тот отпахал несколько месяцев личным охранником. И уж потом после деликатного исполнения нескольких поручений, стал сначала старшим в смене телохранителей, а потом уже и начальником «эсбэ». Тогда у Феди было две смены личных телохранителей и охрана на всех объектах его недвижимости.

Перед тем как назначить Рощупкина начальником, Федя, как настоящий кадровик, изучил его биографию.

Андрон Николаевич Рощупкин, как многие люди, прошедшие школу военного училища, обладал одним интересным достоинством. Он был готов работать день и ночь и положить на первые годы военной карьеры почти все, чтобы потом, взобравшись по ее лестнице на довольно высокую ступень, уже не тратить своего ресурса на то, что делал ранее.

— Ничего удивительного, — говорил Рощупкин своим подчиненным по службе у Щекина. — В армии лейтенант должен уметь делать все, полковник должен сам найти в документе место, где поставить подпись, а генерал должен уметь эту подпись поставить в том месте, где ему укажут порученцы.

Несмотря на то, что он хорошо усвоил этот шутливый афоризм, военная карьера Рощупкина не задалась. Он не склонен был тянуть лямку службы в поле, а все время стремился к нестроевым должностям, но и там быстро понял: взлететь на высоту, с которой он будет только подписи ставить, ему уже не удастся.

Подав рапорт, он ушел из армии.

Оказавшись на гражданке, Рощупкин ужаснулся тому, что здесь надо было самому обеспечивать себе кусок хлеба. И тогда он пошел в телохранители к Щекину.

Как человек сообразительный, Андрон вскоре понял, что время «синих» исполнителей и охранников подходит к концу. Во-первых, потому что их отчасти повыбили, во-вторых, они дискредитировали себя, и уже мало кто хотел пользоваться их услугами. Но самое главное, их боссы сами старались дистанцироваться от них, выдавая себя за вполне законопослушных деятелей бизнеса. Они переоделись из спортивных костюмов в твидовые

пиджаки и даже смокинги, завели семьи и детей, что строжайше было запрещено делать честным ворам и тем, кто стремился попасть в уголовные авторитеты. А далее, дело вообще невиданное, послали своих детей учиться за границу.

И Рощупкин занял свое место в иерархии тех, кто обеспечивает жизнь денежным людям. Было не столько уж важно, бывшие это комсомольские работники, дети партийных функционеров, или бывшие уголовные авторитеты. Главное, что эти должности хорошо оплачивались.

* * *

— Так вот, — сказал Налыгов, — единственным звеном, которое нас объединяет и одновременно разъединяет, есть тот диспут, на котором мы, как два пацана, едва не порвали друг друга.

— Ты полагаешь?

— Да, именно так полагаю.

— И что нам от этого?

— Ничего, если не пойти дальше. Кто затащил тебя на это мероприятие?

— Референт этого общества Клавдия Михайловна.

— И меня тоже. Но вряд ли она может пролить свет на наше похищение. А вот почему она пригласила именно нас?

— Ну, тут все просто. Она сторонник работы по-новому. Точнее, к этому ее подвигает молодое начальство. «Ищите новые методы работы», — говорит она. И если ранее Михайловна просто приглашала лекторов, то теперь этого явно недостаточно, и она, чтобы заинтересовать слушателей, устраивает что-то вроде споров.

— Так, — сказал Налыгов, — значит, она знала, что у тебя ортодоксальный взгляд на этого человека, а у меня адекватный.

— Ты хочешь сказать, что ортодоксальный не есть адекватный.

— В определенной мере.

— Ну ты даешь.

— Не больше, чем ты. Ну ладно. Давай вернемся к тому вечеру. Ты взобрался на трибуну и стал, как обычно, вещать о том, какой гениальный это был человек.

— Нет, я достаточно опытный оратор, чтобы не начинать лекции так примитивно. Слушателя нужно заинтересовать, и я применил прием, который когда-то вычитал у одного из хороших ораторов прошлого века.

— А, так это не ты придумал?

— Нет, не я. Но я знал, что он родился недоношенным, однако, честно признаюсь, я не додумался бы до такого сравнения.

— Ага, мало того, что он плагиатор, он еще недоношенным родился, — произнес Налыгов.

— Ты сбиваешь меня.

— Ну, хорошо, не буду.

— Так вот, я начал традиционно, сказал, что 25 декабря 1642 года в местечке Вулсторп, графства Линкольншир, королевства Англия в семье фермера средней руки родился мальчик, такой маленький, что его можно было искупать в пивной кружке.

— Ну да, а потом ты начал говорить о тяжелом детстве.

— Но я ничего не придумал, так говорят источники.

— Так говорят стереотипы, а вы, как попугаи, их повторяете, — сказал Налыгов и окончательно перешел на «ты». — Ты же вроде ученый гуманита-

рий, а все время попадаешься на удочку пропаганды. Впрочем, гуманитариям это свойственно.

— А не гуманитарии от этих ошибок избавлены. Так?

— Нет, но болеют ими гораздо реже.

— Это почему же?

— Потому что для сфер, где работают естественники, чаще всего характерны так называемые функциональные связи, а не корреляционные.

— Ты противоречишь сам себе. Выходит, гуманитарии просто находятся в других условиях. И поэтому с позиций естественников ошибаются чаще. Объективно, в силу того, что предмет их исследования в большинстве своем имеет внутри себя больше корреляций.

— Тебе никогда не приходило в голову, что в науке люди, выявляющие некие законы и закономерности, не знают, что они открыли, потому что открытие есть, а критериев, это подтверждающих, нет. И проходит время, сто и более лет, когда, наконец, находятся истины, подтверждающие открытие. И только тогда можно оценить и само открытие, и значительность вклада того или иного ученого в мировую науку.

Если же еще при жизни ученого превозносят до небес, а также оценивают его открытия и научный вес, все это пахнет мошенничеством.

— В определенном смысле я с тобой согласен. Но наш герой тоже понимал это и все время повторял афоризм: «Платон мне — друг, Аристотель — друг, но больше всего я дружу с истиной».

— Еще один признак мошенничества — прикрываться афоризмами известных предшественников.

* * *

Щекин оторвался от телевизора и набрал номер мобильника начальника службы безопасности.

— Зайди ко мне, — сказал он.

Рощупкин появился минут через пять, а Щекин все это время нервно ходил по кабинету и щелкал пальцами.

Когда-то во время первой своей ходки на зону он ожидал этапа в колонию около четырех месяцев. На следствии вел себя борзо и его попридержали в СИЗО, но не столько в качестве мести ему, сколько в назидание другим.

За это время он, чтобы не завыть от тоски и безделья, стал заниматься йогой по примеру одного из сокамерников.

Сокамерник уделял этому все свое время и достиг выдающихся результатов. Говорили, что после окончания срока его взял к себе какой-то цирк, и он выступал с номером человек-змея или человек-каучук.

Щекин далеко в этом деле не продвинулся, но время убил. Да еще научился при разогреве пальцев на руках оглушительно щелкать костяшками.

Щекин, которого тогда называли Зябой, получил это погоняло[1] в детстве. А на зоне считали, что наградили его им потому, что он постоянно зяб. Но все было проще. Девичья фамилия матери Щекина была Зяблик, а Щекиной она стала после замужества. Трудно понять, чем руководствуется уличная шпана при навешивании ярлыков и кличек. Но Щекин стал Зябликом, а позже Зябой. Первое время это его злило, и он бросался драться с теми, кто его так называл, но потом утих. К тому времени мать рассталась с его папашей и мудро сказала: пусть хоть горшком зовут, лишь бы в печь не ставили.

---

[1] Погоняло (жаргон) — кличка.

Уже став взрослым, Зяблик использовал свое смешное прозвище для укрепления авторитета. В мире блатных много тонкостей, которые непонятны обычным людям. Но именно они позволяют определить кто свой, а кто только имитирует принадлежность к этому профессиональному криминальному сообществу.

В вершине иерархии таких тонкостей всегда стоит прозвище, ведь оно мгновенно характеризует человека. И чем меньше в нем пафоса и гордыни, чем меньше оно ориентировано на ценности человеческого сообщества, к которому блатные относятся если не с презрением, то с полным пренебрежением, тем выше авторитет обладателя прозвища.

Настоящий блатной, по мнению воров старой формации, должен пренебрегать всеми атрибутами обычного общества, в том числе и именем, которое получил от родителей. Тюрьма, полагают они, дает более точное имя.

Научившись щелкать костяшками пальцев, Щекин делал это редко, только в минуты сильного гнева. Он всегда помнил, что именно это умение чуть не стоило ему жизни.

Пробыв в камере СИЗО четыре месяца и видя перед собой одну и ту же обстановку, одни и те же лица, в душе каждого сидельца начинает накапливаться негатив, раздражение и даже непереносимость всего, что происходит вокруг.

Раздражает буквально все: возраст соседа, если ты стар, а он молод и наоборот. Раздражает то, как он ест, ковыряет спичкой в зубах после еды. Раздражают дефекты речи, походка, храп по ночам, смех днем и даже запах его носков. А что уж говорить о необычных поступках сокамерника. Например, умение оглушительно щелкать пальцами, которым он пользуется, по мнению соседа, неумеренно часто.

И когда один из сокамерников сделал по этому поводу Зябе замечание, Зяба проигнорировал его, поскольку исходило оно от больного человека, который, по мнению Зябы, не мог причинить ему серьезного вреда.

Ночью Зяба получил в бок заточенной железной ложкой, попал в тюремный лазарет, но выжил и прямо с больничной койки ушел на этап, хорошо запомнив этот жизненный урок.

Когда в кабинете появился Рощупкин, Щекин последний раз щелкнул пальцами и ткнул рукой в телевизор.

Рощупкин за долгие годы работы со Щекиным понял, о чем идет речь, включил повтор и нарочито внимательно уставился на экран, чтобы в деталях уловить, что же вызвало недовольство начальства.

На экране появилась камера, где Налыгов вел спор с Морозовым:

«— А не гуманитарии от этих ошибок избавлены. Так?

— Нет, но болеют ими гораздо реже.

— Это почему же?

— Потому что для сфер, где работают естественники, чаще всего характерны так называемые функциональные связи, а не корреляционные.

— Ты противоречишь сам себе. Выходит, гуманитарии просто находятся в других условиях. И поэтому с позиций естественников ошибаются чаще. Объективно, в силу того, что предмет их исследования в большинстве своем имеет внутри себя больше корреляций...»

На этом месте экран потух, потому что подошедший сзади Рощупкина Щекин выключил изображение.

— Я долго буду слушать эту хрень? — спросил он у начальника службы безопасности.

— Но все идет по плану.

— По какому, мать твою, плану, они ничего не сказали...

— Они обязательно скажут, это их стиль жизни и разговоров.

— А может, сразу перейти к другим формам работы, — издевательски произнес Щекин, копируя интонации Рощупкина.

— Нужно за что-то зацепиться, а потом будут и другие формы.

— Ладно, цепляйся, но держи меня в курсе.

— Есть, шеф.

* * *

Рощупкин вернулся в свой кабинет и включил телевизор, на экране которого продолжала разворачиваться дискуссия между Налыговым и Морозовым.

Налыгов по-прежнему сидел на табурете, Морозов, чтобы было удобно, сел на нары по-турецки и вполне мог сойти за старого сидельца.

— Так вот, — сказал Налыгов, — и со временем чаще всего выясняется, что вовсе не те, на кого мы думали, были первооткрывателями. И вовсе не те, которых мы считали первыми интеллектуалами в мире науки, на самом деле являются таковыми.

— Все относительно, — вставил свои пять копеек Морозов.

— Все совершенно определенно, — ответил Налыгов, — я все исследовал, здесь проявляются те же закономерности, что и в любом стаде.

— Ну, ты мне еще Лоренца приведи в качестве авторитета.

— А кто такой Лоренц?

— Вот видишь, ты не знаешь Лоренца, а берешься судить о закономерностях стадного поведения.

— Зато я знаю Лоуренса?

— А кто такой Лоуренс?

— Вот видишь, Лоуренс — это моя кодла, — сказал Налыгов. — Так что ты меня своей кодлой не пугай.

— И все-таки любопытно, кто такой Лоуренс?

— Это английский шпион и диверсант, который вооружил арабов динамитом.

— А, отец-основатель мирового терроризма.

— Что-то вроде этого.

— Да ты действительно ученый, даже на грани жизни и смерти пытаешься набить свою голову знаниями, то есть чепухой.

— Не сбивай меня, это типичная уловка гуманитариев, если ты не знаешь ученого, который исследовал эту сферу до тебя, значит, ты не можешь в ней разобраться и делать выводы. Все не так. А сам этот принцип, нужно изучить все, что делали до тебя в науке, убийственен.

— Почему? — спросил Морозов.

— Потому что в науке есть положительные результаты, попадающие в алгоритмы закономерностей, и отрицательные. Но они какое-то время существуют рядышком без некоего подтверждения. А, следовательно, к результатам научных исследований в науке нельзя относиться, как единственно верным. Ведь, в противном случае, ты начинаешь попадать в те тупиковые ветви исследований, в которые зашли твои предшественники.

— Да причем тут тупиковые ветви. Здесь срабатывает известный прием отсева чужих и приближения к научной кормушке своих. Если ты процитировал своего предшественника, ты уже признал, что ты стоишь на его плечах. Вот и все. Но вернемся к теме нашего спора. Он мне становится интересным, потому что вы, молодой человек, несмотря на молодость и горячность, кое-что понимаете в этих процессах.

— Да, наконец-то в тюремной камере я слышу голос не мальчика, но мужа.

— Но, но, я чуть ли не вдвое старше тебя, а ты меня называешь мальчиком.

— Ладно, во имя истины беру свои слова назад. Здесь есть еще одна особенность. Если специально не провозглашать гениальность определенных ученых, то среди них не будет никакой иерархии. Потому что иерархии это объективно — человеческое лукавство, а субъективно — средство возвысить одних и опустить других.

— Ты сам до этого дошел? — спросил Морозов с едва уловимой ехидцей.

— Да, это происходит потому, что мир людей от науки можно разделить на две группы. Настоящие ученые открывают непознанные ранее закономерности. А собиратели этих открытий присваивают их. Они, как интенданты, идут вслед за авангардом, который взял или занял ту или иную территорию и пошел дальше, а интенданты грабят все, что завоевано авангардом, который уже забыл о том, что он решил определенную задачу и решает другую.

— То есть авангард завоевывает, а они присваивают. Гениально, — произнес Морозов.

— Иногда по этому поводу начинаются споры. Но и здесь авангард науке проигрывает. Потому что он нацелен на взятие новых территорий и высот, а интенданты — на присвоение завоеванного. И каждый из них спец в своем деле. Выиграть у авангарда в открытии закономерностей почти невозможно, однако и собирателей в своем деле переиграть невозможно тоже.

— Слишком категорично.

— И, тем не менее, точно. Но это еще не все. Я выделил так называемые объективные закономерности. Существуют и субъективные.

— Я уже догадался, куда ты клонишь, — сказал Морозов.

— Правильно догадался. Здесь выплывает еще одна особенность. Те, кто занял первые места в научных иерархиях, безусловно, способные к интендантскому сбору люди. Но и этого недостаточно. Последний штрих в их закреплении на иерархических вершинах делают тайные общества, которые специально продвигают своих адептов в различные сферы человеческой деятельности, в том числе и науку.

— Зачем?

— Для решения своих задач.

— А зачем они решают эти задачи?

— В соответствии с целями своей деятельности. Сколько времени на твоих?

— Половина второго.

— Время обеда.

Как только Налыгов сказал про обед, Рощупкин набрал номер телефона одного из охранников и произнес:

— Выдай этим по сухому пайку и минералки.

— Может чая? — уточнил охранник.

— Обойдутся, — ответил Рощупкин, — на чай они еще не заработали.

* * *

Начслед отпустил Копчикову и стал думать, что же ему предпринять дальше. Будь это обычное дело, он бы и ухом не повел до истечения трехдневного срока. А там, по его опыту, это либо само рассосется, потому что похищенный объявится, либо объявится его труп, и тогда нужно проводить уже мероприятия по розыску убийц.

Но в данном случае нужно было что-то делать, ведь его просил об этом Вартов.

Прошло несколько часов. Он так ничего и не придумал, хотя уже знал, что ответит Вартову, когда тот позвонит. А то, что он позвонит, начслед не сомневался. Иначе не стал бы он сам приезжать к нему и просить помочь.

Вартов позвонил в конце рабочего дня.

— Есть что-нибудь? — спросил он.

— Опросил я Копчикову, — сказал начслед, — есть любопытный факт, она предполагает, что похищение могла организовать бывшая жена Морозова.

Вартов мысленно выругался. Он не первый год работал в следствии и понял, что происходит. Начслед ничего не делал, но запасся неким фактом, который он, во-первых, должен согласовать с Вартовым, а во-вторых, испросить разрешения проверить, ведь речь шла о жене Морозова, который был другом Вартова.

— А еще? — спросил Вартов.

— Все остальное гладко и непонятно, но радует одно, это похищение не для убийства. Его могли грохнуть сразу... Да и то, что похитители не осмотрели квартиру и не убрали свидетеля, тоже подтверждает эту версию.

— Понятно, — ответил Вартов и сыграл в поддавки, — нужна ли какая помощь?

— Мне бы не хотелось работать с женой Морозова, — ухватился за крючок начслед. — Сами понимаете, муж и жена одна сатана. Вдруг это какие-то внутренние разборки, греха потом не оберешься.

— Логично, — ответил Вартов. — Я сделаю это сам.

Положив трубку на рычаг, Вартов однако не бросился вызванивать жену Морозова, а позвонил Копчиковой.

— Ты где?

— Сижу в его квартире.

— Я сейчас подъеду.

— Но подъехать сразу не удалось. Его вызвал на совещание шеф. И когда Вартов добрался до квартиры Морозова, было уже начало девятого.

Вартов не стал звонить в дверь, а позвонил Елене по телефону и попросил открыть ему.

Елена долго смотрела в глазок, а потом открыла дверь.

— Ну, что, — спросил ее Вартов, — есть какие-либо новости?

— Я думала, ты мне скажешь последние новости.

— Скажу, непременно скажу, — ответил Вартов, — но прежде скажи мне, какого хрена ты переводишь стрелки на Анастасию?

— Какую Анастасию?

— А то ты не знаешь?

— А, так у меня следователь спрашивает: кто ему мог угрожать или кто его мог похитить.

— И ты не нашла ничего лучшего, чем сориентировать его на негодный объект. Так.

— Причем тут негодный объект?

— Притом, — стал додумывать на ходу Вартов, — притом, что он целый день работал не в том направлении. И благодаря твоим фантазиям мы не на йоту не продвинулись в поисках Морозова.

— Но я думала...

— Сомневаюсь, что ты могла думать. Налей мне чаю, а я пока подумаю.

Пока Елена грела чайник, заваривала чай, Вартов сидел в кресле, закрыв глаза и «думал». На самом деле он кемарил, и только когда Елена тронула его за плечо, очнулся.

Впрочем, слово «тронула» тут было неуместно, она осторожно погладила его плечо.

— Готово, — сказала она. — Мне присутствовать при чаепитии?

— Да, — ответил Вартов. — Оно же будет и допросом.

Елена знала его привычку пить по-восточному. То есть не наливать полную чашку чая, а наливать туда по чуть-чуть. Поэтому поставила перед ним пустую чашку.

Вартов плеснул себе первую порцию, дождался пока она остынет и только поднес чашку ко рту... Как раздался звонок в дверь.

* * *

— Здесь все, как в анекдоте про товарища майора, — сказал Налыгов, закончив трапезу.

— Про какого майора?

— Ох, ты, темнота, — произнес Налыгов, — тогда я тебе расскажу. В советские времена устроился один мужик в гостиницу, в двухместный номер. Приходит туда, а там его сожитель с друзьями пьянствует. И, кроме того, что друзья водку пьют, они анекдоты про Политбюро рассказывают. Причем друзья расходиться не собираются, хотя уже время вечернее переходит в ночное. Мужик, правда, сразу нашелся.

— Ребята, — говорит он собутыльникам, — вы что, идиоты, антисоветские анекдоты рассказываете, а здесь же все прослушивается.

— Да пошел ты, — ему говорят.

Тогда мужик выходит из номера и просит горничную принести в номер через десять минут чашку чая. Потом снова заходит в номер и снова увещевает собутыльников, чтобы те прекратили пьянку и разошлись.

Однако те ноль внимания. Тогда он говорит:

— Ребята, я же вам сказал, что здесь все прослушивается, вот смотрите: «Товарищ майор, можно чашку чая в двадцать шестой номер».

Взрыв пьяного хохота сопровождает эти слова. Но тут в номер заходит горничная и приносит чашку чая.

Ребята сникли, разбрелись по своим номерам и даже тот, который был соседом, ушел ночевать к ним.

Мужик хорошо выспался, утром выписывается из гостиницы, за чай расплачивается. Тут ему горничная говорит:

— А знаете, ваша шутка с чаем майору очень понравилась.

Налыгов сделал паузу, чтобы дать собеседнику отсмеяться. Но тот даже не улыбнулся.

— Что так, — спросил Налыгов, — не нравится анекдот или тюремная баланда?

— И то, и другое, — ответил Морозов.

— И совершенно напрасно, нас покормили, значит, не собираются грохнуть. И пусть это тебя порадует.

— Грохнуть, — произнес Морозов. — Слово-то какое, грохнуть. Аж мороз по коже пробирает.

— Пусть он тебя не пробирает, у меня ощущение, что все закончится благополучно.

— Откуда оно у тебя?

— Этому есть три признака. Во-первых, мы не у ментов.

— Лучше бы мы были у них.

— Во-вторых, за нами следят, во всяком случае, прослушивают. Сие подтверждает эпизод с обедом.

— Ну это может быть случайность.

— Может, а может и не быть.

— Ну, а в-третьих, я, кажется, нащупал нить, которая связывает нас с тобой и с этой камерой.

— Излагай, — произнес Морозов.

— Помнишь, ты озвучил некий оборот о том, как кто-то надувает щеки.

— Ну, и...

— Так вот на тот диспут приезжал какой-то крутой мужик.

— А... помню, он приезжал с телохранителями.

— Да, он немного опоздал...

— А потом уехал, не дождавшись конца диспута.

— Ну...

— Так вот он и есть то связующее звено, которое не только соединило нас, но и одним и тем же способом поместило в данное помещение, — сказал Налыгов.

— Не понял, какая связь... Ах да, его фамилия Щекин.

— Так, теперь я понял, почему ты вспомнил его. Ассоциация с надутыми щеками.

— Но какая связь между ним и нашим похищением?

— Самая прямая. Кроме него никто не смог бы организовать это похищение. И я предполагаю, что мы находимся в подвале одного из его коттеджей километрах в тридцати от города.

— Очень может быть, — произнес Морозов. — И то-то я смотрю тут на верхней доске вырезано чем-то острым слово «Зяба». Но это меня как раз не радует.

— Почему?

— Позволь мне на эту тему не распространяться.

* * *

Вартов поставил чашку на стол и вопросительно посмотрел на Елену.

— Ты кого-нибудь ждешь?

Та отрицательно покачала головой.

Вартов встал со стула и направился к дверям.

— Возьми свой пистолет, — почему-то шепотом произнесла Елена.

— У меня нет пистолета, — так же шепотом ответил ей Вартов.

— Тогда не открывай.

Вартов ничего не ответил, потому что в это время прильнул к дверному глазку.

Там на площадке стояла женщина. Вартов открыл дверь.

— Вы кто? — спросила женщина бесцеремонно.

— Я Вартов.

— Чем докажешь? — сказала женщина и вошла в квартиру уверенно, как будто хозяйкой ее была она.

— Соответствующим документом, — сказал Вартов.

Он уже догадался, кто вломился в квартиру, и понял какую тактику ему необходимо избрать для противодействия.

— Следователь по особо важным делам, — сказал он, раскрывая перед носом женщины удостоверение.

Но удостоверение не произвело на женщину должного впечатления.

— Следователь, — произнесла она, — а я думала собутыльник. Где этот запойный?

— Выражайтесь конкретнее, — сказал полностью пришедший в себя Вартов. — Кого вы имеете в виду?

— Я имею в виду своего мужа Морозова.

— Насколько я знаю, он не женат, — произнес Вартов, смотря поверх головы женщины и не видя в комнате Елены: та при первых признаках грозы скрылась в другой половине квартиры. — Вы его бывшая жена?

— Бывших жен не бывает, — произнесла женщина. — Так, где этот запойный, в очередном...

— Спешу вас разочаровать, — ответил Вартов, — он не в запое.

— А почему он не отвечает на звонки. И почему вы здесь?

— Правильный вопрос. Я здесь потому, что расследую обстоятельства исчезновения вашего бывшего мужа.

— Мой муж исчез?

— Как видите.

— Так его нет в квартире?

— Нет.

— Тогда я попрошу посторонних эту квартиру покинуть, — сказала женщина.

— Прекрасно, — ответил уже полностью успокоившийся Вартов, — посторонние действительно должны покинуть эту квартиру. Для того здесь я и нахожусь. А знаете кто здесь посторонний? Это вы. Но вы покинете ее не сейчас. А когда я вызову наряд милиции. И будет это тоже не сейчас, а после вашего допроса...

— Какого допроса?

— Вашего допроса, — продолжал Вартов, не давая женщине опомниться, — вашего в качестве одного из лиц, причастных к его исчезновению. А может быть, убийству, так? Садитесь за стол и докажите, что вы бывшая жена.

— А кто ж я, по-вашему?

— Я не знаю, кто вы. Возможно, женщина, которую убийцы наняли, чтобы найти в квартире убитого...

— Убийцы. Что вы говорите...

— Не прикидывайтесь глупенькой девочкой. Ваша фамилия, имя и отчество. А лучше, если вы мне покажете паспорт.

Женщина спокойно села на стул, раскрыла сумочку и достала оттуда документ.

— Паспорт у меня всегда с собой, — сказала она язвительно. — Вдруг кто-то сделает предложение, а у меня паспорта не окажется.

Вартов посмотрел в паспорт. Да, это была Анастасия Морозова, бывшая жена его друга.

— Когда вы виделись с ним в последний раз? — продолжал «допрос» Вартов, не давая женщине снова взять инициативу в свои руки.

— Вот еще, нужен он мне, чтобы с ним видеться. Мы вчера перезванивались.

— Повод этого перезвона?

— Это наше личное дело.

— Нет, Анастасия Федоровна, — сказал Вартов, — теперь это не ваше личное дело. Теперь это дело государственное. Он обещал вам дать деньги?

— Да, — после некоторого молчания произнесла женщина.

После этих слов что-то шевельнулось во второй комнате. Видимо этот факт возмутил Елену. Но Анастасия была поглощена «борьбой» со следователем и ничего не слышала.

— На какие цели? — спросил Вартов.

— А вот это не ваше дело, — ответила женщина. Достала из сумочки платок и сделала вид, что промокает набежавшие слезы.

— Кто мог его похитить? — спросил Вартов.

— Не знаю, — ответила Анастасия.

— Сформулируем вопрос по-другому, кто мог быть заинтересован в его исчезновении?

— Да это же дебилу ясно. Его новая пассия.

— Она ему угрожала?

Живое тело в соседней комнате шевельнулось еще раз, но женщина, как глухарь на токовище, уже ничего не слышала. Она поймала нужную струю.

— Вы видели ее когда-нибудь? Ужас, какие глаза. Это глаза убийцы. Это страшная женщина. Современная Фани Каплан. Когда я ее увидела первый раз, сразу поняла, что ее ничто не остановит.

— В чем это выражалось? — спросил Вартов, даже не предполагая, что этот штампованный вопрос сегодня задавал начслед Фрунзенского РУВД Елене.

— Как в чем? — удивилась женщина непонятливости следователя, — во всем.

— Вы полагаете, что это она организовала похищение Морозова?

— Нет, конечно, ее куриных мозгов на это не хватит. Скорее всего, она наняла и организаторов и похитителей.

— Какие у нее для этого были причины.

— Но это же видно невооруженным глазом. Дети выросли, алименты выплачены, вот она и решила...

— Но это же нелогично. Она же теряет все, что имеет?

— Это только так кажется, — сказала Анастасия, — а если копнуть поглубже, то выяснится, что мой муженек во время пьянки подписал ей завещание. Вы найдите его, и все станет на свои места.

— Понятно, в общем так, Анастасия Федоровна, чтобы похитителей не спугнуть, о нашей встрече и беседе вы не должны говорить никому. Вам это понятно?

— Да. А что я должна подписать?

— Вы имеете в виду протокол допроса?

— Нет, я имею в виду подписку о неразглашении...

— Она пока не нужна, разрешите я вас провожу.

Вартов поднялся и стал вытеснять Анастасию из квартиры. Та пятилась к дверям, но что-то мешало ей покинуть квартиру, что-то не укладывалось в ее голове.

— Вы возьмите, возьмите ее за жабры, — заговорила Анастасия, — она вам все расскажет.

Вартов открыл дверь, женщина вышла на лестничную площадку, и тут на нее нашло просветление.

— А как вы оказались в квартире?

— Наши технические службы открыли дверь отмычкой, — нашелся Вартов.

— И сделали засаду?

Вартов ничего не ответил, а только приложил палец к губам.

* * *

— Итак, нам известна фамилия возможного похитителя — Щекин, — сказал Налыгов.

— Скорее организатора, — поправил его Морозов.

— Пусть будет так, но зачем ему организовывать наше похищение, привозить нас сюда?

— Давай подумаем, — сказал Морозов, — ты когда-нибудь сталкивался с ним?

— Нет.

— И я не сталкивался.

— Пойдем дальше. А ты когда-нибудь слышал о нем?

— Нет, — сказал Морозов и покраснел, потому что это было неправдой.

Но Налыгов не заметил этого.

— А я слышал.

— И что это была за информация?

— О том, что он бывший уголовный авторитет.

— И все?

— Да.

— Маловато.

— А ты не занимай позицию критика, — разозлился Налыгов, — скажи больше, если для тебя этого маловато.

— Ну ладно, — сказал Морозов, — поскольку с этого бока у нас информации больше нет, то нужно посмотреть с другого бока.

— Например, — ехидно произнес Налыгов, — не кинули ли мы его случайно на миллион-другой баксов?

— А ты зря иронизируешь. Мы могли каким-то образом затронуть его интересы.

— Каким?

— А вот об этом ты и подумай.

— Почему я?

— Потому, что ты считаешь себя молодым и прытким.

— Хорошо. Я подумаю. Здесь есть одна общая тема. Этот Щекин появился у нас на диспуте. Зачем?

— Не знаю, но давай проанализируем его поведение. Он приехал туда с охранниками.

— Это ничего не значит, он везде ездит с телохранителями.

— Он опоздал.

— Тоже не событие, от которого можно оттолкнуться.

— Тогда еще одно... Он уехал раньше других.

— А почему?

— Давай предположим, что ему нужно было что-то узнать. Он приехал, послушал наши споры и, получив то, что ему было нужно, покинул зал общества «Знание».

— Или наоборот, не получив того, что ему надо.

— Вот, вот здесь, на мой взгляд, и кроется его интерес. А теперь давай вспомним, о чем мы говорили перед тем, как он покинул зал.

— А говорили мы... Впрочем, давай воспроизведем все, что говорил каждый. И таким образом картина прояснится. Начинай, — сказал Налыгов.

— Я сказал, что Исаак Ньютон — величайший ученый не только средневековья, но и наших дней. И в доказательство привел надпись на могиле Ньютона. «Здесь покоится сэр Исаак Ньютон, дворянин, который почти божественным разумом первый доказал с факелом математики движение планет, пути комет и приливы океанов.

Он исследовал различие световых лучей и появляющиеся при этом различные свойства цветов, чего ранее никто не подозревал. Прилежный, мудрый и верный истолкователь природы, древности и Святого писания, он

утверждал своей философией величие Всемогущего Бога, а нравом выражал евангельскую простоту. Пусть смертные радуются, что существовало такое украшение рода человеческого».

— Ну и память, — ехидно произнес Налыгов, — а я сказал, что надпись на могиле, тем более, такая выспренняя, не может служить доказательством гениальности ученого.

— Но это не одна надпись, например, на статуе, воздвигнутой Ньютону в 1755 году в Тринити-колледже, высечены стихи из Лукреция:

Qui genus humanum ingenio superavit, что в переводе на русский означает: разумом он превосходил род человеческий.

— А я сказал, что сам Ньютон был более скромен в оценке своих исследований и результатов. Он говорил: «не знаю, как меня воспринимает мир, но сам себе я кажусь только мальчиком, играющим на морском берегу, который развлекается тем, что время от времени отыскивает камешек более пестрый, чем другие, или красивую ракушку, в то время как великий океан истины расстилается передо мной неисследованным».

И это подтверждает мои выводы относительно его гениальности.

— Вряд ли он честно сказал то, как его должны оценивать современники и потомки. Впрочем, это единственная его честная констатация факта, во всем остальном он был крайне несамостоятелен.

— Конечно, ученый может быть рассеянным, неорганизованным в быту, но на то он и ученый. Однако это не относится к Ньютону. Он был не только ученым, но и избирался депутатом английского парламента.

— Ну да. Когда его избрали депутатом парламента от Кембриджского университета, он за годы работы в нем произнес только одну фразу, хотите знать какую?

— Любопытно, я полагал, что знаю о Ньютоне все. Так какая это была фраза?

— Это была просьба к сторожу закрыть форточку в зале заседаний.

Их полемика была прервана звуком поворачивающегося в замке ключа.

* * *

Вартов вернулся в комнату, сел за стол, потрогал рукой чайник.

— Попил чайку, — выразил он вслух свое сожаление.

В это время из второй комнаты выпорхнула Елена.

— Надеюсь, ты не отнесся серьезно к тому бреду...

— Не отнесся, не отнесся, — сказал Вартов, — поставь мне снова кипяток и завари чай.

Пока Елена кипятила воду, Вартов вытянул ноги, откинул голову назад и закрыл глаза.

Но только приятная дрема разлилась по телу, вновь раздался звонок.

Услышав его, Вартов подпрыгнул как ужаленный.

— Посмотри в глазок, — сказал он Елене.

Но Елена была настолько поражена реакцией Вартова на звонок, что сама застыла как каменная.

А звонок, между тем, звонил и звонил, и было понятно, что тот, кто нажимает на кнопку, не уйдет.

— Может, это опять она? — спросила Елена.

— Может, — ответил Вартов, приходя в себя и поднимаясь со стула, — сейчас все узнаем.

Он подошел к дверям и, не посмотрев в глазок, повернул ключ в скважине и распахнул дверь.

На лестничной площадке стоял Морозов.

— А ты че тут делаешь? — спросил он у Вартова.

— Тебя, мля, разыскиваю, — рассвирепел Вартов.

— Меня? — удивился Морозов.

— Ой, Владик, — защебетала выпорхнувшая из-за спины Вартова Елена, — где ты был? Мы всю милицию на ноги подняли!

— На работе я был, — недружелюбно ответил Морозов, — на работе.

— Да? Расскажи нам, — нашелся Вартов, — где ты разыскал такую работу? На которую возят в багажнике автомобиля.

— Щас, щас, — ответил Морозов, прошел к холодильнику, открыл его, налил себе минеральной воды и, выпив ее залпом, продолжил, — на самом деле меня похитили.

— Ну, слава богу, — сказал на это Вартов, — а то меня коллеги из милиции засмеют, как только узнают, что я волну погнал, а похищенный...

— А волну ты погнал действительно зря, — ответил Морозов. — То, что меня похитили, я расскажу только вам, а милиции знать об этом не надо.

— Да хрен с ней, с милицией, — сказал Вартов, — ты обо мне подумал, о моем авторитете?

— А кто тебя просил вмешиваться?

— Ни хрена себе.

— Владик, — защебетала Елена, — это все я. Я так перепугалась, что позвонила Вартову. Он подключил милицию, и меня допрашивал следователь.

— И что ты ему сказала?

— То, что видела.

— А что ты видела?

— Как тебя увезли.

— А я просил тебе рассказывать об этом?

— Владик, — тут на глаза Елены навернулись слезы, — но тебя похитили, что мне оставалось делать.

— Ладно, — сказал Морозов, — я всех прощаю, забыли обо всем, я жрать хочу аки волк.

— Владик, я сейчас, сейчас, девять минут, — засуетилась Елена уже не обращая внимания на Вартова.

— Ага, — заметил Вартов, — но от меня ты так просто не отделаешься. Ты поставил меня в дурацкое положение и пытаешься усугубить эту ситуацию.

— Да ничего я не пытаюсь, — ответил Морозов, — я хочу, чтобы все забыли об этом инциденте.

— Хорошо, забыли, — сказал Вартов. — Ты, Лена, похлопочи возле печи, а я с Владиком один на один пошушукаюсь.

— А может, я не хочу с тобой шушукаться, — ответил Морозов.

— А придется, — промычал Вартов, потому что одновременно с этим делал Морозову загиб руки за спину и толкал его в другую комнату.

— Ладно, хватит, — сказал Морозов, когда Вартов, наконец, осуществил задуманное. — Сдаюсь.

— Вот это правильно, рассказывай, что с тобой произошло, и почему ты выставляешь меня дураком, тогда как я первый бросился к тебе на выручку.

— Знаешь, это была неумная шутка моих друзей.

— Так, не врать, у тебя друзей нет, если не считать, конечно, меня, придурка, который совершенно искренне поверил Елене, что тебя похитили.

Да самой Елены, которой это не то показалось, не то привиделось, что тебя похитили, и она позвонила мне.

— Ну ладно, один из моих почитателей решил, что ему нужно расширить диапазон знаний и пригласил меня почитать лекции его сыну.

— Врешь.

— Я так и думал, что ты мне не поверишь, но это действительно так. Причем он расплатился в долларах. Вот мой гонорар.

И Морозов вытащил из кармана тоненькую пачку долларов.

— Ни хрена себе, — удивился Вартов, — и сколько стоят сейчас такие лекции?

— Тонна баксов, — ответил Морозов, — а теперь я тебя прошу: не спрашивай меня ни о чем больше.

— Ну, уж хрен, — произнес Вартов. — Последний вопрос: и какую же тему нужно выбрать для лекции, чтобы отхватить за несколько часов тонну баксов? Ты ведь в последнее время только о Ньютоне и читал. О нем, что ли?

— О нем, о нем, — ответил Морозов.

* * *

Так ничего и не добившись от Морозова, Вартов покинул его квартиру.

А Морозов перекусил, чем бог послал, сказал Елене, что он страшно устал и хотел бы отдохнуть.

Елена потерлась о его щеку, но Морозов был непреклонен, и они разошлись.

Елена пошла в спальню, а Морозов улегся в гостиной на диване.

Морозов сразу же выключил свет и дал себе команду уснуть, но не тут-то было. Возбуждение сегодняшнего дня не только не позволило ему заснуть, но даже закрыть глаза.

И он снова испытал ужас от похищения, пребывания в камере, затем был какой-то период, когда стало чуть спокойней. Он был не один, там было вполне вменяемое и предсказуемое лицо — Налыгов. Потом он снова испытал еще больший ужас, когда дверь камеры вдруг открылась и высокий мужик, ткнув в него пальцем, сказал: выходи.

Тут Морозов вспомнил рассуждения одного из репрессированных писателей, написавшего книгу, в которой говорил, что самая грязная камера в тюрьме со временем становится твоей крепостью. И ты готов драться за нее, если тебя хотят оттуда вытащить. Потому что камера уже обжитое и безопасное пространство, а то, что ждет тебя дальше в тюрьме, всегда более опасно, чем то, что ты уже имеешь.

После того, как он услышал: выходи, ему захотелось остаться в камере, вцепиться в нары не только руками, но и зубами. Но делать было нечего. Он вышел в коридор, который нисколько не напоминал тюремный, и остановился, уткнувшись носом в стену.

Сопровождающий привел его в какую-то комнату того же подвала, в которой было две двери на противоположных сторонах, был длинный стол, несколько табуреток. Он кивнул Морозову на табурет в торце стола. Морозов сел, а сопровождающий уселся рядом.

Потянулись непонятные минуты ожидания. И чем дольше они длились, тем тревожнее становилось Морозову. Его начала бить нервная дрожь. Ему вновь захотелось в камеру, где у него был собеседник, способный его понять и, как казалось Морозову, даже защитить в нужный момент.

Вдруг дверь, противоположная той, в которую вошли Морозов и его сопровождающий, открылась, и в комнату вошел щупленький мужик.

Он так уверенно и даже с неким достоинством сел на табурет с противоположного конца стола и так посмотрел на Морозова, что тот мгновенно впал в ступор.

И было от чего, несмотря на то, что прошло более сорока лет, он узнал Зяблика. Но в следующий момент ему стало чуть легче. Ему даже показалось, что сейчас Зяблик достанет из кармана спички, швырнет коробок через весь стол и кивком головы прикажет измерить длину комнаты. А потом... Потом даст пинка и все мытарства Морозова на этом закончатся.

Но Зяблик не узнал его.

— Кто такой Ньютон? — спросил он Морозова.

— Величайший ученый средневековья, — начал Морозов.

— Почему он величайший? — спросил его Зяблик.

— Потому, что это признано всеми интеллектуалами в мире, — ответил Морозов.

— А почему они это признали?

— Он сделал ряд важных открытий...

— Это все дохлый базар, — перебил его Зяблик, — чем докажешь?

«Ни хрена себе ситуация, — подумал Морозов, — и что же ему сказать?»

— Это доказывается довольно просто, — произнес он вслух, — существует список его трудов, с ними можно ознакомиться. Их значимость трудно переоценить. Они положены в основу многих современных отраслей знаний. Так сказать, основы современного естествознания.

Морозов закончил фразу, и от его внимания не ускользнуло, что Зяблик поморщился. Он, как любой «конкретный пацан», не любил длинных предложений ни о чем.

— Все ясно, — сказал он, — а почему этот Ньютон стал таким гениальным? Он родился таким?

— Здесь трудно однозначно назвать причину, — начал Морозов, — возможно, благоприятно сложились несколько факторов.

Зяблик снова поморщился, видимо, он ожидал услышать другой ответ или хотя бы его форму.

— Рощупкин, — сказал он сопровождающему. И от Морозова не ускользнуло, что Рощупкину не понравилось то, что Зяблик расшифровал его перед похищенным, — отвезешь его туда, где взял. И в качестве гонорара за лекцию дашь тонну баксов. А также объяснишь, что этой тонны и своего языка он лишится, если расскажет кому-нибудь о нашей беседе.

Зяблик поднялся с табурета и, не прощаясь, вышел через дверь, откуда появился десять минут назад.

Морозов плохо помнил обратную дорогу. Он все ждал некоего подвоха от Рощупкина. Но тот честно довез его почти до подъезда, сунул в руку пачку долларов и вытолкнул из машины, потому что в этот момент ноги не слушались Морозова.

* * *

Оказавшись в подъезде своего дома, Морозов почувствовал прилив радости, почти такой же, как в те далекие времена, когда он попадал в лапы кодлы малолетнего правонарушителя Зяблика и тот отпускал его после некоторых манипуляций.

Но в квартире его ждал Вартов, это в определенной мере снизило градус радости и эйфории от благополучного освобождения.

Однако, выпроводив следователя, Морозов снова пришел в благодушное настроение и постарался забыть обо всем, что с ним произошло. Он даже не вспомнил о Налыгове, который остался в лапах Зяблика.

А Налыгов, не дождавшись Морозова, стал думать, как продать себя подороже, если придут за ним. Он обыскал все углы камеры и не нашел ничего подручного, потом он попытался отломать уголок от нар. Но и здесь у него ничего не получилось.

Тут он услышал шаги в коридоре и прекратил свое занятие. Дверь открылась, на пороге стоял тот же мужик, что увел Морозова.

— Пойдем со мной, — сказал он Налыгову.

Мужик привел Налыгова в комнату с двумя дверями и усадил в торце длинного стола.

Потянулись минуты непонятного ожидания.

— Который час? — спросил Налыгов сопровождающего.

— Тебе какая разница, в подвале всегда день, — ответил почти шуткой тот.

— А кого мы здесь ждем? — еще более осмелев, спросил Налыгов. — Босса?

— Что-то вроде этого, — ответил мужик, — но для тебя он больше, чем босс.

— Почему?

— Потому что он твой судья.

— А за что меня судить?

— А ни за что, просто так, ведь все, что происходит на свете, есть акты судейства, от футбольных матчей до оценок в школах и вузах. И твой случай не исключение.

— Но в данном случае я должен знать, почему меня судят? — нашелся Налыгов. — Ведь судить можно только тогда, когда ты не выполнил какое-то правило. А это правило должно быть известно двум сторонам: подсудимому и судье.

— Ты не прав, — сказал мужик. — Во-первых, незнание закона не освобождает от ответственности, а во-вторых, ты демагог и это говорит о том, что ты можешь не выдержать экзамен.

— Какой экзамен?

— Судейский, какой еще.

— И в чем он заключается?

— Хочешь жить? Думай, что будешь говорить, твой судья помешан на Ньютоне, понял?

— Понял, он его кумир, но истина...

— Вот ты и останешься с истиной, но без головы, — сказал сопровождающий.

— Все так серьезно? — спросил Налыгов. — Ведь эта фигура далекого прошлого.

— Она, конечно, фигура прошлого, но ты-то находишься в настоящем. И чтобы тебе не попасть в прошлое, думай, о чем будешь говорить.

— А где мой сокамерник? — совсем осмелев, произнес Налыгов.

— Правильный вопрос, — ответил мужик. — Дома твой сокамерник, он оказался более умным, чем ты, и не только вернулся домой, но и получил свой гонорар за информацию. Понял?

— Не совсем.

— Да все ты понял.

Так они переговаривались еще несколько минут, и Налыгов заметил, что мужик стал заметно волноваться. Видимо тот, кого он назвал боссом и судьей, неоправданно задерживался.

А босс в это время просматривал запись беседы Налыгова с Морозовым в камере.

Он полулежал на диване в своем кабинете, второй раз прокручивал запись, все более раздражаясь, потому что в речи двух ученых попадались слова, не поняв которые, трудно было проникнуть в смысл всего сказанного.

И, тем не менее, он снова включил повтор и прослушал еще раз диалог Налыгова и Морозова:

«— А не гуманитарии от этих ошибок избавлены. Так?

— Нет, но болеют ими гораздо реже.

— Это почему же?

— Потому что для сфер, где работают естественники, чаще всего характерны так называемые функциональные связи, а не корреляционные.

— Ты противоречишь сам себе. Выходит, гуманитарии просто находятся в других условиях. И поэтому с позиций естественников ошибаются чаще. Объективно, в силу того, что предмет их исследования в большинстве своем имеет внутри себя больше корреляций...»

Зяблик еще раз потряс головой, словно пытаясь вбить в нее все, о чем говорили сокамерники. Но это не помогло. Видимо, в словарном запасе Зяблика таких слов не было, и он поднялся с дивана и пошел в комнату для переговоров. Так он называл помещение в подвале, где, по заверениям начальника службы безопасности Рощупкина, его не могла прослушать ни одна спецслужба мира.

И хотя Налыгов и Рощупкин ожидали прихода босса, Щекин появился неожиданно. Он по-хозяйски подошел к холодильнику, вытащил начатую бутылку коньяка и два бокала.

— Будешь? — спросил он Налыгова.

Тот отрицательно покачал головой.

Щекин никак не отреагировал на отказ, налил коньяк в два бокала, один поставил перед Налыговым, содержимое другого выпил и уселся в противоположном торце стола.

— Итак, — произнес он, — я хочу прояснить некоторые вопросы. Твой сокамерник уже дома, думаю, что скоро будешь дома и ты. Меня интересует, о чем вы говорили несколько часов назад в камере?

— Если вы сформулируете свой вопрос точнее, я смогу так же точно на него ответить, — сказал Налыгов.

— Конечно, — согласился Щекин. — Чем отличаются связи функциональные от связей корреляционных?

Налыгов смотрел на Щекина и не видел Рощупкина, но мог дать голову на отрез, что при этих словах у того чуть глаз не выпал. Видимо, для начальника службы безопасности было полной неожиданностью, что босс смог сформулировать такой вопрос.

— Здесь нужно усвоить некие парные понятия, — начал Налыгов. — Например, правое — левое, но в нашем случае это функциональная связь и корреляционная. Еще из курса школьной математики известно, что функциональной связью между двумя объектами называется такая связь, когда одному и тому же значению признака соответствует одно или несколько значений другого. Если изобразить это геометрически, то получатся красивые плавные кривые (парабола, синусоида) или кривые с точкой разрыва (гипербола).

Налыгов посмотрел на Щекина. Ни один мускул не дрогнул у того на лице, и ученый продолжил.

— Разумеется, вам не нужны математические пояснения, скорее всего, вас интересует некий прикладной социологический аспект. Так вот, функцио-

нальные связи в социологии встречаются в основном при работе с данными первого типа. Примером функции является и любой аналитический индекс. При рассмотрении связи между двумя признаками в рамках других типов информации наблюдается другая картина, и одному и тому же значению признака соответствует целое распределение значений по другому из признаков. Такая связь называется корреляционной, точнее, стохастической, но я думаю, что нам не стоит вдаваться в такие тонкости. Эти связи между двумя признаками геометрически могут быть изображены в виде облаков точек в двумерном пространстве, то есть на плоскости.

Налыгов еще раз посмотрел в глаза Щекину, но тот был абсолютно непроницаем. Зато стал заметно волноваться Рощупкин. Он понимал, чем все это может закончиться не только для Налыгова, но и для него.

— Корреляционная связь может быть сильной и слабой. В первом случае облако точек имеет четкую конфигурацию, четкую закономерность. Если признаки имеют метрический уровень измерения, то можно сказать, что с ростом значений одного признака растет в среднем и значение другого. Здесь мы наблюдаем линейную связь. Эта закономерность может быть описана посредством прямой линии, которая называется линией регрессии. Разумеется, корреляционная связь может быть и нелинейной, то есть описываться не прямыми.

Налыгов еще раз взглянул на Щекина и продолжил:

— Для социологов важно, насколько корреляционные связи могут быть описаны с помощью функциональных. Ведь гипотезы, которые выдвигают социологи с целью исследования причин и свойств конкретных явлений, формулируются в рамках закономерностей функциональных связей.

И только тут Налыгов стал замечать, что лицо Щекина начинает багроветь, но не придал этому значения, точнее, объяснил это действием коньяка.

— Если вернуться к математике, — сказал он, — многие математические методы предполагают задание характера зависимости изучаемых признаков. Правда, из этого не следует, что мы всегда найдем функцию, подходящую для описания эмпирической закономерности.

Существует мера связи в предположении, что корреляционная связь носит линейный характер и признаки имеют метрический уровень измерения. Такая мера называется коэффициентом линейной связи Пирсона.

В это время Налыгов получил ощутимый пинок под столом от Рощупкина и понял, что все идет не так, как надо, но уже не мог остановиться.

— В связи с этим любопытно будет рассмотреть коэффициенты, основанные на величине «хи-квадрат» и Гудмена-Краскала.

— Хватит! — заорал Щекин. — Рощупкин, в камеру его!

— Ты что, идиот? — шипел в спину Налыгову Рощупкин, когда они шли по подвальному коридору. — Ты зачем посадил его на белого коня?

— Я только хотел развернуто ответить на вопрос, — оправдывался Налыгов, — но мне не дали такой возможности.

— И хорошо, что не дали, а то бы ты оказался не в камере, а на помойке.

— Почему на помойке?

— Потому что таким идиотам там самое место.

Закрыв Налыгова в камере, Рощупкин с некоторым содроганием вернулся в комнату для переговоров.

Щекин сидел на прежнем месте, бокал с коньяком, налитый для Налыгова, был пуст, и это не предвещало ничего хорошего.

Рощупкин не решился сесть, а остановился у стола и ждал указаний.

— Что происходит? — спросил Щекин.

Рощупкин увидел в вопросе спасительные интонации.

— Босс, он только хотел подробнее ответить на ваш вопрос. Это не издевательство, эти ученые так говорят... У них свой язык. Босс, вы же знаете, что существует жаргон. Вот вы, например, понимаете блатных, но если бы они разговаривали с этим, — Рощупкин кивнул в сторону камеры, — то он ничего бы не понял. Давайте продолжим... Вы запишите мне вопросы, я с ним поговорю, а потом вы просмотрите запись.

— Годится, — неожиданно легко согласился Щекин, — но, может, если ты такой умный, переведешь все, что он тут молол? Ты же вроде военно-технический вуз заканчивал.

— Я постараюсь, босс, — ответил Рощупкин, — если...

И тут он к своему ужасу понял, что будет говорить точно так же, как и Налыгов, потому что ничего другого в школьных и вузовских учебниках, по которым когда-то учились и Налыгов, и Рощупкин, не было.

— В общем, так, — продолжил он, — возьмем, к примеру, некую связь. Ну, например, количество денег у вас в кармане и количество бутылок водки, которые вы можете приобрести. Это понятно?

— Понял, не дурак, — отозвался Щекин. — Дурак бы не понял.

— Так вот, если у вас в кармане пара сотен рублей, вы можете взять две бутылки водки, цена которой сотня.

— Ну, это понятно.

— А если у вас три сотни, то вы можете купить три бутылки, если четыре сотни — четыре бутылки...

— Ты чего гонишь, я что, считать не умею, или за дебила меня держишь? — взорвался Щекин.

— Босс, дайте мне договорить. А если вдруг у вас только одна сотня, то вы можете купить лишь одну, сторублевую по стоимости, бутылку. Я все это говорю, чтобы вы могли четко проследить связь между количеством сотенных купюр у вас в кармане и количеством бутылок. Вот такая связь и называется функциональной. Короче, чем больше денег (величина аргумента), тем больше функция (количество бутылок).

Рощупкин глянул на Щекина, в глазах того промелькнула искра понимания, и он продолжил:

— Но бывает по-другому. Выпил мужик литр водки и вырубился. А в другой раз выпил — и ни в одном глазу.

— Ну, это понятно, — сказал Щекин, — под настрой накатил.

— Да, да, — поддакнул Рощупкин, — здесь могут сработать многие факторы.

— Конечно, — сказал Щекин, — в первый раз у него водяра на старые дрожжи легла, потому и вырубился.

— Совершенно верно, босс, — сказал Рощупкин, — вот мы и подходим к так называемым корреляционным связям. Связям, не явным, например, связи желания студента учиться и его будущего профессионализма или мастерства.

— Что? — произнес Щекин.

Рощупкин понял, что переборщил, поскольку наступил на любимую мозоль босса.

— Или возьмем другой пример, — сказал он. — Один олигарх решил жениться, а так как претенденток на место его будущей жены было много, он устроил конкурс. Проверил всех кандидаток на интеллект. У первой IQ был восемь, у второй шесть, а у третьей четыре.

— Что было у первого места? — перебил Щекин.

— Коэффициент интеллекта, — нашелся Рощупкин, мысленно обругав себя за то, что не сумел заменить этот показатель на более понятный. Так вот вопрос: на ком женился олигарх?

— Сам и отвечай на него, — сказал Щекин.

— Да, разумеется. А женился олигарх на четвертой, у которой интеллект был на нуле, но грудь — шестого размера.

— Какая тут связь?

— Вот видите, босс, — сказал Рощупкин, — вы четко проследили связь функциональную, но упустили корреляционную. Она не видна на фоне функциональной, но она просматривается, если понять, что двигало олигархом в выборе супруги.

— Лады, — сказал Щекин, — занимайся, но так, чтобы к утру его здесь не было.

— Тогда придется поработать ночью, — сказал Рощупкин.

— Работай, — ответил Щекин.

Вартов приехал домой, поужинал и стал думать, как ему выйти из той ситуации, в которую сам себя загнал.

Он понимал, что начслед был четырежды прав, когда напоминал о трехдневном сроке, по истечении которого можно возбуждать уголовное дело, да и то с большой оговоркой.

— Твою, Владика, мать, — выругался Вартов и пошел спать, полагая, что утро вечера мудренее.

Утром он приехал на службу, допросил двух свидетелей и позвонил во Фрунзенский УВД.

— Привет, начальник, как там наше дело?

— Пока на месте.

— Воздержись от каких либо действий, — сказал Вартов.

— Почему?

— Появились данные, что наш пропавший мог запить.

— Как скажете, — ответил начслед.

После этого Вартов позвонил Морозову.

— Ну как, — сказал он, — отошел от вчерашнего шока?

— Да пошел ты, — непочтительно ответил Морозов, — чего тебе надо?

— Признательных показаний.

— Зачем они тебе?

— Я носом чую, что здесь что-то нечисто.

— Прочисти нос, — сказал Морозов и положил трубку.

Вечером Вартов снова позвонил начследу и сообщил, что пропажа нашлась.

— Ну, и слава богу, — ответил тот.

Он уже собрался домой, как его вызвал дежурный.

— Что случилось?

— Происшествие.

— Где?

— Хотел сказать не у нас, но это не так. Оно как раз на границе нашей подследственной территории.

— А что произошло?

— Да трудно понять, но руководство отзвонилось начальнику отдела, а тот передал тебе просьбу смотаться. И если дело нашей подследственности, принять его к производству.

— Кто там?

— Милиция.

— Чья?

— Минского РУВД.

— А именно?

— Сейчас, подожди минуту.

Дежурный порылся в записях и подал Вартову листок, на котором были телефоны дежурного по Минскому РУВД и двух оперов Минского райотдела.

— Ага, значит там Баклажкин, — сказал Вартов, взглянув на листок, — по дороге с ним созвонимся. Он парняга опытный, может сразу дать нам отбой.

— Да, да, — сказал дежурный, — машина на стоянке.

Вартов зашел в кабинет, захватил следственный портфель и спустился вниз.

— Куда? — спросил водитель.

— В направлении Логойского, — ответил Вартов, — а там сориентируемся.

Был час пик и на отрезке Площади Победы и Якуба Коласа они попали в пробку. Потом такая же пробка появилась за перекрестком с Некрасова.

Все это время Вартов названивал Баклажкину. Но телефон молчал.

— Позвоните дежурному, — сказал водитель, — может, он знает адрес.

Вартов набрал номер дежурного по райотделу. Телефон дежурного был занят.

— Вот, — сказал на это водитель, — вот так будут кого-то убивать, и не дозвонишься.

Тут он выругался, но его ругательство не относилось к дежурному, просто в этот момент его подрезал вишневый «бмв».

Вартов набрал номер Баклажкина еще раз и тот ответил, правда слышимость была ужасная.

— Ты что, в подвале? — спросил следователь.

— Угадал, — ответил Баклажкин, — именно там.

— Какой адрес?

— А хрен его знает. Короче, едешь за Валерианово, а там еще пяток километров и увидишь дом с башенкой. Я там тебя буду ждать, размахивая белым флагом.

— Почему белым?

— Потому что вижу тут полный трындец, — сказал Баклажкин и отбился.

Дорога по городу заняла у них минут сорок. Но вот город кончился и дело пошло быстрее. Около семи вечера Вартов прибыл на место происшествия.

Башенку он увидел сразу, поскольку она выделялась среди причудливой архитектуры коттеджей.

У ворот коттеджа стоял Баклажкин. Это был коренастый малый среднего роста, с голубыми глазами и постоянной, словно приклеенной к лицу, улыбкой человека, знающего и видящего всех насквозь.

— Какое впечатление вызывает у вас этот абрис? — спросил Баклажкин после приветствия.

— Похож на Тауэр, — ответил Вартов.

— Совершенно верно, это именно он, точнее, его уменьшенная кич-копия.

— Ты знаешь такие слова?

— Ходил в детстве на кружок рисования, — съехидничал Баклажкин.

— Есть тут кто живой? — спросил Вартов.

— Есть, — ответил Баклажкин, — здесь всякой твари по одному. Один сторож — живой, другой начальник службы «эсбэ» — полумертвый, ну и третий...

— Труп? — не дал закончить его разглагольствования Вартов.
— Да, — ответил Баклажкин, — с признаками «насилки»[1].
— Эксперта вызвали?
— Да. И криминалист на подъезде.

Рощупкин принес в камеру чайник, пачку печенья, конфеты. Он расположился на табуретке, другую услужливо подвинул Налыгову.

— Что происходит? — спросил Налыгов,
— Если бы я знал, — ответил Рощупкин. — В общем, так, мы уточняем некоторые детали и едем домой. И чем мы быстрее это делаем, тем быстрее ты окажешься дома с приличным гонораром в кармане.
— И чего касаются детали?
— Да его, чтоб ему, — сказал Рощупкин.
— Кого его?
— Да Ньютона вашего, чтоб ему пусто было.
— А для чего Ньютон нужен Щекину?
— У богатых свои заморочки, — уклонился от ответа Рощупкин. — Не знаю, но он за это хорошо платит, так что зарабатывай свои деньги и сваливай.
— А-а, так вас интересует гениальность Ньютона?
— Отчасти, да.
— Так не был он гениальным.
— Докажи.
— Существует распространенная легенда о том, что Ньютон был очень сообразителен.
— А это не так?
— Конечно, — сказал Налыгов, — этому свидетельствует тот факт, что в своем доме он проделал в двери два отверстия.
— Зачем?
— Догадайтесь с двух раз, — сказал Налыгов, но понял, что переборщил и пояснил более мягко: — У него были две кошки, большая и маленькая. Так вот большое отверстие было для большой, а маленькое для маленькой.
— Это шутка?
— Нет.
— И что ты этим хотел сказать?
— Как что? Вы пытаетесь прояснить качества Ньютона, и я помогаю вам в этом.
— Нет, ты выеживаешься.
— Почему?
— Потому что в действительности Ньютон никогда не держал ни кошек, ни других домашних животных. Он их ненавидел.
— А, вы хорошо знаете биографию Ньютона, так почему не ответите своему олигарху на интересующие его вопросы?
— Потому что он ждет ответов от тебя.
— Хорошо, с чего начнем?
— С известного в истории случая с яблоком, после которого Ньютон открыл закон всемирного тяготения.
— Пожалуйста, в 1666 году в Кембридже возникла какая-то эпидемия, а поскольку Европа была перепугана чумой, студенты и преподы Кембриджа разбежались, и Ньютон уехал к себе на родину в Вулсторп. И как гласят легенды, там, в деревенской глуши, не имея под рукой книг, приборов, живя

[1] «Насилка» (сленг) — насильственная смерть.

отшельнической жизнью, двадцатичетырехлетний Ньютон предался философским размышлениям. Плодом их было гениальнейшее из его открытий — учение о всемирном тяготении.

Во всех учебниках физики описывается начальный, а возможно, конечный момент его размышлений. Ньютон сидел в саду, на открытом воздухе. И тут он услышал, как упало яблоко. Кстати, вам будет интересно, что знаменитая яблоня долго хранилась в назидание потомству и лишь в нашем столетии была срублена и превращена в памятник в виде скамьи.

В истории мировой науки этот момент описывается как пусковой. От осмысления причин падения единичного яблока Ньютон перешел к причинам и законам падения тел. К вопросу: везде ли на земном шаре это падение происходит одинаково? И можно ли утверждать, что в высоких горах тела падают с такою же скоростью, как и в глубоких шахтах?

Мысль, что тела падают на землю вследствие притяжения их земным шаром, была далеко не нова: это знали еще древние, например, Платон. Размышляя о падении тел на землю и делая все более и более широкие обобщения, Ньютон поставил вопрос: не простирается ли земное притяжение далеко за пределы атмосферы, например, до самой Луны, и не есть ли движение Луны явление вполне аналогичное падению яблока? Вот основная мысль, пришедшая Ньютону в то лето.

— Но это хорошо известно, — сказал Рощупкин.

— А вот за этим и стоят мои рассуждения, — ответил Налыгов, — кончается пропаганда и начинается собственно наука.

— И о чем эти рассуждения?

— Я еще раз хочу подчеркнуть, что любая звезда, будь она звезда экрана, эстрады или науки — вещь рукотворная. Известное выражение: если звезды зажигают, то это кому-нибудь нужно, — вполне применимо и к нашему случаю.

Кто такой Ньютон? Мальчишка, родившийся в небогатой фермерской семье. Правда, после смерти отца мать вторично вышла замуж, и он воспитывался бабкой. Был замкнут, необщителен. Как бы сказали в наше время — не коммуникативен. Нелюбим сверстниками. Отличался слабым здоровьем.

В Тринити-колледж он попал не в качестве студента, а некоего служки, так как не имел денег на оплату учебы. И тут ему в определенной степени везет. Он начинает прислуживать руководителю одной из кафедр, своему тезке Исааку Барроу.

— Может, не стоит о Барроу, а то мы далеко уйдем от основного русла наших изысканий, — произнес Рощупкин.

— Нет, — ответил Налыгов, — именно здесь зарыта собака. Без этого человека не было бы и Ньютона. Дело в том, что Барроу был «люциферианином». Существовал такой тайный орден поклонников Люцифера.

Барроу попал в Тринити-колледж Кембриджского университета в пятнадцать лет. Его наставником был тоже представитель «люцифериан». Но в отличие от Ньютона, Барроу обладал крепким здоровьем и буйным нравом. Однако наставник путем различных ритуальных актов сумел направить его темперамент в нужное русло. И Барроу занялся изучением иностранных языков, а через них — получением информации об ученых и науках, которые существовали в древности.

После окончания колледжа Исаак уже хорошо владел латинским, греческим, арабским, ориентировался в математике, астрономии, философии, богословии. Затем он начинает путешествовать, то есть служить курьером ордена. Он посещает и живет во Франции, Италии, на Ближнем Востоке, Германии и Голландии.

В качестве приза Барроу получает от «люцифериан» некоторые трактаты древних ученых, среди которых сочинения Омара Хайяма, которые таинственным способом исчезли из библиотеки Тегеранского университета.

Затем он возглавляет кафедру греческого языка и занимается расшифровкой древних манускриптов. И тут он понимает, что это не просто рукописи. Это ценнейший материал того, что человечество уже имело в науке.

— Это ваша версия? — спросил Рощупкин.

— Если хотите, да.

— Доказательства?

— Европа, добывая знания о закономерностях бытия, существенно отставала от древних знаний Востока. Хотя правильнее сказать, от знаний предшествующих цивилизаций, которые хранились в тайниках на Востоке. Еще десять веков назад в Европе не знали принципа десятичности и считали так, как считают первоклашки, на пальцах или палочках. И именно из Ближнего Востока в Европу пришел ноль. Его привезли арабы. Так гласит история европейской науки. Но это были не современные арабы-бедуины, а арабы-мореплаватели. Которые не только владели письменностью для хранения и передачи информации, но могли заниматься сложными математическими расчетами, ведь ходить по морям невозможно без навигации, а та невозможна без математики и астрономии.

— У нас не так много времени, — прервал его Рощупкин, — вернемся к нашим баранам.

— Вы хотите сказать барану?

— Нет, — произнес Рощупкин, — я это сказать не хотел.

— Так, — сказала Елена Морозову на следующий день, — а теперь объясни мне, мой дорогой. Какие дела у тебя с твоей бывшей?

— Какие у меня могут быть с ней дела? — ответил простодушный Морозов, не предполагая, что раскрыт Анастасией.

— Так у тебя с ней никаких дел? — спросила Елена, продолжая втягивать Морозова в ловушку.

— Конечно. Мы с ней давно расстались.

— Ну да, дети выросли, алименты выплачены. Я никому ничего не должен. Так, кажется, ты мне говорил? Но вот твоя бывшая считает наоборот.

— А ты откуда знаешь?

— А мы с ней вчера поцапались.

— И где же вы встретились?

— Где? Ты не поверишь. Здесь, у тебя в квартире.

— Она была здесь?

— Да.

— А зачем приходила?

— А то ты не знаешь.

— Конечно, не знаю. Потому и спрашиваю, — произнес Морозов, сообразив, что Елена знает больше, чем ей надо знать.

— Она приходила за деньгами, которые ты ей обещал.

— Я никому ничего не обещал.

— То-то она к тебе на квартиру и прикатила. Так бывает, когда женщине что-то пообещают, а потом обещания не выполняют.

— А ты откуда это знаешь?

— Знаю, потому что сама — женщина.

— А, так ты по себе судишь.

— Морозов, не отвлекайся. И меня не отвлекай на негодный объект, как говорит твой друг Вартов. Кстати, он ее допрашивал.

— Зачем он ее допрашивал?

— Хотел узнать, не причастна ли она к твоему похищению.

— Твою мать, ну теперь весь город будет знать. И мне точно язык отрежут. Ну, Вартов, ну, удружил.

— Это еще не все. Она такое про меня и тебя наговорила!

— Что, например?

— Например, что ты продолжаешь ее содержать.

— Я... Зачем это ей?

— А еще Вартов подозревал, что это она организовала твое похищение.

— Он что, тебе говорил об этом?

— Вот еще, я присутствовала при допросе.

— Как присутствовала?

— Лично, — ехидно заметила Елена.

— В качестве кого?

Елена плохо разбиралась в премудростях уголовного процесса, но где-то слышала, что при проведении следственных действий присутствуют понятые. Поэтому тут же нашлась:

— В качестве понятой.

— И что говорила Анастасия?

— Так вот, она проговорилась, что хотела убить тебя.

— Она так прямо и сказала?

— Ну что она, дура, что ли на себя такое брать прямо. Это ее Вартов разговорил, и она косвенно проговорилась.

— Полный бред.

— Почему же бред?

— У нее нет причин.

— Ах, нет причин, значит, правда, что ты ее содержишь, иначе она не стала бы за тебя горой, ведь нельзя резать курицу, которая несет золотые яйца.

— Что ты болтаешь. Ты как-то определись, то она меня готовилась убить, то она за меня горой.

— Вот еще, нужно мне определяться. Лучше ты определись, а то развел гарем и содержишь наложниц.

— Да никого я не содержу, — слабо отбивался Морозов.

— Как же, не содержишь, а зачем же она приходила, за очередной порцией зеленых, которые ты ей, как она говорила, даешь каждый месяц.

— Да не могла она этого сказать. А приходила она потому, что я ей деньги на скейтборд для Вовки-внука обещал. И было это один раз.

— Ну да, один раз в последнюю неделю. Так я тебе и поверила. Ее глаза говорили, что это обычная практика.

— Один, один, — сказал Морозов, окончательно пришел себя и стал защищаться. А поскольку лучшая защита — нападение, произнес: — А ты чего так завелась, у тебя что, кусок изо рта вырвали?

— Да мне тебя, дурака, жалко. Тебя она до сих пор эксплуатирует.

— Да никто меня не эксплуатирует.

— Эксплуатирует, — сказала Елена, почувствовав, что Морозов не чувствителен к ее аргументам. — Эксплуатирует и сама же гнусности всякие про тебя и меня распространяет.

— Какие гнусности?

— Ну, что ты связался с преступниками, и они тебя похитили.

— Это она так сказала?

— Ну а кто, я что ли?

— А ты не врешь?

— Да спроси у Вартова.

Морозов набрал номер Вартова. Но телефон был занят.

— Ладно, потом спрошу, — сказал он.

— Спроси, спроси.

— Я-то его спрошу позже, — сказал Морозов, — а вот тебя сейчас. Ты зачем эту волну гонишь?

— Да обидно мне, все для тебя, а ты на стороне с другими бабами...

— Стоп. Это не баба — это мать моих детей.

— Ну, ты прям как девица. У них сейчас модно представлять своих бывших как отцов своих детей. Что же ты с матерью своих детей развелся?

— Да вот встретил свиристелку вроде тебя.

— Ах, я свиристелка, — Елена демонстративно перекинула сумочку через плечо, — тогда прощай.

* * *

— Короче, Барроу расшифровал труды не только Омара Хайяма, но и узбекского математика Хамида ал-Хаджеиди, а также ряда других древних ученых. Барроу понимал, какие ценности попали в его руки, и убедил членов ордена Люцифера открыть при Кембриджском университете кафедру геометрии и оптики, на которую впоследствии и перешел, оставив кафедру греческого языка.

Барроу был умный человек, он не стал присваивать себе многое из того, что расшифровал и что было неизвестно в Европе. На своей кафедре он «изобрел» лишь тонкую линзу.

Кстати, кафедра была открыта в 1661 году, и именно в этом году Барроу знакомится с Ньютоном, который был одним из слушателей его лекций, субсайзером, то есть бедным студентом, который не мог заплатить за обучение. И пока субсайзеры были недостаточно подготовлены к слушанию университетского курса, им разрешалось посещать лишь некоторые лекции. Но взамен этого они обязаны были прислуживать членам университета. Вот молодой профессор Барроу, а было ему тогда чуть за тридцать, приметил забитого робкого студента по имени Исаак Ньютон. Приметил и сделал своим слугой, причем отдельные источники говорят, что слугой не только дома, но и слугой тела.

— Ты это боссу не ляпни, — перебил его Рощупкин.

— А что боссу до этого, — сказал Налыгов, — дела давно минувших дней. Да и в то время это было почти нормой, потому что по древней средневековой традиции члены колледжа должны были оставаться холостыми.

— Откуда ты все это взял? Ты же физик, а не историк.

— Историки всего лишь интерпретаторы фактов, которые до них уже интерпретированы предшествующими историками. Я потому и взялся за это исследование, что не находился в капкане прежних представлений о Ньютоне и шел в исследовании его жизни и деятельности своим путем, — сказал Налыгов.

— Ладно, вернемся к Ньютону, — сказал Рощупкин и посмотрел на часы.

— Согласен, — сказал Налыгов, — теперь можно уделять внимание только ему. То, что он рос замкнутым, слабым и пугливым, мы уже знаем. Чем старше становился, тем больше в нем проявлялись хитрость и эгоизм. Сверстники его не любили, и в Барроу он нашел отдушину и защитника. Вот тогда Барроу и занялся его карьерой.

В 1665 году Ньютон заканчивает колледж, получает ученую степень бакалавра изящных искусств, как видим, к физике он в то время не имеет никакого отношения. И тут эпидемия...

Университет распускает студентов на полуторагодичные каникулы, а Барроу вручает Ньютону переведенные трактаты Омара Хайяма с точными научными расчетами по физике, математике, астрономии. Говорят, что среди них была и работа Омара «Трудности арифметики». Барроу дает задание Ньютону переработать данный материал на свое авторство для скорейшего присвоения Ньютону степени магистра. Ньютон выполнил это, проведя все каникулы в добровольном уединении на своей родной ферме в деревне Вулсторп. Кстати говоря, даже историю про яблоко Ньютон придумал не сам. Хайям, объясняя в своих работах закон всемирного тяготения, приводил разные примеры, в том числе объяснял силу тяготения на примере падающего с яблони яблока.

За время пребывания в Вулсторпе Ньютон творчески переработал труды Хайяма, его формулы, которые были связаны с законом всемирного тяготения, работы о природе дисперсии света, позаимствовав из изобретений Омара Хайяма зеркальный телескоп, над которым бились многие европейские умы того времени, и спустя полтора года явился в Кембриджский университет для получения степени магистра.

Далее еще проще. Барроу сделал ему пиар за пределами университета. И в Европе появился новый магистр.

— Доказательства? — произнес Рощупкин.

— Самое простое, причем лежащее на поверхности. Я уже говорил, что Ньютон окончил университет, получив степень бакалавра изящных искусств, то есть словесности. И вдруг фактически открытия в сфере физики и математики.

— Да, действительно, есть о чем поговорить, — заметил Рощупкин.

— Разумеется. Если подходить ко всему с позиций постижения истины, а не защиты интересов клана ученых. Но вот с этого момента Ньютон начинает играть роль талантливого ученого. Причем слово «играть» подходит к нему очень точно. Если Барроу был большим ученым, поскольку понимал многое, говоря современным языком, в онтологии и гносеологии, то Ньютон был склонен к общим рассуждениям, а не точным наукам.

— Ладно, на этом остановимся, — сказал Рощупкин, — можешь пока покемарить.

Он вышел из камеры. Щелкнул замок. Налыгов посмотрел на часы: было около трех часов ночи. Но спать не хотелось, то ли чай выпитый с Рощупкиным был тому виной, то ли чрезмерное возбуждение.

И, тем не менее, он привалился спиной к стене и закрыл глаза. Кто знает, когда еще придется поспать.

* * *

Рощупкин постучал в дверь кабинета Щекина, и тот мгновенно ответил.

— Входи.

Войдя в кабинет, Рощупкин бросил взгляд на телевизор. Он работал, показывая Налыгова на нарах.

«Значит, Щекин следил за беседой с Налыговым».

— Жди его на улице, — сказал Щекин, — отвезешь домой и сразу возвращайся.

— Может, это сделает кто-то из охраны?

— Нет, не надо в наши дела посвящать охрану.

— Но я почти не спал, — сказал Рощупкин.

— А ты будь осторожен на дороге, — с каким-то тайным смыслом произнес Щекин, — ты мне еще нужен. Ступай.

Рощупкин поплелся во двор щекинского коттеджа. А Щекин направился к Налыгову.

Он открыл дверь камеры, включил свет. Налыгов проснулся и вопросительно посмотрел на входящего.

— Садись, — сказал Щекин ему и кивнул на табурет.

Налыгов перебрался с нар на табурет.

Щекин вытащил из кармана пачку долларов и сказал.

— Здесь тонна баксов. Это твой гонорар. Сейчас ты выйдешь отсюда, и начальник моей охраны отвезет тебя в город. Но перед этим я хотел спросить тебя еще кое о чем.

Здесь Щекин сделал паузу. Но Налыгов не стал задавать ненужных вопросов, он только произнес:

— Я готов.

— Хорошо, что готов. Скажи, выходит, что этот Ньютон не был великим ученым?

— Э-э... — начал Налыгов. — Как мне вас называть?

— Зови меня боссом, — совершенно серьезно ответил Щекин, — ведь сейчас я тебе плачу гонорар.

— Логично, — ответил Налыгов, — так вот, босс, если взять науку в идеальном варианте, то это сфера человеческой деятельности, где нет авторитетов.

— Как нет авторитетов? Без авторитетов нельзя. Без авторитетов в мире наступит хаос.

— Конечно, вы правы, но представим себе, что вы исследуете некие еще неизвестные человечеству закономерности.

— Ты низом не юркай. Говори конкретней. Был или не был?

— Поймите, босс, — ответил Налыгов, даже не замечая, что назвал Щекина боссом без всякой натуги, — категорично на этот вопрос ответить невозможно, потому что Ньютон все же ученый.

— Конкретней: был или не был он великим ученым?

— Был. Но здесь необходимо некое пояснение. Например, вы не знаете, какую форму имеет наша земля, и выдвигаете соответствующую гипотезу.

— Что?

— Гипотезу, то есть предположение, что она круглая или шарообразная. А ваши оппоненты высмеивают вас, говорят, что этого не может быть, так как в противном случае реки и озера просто скатывались бы с нее...

— Да это козе понятно.

— Это сейчас понятно, а много веков назад все так и считали, что земля плоская.

— Короче...

— Ну, как бы попроще и покороче, в общем, если бы существовал некто, кто точно знал, что этот человек совершил прорыв в науке, надо ему медаль и табличку присвоить: «гениальный ученый»... Но такого человека нет. И сами люди начинают определять, кто совершил прорыв, а кто нет. Кто гений, а кто так, погулять вышел. И вот тут возникает возможность манипуляций.

— Чего?

— Мошенничества. Есть люди, которые, не имея таланта, хотят быть в первых рядах первооткрывателей. Они начинают приписывать себе чужие

заслуги, тем более, что сами изобретатели и открыватели порой плохо представляют, что они открыли.

— Почему они это плохо представляют?

— Потому что они — ученые, у них внутренняя направленность на исследование того, что еще неизвестно, а вовсе не на участие в соревновании за то, чтобы называться великим ученым.

— А кто это представляет лучше?

— Те, кто хочет как раз этого или заработать на этом. Они лучше видят свой интерес и на чужой спине въезжают в рай.

— В рай на чужом горбу... — произнес Щекин, — не хило...

— Да, это так, — подтвердил Налыгов.

— Ладно, с этими понятно.

— Чаще всего великими представителями науки или государства делают тех, кто заинтересован в их деятельности, кому нужно обозначить или защитить свой интерес.

Например, в истории России есть Петр Первый и Екатерина Вторая. Они названы Великими. Кто их так назвал и для чего?

И в той же истории есть два царя, правда, второй уже был императором. Иван Четвертый и Николай Первый.

Один увеличил Московское княжество до размеров царства, которое своим потенциалом стало угрожать Западной Европе и оказалось опасным как большой геополитический игрок. Второй не дал развалить Россию после военного похода в Европу в 1813 году.

— Ну, это все тоже понятно. А что Ньютон?

— Ньютон никогда не стал бы великим, если бы не был нужен Барроу и тем, кто за Барроу стоял.

— А кто за ним стоял? Эти...

— Да, эти... «люцифериане».

— Докажи, — произнес Щекин так, как делал это на зоне, когда кто-то говорил о своем статусе или связях в преступном мире.

— Пожалуйста, — сказал Налыгов, — он был слабый преподаватель, пожалуй, даже не только слабый, но и вообще не был преподавателем. Студенты почти не посещали его лекции. Это еще раз подтверждает то, что он не был автором всех идей и открытий, потому что каждый автор упивается своим детищем и с восторгом о нем рассказывает. А плагиаторы могут представить только голые цифры, которые никому не интересны.

И еще один момент: он ненавидел ученые споры. А также тех, кто пытался втянуть его в обсуждение научных проблем. И это еще одно доказательство того, что не он делал открытия, которые ему приписаны. Он не имел тех знаний, которые нужны для научной полемики, во-первых, и ему нечего было сказать оппонентам, во-вторых. Вот почему и книгу «Математические начала натуральной философии», в которой перечислены все его открытия, он писал двадцать лет. Позже ученые удивлялись, почему он не описал путь к открытиям, но он и не мог описать этапы движения к цели, потому что не знал их.

— А что, не мог Ньютон кинуть этих «люциферян»?

— Не мог. Он не обладал качествами мужика, во-первых, а во-вторых, те не отпустили бы его просто так.

— Короче, он зассал и не пошел противу их, — констатировал Щекин.

— Да, — ответил Налыгов, он устал и начал понимать, чем дольше он будет приводить аргументы Щекину, тем дольше продлится их непонимание друг друга. И не только потому, что язык и доказательства Налыгова были непонятны Щекину. А потому, что Щекин ждал от него чего-то другого.

— Ладно, хватит, — сказал босс, добавив что-то непонятное для Налыгова, — муму оно и есть муму. Ты мне скажи, он что... этот?..

— Не понял, — произнес Налыгов.

Щекин посмотрел на глазок телекамеры, потом подошел к Налыгову. Отчего у того сжалось сердце. Наклонился и стал шептать на ухо.

— Ну, я свечку не держал, — сказал осторожно Налыгов, — но такие отношения между мастером и учеником, тем более находящимся у него на содержании, не считались предосудительными.

Щекин щелкнул пальцами и произнес:

— Хорошо, иди во двор.

— Сам?

— Нет, я тебя провожу.

Но Щекин не стал провожать Налыгова, а пошел по коридору первым. Налыгов двинулся за ним.

Так они вышли во двор, где в машине их ждал Рощупкин.

Щекин махнул ему рукой и вернулся в дом.

* * *

— Как с понятыми? — спросил Вартов Баклажкина.

— Где их возьмешь? — ответил тот. — Придется привлечь водил, твоего и моего.

Осмотр места происшествия начали классически от периферии к центру.

Криминалист сделал несколько снимков мрачного и похожего на Тауэр коттеджа, затем переместился внутрь двора, где с Вартовым осмотрел и составил схему подходов к дому. Потом оба спустились в подвал. Там, в комнате с двумя входными дверьми, возле длинного стола и лежал труп неизвестного гражданина.

Возле трупа стоял эксперт. Фамилия его была Калюжный, а вот имени никто не знал, потому что все звали его по отчеству Кузьмич.

— Вартов кивнул эксперту, тот надел перчатки и стал осматривать труп, записывая свои комментарии на диктофон. Закончив, он протянул диктофон Вартову.

— Снимки в аппарате, — сказал он.

— Когда наступила смерть и в результате чего? — почти автоматически произнес Вартов.

— Судя по трупным пятнам, 10—12 часов назад, в результате множества колото-резаных ран.

— Работал...

— Работал непрофессионал, возможно, это его первое в жизни убийство.

— Орудие преступления?

— Вполне вероятно, что окровавленный нож, который лежал рядом, и есть орудие преступления. Остальное после вскрытия.

— Кто обнаружил труп? — обратился Вартов к Баклажкину.

— Сторож, точнее, охранник.

— Возможные свидетели убийства?

— Вот тут самое любопытное. Охранник в комнате обнаружил двоих. Его, — Баклажкин кивнул на труп, — и начальника службы безопасности Щекина.

— Кого?

— Щекина.

— Так это его особняк?

— Да.

— И где этот начальник безопасности?

— Наверху. Там его мой напарник отпаивает.

— Чем?

— Водой, потому что он полувменяемый.

— Хорошо, труп можно отправлять в морг, а со свидетелями будем работать. Начнем с начальника охраны.

— Нет, — сказал Баклажкин, — начнем со сторожа. А к тому времени, может, и начальник очухается.

— Кстати, Кузьмич, — обратился Вартов к эксперту, — ты же врач, посмотри там этого начальника.

— Я-то врач, — проворчал Кузьмич, — но у меня не та специализация.

— И все-таки, — произнес Вартов, а потом обратился к Баклажкину. — Давай куда-нибудь охранника, будем работать.

Баклажкин привел охранника в одну из комнат первого этажа.

— Кстати, — сказал он, повторяя интонации Вартова, — мы там, в подвале, настоящий зиндан обнаружили.

— Что за зиндан? — спросил Вартов.

— Не знаю, — ответил тот, — это не наша епархия. Мы охраняем внутренний периметр и никогда не были в доме.

— А где же вы прятались от непогоды? — съязвил Баклажкин.

— У нас во дворе есть сторожка.

— Ладно, — сказал Вартов, — разберемся.

Он кивнул охраннику на один из стульев, стоящих возле круглого стола, сам сел напротив и достал лист бумаги. Баклажкин уселся на мягкий диван сбоку, чтобы видеть лицо опрашиваемого.

— Допрашивать будете? — спросил охранник.

— В некотором смысле, да, — ответил Вартов. — А вы против?

— Нет, но допрос — следственное действие, а до возбуждения уголовного дела его проводить нельзя.

— Правильно, — сказал Вартов, — вот поэтому мы и изберем форму объяснения. А откуда такое знание УПК?

— Учился в БИПе[1].

— А чего ж не работаешь по специальности?

— Есть негласное правило: выпускников коммерческих вузов в госструктуры не брать.

— Ну, если оно негласное, то значит такого правила нет. Право — писанный социальный регулятор.

— Не буду с вами спорить, — сказал охранник.

— Хорошо, ваша фамилия, имя и отчество...

Записав личные данные охранника, Вартов стал слушать его.

— Босс с Коляном и Петровичем, это его личные телохранители, поехал утром в аэропорт. Он должен был лететь в Варшаву, а потом в Лондон. Василия Сергеевича не было. Он был в доме босса в Минске.

— Кто такой Василий Сергеевич?

— Это управляющий.

Вартов посмотрел на Баклажкина, тот пожал плечами, мол, у богатых свои заморочки.

— Босс мне перед отъездом говорит: в подвале Рощупкин с каким-то мужиком разбирается. Смотри, чтобы он его не замочил. Я говорю: а как

---

[1] БИП — Белорусский институт правоведения.

я буду смотреть, я же на внешнем периметре. А он говорит: шучу. Ты проверь к обеду, если они еще там, скажи, чтобы выметались. И сошлись на меня. Нечего тут пьянку в мое отсутствие устраивать. Потом он уехал.

— А вы?

— А я службу нес до обеда.

— А потом.

— Потом я закрыл ворота и калитку на запор и пошел в подвал. Там все комнаты были закрыты, кроме одной. Я дверь раскрыл. Мать честная. А там в луже крови мужик какой-то лежит, а рядом Рощупкин пьяный спит.

— Кто такой Рощупкин?

— Это начальник службы безопасности.

— То есть ваш начальник?

— Нет, периметр охраняем мы втроем. И у нас начальник Василий Сергеевич.

— Так, ну а потом?

— Потом я побежал и позвонил с поста Василию Сергеевичу. Тот выругался и сказал, чтобы я звонил в милицию. Приехала милиция, потом вы. Вот и все.

— Еще вопрос. А вы видели, до того как спустились в подвал, мужика, с которым «разбирался» Рощупкин?

— Нет, он, видимо, вошел в дом раньше, чем я заступил. То есть до девяти часов утра.

— Пригласи эксперта, — сказал Вартов Баклажкину.

— Зачем? — спросил почему-то не Баклажкин, а охранник.

— Ногти тебе пострижем.

— Значит, вы меня подозреваете. Напрасно, я в этих делах кое-что понимаю, все же на юрфаке учился. Я туда даже не заходил.

* * *

После опроса охранника Вартов с Баклажкиным поднялись на второй этаж. Там в большой комнате стоял диван, на котором полулежал мужчина, руки которого были перепачканы кровью, правда, изрядно подсохшей. Мужчина странно таращил глаза на Кузьмича, который только что дал ему понюхать ватку с нашатырем.

— Кузьмич, — сказал Баклажкин, — а кроме нашатыря у вас есть способ привести пациента в чувство?

— Есть, — невозмутимо ответил Кузьмич, — натереть ему уши. И я сделал это чуть ранее. Но с ним невозможно работать. Он не соображает, что произошло и где он находится.

— А может, он притворяется? — спросил Баклажкин.

— Не думаю, — ответил Кузьмич.

— А что с ним? — поинтересовался следователь.

— Очень может быть, что приличная доза клофелина со спиртным. Кстати, бутылки в комнате криминалист не обнаружил.

— Зато в холодильнике приличная коллекция коньяков, — заметил Баклажкин.

— Ну да, — сказал Кузьмич, — вы же туда первым делом заглянули, когда на место происшествия приехали.

— Разумеется, — ответил Баклажкин и ухмыльнулся.

— Вызывайте скорую, — сказал Вартов.

— Уже вызвали. Они будут с минуты на минуту.

— Ага, — заметил Баклажкин, — разбежались.

— А я их стимулировал.

— Как?

— Сказал, что Щекину плохо.

— Круто, — констатировал Баклажкин.

— Зато надежно, — ответил Кузьмич, — а вот и они.

В комнату в сопровождении охранника внешнего периметра вошли двое мужчин в одинаковых комбинезонах и с пластмассовыми «сундуками».

— Где клиент? — спросил один из них.

Баклажкин кивнул головой в сторону Рощупкина.

Медики приблизились к Рощупкину. Один из них похлопал его по щеке, другой оттянул вниз веко.

— Может, сразу в больницу? — спросил Вартов.

— Нет, — заметил Баклажкин, — он нам именно сейчас нужен, так что работайте.

Медики приступили к работе, а Вартов и Баклажкин спустились в подвал.

— А где твой напарник? — спросил Вартов.

— Отправил домой, пусть отдохнет. Я, судя по всему, здесь надолго застрял. Нет смысла еще и ему быть здесь.

Они прошли подвальным коридором до дверей того, что Баклажкин назвал зинданом. Двери камеры были открыты. Первым туда вошел Баклажкин.

— Ни хрена антураж, — сказал он, — один в один СИЗО, и даже запах тот же.

Вартов тоже вошел в камеру. Внимательно все осмотрел. Подошел к двери, вышел, опробовал волчок, открыл «кормушку».

— Да, — только и сказал.

— И для кого же такая камера предназначалась? — спросил Баклажкин.

— Предполагаю, что для недругов Щекина, помня его темное уголовное прошлое.

Вартов снова вошел в камеру, внимательно посмотрел на нижние и верхние нары. Потом набрал номер телефона. Связи не было.

— Здесь подвал, — сказал Баклажкин, — не дозвонишься, поднимайся наверх.

Вартов вышел на улицу, посмотрел на звездное сентябрьское небо и снова набрал номер телефона Морозова.

— Привет, сиделец, — сказал он, услышав голос друга. — Рад тебя слышать.

— Не могу сказать того же, — ответил Морозов.

— Что так?

— А то ты не знаешь. Ты допросил вчера Анастасию в присутствии Елены, а теперь я не могу отмыться.

— Не бери в голову. Это, скорее всего, Елена тебя разводит.

— Разводит, сводит, ты зачем влез в мою жизнь?

— Володя, тебя спасая.

— Спасая, — передразнил Морозов, — спасатель.

— Ладно, не ной. Я же чувствую, что ты хочешь соскочить с разговора. А ты мне нужен. Скажи, там, где ты содержался, на нарах была надпись?

— Где я консультировал?

— Пусть будет так.

— Была.

— Какая?

— Не скажу.

— Ну ладно, я тебе помогу, чтобы ты не чувствовал себя доносчиком и предателем. Она была из четырех букв?

— Да.

— И первая буква была «З».

— Да.

— Назови мне эту надпись.

— Зяба.

— Прекрасно, на днях я тебя вызову повесткой.

— Я ничего не скажу.

— Володя, боюсь, что ты скажешь все. Дело идет об убийстве.

— Там в подвале?

— Да, здесь в подвале.

— Твою мать. Они убили Налыгова.

— Кто такой Налыгов?

— Это сотрудник института физики.

— Он тоже был здесь?

— Да.

— Ладно, отбивайся.

Вартов снова спустился в подвал. Но в камере Баклажкина не обнаружил. Он нашел опера в комнате, где было совершено убийство. Тот стоял перед холодильником, дверь которого была открыта, и рассматривал содержимое.

— Хватит любоваться, — сказал ему Вартов, — пойдем наверх, может, Рощупкин отошел.

— Я уже там был.

— И что?

— Увезли его медики в БСМП, плох он, может кони кинуть.

— Ну ладно, давай составим протокол осмотра и по домам. А завтра сразу в БСМП. Да, возьми у меня аппарат, пусть ваши спецы распечатают снимки, мне они утром понадобятся.

* * *

На следующий день Вартов вместе с Баклажкиным поехали в БСМП.

— Дело возбудили? — спросил Баклажкин по дороге в больницу, протягивая распечатанные снимки с места происшествия.

— Да, по факту умышленного убийства.

Заведующий отделением, в котором лежал Рощупкин, сказал, что тому повезло. У него невероятно крепкий организм. И после промывания желудка и трех капельниц он почти восстановился.

И это было действительно так. Приглашенный в кабинет заведующего Рощупкин выглядел вполне здоровым.

Однако он ничего не помнил о событиях вчерашнего дня. Он говорил о каких-то ребятах, которые были необходимы боссу для консультации, потом о своем дальнем родственнике, который приехал к нему утром. О подготовке к отъезду босса в Англию.

— Нужно переговорить, — сказал Баклажкин Вартову, и они вышли из кабинета заведующего в коридор.

— Надо везти его на место происшествия, — сказал Баклажкин. — Иначе ничего не получится.

— Надо, — согласился Вартов.

— Едем за город, — сказал Вартов Рощупкину, возвратившись в кабинет, внимательно наблюдая за его реакцией. Но тот согласился довольно спокойно.

По дороге за город Рощупкин несколько раз звонил по телефону своему родственнику. Однако тот не отвечал.

Они подъехали к коттеджу в виде маленького Тауэра. Охранник, увидев с приехавшими Рощупкина, молча открыл ворота.

Все трое прошли на второй этаж в кабинет Щекина. Расположились традиционно: Вартов и Рощупкин за столом напротив друг друга. Баклажкин на диване сбоку.

Начав допрос, Вартов заполнил так называемую «шапку» с установочными данными Рощупкина и затем опять попросил рассказать о том, что происходило в данном доме двое суток назад.

Но Рощупкин слово в слово повторил все сказанное им в больнице.

Вартов хотел было приступить к вопросам, но вмешался Баклажкин.

— Я думаю, мы прогуляемся в подвал, а потом приступим к уточнению деталей его рассказа,— сказал он, поднимаясь с дивана.

Баклажкин с Рощупкиным отсутствовали с четверть часа. За это время Вартов осмотрел обстановку кабинета Щекина. Она была спартанской, если говорить о количестве предметов мебели и утвари: стол, несколько стульев, диван, перед ним небольшой ковер. В углу комнаты секретер и рабочий стол, на котором ничего, кроме календаря, не было. Впрочем, нет. На подоконнике стоял маленький черный бюст человека в средневековом парике. Что-то знакомое было в его чертах. Где-то Вартов видел эти волнистые волосы.

Вернулись Рощупкин с Баклажкиным. Баклажкин светился от некоей профессиональной радости, а на Рощупкина было тяжело смотреть. Он словно впал во вчерашний ступор.

— Итак, — сказал Вартов, когда Баклажкин помог Рощупкину усесться на стул, — уточним некоторые подробности.

— Каким образом здесь оказались Налыгов с Морозовым?

Рощупкин долго молчал, а потом произнес:

— Босс... пригласил их для консультаций.

— Все ясно. А как их доставили сюда?

— Ребята съездили за ними.

— Понятно.

— И в результате Морозов оказался дома, а Налыгов...

— Они оба оказались дома, только одного я отвез домой вечером, а второго рано утром.

— А потом?

— А потом я вернулся сюда и увидел, что во дворе находится Ипатыч.

— Кто такой Ипатыч?

— Это мой шурин. Я очень удивился.

— Почему?

— Дело в том, что со Щекиным свел его я. И у них были какие-то дела. Но о его приглашении в коттедж Щекин мне ничего не говорил.

— Что было потом?

— Потом появился Щекин и сказал, что он занят, и отправил нас в комнату для переговоров.

— А почему не в кабинет, например.

— Комната для переговоров была оборудована так, что разговоры там невозможно прослушать. И там не было видеонаблюдения. Мы стали ждать Щекина.

— О чем вы говорили?

— Да так... Ни о чем. Там на столе Ипатыч увидел два бокала и начатую бутылку коньяка, из которой пил Щекин, когда говорил с Налыговым.

Он налил мне и себе, и мы выпили, потом еще... А потом я ничего не помню, наверное, вырубился.

— Давайте как-то активизируем вашу память, — сказал Вартов и достал из папки цветные фотографии, которые сделал криминалист на месте происшествия.

На них, положив голову на окровавленные руки, спал Рощупкин, а рядом лежал труп человека, которого Рощупкин назвал Ипатычем.

— Вот что обнаружили мы, прибыв на место происшествия, — сказал Вартов.

— Это не я, — ответил Рощупкин. — Зачем мне было Ипатыча убивать. Он брат моей жены.

— Это не аргумент, — сказал Баклажкин, — может, ты вспомнишь еще что-нибудь?

— Да, мне снилось, что я вижу Ипатыча, а у него в груди нож, и я стал его извлекать.

— Ну да, — произнес Баклажкин, — и запачкался кровью.

— Да, — подтвердил Рощупкин.

Баклажкин открыл было рот сказать, что за его службу таких объяснений он слышал не одну сотню раз, но Вартов перебил его.

— Подведем некоторый итог, — сказал следователь, — что мы имеем в сухом остатке. Вот эти картинки, нож, которым был убит Ипатыч и на котором отпечатки ваших пальцев, срезы ваших ногтей, эксперты еще с ними не работали, но на сто процентов можно обещать, что там будет кровь убитого.

— Но это не я, — слабо произнес Рощупкин, — у меня не было причин убивать Ипатыча.

— Тогда кто его убил? — спросил Баклажкин.

— Не знаю.

— А не вели ли вы там разговоры, которые могли не понравиться Щекину?

Рощупкин насторожился. Затем, подумав, ответил:

— Нет. Щекин не мог нас слышать, там все заблокировано.

— Это для внешнего съема информации, — вмешался Баклажкин, — а сама комната просматривалась и прослушивалась из кабинета вашего босса.

— Твою мать, — выругался Рощупкин и схватился за голову.

Вартов и Баклажкин переглянулись. Вартов хотел задать очередной вопрос, как дверь распахнулась, и на пороге появился незнакомый мужчина.

— Что здесь происходит? — спросил он. — У ворот стоит автозак... Кто вы?

— Правильный вопрос, — отозвался Баклажкин, вскакивая с дивана и доставая из нагрудного кармана удостоверение личности, — я старший оперуполномоченный уголовного розыска, а это следователь прокуратуры по особо важным делам. А ты кто?

Мужчина на мгновение растерялся, но тут же взял себя в руки и с достоинством произнес:

— Василий Сергеевич, управляющий делами господина Щекина.

— Прекрасно, — сказал Баклажкин, — вас-то мы и ждем.

— Меня, — испугался управляющий, — вы меня ждете?

— Конечно, тебя, а кого же еще. Идем.

И Баклажкин чуть ли не вытолкал управляющего в коридор. Затем так же бесцеремонно привел его в подвал.

— Это что? — спросил он, ткнув пальцем в открытую дверь зиндана.

— Это комната отдыха, — нашелся управляющий.

— Стилизованная под тюремную камеру?

— В некотором смысле, да.

— Ну да, у богатых свои причуды. А это что?

И Баклажкин втолкнул управляющего в комнату для переговоров.

— Что это? — повторил он еще раз. — Комната переговоров, стилизованная под пыточную камеру.

Управляющий, увидев на полу пятно засохшей крови, впал в такой же ступор, что и Рощупкин.

— Ну вот, — сказал Баклажкин, — а то, «что здесь происходит»? Что здесь происходит?

— Вы меня извините, но я ничего не знаю, — начал было управляющий.

— Пойдем наверх, — ответил на это Баклажкин, — расскажешь следователю.

— Что?

— Все, чего не знаешь.

Когда они вернулись, Рощупкин расписывался в протоколе допроса и постановлении о заключении под стражу.

— Можешь его увозить, — сказал Вартов Баклажкину. — Хотя еще один вопрос. Рощупкин, дайте телефон жены вашего шурина, чтобы сообщить ей о случившемся и пригласить на опознание трупа.

— Нет, нет, — ответил Рощупкин, — только не это, она сразу во всем обвинит меня.

— И все же.

Рощупкин продиктовал номер телефона и направился к выходу, Баклажкин двинулся за ним.

Вартов кивнул управляющему на стул, на котором только что сидел Рощупкин. При этом он заметил, что с уходом Баклажкина Василий Сергеевич как-то приободрился и даже с некоторой наглецой стал посматривать на Вартова. Он не преминул ехидно передразнить следователя: номер жены вашего шурина — это перл.

— Возможно, — отреагировал на это Вартов, — но мы не будем обсуждать перлы и ляпы следователей. Мы будем отвечать на их вопросы. Итак, Василий Сергеевич, скажите, вы как управляющий знали, что в этих апартаментах время от времени незаконно содержатся похищенные люди?

— Я? — удивленно произнес управляющий.

Но Вартов не позволил ему играть святую невинность.

— Вы, вы, — передразнил он. — Ознакомьтесь, пожалуйста, со статьями 182 и 183 Уголовного кодекса республики.

Вартов всегда носил в папке Уголовный кодекс и частенько пользовался им. Он мгновенно раскрыл его на нужной странице и протянул управляющему.

— Потом посмотрите статью 12, там вы найдете определение тяжкого преступления, а теперь статью 405, она называется «Укрывательство преступлений». Санкция у нее небольшая: до двух лет лишения свободы, но для вас будет достаточно. А потом вам уехавший за рубеж хозяин еще что-нибудь подбросит.

— Но я ничего не знал.

— Прекрасно, статья так и называется: «Заранее не обещанное укрывательство лица, совершившего преступление, либо орудий и средств совершения преступления, следов преступления или предметов, добытых преступным путем». Как?

— Но я ничего не знал.

— Да все вы знали, потому и не приехали вчера на звонок охранника. Так?

— Я просто был занят на другом объекте.

— Каком, позвольте полюбопытствовать?

— На квартире Федора Михайловича.

— А не было ли у вас договоренности с Федором Михайловичем по поводу того, что вы не должны появляться здесь вчера.

— Нет, Федор Михайлович загрузил меня работой по консервации его квартиры в Минске. И я не мог куда-то ехать, пока не выполню его указание.

— Значит, Федор Михайлович не собирается возвращаться сюда?

— Об этом надо спрашивать у него.

— Хорошо, Василий Сергеевич, давайте ответим на несколько общих вопросов, а потом вернемся к конкретике. Давно вы работаете у Щекина?

— Более пяти лет.

— Ваши служебные обязанности?

— Хозяйственные функции.

— То есть к вывозке трупов и утилизации их вы не имеете никакого отношения.

— Да господь с вами, Федор Михайлович бизнесмен, а не бандит. Его состояние позволяет ему не опускаться до... этого.

— Еще один вопрос, где его жена?

— Она живет у старшего сына в Москве.

— А где находится младший?

— А младший учится в колледже в Лондоне, туда собственно и полетел Федор Михайлович.

— Тогда еще один вопрос? Некая страсть вашего работодателя к английскому антуражу это...

— Вы имеете ввиду этого, — сказал управляющий и кивнул головой в сторону бюста на подоконнике.

— Да, — ответил Вартов, — а кто это?

— Это Ньютон.

— А почему он здесь оказался?

— Это относится к воспитанию младшенького.

— А что же старшенький?

— Старшенький. Вы знаете, есть такая русская поговорка, что дитя воспитывают тогда, когда лежит поперек лавки. Когда вдоль — делать это уже поздно.

* * *

После допроса управляющего Вартов поехал в прокуратуру. Установил адрес и телефон Налыгова, пригласил его, а потом и Морозова в прокуратуру. Налыгов отреагировал на это спокойно. Морозов посопротивлялся. Но Вартов намекнул ему, что пришлет повестку, а потом и конвой.

Вечером, перед тем как уйти домой, Вартов подвел итоги минувшего дня.

Подозреваемый в ИВС, потерпевший в морге. Ясности о мотивах совершения преступления нет. Значит, завтра на эту ясность придется работать.

Он уже выключил свет в кабинете, как вдруг вспомнил, что не позвонил «жене шурина». Вартов набрал номер телефона. Трубку долго не брали, а потом раздался женский голос.

— Вас слушают.

Он представился и спросил.

— Это вы заявляли о пропаже мужа?

— А что, он пропал?

— По нашим данным, да.

— И чем могу вам помочь?

— А разве вы его не ищете?

— Вы знаете, он пропал много месяцев назад, когда связался с одной юной шалавой.

— Понятно.

— А вы его нашли?

— Не то чтобы... Но мы обнаружили труп мужчины, весьма похожего на вашего мужа.

— Допрыгался, козел, — сказала женщина. — А я ему говорила, что эти бабы его доведут до каталажки, но все оказалось гораздо хуже...

— Вы не могли бы приехать на опознание.

— Вот еще. Пусть его Рощупкин опознает. У него с ним какие-то общие дела были.

— А Рощупкин это кто, ваш родной брат?

— Троюродный, — ответила женщина и положила трубку.

Вартов вышел на улицу, подошел к автомобилю, и в это время кто-то сзади закрыл ему глаза.

— Угадай, кто это, — услышал он голос Елены.

— Да разве тебя спутаешь с кем-либо, — ответил Вартов.

Вартов открыл дверцу машины со стороны водителя, а Елена впорхнула на первое сиденье с противоположной стороны.

— Тебя подвезти?

— Да, — ответила она.

— Надеюсь, тебя не подослал Морозов, чтобы избежать завтрашнего допроса?

— Вот еще, буду я посредником выступать.

— Ну, тогда что привело?

— Трогай, я тебе по дороге расскажу.

Однако всю дорогу домой Елена молчала. А когда машина остановилась у ее дома, сказала:

— Зайдешь на чашечку кофе?

— Нет, — ответил Вартов.

— Почему, — капризно протянула Елена.

— Потому, что не хочу вспышки ревности со стороны Морозова.

— Вот еще. Да мы с ними вчера расстались.

— Вот как? И что же послужило причиной разрыва?

— Не что, а кто. Ты, — сказала, как выпалила, Елена.

— Вот те раз. И чем же я послужил?

— Ты дураком не прикидывайся, я давно заметила, что ты на меня глаз положил.

— Я?

— Ты-ты. Я ведь не какая-нибудь блондинка, — тут Елена тряхнула своими иссиня-черными волосами, — я все понимаю.

— Почему ты так решила?

— Да тут дураку понятно, иначе ты бы не поссорил меня с Морозовым.

— И как же я это сделал? — удивился Вартов.

— Во-первых, допрашивал Анастасию, его бывшую, у меня на глазах. А во-вторых, был у Морозова на квартире, а когда тот появился, дал понять, что у нас с тобой что-то было.

— Послушай, а может мне поговорить с Морозовым и объяснить ему все.

— Не-а, так будет еще хуже. Он подумает, что мы оправдываемся.

— Почему мы?

— Потому что мы...

— Вот те на, и кто это решил?

— Я... и ты.

— Слушай Лена, а тебе не приходило в голову, что у меня уже есть жена.

— Слушай, Сеня, но ты же с ней в разводе.

— Был, а теперь опять сошелся и, пожалуйста, не называй меня Сеней.

Елена молча открыла дверцу машины, выбралась и пошла прочь.

— Фу, — вслух произнес Вартов, — ну и жизнь, даже не знаешь, что с тобой будет в следующую минуту.

* * *

Утром, по дороге на работу, Вартов думал, как ему обойтись без допроса обоих ученых. С одной стороны, в деле об убийстве появятся два протокола допроса лиц, которые никоим образом не имели к этому убийству отношения. С другой стороны, заставить «похищенных» давать показания можно было, только зафиксировав их показания официально, то есть в процессуальной форме.

В конце концов, Вартов решил сделать вид, будто допрашивает ученых как свидетелей, а представит это как консультацию, которая могла бы пролить свет на мотивы совершения преступления.

И Морозов, и Налыгов ждали его. Они сидели на стульях возле дежурного милиционера. Вартов поднялся вместе с ними на четвертый этаж, пригласил в кабинет. Усадил напротив своего стола. Записал их данные, а потом произнес:

— Расскажете все, что знаете о нем.

И Вартов показал ученым фото, которое он скачал в интернете дома.

— Кто это?

Морозов с Налыговым переглянулись.

— Это Ньютон, — сказали они почти одновременно.

— Вот с него и начнем. Это прояснит нам многое, например, почему Щекин дал команду доставить ему для «консультации» именно вас?

— Мне кажется, — после небольшой паузы произнес Налыгов, — его не устраивала официальная версия о гениальности Ньютона.

— Да ну, бред, — не согласился Морозов, — мне показалось, что его устраивает именно официальная версия.

— А не кажется ли вам, господа ученые, что он выбрал для «консультации» вас только потому, что у вас полярные точки зрения на один и тот же предмет.

— Объект, — поправил следователя Морозов.

— Вполне возможно, — согласился Налыгов.

— А раз так, давайте озвучим ваши подходы, и может, логика Щекина станет понятной.

— Да чего тут озвучивать, — сказал Морозов, — все эти декадентские версии — попытка опустить великого ученого, чтобы возвыситься самим.

— Нельзя быть голословным, — сказал на это Налыгов, — приведите пример, коллега, кто возвысился на этом.

— Да я так, вообще.

— Не надо вообще, давайте конкретней.

— Ну, довольно препирательств, — вмешался Вартов, — в чем суть ваших разногласий?

— Суть их проста, — сказал Налыгов, — объективно не бывает ни великих ученых, ни великих государственных деятелей.

— Откуда же они берутся.

— Их делают.

— Кто?

— До этого мы дойдем, — сказал Налыгов, — будем касаться только Ньютона. Ньютона сделал его учитель Барроу, который принадлежал к ордену «люцифериан».

— Это сатанистов, что ли? — спросил Вартов.

— Это вы сказали, — ответил на реплику Налыгов и продолжил: — Барроу передал Ньютону ряд переведенных им трактатов, которые и сделали последнему имя. И все пошло, как рассчитывали «люцифериане».

— Зачем это было ему? — спросил Вартов.

— Этому есть три объяснения. Во-первых, прославляя молодого ученого, Барроу прославлял Кембридж, во-вторых, самого себя, ведь он был, говоря современным языком, научным руководителем Ньютона, но самое главное, он продвигал эту фигуру для решения ряда других задач.

— А почему именно Ньютона?

— Потому, что в те средневековые кастово-сословные времена у «люцифериан» не было возможностей продвигать в правящую элиту аристократию или членов королевской семьи. Вот они и использовали другие каналы для решения своих задач. Продвижение своих адептов через науку.

— Доказательства, — произнес Вартов.

А Налыгов усмехнулся, вспомнив, что еще сутки назад с таким требованием к нему подходили Рощупкин со Щекиным.

— Пожалуйста. Я уже говорил, что Ньютон не обладал качествами Барроу, головка его от славы закружилась, и он сам поверил в то, что он гений. Его мания величия стала расти как снежный ком, который пустили с горы. И тут Барроу щелкнул его по носу, причем так ощутимо, что Ньютон запомнил этот урок на всю жизнь. Он сказал Ньютону, что может хоть завтра опубликовать переводы трудов Омара Хайяма, и что после останется от «гения Ньютона»?

Телефонный звонок прервал рассуждения Налыгова.

— Да, — сказал Вартов, сняв трубку. — Понял.

Он положил трубку на место и произнес:

— Босс вызывает, говорит, что на минутку, но минутки у него в четверть часа. Так что, коллеги, побудьте пока в коридоре. А чтобы на вас косо не смотрели, передвиньтесь к окну.

— Не доверяешь нам? — спросил Морозов.

— Доверяю, но правила у нас таковы.

* * *

Вартов вернулся через полчаса, открыл дверь кабинета, впустил ученых и спросил:

— На чем мы остановились?

— На том, что Барроу щелкнул своего ученика по носу, — ехидно заметил Морозов.

— Точно, — подтвердил это Вартов, — продолжайте.

— Источники утверждают, — стал говорить Налыгов, — что Ньютона после этого чуть не хватил удар. Он какое-то время болел, но усвоил и этот урок. Потому что понимал, пока он играет по правилам его покровителей,

с ним ничего не может случиться. Хотя с той поры у него появилась навязчивая идея найти и сжечь переводы трактатов Хайяма.

— И он реализовал ее? — спросил Вартов.

— Да, буквально через полгода после этого разговора, в мае 1677 года, Барроу в возрасте 47 лет скоропостижно умирает. Воспользовавшись этим, Ньютон успевает забрать из тайника Барроу все бумаги, в том числе и работы Омара Хайяма. Он скопировал то, что ему могло пригодиться в будущем, а остальное сжег.

Однако спустя несколько лет в кабинете Ньютона случился пожар. Причем это был странный пожар, который выборочно сжег документы из тайника, а также трактаты по химии, оптике, по акустике, рукописи о цвете и свете и многие другие.

Ньютона опять чуть не хватил удар, потому что восстановить он этого не мог. Но это было не самое страшное. На пепелище лежала записка, адресованная Ньютону, в которой указывалось, что уничтоженные им трактаты Омара Хайяма из тайника Барроу — всего лишь арабские копии подлинников, выполненных в XIII веке.

Источники свидетельствуют, что это так потрясло Ньютона, что он чуть было не сошел с ума.

— Стоп, — сказал Морозов, — я уже не могу слушать этот бред. Особенно, когда ты говоришь «источники», что это за источники, где можно их почитать?

— В библиотеках, — ответил Налыгов, — в интернете, наконец.

— А, понятно, на какой помойке ты все это взял.

— Вообще-то я не сам сюда пришел и не нуждаюсь в подтверждении моей компетенции кем-либо.

— Не мешай, — прервал причитания Морозова Вартов, — весьма интересно. Продолжаем, рассуждения твоего коллеги не лишены логики.

— Да причем тут мои рассуждения, я лишь цитирую источники, которые мне удалось прочесть. Так вот, после пожара в кабинете Ньютон три года находился на грани помешательства. Но «люциފериане», преподав ему урок, не хотели отказываться от своего адепта, которого так долго взращивали. Они вылечили его...

— Как, — спросил Вартов, — как они его вылечили?

— Как обычно, путем ряда психологических процедур и обещания всегда помочь, если он будет выполнять все ему предписанное.

Поскольку Ньютон уже не мог заниматься наукой и делать «открытия», он попросил «лициффериан» подыскать ему место в Лондоне. И «люцифериане» дали ему возможность искупить прегрешения перед ними последующим служением, устроив Ньютона на должность... смотрителя Монетного двора. Ньютон занялся новым делом с превеликим усердием и добился успехов. Но источники утверждают...

— Опять источники, — в сердцах высказался Морозов.

Но Налыгов не обратил на это внимания и продолжал.

— Источники утверждают, что дело было не в деловых качествах Ньютона, «люцифериане», наряду с наведением порядка в монетном деле, решали с помощью Ньютона свои меркантильные задачи. И любой другой человек на этом месте мог им помешать...

— Ну, — произнес Морозов, обращаясь к Вартову, — ты что-нибудь понял из всего этого?

— Из этого я все понял, — ответил Вартов, — мне непонятно, почему все это так интересовало Щекина?

Морозов и Налыгов одновременно пожали плечами.

— А не замечали ли вы какой-нибудь странности в поведении Рощупкина и Щекина.

— Нет, — мгновенно ответил Морозов.

— Была такая странность в их поведении, — сказал Налыгов, — мне показалось, что Рощупкин не хотел, чтобы Щекин услышал мою версию о великом Ньютоне.

— Хорошо, коллеги, — произнес Вартов, — пока прервемся. Если кто-то из вас вспомнит некие странности или детали, которые имели место быть в разговорах со Щекиным или Рощупкиным, милости прошу, вот мой телефон. Звоните в любое время дня и ночи.

— Ага, разбежались, — сказал Морозов и поднялся со стула.

* * *

Закончив беседу с учеными, Вартов позвонил Баклажкину и попросил изъять из ИВС Рощупкина и привезти его в прокуратуру.

— Допрашивать будешь? — спросил Баклажкин.

— Сначала съездим на опознание, а потом допросим.

— А родственники?

— Да не нашел я родственников, а свойственница от него отказывается.

— Да, это свойственно свойственницам, — скаламбурил Баклажкин.

Опознание в силу своей привычности для Вартова, да и Баклажкина, прошло быстро.

— Вы позвоните жене, — сказал Рощупкин, — пусть заберет его.

— Вряд ли она его заберет, — ответил Вартов. — Они уже много месяцев как расстались.

— Твою мать, — выругался Рощупкин. — Конспираторы. Ни она, ни он мне об этом не говорили.

— А может у него есть настоящие родственники? — спросил Баклажкин.

— Есть у него брат, он в Степянке живет. Но он колясочник и вряд ли сможет его забрать.

— Надо с ним связаться, — сказал Вартов, — вдруг он знает кого-то, кто может его забрать и похоронить.

— Связывайтесь, — равнодушно произнес Рощупкин.

— Мы где будем работать, — спросил Баклажкин, — у тебя?

— Не будем тратить времени, — ответил Вартов, — заедем к тебе и там поговорим.

Устроившись в кабинете Баклажкина, Вартов достал бланк протокола допроса подозреваемого, написал на нем «продолжение» и спросил:

— Ничего не пришло на ум за эти сутки?

— А что мне должно было прийти, — спросил Рощупкин, — и почему?

— Потому, что вы отошли от отравления и мозги ваши прояснились, — не желая настраивать подозреваемого против себя пояснил Вартов.

— А-а, — произнес Рощупкин, — если так...

— Так, так. Ничего нового?

— Ничего.

— Ну, тогда несколько уточнений. Что за проблемы были у Щекина со старшеньким?

— Это имеет отношение к делу?

— Имеет, имеет. Сейчас все имеет отношение и к делу, и к убийству, тем более, что вы не хотите его признавать.

— Ладно. Старшенький заколебал босса.
— В чем это выражалось?
— Наверное, гены давали о себе знать. Учиться он не хотел и все время стремился в тюрьму.
— И только связи бати спасали его.
— Да.
— И тогда он отделил старшенького?
— Нет, он купил дом в Москве и отправил туда жену и старшенького.
— И все у него получилось, как задумал?
— Нет, старшенький сколотил банду и сел там в тюрьму, причем надолго.
— Но Щекин его пестует?
— Не знаю, а вот мать ездит на свидания и поддерживает его.
— А младшенький?
— Босс счел, что дело не в генах, а в среде и отправил младшенького учиться в Англию.
— Подальше от среды?
— Да.
— А при чем тут Ньютон и его интерес к нему?
— Босс как человек, который учился весьма плохо, из ученых знал только Ньютона. И вообще, у него как мужика, за спиной которого несколько начальных классов, твердая уверенность в том, что все физические законы были открыты тогда, а современные физики ничто.
— Но потом он почему-то пошел дальше и стал собирать о Ньютоне не только то, что сообщают его официальные биографы?
— Да.
— Это не связано с Ипатычем?
— Не знаю, — со вздохом ответил Рощупкин, — босс не тот человек, чтобы просто так говорить о своих маклях с посторонними. Что у него были за дела с Кшанцевым, я не знаю.
— Но ведь Кшанцев ваш шурин, и познакомили их вы.
— Да. Дело в том, что босс одно время занялся сатанизмом.
— Чем?
— Сатанизмом. Стал изучать разные оккультные вещи. А Ипатыч или Кшанцев в молодости тоже этим занимался. И я, недолго думая, их свел. Свел, а не познакомил. Босс не любит знакомиться. У него свои правила, видимо, оставшиеся от прежних отсидок. Но потом босс остыл к сатанистам, но с Кшанцевым продолжал общаться. Видимо, у него появился к нему новый интерес. Кстати, Кшанцев ездил в Лондон и тайно отслеживал поведение младшенького.
— Хорошо, на этом прервемся, — сказал Вартов Рощупкину.
— Он больше не нужен? — спросил Баклажкин, кивнув на Рощупкина.
— Да, можешь отвести его.
— Вот еще, — ответил Баклажкин, — не царское это дело водить задержанных.
Он позвонил в дежурку. Через пять минут появился сержант и забрал Рощупкина.
— Что дальше? — спросил Баклажкин.
— Будем делать обыск у Щекина в коттедже. Звони управляющему, ищи понятых, а я за санкцией.
Но прежде чем получить санкцию, Вартов позвонил жене Кшанцева.
— Это опять вы? — спросила она, не дав следователю представиться. — Что на этот раз вам нужно?

— Вашего мужа опознали, вы можете забрать его для похорон.

— Вот еще, — сказала женщина почти так же, как несколько минут назад это сделал Баклажкин, — пусть его хоронит та, к которой он ушел.

— Хорошо, — ответил Вартов, — а номер телефона его брата у вас есть?

— Есть. Кшанцев-старший — единственный порядочный человек в этой семейке. Он живет в Степянке.

И она продиктовала номер, а также адрес.

— Звать его Игорь Ипатьевич, — сказала она в заключение и повесила трубку.

Вартов сразу же позвонил брату потерпевшего.

— Вас слушают, — был вежливый ответ.

— Это следователь по особо важным делам городской прокуратуры Вартов.

— Как ваше имя отчество?

— Арсений Николаевич.

— К вашим услугам, Арсений Николаевич, — хотя я догадываюсь, по поводу чего вы позвонили.

— Вам уже кто-то сообщил.

— Нет, но предчувствие чего-то нехорошего, что должно случиться с близким кругом родственников, у меня было.

— Тогда миссия моя упрощается. Ваш брат Никанор был обнаружен мертвым позавчера.

— Я так и знал...

— Мои вам соболезнования. Он в городском морге, его можно забрать для похорон. Все следственные действия проведены, и я дал распоряжение не препятствовать выдаче тела родственникам.

— Не препятствовать, — как эхо почему-то повторил Кшанцев, — спасибо вам за своевременный звонок. Я займусь его похоронами. На всякий случай, у вас есть мой адрес?

— Есть.

— Имейте в виду, что у вас там написано улица Городская, а на самом деле улица называется Горная. А все остальное правильно.

Закончив разговор, Вартов посмотрел свою запись и удивился.

На клочке бумаги действительно было написано: улица Городская.

Складывалось ощущение, что Кшанцев Игорь смог увидеть это на расстоянии. «Скорее всего, это ошибка жены его брата, — подумал Вартов, — и та ее постоянно транслирует».

Вартов еще раз просмотрел фотографии с места происшествия. У Кшанцева-младшего было запоминающееся лицо. Обычно такие лица встречаются среди тех, кто имеет некий выдающийся признак или примету. И такой приметой у Кшанцева Никанора был нос: не просто большой, но и треугольный, так как крылья его разлетались чуть ли на длину самого носа.

На обыск поехали после шести вечера. В машине Баклажкина сидели Вартов и двое понятых. Это были друзья детства Баклажкина, которым очень хотелось, как они говорили, взглянуть на «хоромы» олигарха.

Впереди на расстоянии видимости маячила машина управляющего.

Начали с подвала. Осмотрели и обыскали камеру и комнату для тайных переговоров. Поднялись на первый этаж.

Несмотря на то, что коттедж был большой и имел много комнат, обстановка была скромной. Да и предметов, которые могли представлять интерес для следствия, не было.

Управляющий шел впереди, открывая двери и ящики шкафов.

Однако когда очередь дошла до сейфа, он сказал, что ключей от сейфа у него нет.

— Там только наличность, — сказал управляющий, — вы же не ее ищете.

Стали перебирать книги на полке. Их оказалось немного, все они были исторические и все касались Англии.

Управляющий с едва скрываемой иронией смотрел, как Баклажкин и Вартов просматривают книги. В одной из них оказался непонятный листок, на котором стояли странные цифры.

— Смета какая-то, — сказал Баклажкин.

— Оставь ее, — произнес Вартов, — потом оценим.

Чуть позже в ящике стола в кабинете они нашли тонкую папку, в которой было два документа. Вартов не обратил бы на них внимания, если бы не вчерашний допрос Рощупкина и сознание того, что он так и не определился с мотивами преступления.

Если сам обыск прошел спокойно, изъятию папки и листка с цифрами управляющий воспротивился.

— Ребята, — говорил он, — вы меня поймите, Федор Михайлович сказал, что из этого дома в его отсутствие не должна пропасть ни одна вещь.

И он упал животом на папку, которая лежала на столе.

— Мы опишем изъятие и дадим вам копию протокола, — стал объяснять Вартов.

А Баклажкин посмотрел на часы и сказал:

— Батя, тебя следак предупреждал о последствиях воспрепятствования действиям сотрудников?

Потом обратился к понятым:

— Прошу подтвердить этот факт в протоколе обыска. А я зафиксирую его действия на пленку.

В подтверждение своих слов Баклажкин вытащил мобильный телефон и попытался сфотографировать управляющего.

Однако делал он это неторопливо, и Василий Сергеевич успел соскочить со стола.

В двенадцать ночи обыск был закончен. И уже через час, благо улицы города были свободны, Баклажкин привез следователя домой.

* * *

На следующий день Вартов стал изучать изъятое. Листок, который был найден в книге, представлял собой смету. Правда, все действия были зашифрованы, но через тире от каждого стояла приличная сумма в фунтах стерлингов.

Внизу сметы был странный адрес: «Кенсингтон, Мидлсекс, Англия, Королевство Великобритания — Вестминстерское аббатство — церковь напротив здания Парламента».

Что касается бумаг в папке, там, по сути, было два документа.

Один из них был статьей, которая называлась «Ген речи FOXP2 отвечает за изменения лингвистического аппарата».

«Твою дивизию, — подумал Вартов, — все помешались на генах, геномах и нанотехнологиях».

Следователь пробежал статью по диагонали, отмечая основные ее моменты. В статье говорилось, что ученые обнаружили в геноме человека ген, который может объяснить, почему у людей развились такие способности, как

язык и речь, тогда как у наших ближайших биологических родственников, шимпанзе, нет.

Что обнаруженный ген FOXP2 является так называемым транскрипционным фактором, то есть он регулирует другие гены.

Ученые также полагали, что другая часть зависимых от FOXP2 генов связана с рядом важных функций в развитии мозга и связей между нейронами. Они уверены, что «FOXP2 не только важен для высших когнитивных и лингвистических аспектов речи, но и для самой ее моторики».

Последние две строчки были обведены красным фломастером, и на полях стоял знак вопроса.

Но еще более любопытным был третий документ.

Он имел броское название: «Кто такой дьявол?»

Статья была испещрена карандашными пометками. Это был некий конспект, в котором наиболее значимые, с точки зрения конспектирующего, положения были подчеркнуты все тем же красным фломастером.

Их-то, в первую очередь, и прочел Вартов.

«Современный сатанизм не является религией, — значилось в конспекте, — все сведения о дьяволе он берет из христианской традиции. Он не выражает никаких духовных упований и не обещает спасения. Он просто ритуализирует протест против христианской морали и описывает различные формы антиобщественного поведения».

Телефонный звонок прервал чтение Вартова. Он снял трубку телефона.

— Ты на месте? — спросил Баклажкин.

— Ну, если ты звонишь мне по городскому, то я на месте.

— Есть новости.

— Излагай.

— Труп Кшанцева вчера забрали из морга, а сегодня в четыре дня прощание на Ольшевского, а затем похороны. Как организация?

— Нормально.

— А знаешь, кто все это организовал?

— Нет.

— Его брат.

— Что тебя тут удивляет.

— Он это сделал, не выходя из своего дома.

— Ну и что?

— Чел обладает большими возможностями. Я тут кое-какие данные на него собрал. Так он этот... «люциферианин».

— Твою дивизию, — выругался Вартов, — меня прямо обложили сатанистами.

— Мое дело тебя предупредить, — сказал Баклажкин и положил трубку.

* * *

«Ну, дела», — подумал Вартов, вернулся к статье, произнес вслух это странно звучащее слово «люциферианин» и вздрогнул, потому что увидел следующий выделенный абзац статьи.

«Одно из имен Сатаны — Люцифер, означающее «несущий свет», было известно задолго до появления христианства. Люцифер — так называли древние евреи звезду, что последней гасла на небе при восходе солнца. По легенде, эта звезда пыталась затмить само солнце, но потерпела поражение от небесного светила. Аналогия с историей Сатаны видна

невооруженным глазом. Кроме того, Сатану-ангела и называли «утренней звездой».

Дочитав статью, Вартов почесал затылок, набрал номер телефона Налыгова и сказал:

— Петр, ты мне срочно нужен.

— Куда приехать?

— Давай я сам подъеду к Академии наук...

Налыгов встретил его на выходе из метро.

— Ты как узнал, что я выйду именно здесь? — спросил Вартов.

— Логика, — ответил Налыгов, — здесь ближе всего к институту физики.

— Молодец.

— Пойдем ко мне? — спросил Налыгов.

— Нет, сядем на лавочку и поговорим.

— Без протокола?

— Ну, разумеется.

— Я уже догадался, зачем понадобился. Вы продолжаете изучать личность Ньютона и, конечно, забрались в некие дебри.

— Да. Но меня сейчас интересует не Ньютон, а так называемые преобразователи мира.

— Понятно. Но для этого вам придется выслушать меня, не прерывая.

— Идет.

И Вартов два часа слушал Налыгова, а потом протянул листок, изъятый при обыске у Щекина.

«Кенсингтон, Мидлсекс, Англия, Королевство Великобритания — Вестминстерское аббатство — церковь напротив здания Парламента» — значилось там.

— Это место смерти и захоронения Ньютона, — сказал Налыгов. — Я свободен?

— Разумеется, — был ответ.

* * *

В половине четвертого Вартов подъехал в бюро ритуальных услуг на улице Ольшевского. В зале, где стоял гроб с телом Кшанцева, было несколько мужчин.

Кто-то тронул Вартова за плечо. Он оглянулся и увидел Баклажкина.

— Ты чего здесь? — спросил Вартов.

— По тем же причинам, что и ты. Также хочу увидеть Магистра тайного ордена «люцифериан» уж если не Беларуси, то Минска, то есть Кшанцева-старшего.

— Откуда у тебя такая информация?

— Работаем, — ответил Баклажкин.

Однако увидеть Магистра не довелось. В четыре часа гроб с телом был вынесен, помещен в автобус-катафалк и отправлен на кладбище.

— Как я понял, — сказал Баклажкин, — ты собираешься нанести ему визит?

— Да.

— А может, его лучше вызвать повесткой?

— Почему лучше?

— Безопасней. Говорят, у него все в человеческих черепах, и он всех насквозь видит.

— Потому и нужно ехать к нему. Так лучше можно понять, что он за человек и почему убили его брата.

Вартов вернулся в контору, долго перечитывал протоколы допросов и все, что узнал от добровольных консультантов. А потом позвонил Кшанцеву-старшему и договорился на завтра о встрече.

Однако утром ему не удалось поехать в Степянку сразу: у входа в прокуратуру его ждал Василий Сергеевич.

— Вы ко мне? — спросил Вартов.

— Конечно, — ответил тот.

В кабинете Василий Сергеевич напомнил о том, что Вартов сам просил его прийти, если вспомнит или узнает что-либо.

— И не потому, что я страшусь ответственности за недонесение, а потому, что я честный гражданин своей страны.

Вартов выслушал длительное вступление и только потом сказал:

— Давайте ближе к конкретике.

— Так вот, конкретика, — сказал управляющий, — вчера звонила жена Коляна, то есть Николая Ващилова.

— Она потеряла мужа?

— Нет, не совсем, она была удивлена, что на ее адрес пришла из-за границы крупная сумма денег.

— И никакого пояснения?

— В том-то и дело. Если бы это был Колян, он бы хоть пару строк написал и пояснил, а так пришли и все. И она испугалась.

— А может, отправитель адресом ошибся?

— Вы меня извините.

— Тогда почему она испугалась?

— Колян ее научил осторожности, сказал, чтобы была готова к возможным провокациям, ведь он телохранителем у Федора Михалыча работает, а у того много... недругов.

— Понятно, а сумма приличная?

— Более чем.

— Ну, а от меня вы что хотите?

— Это еще не все, вчера поздно вечером звонил Федор Михайлович.

— Он возвращается?

— Да, через несколько дней. Но у него неприятности.

— Какие?

— Ващилов сбежал и, наверное, будет просить политического убежища.

— Так, — сказал Вартов, — и с этого момента, если я вызову на допрос охранника, который стоял на воротах в день убийства, он скажет, что именно Ващилов заходил в дом перед тем, как Щекину уехать, и... долго там находился.

— Он уже это сказал, — произнес управляющий.

— Кому?

— Мне.

— Все ясно, вы пока свободны.

— А вы не будет фиксировать это в протокол?

— Чуть позже, у меня сейчас другая встреча, — сказал Вартов и простился с Василием Сергеевичем.

* * *

По дороге в Степянку Вартов позвонил Баклажкину и получил дополнительную информацию о Кшанцеве-старшем и его месте проживания.

В заключение Баклажкин сказал, что он следователь-идиот, поскольку без охраны едет в логово сатанистов Минска.

Вартов подъехал на машине к коттеджу на улице Горная. Безвкусный особняк был построен в стиле... Трудно подобрать название стиля дому, который строился бывшим начальником ОБЭП, в последующем куплен и перестроен цыганским баро, которого обстоятельства выжили из Минска. Кто жил в нем теперь, не знали даже соседи. Потому что после баро куплен он был «коммерсантом со Ждановичей», но тот тут же перепродал его другому человеку. И этого человека никто не видел. Правда, сам коммерсант время от времени наведывался в дом. А поскольку соседи знали его в лицо, они здоровались и тот отвечал тем же. Но иногда с коммерсантом происходило что-то странное. Он словно терял память и не узнавал соседей. Правда, на приветствия всегда отвечал. Однако делал это почти механически и зеркально. Если с ним здоровались, он говорил: здравствуйте. Если кивали, отвечал таким же кивком.

Вартов подошел к воротам дома и нажал на кнопку звонка, расположенного слева от калитки.

— Да, — ответил мужской голос.

— Мне нужен Игорь Ипатьевич.

— Я — Игорь Ипатьевич.

— А я следователь Вартов, мы договаривались с вами о встрече.

— Входите.

Что-то щелкнуло, и калитка открылась. Вартов краем глаза заметил, как чуть повернулся глазок камеры на фронтоне дома.

Он пошел по дорожке к входу. То ли сработал фотоэлемент, то ли невидимый хозяин видел его передвижение, но двери дома открылись сами и так же мягко закрылись за ним.

А дальше начались чудеса. По мере того как Вартов шел, двери перед ним продолжали открываться и закрываться. Это было удобно, потому что, войдя в первую комнату, он увидел две двери и не сразу понял, в какую ему идти.

В дальней комнате коттеджа, обставленной книжными полками, в передвижном кресле-коляске сидел человек.

Вартова пот прошиб — перед ним сидел похороненный вчера Никанор Кшанцев. Ошибиться было невозможно, на его лице был тот же отличительный признак, на который ранее обратил внимание Вартов — треугольный нос.

— Добрый день, — сказал человек, сидящий в кресле, — я знаю, что вас так удивило: мое сходство с Никанором. Так?

— Да, — произнес Вартов.

— Вас ввело в заблуждение то, что меня называют Кшанцевым-старшим? На самом деле мы близнецы. Просто я родился на пятнадцать минут раньше его, и родители стали звать меня старшим, а его младшим. Со временем эти установки отложились в нашем мозгу, и я опекал его, а он все время прятался под мое крыло в детстве и юности. Вы присаживайтесь, здесь есть второе кресло, правда, без колесиков. Оно за вами возле стола.

Вартов оглянулся и увидел кресло, похожее на кресло хозяина. Он сел, почувствовав, как сиденье и спинка мягко приняли его тело.

Устроившись, он огляделся, и этот взгляд не остался незамеченным.

— Вы ищете атрибуты тайного ордена «люцифериан»? — спросил Кшанцев-старший.

— В некотором роде...

— Нет никаких атрибутов, — произнес Кшанцев-старший, — это все фантазии пэтэушников.

Он двинул свое кресло, переместился ближе к окну, наверное, чтобы лучше разглядеть Вартова.

— Вы получили травму? — спросил Вартов.

— Нет, — как говорят мои лечащие врачи, — это расплата за прямохождение и сидение в библиотеках. Итак, я к вашим услугам.

— Даже не знаю, с чего начать, — сказал Вартов.

— А вы начните с того, о чем хотели бы спросить меня в первую очередь. Там, на столе, лежит лист бумаги. Это то, что вам нужно для начала?

Вартов взял лист в руки. На нем крупными буквами было написано.

«Сэр Исаак Ньютон (англ. Sir Isaac Newton, 25 декабря 1642 года — 20 марта 1727 года по юлианскому календарю, действовавшему в Англии до 1752 года; или 4 января 1643 года — 31 марта 1727 года по григорианскому календарю)».

— Откуда вы узнали? Вы умеете читать мысли других людей?

— Нет, я не умею читать мысли, хотя мог бы прикинуться таковым, все проще. Вы ведете следствие по факту убийства моего брата. А оно, как я предполагаю, связано с человеком, имя которого — на листе бумаги.

— Да, я хотел бы, чтобы вы пояснили, какое отношение ваш брат имел ко всему, что связано с именем Ньютона. Но, прежде всего, удовлетворите мое любопытство. Вас считают Магистром сатанистов в Минске.

Кшанцев рассмеялся.

— Фактически это не так. Я всего лишь ученый-гуманитарий, который много лет назад начал исследовать отношения человека с Богом или Богами во времена ведичества. Но как только я заметил определенные закономерности этих отношений, я стал неким символом у людей, гордо называющих себя сатанистами или «люциферианами».

Меня стали приглашать на всякие сборища, пытались надеть какие-то мантии, консультировались. В конце концов, я сбежал от них сюда. Но это не помогло, тут же возникла легенда, что я удалился от мира, чтобы быть ближе к Нему. И хотя я уже не участвую в собраниях, как утверждают адепты, всегда «незримо присутствую» там.

Кшанцев немного помолчал, а потом спросил:

— Мы сразу возьмем быка за рога или вы предпочитаете некое введение в тему, которая вас так интересует и в которой запутался мой брат.

— Я бы хотел знать ответ: почему был убит ваш брат, но, полагаю, вы не Господь Бог и не его антипод, и этого не знаете. Мне же, для того чтобы найти нужную соломинку истины и ухватиться за нее, приходится просеивать целый стог. Я мог бы взять часть этого стога, но тогда есть вероятность, что искомая соломинка будет находиться в другой части. Так что лучше просеять весь стог.

— Логично, — ответил Кшанцев. — Начнем с того, что современные исследователи Ньютона нашли в его биографии много странностей. И если не связать их с некоей тайной организацией, то трудно увидеть логику его поступков.

— А почему тайной? — спросил Вартов.

— Здесь нужно знать не только историю возникновения антипода Господа, но и отношение к нему в средние века. Я не буду читать вам лекцию, я отвечу на ваш вопрос и дам вам несколько постулатов тех, кого называли или называют сатанистами.

И Вартову пришлось вновь прослушать лекцию о сатанистах.

— Как я понял, — сказал он, после того как Кшанцев-старший замолчал, — сатанисты — это не те, кто, надев на шею пентаграмму, ходят ночью на кладбище совершать разные обряды.

— Ни боже мой. Они краем уха слышали, что сатанист обязан насылать порчу на всех соседей, убивать попадающихся на пути младенцев, а также употреблять максимально возможное количество горячительных напитков. А поскольку они и ранее их употребляли, то само употребление облекается в некую оправдательную форму и объясняет принадлежность не к «планктону», а людям избранным или необычным.

— Я думаю, этого достаточно, — сказал Вартов, — у меня крыша едет от всего этого. Но мне бы хотелось узнать, какое отношение к сатанизму имел ваш брат?

— Никакого, если не считать, что он повышал свой авторитет тем, что носил на шее пентаграмму и много разглагольствовал о свободе.

— А какая связь между Ньютоном, вашим братом и Щекиным?

— Так фамилия благодетеля и работодателя брата Щекин?

— Да.

— Так вот, брат мой был авантюристом, и это, скорее всего, его и погубило. Он связался с каким-то денежным мешком и чем-то его заинтересовал. И тот денежный мешок хорошо оплачивал то, чем брат занимался. Причем, очень хорошо. Поскольку отношения у брата и его жены не складывались, деньги в банке он не держал, а купил этот дом, поселил меня в нем как овчарку для охраны.

— Вложил деньги в недвижимость.

— Да.

— А как вы полагаете, чем мог ваш брат не угодить своему работодателю?

— Не знаю, хотя могу предположить тенденцию.

— И какую же?

— Мой брат, хотя и называл себя сатанистом, не мог понять того, что на деле он не сатанист.

— В чем это выражалось?

— В том, что он делал что хотел, а не то, что изволил.

— Не совсем понял.

— Хотеть можно невозможного, а изволение всегда связано с волей. А воли у брата как раз и не хватало.

* * *

Возвращаясь из Степянки в город, Вартов едва не попал в ДТП. Какой-то нетерпеливый водила объехал на перекрестке ждущие зеленого света машины, но так как пространство между первой машиной и полосой поперечного движения было минимальным, он, чтобы его не зацепили проезжающие машины, резко сдал назад. И если бы не реакция Вартова, который успел сделать то же самое, столкновение было бы неизбежным. Вартов выругался, но тут зажегся зеленый, водитель дал по газам и умчался.

«Еще один псевдосатанист, — подумал Вартов, — делает, что хочет. А как должен был поступить в этом случае тот, кто делает, что изволит? Правильно, учесть и правила дорожного движения, и обстановку на дороге».

Тут он вспомнил окончание разговора с Кшанцевым-старшим.

Когда Вартов выразил удивление тем, что тот воспринимает смерть брата так легко, Кшанцев-старший ответил:

— Он сделал свой выбор сам.

— Вы говорили, что ваш брат авантюрист, в чем это выражалось?

— Он мог дать обещание, не подкрепленное ничем...

— И что из этого, у нас многие дают обещания, не подкрепленные ничем...

— В отличие от них, брат не знал в этом меры. Например, ему могла прийти в голову мысль, что пора продавать участки земли на Луне. И он мог взяться за организацию этой акции и сбор денежных средств.

— Разумеется, в свой карман.

— Это само собой. Ну как, я помог вам чем-то?

— Да, я стал яснее понимать логику поведения всех участников этой драмы. Осталось расставить точки над «i», и все станет на свои места. Я, пожалуй, могу указать на возможного убийцу.

— Прекрасно.

— А вы хотите узнать, кто убил вашего брата?

— Нет.

— Почему?

— Я знаю, кто его убил.

— И кто же?

— Стоит ли мне уточнять это после лекции, что я вам прочел.

По приезде в прокуратуру Вартов заперся в кабинете и понял, что переоценил свои возможности, заявив Кшанцеву-старшему, что готов назвать убийцу. И тогда он стал снова просматривать материалы дела в поисках не столько указания на убийцу, сколько детали, которая могла бы позволить ему выбрать направление, по которому нужно идти дальше, чтобы определиться с тем, кто совершил преступление.

К вечеру он его нашел и позвонил Морозову и Налыгову, а также Василию Сергеевичу.

— Чем обязан? — спросил Василий Сергеевич.

— Мне завтра нужен ваш охранник, который стоял на воротах в день убийства.

— Он завтра на смене.

— Подмените его.

— Мне это сделать некем, второй охранник ушел в отпуск.

— Тогда станьте на ворота сами.

— Не могу, со дня на день ожидаем возвращения Федора Михайловича. А представьте себе, он приезжает, а его управляющий стоит на воротах. Кошмар.

— И действительно, чего это я вмешиваюсь в ваши производственные дела. Завтра он должен быть у меня к десяти ноль-ноль, — сказал Вартов и положил трубку.

Посидев немного, он набрал номер телефона Баклажкина.

— Тебе удалось вырваться из лап самого главного сатаниста Минска? — спросил тот.

— Удалось, — ответил Вартов

— Тогда какие будут указания?

— Ты должен доставить мне Рощупкина к десяти пятнадцати.

— Почему такая точность?

— Тактическая уловка.

— А-а, понял, не дурак, — сказал Баклажкин, — дурак бы не понял.

— Ко мне не заходи, будь с ним там, у дежурного милиционера. Проследишь за его реакцией в тот момент, когда мимо него будут выходить люди, которые приглашены мной на десять часов.

— Понял, — ответил Баклажкин, — а если пробки?

— Тогда отзвонись, и я людей задержу в кабинете.

— Лады.

Дома Вартов решил лечь спать пораньше. Но позвонила Елена Копчикова.

— Я навела справки. Нет у тебя никакой жены.

— Елена, — сказал Вартов, — у меня завтра трудный день, дай мне выспаться.

— Нет, — сказала Елена, — не дам. Ты меня обманул.

— Да, — ответил Вартов, — я тебя обманул.

— Ага, хорошо, что сам это признал. Так что делать мне?

— Делай, что изволишь, — ответил Вартов, — а там будь что будет.

После этого он отключил телефон, хотя делать это ему запрещали должностные инструкции, и лег спать.

* * *

Утром следующего дня он принял ванну, надел, как это было принято перед боем у предков, свежее белье и поехал на службу.

К десяти часам подошли вызванные им свидетели. Вартов пригласил в кабинет всех. Усадив троицу перед собой на стулья, сказал:

— Уточним некоторые детали.

— Да уж все бито-перебито... — начал канючить Морозов.

— А вы, — Вартов обратился к охраннику, — вспоминайте, кто из телохранителей отлучался в дом перед самым отъездом Щекина в аэропорт.

— Да че вспоминать, — сказал охранник, — это был Колян.

— Сколько он пробыл в доме?

— Минут пятнадцать.

— Были ли какие-то изменения в его эмоциональном состоянии, когда он вышел из дома?

— Нет, но он торопился, потому что задерживал выезд машины в аэропорт.

В это время раздался звонок телефона и Баклажкин сказал:

— Мы ждем внизу.

Задав еще несколько незначительных вопросов, Вартов отпустил всех. Первыми вышли ученые. Потом охранник. Выждав минуту-другую, Вартов позвонил вниз дежурному милиционеру и дал разрешение на вход Баклажкина с Рощупкиным.

Те появились минут через пять. Пока Рощупкин усаживался на указанный ему стул напротив стола следователя, Вартов вопросительно взглянул на Баклажкина. Тот кивнул головой. Встреча с учеными и охранником произвела на задержанного нужное впечатление. После этого Баклажкин сел сбоку от Рощупкина, показывая всем своим видом, что готов отслеживать эмоциональные реакции подозреваемого.

Вартов, между тем, не торопясь заполнял «шапку» протокола.

— Итак, — сказал он, обращаясь к Рощупкину, — картина преступления в общих чертах понятна, уточним отдельные детали и таким образом расставим все точки над «i». Или вы сами скажете мне то, что не говорили ранее.

Рощупкин посмотрел на Баклажкина и сказал:

— Я попробую.

— Но чтобы не было лишнего, я буду вас поправлять. Начнем с того, что вы объясните мне значение этого документа и его интерес для Щекина.

Вартов протянул статью о гене.

— Дело в том, — начал Рощупкин, — что у босса двое детей. Хотя нет, все началось с утренних газет. Не знаю где, но, наверное, в зоне у него был наставник по кличке Лорд.

— Этот Лорд и заразил его интересом к Англии.

— Да. Но сначала он просто имитировал этот интерес, а потом втянулся.

— Что послужило причиной?

— Сначала это был понт, что и мы, мол, не лыком шиты.

— А потом?

— Потом интерес стал более прагматичным. У босса начались проблемы с детьми. Осознав, что он фактически упустил воспитание старшенького, Босс стал искать выход, который позволил бы младшенькому стать в будущем нормальным человеком и бизнесменом.

— Тогда он и начал почитывать статейки о генах и геномах?

— Нет, сначала он читал другие статейки, авторы которых утверждали, что во всем виновата социальная среда. И стоит ребенка из этой среды убрать и переместить в другую, как все станет на свои места. А поскольку он считал, что такой средой может быть Англия, отправил туда в частную школу младшенького.

— Но это не дало эффекта? И тут кто-то сказал ему про гены?

— Нет, гены были потом. Тут кто-то сказал ему, что есть маги-волшебники и они могут все.

— Понятно. И вы, выполняя поручение найти такого мага, представили ему своего шурина.

— Кляну тот день, когда я это сделал.

— И что было потом?

— А потом шурин понял, что босса можно доить. Что уж он ему наплел, но босс сделал его своим приближенным. Ипатыч стал ездить в Англию. И только потом я стал догадываться, что он перевел стрелки с магии на гены, геномы и все, что с ними было связано.

— И вы утверждаете, что никакого участия в аферах Кшанцева-младшего не принимали?

— Не принимал, мало того, я о них до последнего времени и не знал.

— Не хитрите, Рощупкин, в частности, Кшанцев-старший и все, кого мне за это время пришлось допросить, говорят, что это не так.

— Да что они могут знать. Ну конечно, я понимал в общих чертах, что происходит. Ведь все было построено так, чтобы спасти младшенького. И Кшанцев сказал боссу, что мало вырвать ребенка из среды, которая в свое время сформировала самого Щекина. Потому, что есть еще фактор генов. Я думаю, что босс поинтересовался, а как выйти из этого положения. Вот тогда и проявился весь авантюризм Ипатыча, он пообещал боссу решить и эту проблему в Англии.

— Разумеется, за бешеные деньги.

— Конечно.

Вартов протянул Рощупкину смету.

— А это что? — спросил он.

— Это его черновичек по смете расходов.

— Расходов на что?

— Вы не поверите, но это расходы на получение генов Ньютона, а потом проведение в одной из тайных лабораторий Англии подсадки цепочки генов Ньютона младшенькому.

— И Щекин поверил в это. Почему?

— Этому было две причины: Ипатыч обладал даром колдовства, а сам босс очень хотел видеть сына не таким, каким был он сам. Кшанцев убедил Щекина, что через год произойдет замена генов, и тупость ума младшенького превратится в остроту ума Ньютона.

— А у Ипатыча не хватило ума понять, что он этим самым дергает смерть за усы?

— Ума-то у него хватало, но он мудро полагал, что тут все как у Ходжи Насреддина: либо эмир умрет, либо ишак... либо...

— Вы видите, он оказался прав, оказалось третье либо...

— Да.

— И когда Щекин догадался, что его кинули?

— Несколько месяцев назад.

— И тогда он стал собирать альтернативные данные по биографии Ньютона?

— Да.

— И все же, что послужило первопричиной? Ипатыч заврался, или...

— Ой, все гораздо проще. У босса особенно не забалуешь. Он послал Коляна в Англию и тот рассказал, что младшенький, несмотря на то, что ему год назад пересадили гены Ньютона, по-прежнему балбес-балбесом. Но самое страшное, он завел дружбу с голубыми... Вот тогда Щекин и заинтересовался деталями биографии Ньютона.

— Поэтому вы и организовали похищение Морозова и Налыгова?

— Вот тогда он приказал пригласить их для консультации. Морозов повел себя правильно, а второй, молодой, сказал, что Ньютон был в услужении у Барроу... Босс рассвирепел, он сказал, что его младшенькому внедрили гены педераста. И кое-кто за это поплатится.

Когда я отвез Налыгова в город и вернулся, в доме уже был Ипатыч. Я сначала подумал, что он полетит с боссом в Лондон. Но босс сказал, чтобы я увел Ипатыча в комнату для совещаний и ждал там его.

— И у вас не зародилось сомнений...

— Когда мы остались вдвоем, Ипатыч, а у него чуйка работала дай бог каждому, сказал мне: что-то не так.

И стал расспрашивать меня, кого я отвозил и привозил. Но я не стал отвечать, так как понимал, что комната защищена от внешней прослушки, а не от внутренней. Но Ипатычу как вожжа под хвост попала. Я ему намекаю, чтобы он заткнулся. А он не понимает. Потом я ему уже открытым текстом говорю: чего ты мелешь, и глазами показываю на возможные микрофоны. Тут он кое-что понял, взял недопитую боссом бутылку коньяка, налил мне и себе и говорит:

— Давай, брат, выпьем.

Ну выпили мы и отключились. Причем как-то странно, вроде видим все, а сделать ничего не можем.

Тут в комнату Колян входит и хлесь меня по челюсти, я и отрубился. Он бывший боксер и по этим штучкам мастак... А когда я в себя пришел, вижу: я весь в крови, а у Ипатыча нож в груди. Я как во сне бросился ему на помощь и вытащил нож...

— Ваши предположения, кто мог этот нож загнать в сердце Кшанцева?

— Колян, конечно. Помяните, рано или поздно выяснится, что Колян до Лондона не долетел, а остался в Минске. А то и труп его найдется.

* * *

Закончив допрос Рощупкина, Вартов отправил его обратно в ИВС.

— А не лучше ли его освободить? — спросил Баклажкин.

— Не лучше, юридически для этого нет оснований.

Время приближалось к обеду, и Вартов решил выбежать за пределы прокуратуры пообедать. Но тут раздался телефонный звонок мобильного, и взволнованный голос Василия Сергеевича сообщил, что самолет из Варшавы приземлился в аэропорту Минск-2 и Федор Михайлович едет к Вартову для разговора.

— Я сейчас не на службе, — сказал Вартов, — если вы надумаете приехать, отзвонитесь. Постараюсь подойти.

Он положил трубку и отправился в Макдональдс.

В Макдональдсе была большая очередь, и он понял, что не успеет пообедать. Так и вышло. Вскоре раздался еще один звонок, и Василий Сергеевич сообщил, что они уже подъехали к прокуратуре.

Чертыхаясь, следователь отправился обратно. К своему удивлению, он обнаружил управляющего и Щекина у столика для посетителей.

Потом они поднялись на четвертый этаж, Вартов открыл дверь и пригласил в кабинет Щекина.

Василий Сергеевич двинулся за ним. Но Вартов тоном Миллера из «Семнадцати мгновений весны» произнес:

— А вас я попрошу остаться... в коридоре.

Подождав, пока Щекин устроится на стуле перед столом следователя, Вартов сказал:

— Давно хотел с вами встретиться.

— Не могу сказать того же, — ответил Щекин, однако без понтов и вполне нейтрально. — Я, узнав о случившемся, хотел было сразу вернуться, но дела затянули.

— Хорошо, — ответил Вартов, — не буду вас долго задерживать. В минском ИВС содержится ваш начальник службы безопасности Рощупкин по подозрению в убийстве гражданина Кшанцева.

— Я это знаю.

— Вы полагаете...

— Я не только полагаю, но и знаю, что Рощупкин отношения к убийству Кшанцева не имеет. Впрочем, все по порядку. Кшанцев — мошенник, но это не повод, чтобы его убивать. Сейчас каждый пытается урвать кусок у ближнего. И Кшанцев попытался это сделать, но я его не сужу. Он пытался заработать на одном деле, о котором я говорить не буду, поскольку это моя коммерческая тайна. Я несколько раз посылал его в Англию, но он не справился со своей работой и я пригласил его вовсе не для того, чтобы в очередной раз взять с собой, а для того, чтобы сказать ему, что в его услугах больше не нуждаюсь.

— И вы сказали ему?

— Да.

— Но он стал просить через Рощупкина более длительного разговора для того, чтобы объяснить причины своих провалов. Однако я своих решений не меняю. И я послал Коляна, одного из своих телохранителей, сообщить Кшанцеву об этом.

— А где был в это время Кшанцев?

— В подвале коттеджа, в комнате для совещаний.

Колян сходил туда и вернулся. Я не обратил внимания, что он вернулся не так скоро, как должен был.

Потом мы сели в машину и уехали в аэропорт.

На второй день нашего пребывания в Лондоне он исчез. А потом второй телохранитель обнаружил записку, которая была адресована мне. Из нее я понял, что у Коляна с Кшанцевым произошел конфликт. Кшанцев, понимая,

что шансов выиграть у Коляна нет, пытался ударить его ножом, но Колян опередил его. Собственно, тому есть свидетель Рощупкин.

— У вас есть эта записка? — спросил Вартов.

— Разумеется, я привез ее вам, и не только ее. Вот еще заявление Коляна о приеме на работу.

— А это зачем?

— Чтобы вы могли убедиться, что они обе написаны одной рукой. Любая почерковедческая экспертиза это подтвердит.

— Прекрасно, — сказал на это Вартов, — скажите, а как ваша поездка в Лондон? Как ваш младшенький?

— А чего ему, балбесу, сделается, учится и забот не знает.

Задав еще несколько вопросов, Вартов дал Щекину подписать протокол допроса и расстался с ним.

Затем он прочитал записку Ващилова и стал писать постановление об освобождении из-под стражи Рощупкина.

После этого он позвонил Баклажкину и поехал к нему в управление.

Процедура освобождения Рощупкина не заняла много времени. После нее Вартов уединился с Баклажкиным в его кабинете.

— Дай посмотреть записку, — сказал Баклажкин.

— Возьми, — ответил следователь и протянул Баклажкину папку, в которой вместе с бланками процессуальных документов лежал небольшой листок, исписанный телохранителем Щекина.

Баклажкин достал записку, пробежал глазами по тексту, а потом с выражением прочитал:

«Уважаемый Федор Михайлович, спешу признаться вам, что перед отъездом из Минска у меня вышел конфликт с гражданином Кшанцевым, который, будучи пьяным, нелицеприятно отозвался о моих качествах телохранителя. На помощь ему пришел ваш сотрудник Рощупкин, которого мне пришлось нокаутировать. Кшанцев, увидев это, понял, что со мной ему не справиться, и вытащил нож. Я перехватил его руку, но он дернулся и налетел на лезвие своего ножа. Увидев, что его не спасти, я покинул комнату, поднялся наверх и уехал с вами в аэропорт. Я хотел рассказать вам обо всем по дороге, но все откладывал. По прилету в Лондон я понял, что вы меня не поймете, решил признаться вам письменно и не возвращаться на родину. Николай Ващилов».

— Да, — произнес Баклажкин, — осталось приписать: «не могу с этим жить и добровольно ухожу...».

— Ну, это было бы совсем не по понятиям, — сказал Вартов, — Колян честно выполнил все, что от него требовалось, а правильные пацаны не могут платить злом за добро. Теперь понятно, что за деньги были переведены на счет жены Коляна.

— Ладно, как бы это ни звучало, дело мы раскрыли, невиновного освободили. А не глотнуть ли нам по...

— Не могу, — ответил Вартов, — за рулем.

— Так оставь здесь машину...

— Тоже не могу, — ответил Вартов.

— Ну как знаешь, — произнес Баклажкин.

Вартов вышел на крыльцо управления и увидел, что возле машины его караулят два гаишника в желто-зеленых жилетах.

«Этого еще не хватало», — подумал он и позвонил Баклажкину.

Баклажин появился через пару минут, мгновенно оценил обстановку и сказал:

— А не хрен под запрещающим знаком останавливаться.

— Но ведь служебная необходимость, — отреагировал Вартов.

— Ладно, пойдем.

Баклажкин утряс ситуацию, и Вартов уехал, чувствуя на своем затылке недовольные взгляды гаишников.

Инцидент испортил ему настроение.

И, попав в пробку на «Пушкинской», он вдруг подумал, что мир устроен странно. Стоит порадоваться чему-то, как тут же тебе как ушат холодной воды — огорчение. Ему захотелось праздника. И он уже пожалел, что не поддержал Баклажкина и не остался глотнуть...

Поставив машину на стоянке возле дома, Вартов двинулся к подъезду. Двери его были открыты. Летом в подвале прорвало трубу, и жители первого этажа в теплую погоду проветривали подъезд, дабы избавиться от запаха сырости.

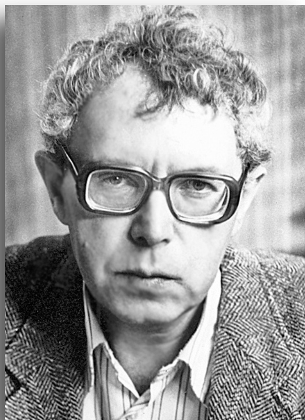
На скамейке возле входа в дом, излюбленном месте времяпровождения подъездных старушек, сидела Елена Копчикова. Смирение было написано на ее веснушчатом лице.

— Я все знаю, — произнесла она, — я навела справки, никого у тебя нет.

— И что из этого следует?

— Я хочу к тебе, Арсений.

Вартов улыбнулся, вошел, не оглядываясь, в подъезд и стал подниматься по лестнице, слушая приятный цокот каблучков Елены.



ИЗЯСЛАВ КОТЛЯРОВ

Далеко за далью недалекой...

* * *

А в том, с чего я начинал, —
ни завершений, ни начал, —
мир наново творился
и даже тем, что я молчал,
я говорился.
Летела птица мне во взгляд,
весь рассыпался снегопад,
дремала вечность в хате
и тишину вдруг, сам не рад,
случайно клюнул дятел.
Он где-то замер на сосне
и сам прислушался ко мне,
шептавшему стихами,
что эту вечность в тишине
я заберу словами.
И станут белыми слова, —
в них светом истина жива,
мерцаньем сути дышит.
Я знаю вечные права —
и мир меня услышит.
Нет, эха эхом не позвать
и светом голоса не стать,
хоть небо снегопадит...
На то, чтоб это осознать,
сознания не хватит.

* * *

Правильность неправильна, я знаю, —
вновь заговорила тишина,
и не понимая, понимаю:
мыслям сумасшедшинка нужна.
Млечный путь, а свет ведет в астральность...
Замерцала непроглядно тьма,
обрела слепую гениальность
истина, сводящая с ума.
Трудно быть дыханием и духом, —
духом иль дыханием кричу?

И внимаю слухом или слуху
там, где даже искренне молчу.
Надо, разучившись, научиться,
а иначе слава как товар...
Только тем хотелось бы гордиться,
что дается дару даром в дар.

Правильность неправильна, я знаю...

* * *

Своим внимай молитвам
пред истинной судьбой,
дыши словесным ритмом,
как дышит он тобой.
Учись, чтоб разучиться
тому, что можешь ты,
заглядывай не в лица,
а в лики доброты.
Что ж, люди — только люди.
Жизнь каждому своя.
Знай: беспредельность сути —
в пределах бытия.
Слова спасет бумага,
но дай словам, любя,
опомниться от страха,
что пережил себя.
Будь сам стихотвореньем,
все с вечностью мири.
Творись, творись твореньем,
а не его твори.
Знай: мнимое — не мнимость,
а дата — не число...
Творцу — непостижимость,
а прочим — ремесло.

* * *

Тишина вне шелеста земного,
неземная, что ли, тишина...
Вся из ожидания дорога,
бледная, сиротская луна.
Силуэтно замерли деревья,
оглянуться боязно во тьму...
Столько и во мне еще доверья,
что живого страха не пойму.
Где-то рядом таинство и тайна, —
разнятся значенья, а слова
сказаны как будто бы случайно:
ночь, луна, мерцание, трава...

Но меж ними та нерасторжимость,
от которой слезы на глазах,
и себя пугающая мнимость,
и все тот же незабвенный страх.
Тишина опять за тишиною.
Лунным светом пробую вздохнуть.
Оглянулся — далеко за мною
непрожитым остается путь.

* * *

Я знал беспечности вранье,
все бесконечности измерил.
Я знал незнание свое,
в свое неверие поверил.
Себя до истины довел,
где все едины, все едино...
И ветка вскрикнула, а ствол
о чем-то прогудел былинно.
Слова не чувствовали губ, —
их уносил куда-то ветер...
Я гладил отстраненный дуб,
пришедший к нам из трех столетий.
Не время в нем, а времена, —
конкретность тоже неконкретна.
Я знал, что корни ищут дна,
но там не дно уже, а бездна.
Годами вспахана кора,
а что посеяно, — таится.
Я знал, что все, что знал вчера,
уже сегодня не годится.

* * *

Далеко за далью недалекой
вижу то, чего еще не жду...
Над моей невидимой дорогой
никому невидимый иду.
Облако толкнул — посторонилось,
осторожно солнце обошел, —
прямо в отступающую милость,
в то, чего всей жизнью не обрел.
Тишину молчанием потрогал
на пределе незнакомых сил...
Эхо бытия еще земного
прямо в поднебесье отпустил.
А оно звучит уже и немо, —
столько мною позабытых слов,
что, к земле прислушиваясь, небо
обретает и посмертный зов
далеко за далью недалекой...

ВАСИЛЬ ТКАЧЕВ

Два рассказа

Дрова

Осторожно ступая по свежему снежку, который наконец порадовал сельчан своей чистотой и белью, Игнатовна миновала огород, притворила за собой калитку и только тогда, прежде чем выбраться на заметенный асфальт, вспомнила, что забыла дома письмо, которое сочиняла вчера весь вечер. Как же без него, без этого письма, идти? Стоит ли? Она бы тогда и по телефону могла поговорить с председателем сельсовета — одна польза. Или на улице, встретив его. Только слово, считала, к делу не пришьешь. А бумажка — другое дело: ее должны зарегистрировать, это Игнатовна знала, и обязательно в месячный срок дать ответ. В этом письме на имя председателя сельсовета она жаловалась на отсутствие дров. Зима уже установилась прочно, и тут эта проблема. Раньше учителей, в том числе и учителей-пенсионеров, топливом на зиму обеспечивал сельсовет, а районный отдел образования аккуратно перечислял на это деньги, сегодня же — думай сама, как быть. Твои, одним словом, проблемы. Она и думала. И, видать, слишком долго — не уследила зиму, а она тут как тут. Почему-то надеялась, что в сараюшке запас дров на первое время имеется с прошлого года, а когда поинтересовалась, сколько их там, настроение испортилось: дров под разным хламом было совсем мало.

Вот и села Игнатовна вчера за стол, достав из шкафа ручку и тетрадь, и написала письмо-просьбу на имя председателя сельсовета Миронова: помоги, уважаемый. Нет, жаловаться на Миронова не было особой причины — к ней, Игнатовне, он относился с пониманием и сочувствием, а когда несколько дней назад уже зашел разговор про топливо, то председатель широким жестом указал на школу: завтра-послезавтра, Игнатовна, начнем бурить ее, дров будет — хоть на три зимы вперед. А вот бригаду молодцев, которые бы и занялись дровами, комплектуй сама. Ты же бывшая учительница, вон сколько твоих учеников живет сегодня в деревне!

Не сразу, надо признаться, дошли его слова. Сперва Игнатовна кивнула головой, мол, пусть будет и так, спасибо на добром слове, но позже, завтракая, представила, как будет сидеть перед печкой и бросать в ее чрево чурки из школьных бревен, то вздрогнула: ужас какой! Нет, нет, такого не может быть — чтобы она, учительница, сжигала свою школу в печи. Разве же так можно, люди? Представьте себе: учительница более чем с сорокалетним стажем сидит на табурете и подбрасывает в печку дрова из тех бревен, которые слышали не только ее голос, но и голоса сотен мальчишек и девчонок, голоса учителей, многих из которых сегодня нет уже на этом свете. Игнатовна еще долго неподвижно сидела за завтраком и вспоминала их. Почти каждого учи-

теля вспомнила. И учеников, которыми гордилась школа. Были среди них хорошие колхозники, офицеры, педагоги, даже один писатель. Да-да, и писатель. Им особенно гордилась Игнатовна, ведь это ж она преподавала язык и литературу! А куда же теперь девать его книги с автографами, театральные афишки и программки, фотокарточки? Стеллажи с экспонатами писателя-земляка занимали почти всю стену в классе. Что, забрать их домой? Или сообщить в район? Видимо, так и надо сделать: не пропадать же такому богатству, да и перед писателем-земляком неудобно, ведь именно она обращалась к нему с просьбой помочь создать в классе литературный уголок, посвященный его творчеству. Он всегда, надо отдать должное человеку, откликался, часто приезжал, выступал перед учителями и ребятами, дарил свои книги с теплыми пожеланиями.

Игнатовне же было пока не до экспонатов — на первом плане стояли дрова, они целиком занимали ее. И, конечно же, школа.

Школа строилась сразу после войны, место выбрали на окраине деревни, и так получилось, что она очутилась как бы в центре: до нее было почти одинаковое расстояние от всех близлежащих селений. Пока возили лес из Засожья на лошадях, а это почти сорок километров в одну сторону — свой сосняк посадили уже после войны, пока звенели топоры местных плотников, ребята учились по домам. Игнатовна преподавала белорусский язык и литературу; как и большинство учителей, была она не местная, а попала в Дубровку после педагогического института. Начала учиться еще до войны, а уже, когда она закончилась, получила диплом. И сразу же за работу. Приехала, а школы нет. Тогда местные жители за мизерную плату пускали в свои дома целые классы, и ничего удивительного в том никто не видел, что в обычных крестьянских комнатах стояли громоздкие парты из толстых досок, покрашенные в черный цвет, из-за которых хозяевам было другой раз не то что тесно, но просто неудобно: ребята гудят на уроках, как пчелы, не отдохнешь, да еще и не возьмешь что-нибудь необходимое тебе в сундуке или в шкафчике. Жди, пока звонок на перерыв. Да и дверями хлопают и хлопают школяры — в момент выстудят дом, да и снег липнет к их обуви. Хорошо еще, если не грязь во дворе. Зато б видели, как блестят иногда глаза у тех хозяев, в домах которых проходили уроки. Доверие стоило дорого, его не всем оказывали.

Игнатовна хорошо помнит, как строилась школа, как радовались все — и учителя, и ребята, — когда первый раз переступили они ее порог. Классы тогда были переполнены, по тридцать и более человек, однако о тесноте никто и не думал. Не хватало, напротив, учителей. Почти всех мужчин покосила война, смену им за один день не подготовишь. Как-то выкручивались. Преподавали и не профильные предметы, например, немецкий язык и геометрию временно довелось вести Игнатовне. Потом все стало на свое место, сформировался хороший коллектив, создавались учительские семьи, рождались дети. А как дружно и весело отмечали они праздники! Сколько было веселья, радости! А потом как-то незаметно учителя, сами того не замечая, состарились, а учеников в школе становилось все меньше и меньше. Куда все подевалось? Разве ж думалось тогда, что в классе может быть всего два ученика? Игнатовна частенько рассуждала об этом и лишь вздыхала: «Если бы кто сказал раньше, что такое случится, никогда бы не поверила». Жаль было и школы, и пристройки к ней, где руками учителя истории Николая Кирилловича был создан музей истории деревни и колхоза. Школу закрыли, а тех нескольких учеников, что остались, стали возить к соседям — там хорошее кирпичное двухэтажное здание. Кирпич не горит.

Пристроили кое-как там и более молодых учителей. Вопрос, одним словом, был решен.

Только вот как быть с дровами? Игнатовна твердо решила: замерзнет в своем доме, а школу в печке сжигать не станет. Разве же простил бы ей такое муж-покойник, учитель младших классов? Как ты, Игнатовна, сказал бы, до такого додумалась? Это же школа, это святое!.. А если бывшие ученики захотят прийти в тот класс, где когда-то учились? Куда они придут? Ответь мне! Ты же лишила их такой счастливой возможности, милая моя. Не надо! И будто сама себе Игнатовна отвечала: «Что я, Иван? От меня тут ничего не зависит. Моей вины нет. Время такое наступило, когда школа никому не нужна... Наши внуки тоже в городе живут...»

Игнатовна вернулась, чтобы взять письмо-заявление. В доме было хоть и холодно, но теплее, чем на улице. Как раз в это время подрулил — она увидела через окно — трактор, из кабины выпорхнул легкий и щуплый Костик Староселец, постучал в дверь.

— Открыто, открыто, — заспешила Игнатовна.

Костик и не дождавшись разрешения зашел бы, не привыкать: он уже стоял на пороге и удивленно хлопал глазами:

— Так, а люди где?

— Какие?

— Как это — какие? Ну, дрова возить.

— Не знаю, — пожала плечами Игнатовна.

— Мне наряд выписан вам дров прицеп привезти, — более спокойно пояснил Костик. — Сам председатель сельсовета откомандировал. Школу бурят!

Игнатовна все поняла: Миронов опередил ее, решил сделать для пенсионерки и своей бывшей учительницы хорошее дело.

Письмо опоздало...

Тишину в комнате нарушил Костик:

— Так что делать будем, Игнатовна?

Игнатовна отрицательно покачала головой:

— Нет, нет, Костик. Спасибо тебе. Если из лесу мне привезете дров — я заплачу, я куплю. У меня пенсия хорошая. Деньги есть. А школьные — избави бог!.. Не возьму грех на себя. Нет, не возьму.

— Странная вы, Игнатовна! — Костик развел руками, почесал лохматые волосы на голове и молча вышел, но и сразу вернулся, потупился и тихо проговорил: — Я... мы привезем вам дров, Игнатовна. Из лесу. С лесником поговорим, как сделать лучше. Знаете, Игнатовна, я только сейчас понял, за что мы вас любили больше, чем кого-либо из учителей. А школу и мне жаль стало, как на вас посмотрел... Ага. А раньше как-то и не думал об этом. И правда, как это — школу сжечь? Свой класс — как это?..

— Спасибо тебе, Костик...

Игнатовне показалось, что Костик, прежде чем уйти, хлюпнул носом и даже смахнул рукавом слезу. Быстренько так смахнул, чтобы Игнатовна не заметила...

Взревел мотор трактора, и Костик исчез с глаз Игнатовны. Она взяла письмо к председателю сельсовета, хотела порвать его, но передумала: когда привезут дрова, каждая бумажка пригодится. На поджог.

Суд

На дачном участке у Сазончиков заметно выделялось одно плодовое дерево — груша бэра. Словно царица, красовалась она. Налившиеся соком, аппетитные желтобокие плоды особенно манили глаз каждого прохожего в конце лета. Дерево было не только высоким, но и с широкой разлапистой кроной. И что интересно, оно не переставало расти, тянулось и тянулось вверх, словно боялось уступить первенство. Однако куцые яблони и не думали соревноваться с грушей, жили сами по себе. Как бы там ни было, а как-то осенью жена посмотрела на грушу, потом на Сазончика, и заявила властно-требовательно:

— Надо обрезать сучья! Видишь, сколько их там ненужных? Я бы сама залезла, но...

Сазончик сразу же, зная ее нрав, воскликнул:

— Что ты! Что ты! Я сам, сам!.. Сделаем в лучшем виде, дорогая!..

— Хвалю за сообразительность!

Вскоре он принес лестницу и ножовку, еще раз отметил взглядом те ветви, которые нацелился спилить, и попросил жену, чтобы держала лестницу.

— Да смотри, чтоб не брякнулся! — строго предупредил Сазончик. — А то будет сюрприз! В мои годы только и лазить по деревьям, по правде говоря... — и вдруг спасовал, жалобно посмотрел на жену: — А может, подождем, когда Павлик приедет? Сколько уж тут осталось до выходных? Каких-то два дня... А? День туда, день сюда — что он даст?

Жена, как всегда, когда что-то было не по ней, безнадежно махнув рукой, отвернулась, сделала вид, что собралась пойти прочь, и произнесла хорошо известные мужу за долгую совместную жизнь слова, которые имели глубокий смысл:

— Я так и знала!..

Сазончик, виновато склонив голову, скрестил на груди руки:

— Лезу, лезу, лезу!..

С оханьем и аханьем он наконец-то очутился на дереве, а супруга тотчас убрала лестницу. Сазончик, хоть и обратил на это внимание, но не придал особого значения: убрала так убрала, придет время — приставит... Спохватился он значительно позже, когда обрезал все ветки, на которые, запрокинув голову, тыкала пальцем жена.

— Ну, ставь лестницу, буду слезать, — довольный тем, что угодил жене, да и потрудился с пользой для общего семейного дела, Сазончик посмотрел вниз, на женщину.

К его удивлению, она и не думала этого делать.

— А посиди, голубчик, там, — неожиданно для него промолвила супруга. — Посиди, посиди.

— Хватит шутить! Мне же тут, на дереве, неудобно! Ноги дрожат от напряжения. Ты слышишь, Маруся?

— Нет, я не слышу, я глухая!

— Да что это с тобой?!

— А ты вот сам подумай, что со мной... Молчишь, а? Почему набычился, как незнамо кто? Вот что я тебе скажу, дорогой: веточки, конечно, мог обрезать и Павлик, не в них дело. Мне важно было тебя запереть на это дерево. Тебя. Понимаешь? И убрать лестницу. А без нее ты никогда не слезешь с груши. Поэтому сразу ставлю вопрос ребром: как только признаешься, что твой сын растет у соседки, тогда поставлю лестницу обратно. Ну, говори!.. Признавайся!.. Я жду!..

Сазончик никак не ожидал такого поворота дела. Он смерил жену виноватым взглядом — с ног до головы — почесал за ухом, а потом посмотрел на ножовку, покрутил в руках, словно старался найти какой-либо изъян.

— Ну, что молчишь? — напомнила жена. — Где не надо — ты герой, на первом плане, передовик, а тут, гляньте вы на него, язык проглотил. Ай-я-яй! Погляди, погляди мне в глаза, бабник!

Жена распалялась не на шутку, и, зная ее принципиальность и неуступчивость, Сазончик почувствовал, что дело швах: придется на дереве действительно сидеть до посинения. Все же он наконец оторвал взгляд от ножовки, поглядел на жену. Та приняла воинственный вид: стояла руки в боки, широко расставив ноги, сама неприступность.

Куда бы ее, эту ножовку, подевать? Надо, наверно, уронить на землю — ручкой книзу, чтобы не повредить. Так и сделал. На что жена резонно заметила:

— Ну, а теперь давай сам вслед за ней! Давай, давай! Сигай! Другого выхода у тебя, разлюбезный мой, нет!..

Конечно, нет. Кто бы спорил? Сазончик посмотрел вниз, жена и не думала уходить: стояла как вкопанная, в той же позе. Он тяжело вздохнул и горестно подумал: «Вот попался так попался! И зачем я согласился лезть на эту грушу? Не дурак, а? Мог бы допереть, что тут что-то нечисто. Но все мы, мужики, умные задним числом. Если бы не больные ноги, то как-нибудь сполз бы на землю. Прыгнешь — коленки совсем развалятся, тогда будет делов... Артрит проклятый!»

Сазончик видел, как жена спряталась за углом сараюшка, и только теперь заметил, что отсюда, сверху, она совсем маленькая, будто девочка. «Зато гонору — уго!» Он наконец подобрался к толстому и гладкому суку, кое-как сел. В это время вернулась с табуреткой жена, тоже села. Она — вы только гляньте! — прихватила и свою очередную блестящую книжку про любовь. Читает! Как все равно летом на лужайке: пасет выводок цыплят, а заодно почитывает и одним глазом следит за ними... Ну, не издевательство ли это?!

Сазончик попробовал начать разговор:

— Что там пишут?

Жена словно и ждала этого:

— А про таких, как ты, и пишут!..

— А-а, понятненько. Ну-ну. Так что, мне так и сидеть?

— Я же сказала, кажется? Лестница никуда не денется. Стоит вон. Тебя ждет.

— Да не моя работа, не моя! — начал оправдываться, как это делал не раз, только в привычной обстановке, муж.

— Тогда сиди, если не твоя!

— Подай лестницу, слышишь? — взмолился Сазончик. — Не могу больше терпеть тут, на груше. Упаду. Свалюсь. Тебе что, одних похорон мало? — Он имел в виду тещины. — А? Теперь, между прочим, похоронить человека, — ого!..

Жена огрызнулась:

— Такого человека, как ты, похороним без особых трат. Доски имеются на чердаке. Мужики за бутылку ямку выкопают и опустят в нее. А плакать я не буду. И не думай!.. Во, забыла: оденем тебя в тот костюм, в котором ты на заводе гайки закручивал в комбайнах. Большего ты не достоин.

«Что же придумать? Чем взять ее?» — кумекал Сазончик, свесив ноги и болтая ими, чтоб не так затекали. А к жене обратился:

— Ты знаешь, в чем семейная идиллия?

— Не заговаривай зубы! Только чистосердечное признание!..

— Это когда жена говорит мужу: иди, дорогой, выпей сто граммов. А муж: сейчас, любимая, только пол домою... — и Сазончик громко захохотал, но жену и это не проняло, хотя в другой раз она бы обязательно рассмеялась, ведь юмор понимала. — А хочешь, и я пол помою? Нет? Неделю мыть буду! Месяц! Все время — хочешь?

— Не заговаривай мне зубы. Ты вообще-то напоминаешь мне ворону из басни Крылова... Может, тебе ломоть сыру вынести?

— Да пошла ты! — Сазончик махнул рукой и отвернулся.

Тем временем по небу плыли маленькие серые тучки, собираясь в одну большую и черную над головой Сазончика, и он не на шутку встревожился: «Сейчас саданет так, что живого места на тебе не останется. А она, видите ли, почитывает себе. Ну и характер!» Сазончик не выдержал, крикнул:

— Мымра-а!..

Жена не отозвалась, только взглянула на него равнодушно, запрокинула голову вверх, а потом сразу же заторопилась — сложив книгу, встала, подхватила табурет — и была такова.

— Пропал! — крикнул вслед Сазончик. — Как есть пропал!..

И тут его внутренний голос сказал: «А ты признайся. Твой или не твой ребенок, а скажи — твой, и все дела. Разве трудно? Скажи — и ты будешь на земле, на своих, хоть и больных, ногах. Что за проблема сказать? Смотришь, и жене легче станет... Угодишь ей... А если откровенно, Сазончик... Если, положа руку на сердце, твоя работа — сынок у соседки по даче? Твоя, твоя!.. Мне не возражай, я же знаю, я все вижу, разлюбезный мой. Не отвертишься. Мне можешь и не признаваться. А жене — скажи. Что тут страшного? Ты же нигде ничего не украл, ты же доброе дело сделал... Осчастливил женщину — это первое, и дал жизнь человеку — это, брат, второе... Тебя расцеловать надо, а ты на дереве сидишь, страдаешь... Кричи, кричи жене: да я это, я!.. Ты же счастливый человек, Сазончик!.. Еще какой счастливый!.. Просто ты про это сам не знаешь...»

Поднялся ветер, расшатал грушу, и Сазончик мертвой хваткой вцепился в ее ствол. Потом сыпанул словно из ведра дождь. Мужчина вдруг почувствовал, что больше так не выдержит — вот-вот упадет на землю, брякнется так, что останется от него одно мокрое место. Все же, прислушавшись к внутреннему голосу, Сазончик крикнул в ту сторону, где исчезла жена:

— Моя!.. Моя работа!.. Моя!.. Ты слышишь, Маруся?.. Моя работа!..

И тут он увидел, как сынишка соседки приставил лестницу к груше — и как только дотащил, совсем же мал, и, задрав вверх голову, предварительно оглядевшись по сторонам, радостно скомандовал:

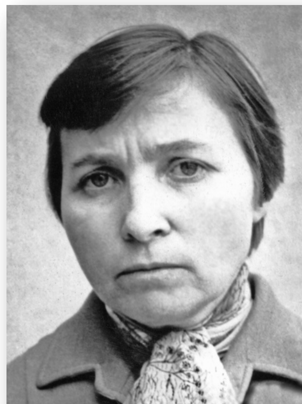
— Слезайте, дядя!..

Сазончик и сам не помнил, как очутился на земле. Ноги сильно затекли, и он не сразу сделал шаг, второй. Но ему хватило расстояния, чтобы прижать к себе мальца, погладить его мокрую голову.

— Спасибо, сынок... Большой расти...

И только когда он повернулся в сторону своего дома, увидел жену, которая стояла под дождем и отрешенно смотрела на них обоих.

Перевод с белорусского автора.



СОФЬЯ ШАХ

В днях, песенно таимых...

* * *

Какой отличный день везений
среди синичьих песнопений,
среди грачиной суетни
и голубиной воркотни!..
Какой лучистый день с небес нам
и в эхе, кажется, воскресном
вот этой взвихренной зимы,
в которой вместе, вместе мы!..
Какой он все-таки бодрящий,
февральским солнцем всех слепящий, —
в слепящем свете все вокруг
само как будто слепнет вдруг!..
Какой он, этот день чудесный, —
еще земной, уже небесный!
Все объяснения — в одном:
любимый в этот день рожден.

* * *

Насколько больше стало лет,
настолько — испытаний,
и что ни год, то свой сюжет
для бед и для страданий.
А мы и те, что обрели, —
все до конца познали,
а мы и те, что отошли, —
всегда превозмогали.
А этих, новых, кто их ждал?!
Ни я, ни Вы, любимый.
А этих, дерзких, кто их знал
в днях, песенно таимых?!
Но отнимают наш простор,
светившийся недавно,
ползут, всему наперекор,
на ширь, на даль так явно.
Отнять стремятся высь у нас
и свету угрожают,
но пред единством всякий раз
пред нашим отступают.

* * *

А мамы нигде нет, нигде на земле...
Все те же пригорки, луг, поле во мгле,
все те же деревья так тянутся к свету,
а маминых здесь и следов даже нету.
Ветра то шалеют, то лаской встречают,
дожди то крупнеют, то снова мельчают,
тропинки то в снеге, то в талой воде,
а мамы — нигде в белом свете, нигде.
Поднимется солнце, луна расплывется,
Вселенная глубями звезд развернется...
Ни ночи, ни дни не помощники мне:
как вечность, само отрицание «нет».

* * *

Липа моя, липа,
все лишь либо — либо
здесь, где ты стояла,
хате не мешала.
Ты в ветрах шумела,
ты в снегах белела,
ты листву теряла —
без нее молчала.
Только в каждом лете
молодела в цвете,
мир мой заоконный
украшала кроной.
И была высокой,
и была широкой,
и была могучей,
истинно живучей...
Где ты, боль-утрата?
Там же, где и хата?
Вместо вашей яви —
травы, травы...

* * *

Каждый день теперь — он испытанье
на ту силу, может, от какой
я и радуюсь высот сиянью,
солнечному небу над собой.
Каждый день теперь — проверка духа,
что умеет противостоять
мыслям, от которых сердцу глухо,
но которых все ж не миновать.
Каждый день теперь — и впрямь экзамен,
выдержать который, — верю я, —
только и поможет облик мамы,
муж любимый, доченька моя.

Перевод с белорусского Изяслава КОТЛЯРОВА.

РАИСА ДЕЙКУН

Картофельные посиделки

Рассказ

Печеная картошка,
А дело-то не в ней
Так хочется немножко
Побыть среди друзей.
Как будто под гармошку,
Вновь петь до хрипоты,
Печеная картошка,
И слаще нет еды.

Леонид Дербенев

В одно зимнее субботнее утро жена бригадира путейцев на станции Харламовская Татьяна Прохорова, по прозвищу Прохориха, раздавала задания своей семейке — пятерым детям разного возраста:

— Дариська, доченька, помой все полы в доме, сегодня же соседи сойдутся на посиделки. А ты, Шурка, лезь в подпол да отбери ровненькой картошки на печёники. Ты, Матвейка, принеси дров для грубки. Лучших там отбери, чтобы углей больше было. Ты, Степа, гармонь свою подладь, да подучи «Гарні, гарні бульбу з печы...» — ту, что Боконойчиха пела у нас на Октябрьскую. Тебе, Анна, такой наряд: поснимай с кроватей старые постилки и накидки на подушках, застели магазинные покрывала и накидки. Да не забудь услоны протереть с табуретками, паутину по углам поснимай. Сама знаешь, не маленькая, как бабы по углам глазами шныряют. Стыда да оговору не оберешься, скажут: «Две девки в хате, а в хату не влезть!» Ага, малой помоги с теми полами, а то до вечера будет ерзать, уснет под столом за какой-нибудь сказкой. Около печи сама хорошо подери деркачом (голиком), а то половицы черные от чугунов. А я побегу на станцию — вагон-лавка пришла, пайки привезла, отец где-то очередь держит. Да смотрите мне: не балуйтесь, а то скажу батьке — ремня схватите, — и для большей уверенности, что она не шутит, мать показала глазами на дверной косяк. Там, на большом гвозде, висел солдатский ремень, с которым их «батька» пришел с войны. Об этот ремень он по утрам точил свою «поющую» золингеновскую бритву. Его же снимал в тех случаях, когда кто-то из наследников делал большую «шкоду», чтобы наставить того на ум.

Раздав таким образом «наряды» своей «бригаде», Татьяна застегнула плюшевую жакетку, поверх платка-«подведенки» обернула вокруг шеи большой, цветной с махрами, платок-цыганку, взяла в руки хозяйственную сумку. Ее дети, от пятилетней Даринки до семнадцатилетней Анны, внимательно слушали свою мать и следили за каждым ее движением. Правда, средние сыновья во время получения заданий успели-таки один другого толкнуть

в бок, и младший из них уже готовился заплакать. Краем глаза мать видела толкотню и, выходя из избы, предупредила свою детвору снова:

— Кто больше всех нашкодит, тот меньше за всех получит гостинцев! А ты, Анна, смотри, чтобы мед уцелел — впереди зима!

Это было серьезное предупреждение, потому что магазинными гостинцами в хате пахло только на большие государственные праздники: Первомай, День Победы, «Октябрьскую» (7 ноября) и Новый год, которые справлялись в этом рабочем поселке-станции. На них к Прохоровым приезжали родственники отовсюду, приглашались гости-железнодорожники с соседних станций. Родители приурочивали покупку гостинцев-обнов детям ко дню рождения и этим праздникам. В семье считалось, что «неудобно перед гостями светиться в «каравках», обносках то есть. А уже на престольные праздники — «Покров», «Троица» — родители, наоборот, шли и ехали с визитами в соседние деревни и на станции. К родне они брали с собой младших детей, старшие оставались «на хозяйстве» — кормить и присматривать скотину. Так и «в гости» надо было прибираться во все новое.

С медом было совсем другое дело.

Как только за матерью закрылись двери, младшие тут же бросились к окну: привычка такая была у них — смотреть во двор, а затем на улицу, пока отец или мать не исчезнут с глаз. Потом спокойно можно было делать шкоду. Например, нырнуть в зале под стол. Тот стоял в углу под вышитой синими васильками льняной скатертью, украшенной еще по бокам и узорными кружевами. Под тем столом мать берегла зимой самое ценное варенье — «лечебное». Оно было четырех видов: из лесной земляники, черники, малины, брусники. Кроме него, там же находился и трехлитровый баллон с купленным медом. Эта неимоверная вкуснотища выдавалась детям только во время болезни для запивания и заедания ненавистного рыбьего жира. Но пока ту болезнь дождешься — слюной изойдешь. Баллон с медом притягивал их к себе, как тот магнит. Дети не выдерживали такого великого соблазна: как только родители отлучались из дома, младшие ныряли с ложкой под стол и, хорошо напрягшись (потому что мать умудрялась очень плотно его закрыть), открывали-срывали крышку. Старшие тем временем стояли у стола и принимали из-под него свою долю. (Позже можно будет сказать родителям, что они не лазили под стол). Дети всегда ждали, чтобы мед загустел. В этом была их большая хитрость: по очереди они зачерпывали-скребли посередине банки, а бока не трогали. Когда мать посылала под стол одного из них за ложкой меда (для заболевшего) и заглядывала под стол, то видела полный баллон.

Большая тайна открылась уже под Новый год. Когда из-под стола показалась пустая ложка, мать затребовала на свет божий баллон. Тот был, на первый взгляд, полный меда, а когда она заглянула в середину, то увидела только медовую корку на стенках.

— Унё!? Когда это он успел так быстро выпариться, еще же толком никто и не болел? — удивилась она. — Вот же шуядь малая! Ничего от них не спрячешь — все понаходят, повышныпоривают. Это же вам держалось. А чем теперь лечить вас буду, гусеницы вы ненаедные! Ты смотри на них, забаву нашли — матку родную дурить, — выговаривала она детям, держа в руках пустой баллон.

— Чего ты расходилась, как тот грецкий каравай? Пусть теперь всю зиму обходятся одним рыбьим жиром. Видать, медом его заедать им не нравится, — подключился и отец к материным выговорам, а сам при этом, отвернувшись, тихонько смеялся над своими малыми изобретателями.

Младшие тем временем виновато поглядывали один на другого, переступали с ноги на ногу, а старшие, посмеиваясь, с чистыми глазами в один голос заявляли, что «они под стол не лазили».

После того первого случая родители не стали лишать детей их забавы с медом. «Может, болеть меньше будут, если лишнюю ложку меда съедят», — решили они между собой и стали прятать еще один медовый баллон уже в кладовке, в ларе. Кладовка была под замком. Там сберегались все стратегические запасы семьи.

На тонких крючьях висели, туго завернутые в марлю и перетянутые шпагатом, заправленные солью, перцем и еще какими-то приправами (привезенными отцом из областного центра) палендвицы. В таком виде они доходили до кондиции. Рядом висели, снятые с чердака, вяленые колбасы. На самых больших крюках — свиные копченые стегна и лопатки. В деревянной с крышкой кадке, которая называлась кубел, пересыпанное серой солью, вылеживалось сало. Несколько больших горшков сберегали, залитые белым, как снег, топленым салом, жареную домашнюю колбасу. Эти лакомства елись по большим праздникам и когда в доме сходились-съезжались издалека родственники и гости.

Там же, в кладовой, в большом сундуке-ларе, в разнокалиберных мешочках хранились крупа, мука, сахар, а в фанерных бочечках — сушеные грибы, черника, вьюны, сухофрукты. В боковых отсеках сундука хранились лесные орехи и, бесценные на то время, добытые хозяином (по большому знакомству) металлические крышки и закаточная машинка для домашней консервации, к которой отец и близко не подпускал хлопцев-шкодников (чтобы, не дай бог, не скрутили). В глубине этого большого сундука родители держали-прятали и деньги, которые откладывали по копейке «на черный день» и на разные большие покупки. К кладовке имели доступ только они, а дети могли в нее попасть как подсобная сила: подержать крышку ларя, пока мать достанет необходимое, помочь принести что из стратегических запасов «на стол».

Так что как только родители уходили из дома, баллон с медом под столом оставался в полном распоряжении детей. Старшие следили, чтобы удовольствие растягивалось как можно дольше. Игра «в кошки-мышки» с медом повторялась каждую зиму. Вот и сейчас, как только мать исчезла с глаз, младшие дети уже были под столом.

Что же касается посиделок, о которых вела речь Татьяна Прохориха со своими детьми в то зимнее утро 1959 года, так здесь была история другая.

Соседи по улице любили длинными зимними вечерами (летом не было когда продохнуть от работы, выспаться бы) сходиться в хату Василия и Татьяны на вечёрки. Много причин и обстоятельств притягивало их в этот дом, украшенный резными кленовыми листьями на наличниках. А еще и красной фанерной звездочкой на углу дома, которая свидетельствовала, что здесь проживает участник войны.

Во-первых, хозяева были приветливые, хлебосольные. Ближайшие соседи, особенно соседки, бегали сюда занять какую-нибудь мелочь. Во-вторых, образованные: еще до войны хозяин успел окончить девять классов, а его жена — пять. На то время это было серьезное образование. У Прохоровых всегда находилось время для соседей и бумага с карандашом или ученической ручкой, чтобы написать что-нибудь людям в сельсовет или в район. Когда подросли их дети, то уже они по очереди составляли нехитрые письма и заявления тем, кто имел в том потребность. А ее имели многие. Дело в том, что в поселке при станции жило много инвалидов, которых местные женщи-

ны позабирали из дома-интерната, устроенного здесь после войны. Кто был без руки, кто без ноги (а кто и без обеих).

Бедолагам, которые остались без мужиков, и такие на вес золота. Инвалидам позволялось держать в хозяйстве лошадь. А что такое конь в деревне — нет нужды объяснять. На этой улице, самой длинной в поселке, таких семей было несколько: Гриша Безрукий, Николай Безногий, Евгений Кривой, Савелий Слепой. Так их между собой звали поселковцы. Прозвища говорили сами за себя.

Другое, что вело сюда людей, особенно женскую половину: хозяйка знала тьму рецептов приготовления еды из картошки — основного ежедневного продукта питания этих людей. Из обычной картошки-бульбы (да и не только из нее) Татьяна могла наготовить не только всем известные и будние: бульон, бабку, драники, тушенку или жаренку, но она придумывала и могла под праздники наделать из нее множество необычных блюд: запеканок, пирогов, коржиков-парамоников и даже... конфет. Всем этим она угощала детей и взрослых. Рассказывала особенно любопытным и заинтересованным, как делать-готовить такие чудеса. Но у соседок те же блюда получались пресными, неинтересными и не такими вкусными. Наверное, каким-то маленьким секретом она все-таки не делилась. А возможно, делали то же самое, но без огонька, без души. О таких, как она, люди говорили: «У нее в руках все горит».

А еще Прохориха хорошо и дешево (в сравнении с другими швеями на поселке) шила. В молодости Таня умела вышивать, прясть, вывязывать кружева, но не умела шить. Пришлось в войну научиться. После освобождения района от фашистов она получила от мужа с фронта посылку с красными и желтыми кусками парашютного материала. Ткань была шелковая, плотная и очень ноская. Из тех желто-красных кусков она пошила праздничное платье, которое называлось «на выход». «Парашютное платье» она и сейчас надевала по праздникам.

У мужской половины улицы были свои причины, чтобы сюда ходить. Их притягивал хозяин, который знал тьму шуток-прибауток и мог их рассказывать целый вечер. А как танцевал! Не танцевал, а летал по кругу с разными замысловатыми коленцами — «веером» ходил. За себя и за тех, кто не мог этого делать и сидел с костылями где-то в углу хаты.

А еще на всю улицу, что тянулась «от переезда» и пряталась где-то под самым лесом, он был самый лучший кольщик кабанов. В его руках свиньи не визжали, а пискнув один разок, сразу же затихали. А как он смолил-обрабатывал тех кабанов! А как разделывал чисто!

«После Василия сало губами можно есть», — говорили люди.

А как пахал людям! Борозда в борозду, под линеечку.

Притягивали в эту хату людей и дети.

«И что это за дети у Прохоровых?! Как те пиявки, нигде без них, шнырок, не обойдешься: и лес их, и поле, и все канавы, и болота», — говорили соседи. Одни — с удивлением и искренним восхищением, другие — лицемерно и с завистью.

Это была святая правда. Дети, как их родители, были трудолюбивые. В грибную и ягодную пору они еще на зорьке спешили в лес и возвращались с полными коробками, ведрами, кошелками и торбами всего, что в нем росло полезного. Парни еще и лозу-лыко драли, за рыбой на большую канаву ходили с комлей, торбы вьюнов приносили с маленьких канавок. На болотах, которые подступали с одной стороны к поселку, дети собирали чибисовые и утиные яйца, а под огромными дубами, что росли в урочище Будище,

на сдачу заготовок лесничеству — желудь. Одной осенью, особенно урожайной на них, родители смогли за тот желудь купить школьные костюмы детям и даже велосипед! Жене и старшей дочери Василий принес из сельпо красивые платки и отрез креп-жоржета на платья! А когда свозил в областной центр на базар два десятка низок сушеных, один в один, вроде те медали, белых молодых грибов, так старшему парню привез гармошку, а среднему — лобзик с набором тонких, узких пилочек.

Таких чудес на улице, да, почитай, и на поселке, ни у кого тогда не было. Так вот на ту гармошку, что заливалась в руках Степана, да на изделия младшего за него Матвея, из-под лобзика которого выходили чудесные шкатулки, вазы, полочки, соседи приходили и в другие дни, чтобы полюбоваться. Эти изделия, подкрашенные и покрытые лаком, вначале несли в школу, а затем везли в район и даже область — на выставки. Назад они не возвращались.

Обычно по субботам, когда надо было зажигать лампу, в эту гостеприимную хату, безо всяких приглашений и особых церемоний, тянулись один за другим соседи. Им было здесь хорошо и уютно. Для себя и для них хозяева всегда пекли картошку — печёники, к которым хозяйка добавляла что-то из своих солений. Гости-соседи тоже шли не с пустыми руками, а с гостинцами: тыквенными и подсолнечными семечками, лесными орехами-лузанцами, а некоторые даже с конфетой-другой младшим. Ближайшие приходили со своими табуретками, потому что у хозяев на всех не хватало. Неторопливо скидывали фуфайки, кацавейки, жакетки, поддевки. В подшитых войлоком валенках, в бурках, они рассаживались кто где мог, образуя круг. Он готовился для артистов. Ими были младшие дети хозяев и сын-гармонист. «Артисты» к этому времени были уже умыты и прибраны — наджугераны, как говорила их мать. На них были футболки с накладными карманами и шаровары на резинках, пошитые матерью. Мальчишка был на два года старше сестры, но на то время они выглядели как близнецы. Вечёрки начинались с выступлений малышей — с учетом, что они, наморившись за день, потому что без работы не оставались и зимой, быстро захотят спать и полезут на печь, откуда уже сами будут наблюдать за пением и танцами взрослых, пока не устанут и не уснут. Тогда взрослые остановят пляски и возьмутся беседовать, шутить. Но малышей это нисколько не потревожит — будут спать, как под колыбельную.

И в тот вечер посиделки начались по обычному сценарию.

— Ну, где там наши артисты? Что они сегодня нам станцуют? А что расскажут или пропоют? — с такими вопросами в двери кухни на костылях показался сосед Николай Безногий с женой Соней. Та, открыв мужу щеколду в хату, а за нею двери, сунулась вслед за ним в суконном платке и огромных валенках (мужниных), облепленная снегом. Одежду мужа она отряхнула в сенях, а о себе, видать, забыла. Тот, кинув на скамью фуфайку, доковылял в залу и тяжело опустился на табуретку, подсунутую Матвеем. Ему первому Безногий тишком сунул горсть слипшихся магазинных конфет-подушечек. Выскочившие из-за цветной ширмы, где стояла родительская кровать, с криком в один голос, что они будут танцевать «фокстрот и юрочку», «артисты» тоже получили по горсти подушечек. Конфеты были облеплены махоркой — Николай Безногий курил самокрутки. Проделав такую операцию, пока его жена отряхивалась да раздевалась, сосед с облегчением вздохнул и расслабился. Все на улице хорошо знали, какая жадная и прижимистая его Соня. По-уличному ее звали не иначе, как «скряга». Детей у пары не было. Для

Сони-скряги они были бы лишними едоками. У ее мужа война отняла жену и двоих деток...

Вслед за первой парой подтянулись, одна за одной, другие: Анна-Агека с мужем Петром, Николай Казмерчук с женой Екатериной, Митрофан Курленко со своей Марией, Верка-вдова с родителями, Сидор Баранок с Мотей, Аркадий Науменко с женой Дусей, Баранкова Галя со своим Валиком, Дуся Боконойчиха — одинокая вдова...

Когда изба, а точнее вся зала, заполнилась до отказа и уже не было, как говорят, где яблоку упасть, кроме небольшого кружочка посередине, хозяин дал команду начинать посиделки-концерт. Степан, который перед этим сидел на табуретке и перебирал басы и голоса новенькой гармони, растянул меха:

— *Ой, Лявоніху Лявон палюбіў, Лявонісе чаравічкі купіў,* — завел-запел хозяин и выдал при этом ногами в хромовых, «в гармошку», с металлическими подковами сапогах, обутых специально для вечеринки, целый каскад притопа по чистым желтеньким половицам. От подвешенной к потолку керосиновой лампы-семилинейки оторвались и пошли в такт танцору прыгать сполохи по стенам комнаты. На отцовский призыв из-за ширмы выскочили «артисты». У обоих на ногах были новенькие магазинные ботинки — родительские подарки к «Октябрьской». Отец, выведя детей на круг, тут же вышел, а дети начали петь и пританцовывать:

Гэй ты, полечка-трасуха,
Дождж ідзе — дарога суха...

Вой ты, курка-сакатуха,
Што ты нарабіла?
Усю ночку сакатала —
Мілага адбіла.

Пусці, маці, пагуляці,
Я ж не забаруся:
З хлопцамі вось падражнюся,
Дый назад вярнуся...

От танцев и пения малышни гости заходились от смеха и во всю силу били в ладони — рукоплескали.

Через час Матвей, приставленный к печке, выгреб на мешковину картошку-печёники, отер от пепла. Татьяна, взяв заранее приготовленную полотняную торбу, вместе с сыном собрала их и понесла в зал. Упревшие от хатнего тепла, тесноты, рукоплесканий, притопов и криков поддержки, зрители были рады передышке. Кто поднялся и пошел на двор освежиться, кто — курнуть, кто — воды напиться. В это время хозяйка обходила своих гостей с торбой, полной горячей печеной картошки. Бабы, чьи мужики вышли на перекур, брали и на их долю. Соль у каждого была принесена с собой: у кого в полотняных мешочках, у кого — в коробках из-под спичек. Кто не успел дома поужинать, а может, и по другой причине, доставали соленые огурцы, кусочки сала, ломти хлеба. Хозяин с женой и детьми тут же, среди вечёрников, пристраивались есть печёники. К ним Анна на табуретку посреди залы поставила эмалированные миски с огурцами и капустой. Капуста для вечёрок бралась специальная: заквашенная половинками головок и порезанная в миске на небольшие кусочки, чтобы брать руками. У кого не было ничего к картошке, тот протягивал руку к этой миске. Когда с печёниками было покончено, на свое место снова сел гармонист:

Грай-пайграй, гармонiка,
Наелiсь мы пячонiкаў...

Увидев, что дети уже едва дышат, Татьяна, которая весь вечер сновала, словно шпулька самопрядки, глазами показала им, что надо делать. Те, понимавшие родителей с полуслова, исчезли за дверями спальни. Посиделки продолжались уже без танцев. Запевала посиделок, голосистая Дуся Боконойчиха, затягивала, а за ней подхватывали другие: *«Цячэ вада ў ярок», «Гарнi, гарнi бульбу з печы»...*

Поздно вечером, а точнее — ночью, вечёрники один за другим расходились. К этому времени из клуба прибегала Анна. Мусор от семечек и орехов заметали в угол и не убирали (чтобы гостей не вымести из избы), полы не мыли по той же причине. Ее «девки» — Анна и Даринка — вымоют с утра. Через каких-нибудь полчаса изба затихала...

Подходила новая зимняя суббота, и когда начинало темнеть, приведя в порядок хозяйство — попоравшись, как здесь говорили, соседи снова тянулись ко двору с красной звездочкой на доме и резными кленовыми листьями на наличниках...

Те картофельные посиделки-вечёрки в таком, как сейчас говорят, формате продолжались еще несколько лет, вернее — зим. А потом как-то неприметно начали сходить на «нет».

Уехала из дома старшая дочь хозяев Анна — вместе с одноклассницами завербовалась и поехала искать свою судьбу, «аж» на Донбасс. Гармонист Степан, окончив десятилетку, поступил учиться в сельскохозяйственную академию в Горки. Среднего Матвея после учебы в училище железнодорожников забрали служить в армию. К этому времени младший из братьев Шурка, теперь уже Саша-Александр, который оканчивал десятилетку, самостоятельно научился хорошо играть на гармошке. Но подросшая младшая сестра уже стеснялась плясать-петь, да еще и одна. Пока брат подыгрывал пению взрослых, она управлялась у печки с печёниками, помогала матери подавать их вечёрникам. Потом сбегала с подругой в клуб.

С каждым годом, с каждой новой зимой вечёрников становилось все меньше и меньше...

Первым умер от старых ран Николай Безногий. Потом отнялись ноги (отмороженные во время войны в окопах) у Евгения Кривого. Его соседи приносили на вечёрники на широкой табуретке до того времени, пока он мог самостоятельно сидеть на ней. В скором времени бедняга скончался от гангрены. Одна за другой, надорвавшись в войну и после нее, отошли на тот свет старшие бабы-соседки. Молодые пары приноровились со временем ходить-бегать в поселковый клуб. Там было «кино индийское», концерты артистов поселковой и районной самодеятельности. Уже подвели электричество — «свет», и люди не сразу, но повыносили-попрятали лампы-керосинки в кладовки. Потихоньку перестраивали хаты: вместо темных сеней ставили застекленные веранды. Вслед за электричеством на поселке появились первые телевизоры — «Неман» и даже холодильники — «Минск». Свои — белорусские! Теперь собирались у телеэкранов друг у друга.

В комнате-гостиной перед маленьким черно-белым телевизором «Неман» сидела немного постаревшая Татьяна. Ее муж находился за закрытыми дверями в зале. Там за столом он щелкал на арифмометре — делал отчет в дистан-

цию пути. Рядом с хозяйкой на магазинном диванчике сидели три ее ближайшие соседки-погодки — Мотя Баранчиха, Анна-Агека, Дуся Боконойчиха. На экране показывали передачу-концерт «Голубой огонек». Каждый номер телезрители активно комментировали:

— А ничего себе пропела молодичка. Могла бы и голосней, а то надо прислушиваться, — выдала глуховатая Баранчиха.

Ее «комментарий» тут же подхватила Анна-Агека:

— Посмотрите, девки, у них же столы пустенькие, а стаканы на ножках стоят с тем шиньпанским. Попьянеют, смотри, икотка нападет. Могли б какую селедчину подать, да еще что серьезное поставить людям закусить. Когда уже собрали на эту вечёрку. Аге ж!

— Что ты плетешь, Агека, тебе бы только селедку лопать. Какая тебе вечёрка? Разве видишь там печёники? Где они? — не выдержала хозяйка.

— Но, глядя на них, и себе есть захотелось. Где там твои печёники, Татьяна? Давай кочергу — выгребать будем! Я огурцов прихватила с собой — такие в это лето удались ловкие да хрустящие, с печёниками за ушами будут трещать, — Дуся Боконойчиха подхватилась с диванчика и исчезла в кухне — там она на кухонном шкафчике оставила, придя в хату, свои хрустящие бочковые огурцы.

— Не те сейчас вечёрки, не те! Аге ж! — соля очередную бульбину-печёник и подбирая к ней боконойчихин огурец, кивала головой Анна-Агека.

Подарки на Рождество

В 2007—2012 годах минский поэт Георгий Бартош проводил фестиваль одного стихотворения, принципами которого были:

• анонимность (стихи представлялись членам жюри под псевдонимами);

• интерактивность (распространение информации о фестивале и сбор текстов осуществлялись исключительно через интернет);

• бесплатность (участники не платили никаких взносов, члены жюри работали бесплатно, минские музеи — Дом Ваньковича, Музей Янки Купалы, предоставляя свои залы для финальных вечеров, не брали деньги за аренду, призами победителям служили книги членов жюри);

• можно отметить также удачно избранный формат задания (участники должны были предложить один стихотворный текст, посвященный зиме, Новому году или Рождеству).

Членами жюри фестиваля в разные годы были известные литераторы, музыканты, ученые: Наталья Кучмель, Андрей Ходанович, Леонид Дранько-Майсюк, Алесь Камоцкий, Виктор Шнип, Людмила Рублевская, Сергей Пукст, Дмитрий Строцев, Адам Глобус, Андрей Василевский, Петро Васюченко, Ульяна Верина. Журнал «Нёман» в жюри представляли Юрий Сапожков и Наталья Казаполянская.

За 2007—2012 годы участниками фестиваля стали более 200 поэтов из Республики Беларусь, Российской Федерации, Украины, Литвы, Латвии, Израиля, пишущих на белорусском и русском языках; финалистами — 110 авторов.

Творческий поиск молодых поэтов (а участниками фестиваля были люди преимущественно в возрасте от 20 до 35 лет) осуществляется в рамках двух основных стратегий: традиционной (силлабо-тонической) и модернистской (верлибр, белый стих, акцентный стих). Содержание стихов колеблется от трагического скепсиса, умноженного на ретроспекции в недавнее советское прошлое и аллюзии на социально-политические реалии сегодняшнего дня, до пасторального, наполненного искренней религиозностью, умиления.

Предлагаем читателям небольшую подборку стихов — финалистов и призеров фестиваля.

ЕКАТЕРИНА МОНАСТЫРСКАЯ

РФ, Москва

* * *

Чего там ни бормочи я,
Все — ересь и баловство.
Дарила Санта Лючия
Подарки на Рождество.

Помнят старые люди,
Чтящие образа,
Как вырванные, на блюде,
Сияли ее глаза.

Теперь не слыхать осанн-то,
Джингл беллс завывает хор.
Вместо Лючии Санта
Ходит с мешком, как вор.

И что с него взять, с профана,
Такой наломает дров.
Бросала в трубу Бефана
Сладости в День Даров —

Сорванцам — головешки,
Паинькам — карамель.
Выросли сладкоежки.
Выцвела акварель.

Но где-то под старой елкой
Ждут не дождутся нас
Баба-яга с метелкой
И мученица без глаз.

ЕКАТЕРИНА ЗЫКОВА

РБ, Минск

В Рождество

зима это где-то между молитвами лыжного магазина о снеге
и дворника о бесснежии. между когда ты зиму не хочешь и когда уже с ней.
зима это когда серебристая рыба взойдет на синем
и станет со-всем-просто
и ты вдруг проснешься от ощущения у которого нет имени
(как у места между верхней губой и носом)

ТАТЬЯНА БУТЫЛОВА

РФ, Хакассия

Новый год

Мне снился праздник Новый год,
Где я (мне шесть-семь лет)
В костюме сказочных работ
На стул громоздкий влез,
Я маме прочитал стишок
И папе прочитал,
Я станцевал им так, как смог,
Пропел и посчитал.
А утром добрый Дед Мороз
Дарил подарок мне:
Машину, велик трехколес-
ный и пушистый снег.

Мне снился праздник Новый год,
Где мне двенадцать лет:
Я выучил стишок, и вот
Я рассказал куплет.
Хотел я многого: коньки,
И шайбу, клюшку, но
Со мною Дед Мороз схитрил
И бросил на окно
Подарок — школьника набор:
Пенал, портфель, дневник,
Еще чертежника прибор...
И я погиб. Поник.

Мне снился праздник Новый год.
Мне восемнадцать лет.
Не верю в сказки, но в любовь
Я верю, верю! Дед
С отцом послали за вином,
Я полчаса курил
Под Светы Чащиной окном
И мысленно дарил:
Букет цветов, свою любовь
И, сочиненный ей,
Стишок, где чудо-рифма «кровь»
Встречалась, как порей.

Мне снился праздник Новый год.
Я был совсем один:
Ни друга, ни других забот.
Холодный, взрослый сын
Самостоятельно справлял

Свой праздник, пил вино,
Я никого не поздравлял,
Посматривал в окно:
И тихо падал белый снег
За голубым окном,
Грустил печальный человек
За письменным столом.

Мне снился странный Новый год,
Мы с мамой и отцом
Встречаем праздник Новый год,
А к нам приходят в дом:
Мой мертвый дедушка с клюкой,
И друг мой — был убит.
И дядя Витя — утонул, но снова, как живой...
И много мертвых в дом людей
На праздник к нам пришло...
Как мог, я веселил гостей
Но празднество не шло.
Тогда отец сказал: «Налей!
Не чокаясь за всех».
И гости стали веселей,
Но горек был их смех.

АЛЕКСЕЙ КАЩЕЕВ

РФ, Москва

Блоггер и песок

Известный русский блоггер Аркадий Иванов любил свою квартиру и не имел врагов. Он жил на Бережковской, куда издалека несет неспешно волны спокойная река, и в окна Иванова глядел речной простор, пока стучала клава, светился монитор. Друзей имел он массу — точнее, тысяч пять, — и часа не хватало френдленту прочитать. Писал он о России (что власти в ней плохи), и раза три в неделю выкладывал стихи, кросспостил чьи-то фотки, придумывал опрос, комментами своими он ум и ясность нес.

Меж тем по речке плыли бесчисленны суда, песок везли оттуда, песок везли туда, гудел пожарный катер, звук уносился прочь, на теплоходах свадьбы играли день и ночь. И снилось Иванову, что лучший день настал, и пост его последний в топ Яндекса попал. Он вскакивал с кровати, смотрел вокруг с тоской, и взгляд его встречался с привычною рекой.

Одним морозным утром в начале января особенно ужасно он чувствовал себя. Надев пальто и шапку, не застелив кровать, впервые за неделю он вышел погулять.

Над льдом холодным вьюга сугробы намела, но он увидел: сбоку проталина была: должно быть, в этом месте был сток каких-то вод, и между льдин, как пропасть, зиял водоворот.

И Иванов увидел в чернеющей воде свое лицо худое и иней в бороде, стащил с себя он шапку, и, сквозь морозный дым, прищурившись, увидел, что стал почти седым. Седой мужик в ушанке выглядывал из льдов. «Как это получилось?» — подумал Иванов.

Вот он окончил школу, окончил институт, женился и развелся, работал там и тут, — но это все неправда, одно он точно знал: что крайне популярен его живой журнал, — и тот неполноценен: есть в Пензе остолоп — френдов имеет больше — есть те, кто вышел в топ, кто больше популярен, кого не тронет тлен, кого упоминают МК и CNN.

В отчаяньи смертельном, спеша, как только мог, он побежал в квартиру писать последний блог. Он написал, что старость пришла к нему теперь, что больше жить не хочет — и выбежал за дверь.

Он взял бутылку водки, поднес ее к губам, и, смелости набравшись, купил феназепам.

Ходил он возле дома в вечерний этот час, он водку пил, и думал, что все в последний раз. Но в полвторого ночи вернулся он домой, и, просто на прощанье, журнал проверил свой:

За честность выражали ему большой респект, за сутки зафрендили сто двадцать человек, и пост его последний цитируемым стал, и утром, несомненно, в топ Яндекса попал.

Теперь на месте дома построили кабак, огни горят у входа, рассеивая мрак. Весной официантки там ходят налегке, и окна ресторана направлены к реке.

Ползет пожарный катер, его гудок высок,
И баржи перевозят
Песок, песок, песок.

АЛЕКСЕЙ СОМОВ

РФ, Нижегородская область, г. Тугарин

* * *

Ангел спального района
озираяся тайком
вспархивает в два приема
на заснеженный балкон

Пальцы греет молча скалит
эбонитовы клыки

и антенны выпускает
как стальные лепестки
Вот над чьею-то кроватью
тихо склонится как вор
и хвала Кетцалькоатлю
лживу душу вынет вон

Озабоченно поправит
закопченное пенсне
смайлик Господу отправит
в электрическом письме

(Звезды щурятся ревниво
снег ложится неживой
Как песчинки херувимы
пляшут в ране ножевой
Шлакоблочные руины
черным господом хранимы
спят и видят ничего
спят и видят ничего)

ТАТЬЯНА СВЕТАШЕВА

РБ, Минск

* * *

снег —
бесполезный
сыпучий
нелипкий —
ветром сдувает в ручьи
я
исправляю
чужие ошибки
я
совершаю
свои

ты не уходишь
и если конечно
видно меня
сквозь снег —
видишь
как поздняя
лишняя нежность
капает
с нижних
век

ОЛЬГА ПАВЛЮКЕВИЧ

РБ, Слуцк

*** * ***

Видишь, устроилось,
сладилось и срослось,
как и должно было быть,
даже немного лучше —
жизнь иногда смеется, но чаще учит.

Вот и зима приближается...
Дед Мороз —
как и положено — ждет новогодней ночи.
Сбудется или нет — не ему решать,
он просто исходил этот синий шар —
старенький ангел
с десятком конфет в мешочке.
Веришь?

Какая разница, впрочем.
Ты
точка на плоскости мира
и центр Вселенной —
так уж задумано.

Ветер стих.
Перемены
Не задевают совсем разве что святых.

Пахнет еще по-осеннему —
дымом,
домом.
Скоро заснежит дворы,
заметет асфальт.
Буду звонить на сотовый и в приемную,
чтобы спросить тебя просто:
«Ты как? Жива?»

ОЛЬГА БАЗЫЛЕВА

РБ, Минск

*** * ***

Закружит мягкий снег,
Набросит покрывало
На сонные дома,
Весь приутихший свет.

О лете загрустишь,
Но, как уже бывало,
Признаешь, что зиме
Конца и края нет.

Зима как чистый лист.
Минувшего страницы
Опять переписать
Желанный редкий шанс.

И натканы холсты,
Чтоб нам принарядиться,
И явлена звезда,
Чтоб обнадежить нас.

На маминых руках
И плачет, и смеется
Младенец Иисус
Над грешною землей.

Ты глаз не отведи,
И на тебя прольется
Неугасимый свет
И неземной покой.

Перевод с белорусского Георгия БАРТОША.

ИГНАТИЙ ЯЦКОВСКИЙ

Повесть моего времени, или Литовские приключения[*]

Раздел XV

Богуся в Новогрудке

Всем вышесказанным мы дали представление о местности и людях, из которых складывался в Литве высший свет, так введем же в него Богусю, которую после пожара в 1811 году отец отвез к пани президентовой Пацыниной в Новогрудок.

Сначала робко и даже едва ли не сконфуженно чувствовала она себя в новой среде и обществе, к которому не была приучена, но природная живость при добродушном и дружелюбном отношении к ней пани президентовой поспособствовали тому, что она каждый раз более свободно начала показываться в свете. Пан Пилецкий, учитель танцев, за несколько месяцев исправил ей осанку; руки, что сначала тяжело висели, через какое-то время утратили свою одеревенелость и приобрели легкость, пальцы после науки у Белявского набрались живости и ловкости, ладони побелели; фигура посредством модистки стала стройной.

Только краснота долго не хотела покидать лица и после каждого обращения к ней мужчины (а тем более после приглашения танцевать, в чем она была недостаточно опытной, потому и не ощущала достаточно уверенности) так сильно проступала на лице, что оно делалось почти такого же самого цвета, как лента, повязанная на шею, но это только прибавляло привлекательности ее скромности и требовало от мужчин самого нежного обхождения.

Наконец настала зима и, чего давно уже такой порой не случалось, в местечке стало людно. Кареты, поставленные на сани, и крытые буды[1] быстро двигались по улицам от дома к дому. Магазины наполнились покупателями, кроме того, Нахамка и Хрумка, две жидовки, что были конкурентками в продаже брабантских кружев[2], лент и шелковой материи разного сорта, уже стоят с самого утра в передних с коробками своего товара под мышкою или раскладывают его перед девушками-горничными, чтобы те могли сообщить хорошую новость своим паннам, что только встают с постели, о самых новых товарах, которые привезли будто бы сегодня ночью тайно из-за границы контрабандой.

Женские и мужские портные, а это все жиды с пейсами по самые плечи и с подстриженными бородками, крутятся около суконных и текстильных магазинов либо бегают с образцами по домам, предлагая и товар, и себя как единственных умельцев пошить уборы по самой новой парижской моде, несмотря на то, что всякие отношения с тем городом уже год как приостановлены.

Но кто же с фортуной сумеет сразиться? Мордка, как портной мужской, а Янкель, как женский, добились первенства. Мордка давал следующие советы:

---

[*] Окончание. Начало в № 11, 2014 г.

темно-синий фрак с большими золочеными пуговицами, талия — едва ли не на плечах, ворот наставленный, одна пола заходит за вторую, а выкроены они клиньями к колену; спереди фрак — до нижнего ребра, из-под него видна белая жилетка с золотыми пуговицами и накладными карманами, в которых Наполеон, заверяет Морка, обычно носит табак, а молодежь может положить туда карамельки; шея ровно и пышно обвита двумя платками так, чтобы черный шелковый платок сверху не закрывал белого бережка своего спутника, что выглядывал из-под него; брюки — трикотажные либо рацимаровые[3], соломенного, коричневоого либо черного цвета, на пуговицах, которые блестели внизу, сбоку и на пряжке — плотно обтягивают колено в белом шелковом чулке, на который на банкеты и на утренние визиты обувался сапог с желтыми штрипками[4] по самую икру либо венгерский сапог с кистью, что висит наверху голенища, а на торжества — ботинок с серебряной либо отполированной стальной пряжкой.

Янкель же рекомендовал дамам тесный лиф, который заканчивался сразу под грудью, короткие рукава и другие элементы, употребленные неуместно и несоответствующе, но по примеру греческих статуй, которые ввиду недостатка мрамора либо лени скульпторов не имели достаточно фалд, потому невозможно было ходить по-человечески, а подходил тогда лишь мелкий и частый шаг. Это прижилось, и наши стройные госпожи пробегали по комнатам, как марионетки на леске, походка их сделалась непохожей на свойственную простым смертным. Что касается головы, так ее нужно было убрать так, чтобы формой она напоминала шлем, завязывая косы наверху и заворачивая их на высокие гребни, наклоненные вперед. От этой гениальной идеи все женщины сразу подросли, по крайней мере, на три пальца, и приобрели какой-то воинственный вид, словно готовая к погоне Минерва[5]. Очевидно, что предчувствие подсказывало в скором времени какие-то великие события, все призывались к жертвенности и мужеству, хотя причины ясно и не осознавались.

А более мудрые люди сходились в кружок и делились между собой какими-то секретами; употребление табака — либо по совету врача, либо повторяя за каким-то там человеком из-за границы — сделалось привычным. Когда один из них (узнав какую-нибудь новость, или сам ее придумав, чтобы просто придать себе важности) станет иногда в стороне и скрипнет табакеркой, так из разных уголков тянулись к нему старики, и происходил у них какой-то тихий разговор (должно быть, о табаке?); случалось, что слышались имена: Наполеон, Александр, Костюшко, Домбровский[6], однако какую они имели связь с табакеркой — нечего и гадать об этом.

Когда кто-то из обывателей ехал на несколько дней домой, чтобы посмотреть, что там делается, так ему так тяжело там дышалось, что он не мог долго вытерпеть и скорее возвращался в местечко, где опытный виноторговец Масляк и Станислав Каминский, который начал с ним торговую конкуренцию, сформировали два оркестра, которые играют каждый вечер под окнами магнатов серенады и симфонии, пока возбужденная компания не прикажет позвать их в покои, чтобы те сыграли им полонез, после чего мазурки, краковяки и англезы[7] танцуют уже до утра.

Раздел XVI

Борьба за редут между Каминским и Масляком

В это время, вызывая этим общее удивление, на перекрестках улиц появились печатные афиши, какие приветливо приглашали гостей в следующее воскресенье на редут[8] в дом Каминского у рынка, где просторные

салоны, украшенные люстрами, зеркалами и изящным декором, который хозяину дорого обошелся, должны были гарантировать устойчивое внимание публики, а вина и напитки лучших сортов, чудесный ужин и закуски должны там подаваться по приемлемой цене.

Испугался этого кровопийцы Масляк, дом которого на углу Кореличской улицы до этого времени пользовался популярностью у публики, ведь хотя и был он достаточно удобный внутри, но не имел декораций, так коварно привезенных Каминским, потому был похож на корчму. Но ведь старый проходимец был хорошо всем известен своим неограниченным кредитом на напитки, о котором он никогда не напоминал до завершения жатвы, да и тогда приезжал только купить зерно, за которое (когда контракт был уже составлен) он не только платил частично чистоганом по счетам, но оставлял еще в подарок око[9] кофе или голову сахара, цена на которые так ловко в этих счетах была расписана, что хозяин даже и не замечал, что сам за все это платит.

А в силу того, что Масляк никогда не покупал зерна у того, кто не пропил у него хотя бы несколько дукатов, возникала необходимость держаться этой фирмы, так необходимой обывателю, который на деревне имел обычно зерно для продажи. Эта торговля ограничивалась двумя купеческими условиями: во-первых, чтобы счета не просрочивались и не тлели, как он сам говорил, в книге, во-вторых, чтобы он мог купленное зерно скоро и с неплохой для себя прибылью продать кому-то другому. Так, чтобы то зерно, что еще оставалось у хозяина в амбаре, не создавало ему лишних хлопот, он после подписания контракта, за рюмкой хорошего вина, привезенного по случаю для рекомендации, раскрывал секрет: где, когда и по какой цене остаток зерна наиболее выгодно можно будет продать.

И эта потребность как никогда раньше была такой важной, что он даже отдельные контракты перепродавал другим купцам за небольшую плату, но и отказываясь при этом от всякой ответственности или репетиции. Эти случаи имели место тогда, когда обыватель, который подписывал контракт, не считал, сколько платилось ему денег по счету, доверяя тому, кто его составлял, либо когда он безразлично относился к продиктованным ему условиям контракта, не учитывая хозяйственных обстоятельств, это значит, календаря и инвентаря, так как подобное отношение вызывало подкрепленный большим опытом страх того, что последствиями будут потери, а может, даже и процесс, какого самым старательным образом Масляк избегал ради такой необходимой в винной торговле репутации.

Так вот в связи с опасностью печатных афиш, которые провозглашали конкуренцию Каминского в переманивании к себе редута, что до этой поры находился в монополии Масляка, но, не имея возможности соревноваться с ним посредством печати, потому как в Новогрудке не было ни одной типографии, он позвал из Гродского и Земского судов канцеляристов с самыми лучшими почерками и приказал им написать афиши, также приглашая в следующее воскресенье к себе. Он обошел поочередно всех обывателей и обывательниц, стараясь убедить их, что никого из приличных людей у Каминского не будет, так как все ему об этом сообщили. Кроме того, он страшил боязливых, что весьма крепкий зал Каминского на втором этаже, построенный без архитектурного опыта, обвалится, как только в нем начнут танцевать, что его в этом под большим секретом заверил сам уездный строитель и геометр[10], в то время как в доме Масляка подобной опасности не существовало, так как пол его зала почивал на земле.

Напрасно Каминский в следующее воскресенье зажег сотни свечек в огромных люстрах, что заиграли ярким бриллиантовым светом, напрас-

но приказал музыкантам как можно громче играть на крыльце — ни один экипаж к нему не повернул. Пожаловали несколько юношей, которые не принадлежали ни к одной группировке; они пробежались по салону, покрутились перед каждым большим зеркалом, пани Каминской, молодой и соответствующе наряженной, приказали подать им по стакану ананасового пунша, немного с ней пошутили, сделали несколько «па» на паркетном полу, ведь он так располагал к танцам, и полетели к Масляку, ведь в ту сторону тянулись все сани.

В одиннадцатом часу ночи стало ясно: баталия окончательно проиграна. Музыка у Каминского утихла, свет погас, а хозяин в отчаянии лег в кровать, хотя и не мог в ней уснуть.

Раздел XVII

Триумф Масляка. Редут у него

Масляк у себя дома триумфировал и был в чудесном настроении. Часы с кукушкой, отсчитывая в уголке время, вызывали все новые и новые подносы из буфета — с мороженым для дам, с пуншем и вином для мужчин, а хозяин, вежливо приглашая их угощаться, показывал, что он умеет быть благодарным за оказанную ему честь и за отвергнутые услуги ненавистного ему соперника. Наконец, уже после полуночи, кукушка утихла, чтобы не напоминать о времени гостям, которые прекрасно проводят время. Те молодые люди, о которых мы упоминали, что они были у Каминского, во время полонеза или мазурки рассказывали приглашенным дамам о роскоши, которую они там повидали, и обе стороны, довольные тем, что имеют такую приятную тему для разговора, они бы никогда, может, и не закончили своего разговора, если бы Белявский, будучи ex oficio[11] дирижером собранного из разных элементов оркестра, не поднял палочку, дернулись от баса вплоть до квинты смычки, и музыка стихла.

После этого молодые панночки возвращаются к матерям, те из надобности или, чаще, и без никакой на то надобности поправляют им волосы и уборы, а мужчины, пройдясь вдоль и поперек по залу и вытерев со лба пот, исчезают в других салонах, где есть буфет или зеленые столики с картами, за которыми уважаемые играют молча в вист, а кучки золота и ассигнаций на других провозглашают, что это банк, к которому может приступиться каждый, и кто имеет желание и деньги, может испытать фортуну.

Остроумный и немолодой уже Грифин, шляхтич родом из застенка Грифины, за одним из столиков играет в фараона[12]. Почтенные дамы обступили этот столик, а после каждого танца собирается тут и группка молодежи, из которого через головы тянутся руки с картами, каковые раньше для испытания счастья вытянули панночки, которых горячо об этом просили. И проигрыш, и выигрыш вызывает громкий хохот в веселой группке. Более осторожным зрителям не весьма приятно отвечать на учтивые вопросы своих соседок: «А пан не играет?», ведь за этим, похоже, прячутся сомнения в их смелости или в том, что они имеют деньги, признаваться в этом неприятно, а терпеть такие подозрения досадно.

Один из них хочет, чтобы товарищи считали его ловкачом и, желая зафанфаронить, кричит: «Atendez!»[13] и ставит десять дукатов на валета, уверенный, что не проиграет, потому как он удачно подметил — четыре эти карты уже из колоды вышли. Но каково же было его удивление, когда на шестом ходу на стороне банкира выпал валет, а крупье насаженной на

трость лопаткой так ловко ударил по деньгам, что ставка, как заколдованная, влетела в банк, а проигранный валет — на сторону понитеров[14]. Пока смущенный юноша понял, что произошло с его деньгами, колоду успели заменить и начали тасовать другую, и он, не сказав никому ни слова, тихонько подался в угол, не имея достоверности, не ошибся ли он в своих подсчетах.

А тут пан Грифин, якобы не обращая внимания на эту катастрофу и продолжая забавлять компанию остротами, произносит:

— Господа, напоминаю правила конституции[15] Ожеховского, которые ясно говорят, что только тот, кто деньги ставит, деньги и выигрывает.

Поводом для этого замечания была пани П..., которая, играя на ассигнации, обычно писала ставку заостренным мелком на столике и закрывала написанное картой. Ничего ни банкиру, ни его помощнику крупье не было видно. Когда карта выигрывала, то заламывался край, что называлось «заломать пароль», это давало право получить ставку в три раза большую, но когда «пароль» проигрывал, то выплачивалась только одна ставка.

Как-то всегда получалось, что когда эта пани проигрывала, то на столике, когда отодвигали карту, видели написанную цифру 10, а когда она выигрывала, то была цифра 100. Грифин подозревал, что она, отодвигая карту, ловко вытирала ноль, а ее мезинец на правой руке (по совету врача, видимо, обмотанный в суставе клейким пластырем на кашемире телесного цвета) должен был подтверждать это предположение. Но начинать спор насчет этого не соответствовало интересам банкира, так как тяжело было, во-первых, доказать, что она использовала покалеченный палец, чтобы стереть мелкий нолик (и суждения на этот счет могли быть разные), а во-вторых, после такой претензии нужно было уже закрывать банк и останавливать игру именно в тот момент, когда ожидалась, судя по заинтересованности присутствующих, богатая жатва, поэтому грамотной и более полезной политикой для банкира было совсем избавиться от такой понитерки.

Так вот, когда Грифин перетасованную и снятую колоду карт взял в руки и дал знак, говоря: «Готово», все игроки положили свои повернутые лицом к сукну понитерки и, прикрыв их деньгами, также ответили: «Готово!».

Одна только госпожа П... надеялась, что достаточно будет, как и раньше, записи мелком и не нужно будет класть чистоган. Но Грифин не раздавал карты и ждал, смотря в упор на ее, когда она положит чистоган, так госпожа П... не вытерпела и во всеуслышание возмутилась:

— Что же это? Барин Грифин не видит, что все карт ждут, к чему это пан так присматривается?

Грифин, сохраняя невозмутимое спокойствие, ответил:

— Милостивая госпожа! Я ничего перед пани не вижу, кроме старых прелестей, которые меня, как человека уже немолодого, не обольщают, так пускай госпожа П... свои прелести спрячет под стол, а деньги положит на стол.

После этих слов все вокруг захохотали, а госпожа П..., бросив карты на столик, объявила:

— Не люблю играть со скверно воспитанным человеком.

И, разгневанная, она вышла.

Когда столик Грифина, благодаря этой комической сцене, притянул на свободное место общество, которое с еще большим упорством начало атаковывать банк, то и в танцевальном зале также развлекались недурно. Только какой-то студент, который впервые попал на редут и перецеловал поочередно всем панночкам руку в знак обычного приветствия, что у него

отняло более четверти часа, и пристыжен был сестрой в отсутствии такта, а потому не отваживался уже более выйти из угла, который он, к счастью, нашел и первым ознаменовал храпом, что настал уже поздний час, а замена перегоревших свечей предупредила матерей о том, что пора уже собираться домой. Так они начали созывать своих дочек и порученных им в опеку молодых родственниц на отдых, а наброшенная шаль, вызывая грусть у молодежи, служила арестом в танцах; поочередно они начали исчезать, и зал значительно опустел.

Только Масляк (имея в ту ночь большие, чем раньше, расходы, так как они возникли из-за непредвиденной конкуренции с Каминским), который ожидал именно отъезда дам, в присутствии которых Бахус, согласно новогрудскому обычаю, не мог быть надлежащим образом почитаемым, появился в зале с венгерским и, обращаясь к мужчинам, что еще остались, принялся зазывать:

— Светлейшие паны и государи! Почтенные господа и добродетели! Окажите любезность поддержать тост искреннего вашего слуги за здоровье дам, которые почтили нас сегодня вечером своим присутствием.

— За здоровье дам! — повторила сотня голосов, после чего лукошко за лукошком понесли вино по приказу самих же гостей, имена которых Масляк записывал сначала в памяти, чтобы в дальнейшем точно записать их в книгу.

«За здоровье Светлейшего Маршалка[16]! За здоровье Светлейшего подкоморного[17]! За здоровье предводителей, за здоровье каждого чиновника!» А каждый почитаемый тостом приказывает подавать новое лукошко вина в благодарность: «За здоровье Масляка!», старопольское «За любовь!», «За здоровье музыкантов!», которые каждый раз играли несколько очень громких тактов марша. И тут кто-то из неосмотрительной молодежи кричит: «Шампанского!» Все его уговаривают, что уже достаточно, а он еще более упрямится и объясняет, что собирается предложить тост, с которого нужно было и начинать. Когда, не ожидая, чем окончится этот спор, принесли лукошки и наполнили бокалы, а тот, кто это предложил, закричал: «За здоровье Светлейшего, Всесильного...[18]», то Масляк замахал руками музыкантам, а те грянули так громко, что оратора уже и не было слышно. В этот момент костельный колокол у базилиан, который звал на примарию[19], напомнил, что уже половина седьмого утра, и все разбрелись, куда и как кто сумел.

Раздел XVIII

Борьба за редут возобновлена

Но фортуна — неверная женщина! Ведь кто, скажите, во время полного триумфа Масляка мог бы подумать, что такой чудесный редут станет у него последним? Но рассказанная здесь история доказывает это.

Казимир Мацкевич, в то время новогрудский городский регент, который умер, отбыв с достоинством срок на посту президента, остряк и любимец и мужского, и женского общества (что никогда сам не хохотал, рассказывая анекдоты, от каких слушатели всегда вповалку ложились), будучи школьным коллегой, а затем искренним другом, а во время строительства зала для редута, о котором шел разговор, советником Каминского, весьма огорчился, когда узнал, что у друга ничего не вышло, а к долгам за строительство и за мебель добавились еще и долги за музыку, за освещение и за буфет, способные скоро привести к банкротству. Так он искренно взялся спасать приятеля, а зная секреты и прихоти лиц, которые формировали

группировки высшего света, знал он и то, что пани докторова Вольфова и пани Богдашевская, обе кокетки и красавицы, за которыми молодежь ходила гужем, не терпели друг дружку так сильно, что ежели одной вздумалось нечто строить, так вторая бы приложила все усилия, лишь бы только это разрушить.

Пани Богдашевская, давняя уездная обывательница, первая надеялась на визит пани докторовой, которая недавно приехала в повет. Госпожа докторова, жительница предместья, замечала, что и она имеет право на такой же знак почета со стороны пани Богдашевской, но та приехала в местечко и ее не навестила.

Обе они издали повидались, и обе красавицы, ни слова не говоря друг дружке, воспылали ревностью соперниц. Каждая знала из доносов и слухов, что другая о ней рассказывала, а к тому, что действительно, может, и было промолвлено, добавилось еще кое-что по милости приятелей, и это вызывало в каждой из них желание убедить другую, что именно она имеет большее влияние и более уважаемая.

Так вот, когда между Масляком и Каминским снова на следующей неделе началась борьба (Каминский расклеил прежнее количество печатных афиш, которые снова приглашали публику в его вышеописанный дом в следующее воскресенье, но уверенный в своей победе Масляк считал, что уже нечего беспокоиться), пан Мацкевич пошел с визитом к пани Багдашевской. На ее вопрос: «Что слышно?» он сначала долго отнекивался, якобы не желая повторять слухов, возможно, и неверных, но наконец сообщил, что пани Вольфова откуда-то узнала, будто пани Богдашевская решила опекать Каминского и собирает в следующее воскресенье к нему компанию на редут, так она хочет уважаемой обывательнице довести, что ничего у нее из этого не выйдет, так как на молодежь она не имеет никакого влияния.

— Что? Эта жидовка, — закричала пани Богдашевская, — будет меня здесь оскорблять? Я даже и не думала о Каминском, но если нужно показать ей мое главенство, так я ей покажу, и как захочу, то оно и будет, редут в следующее воскресенье будет именно у Каминского, а ей разве что останется попрыгать только с маркерами[20] Масляка. Надеюсь, что пан приведет для меня к Каминскому лучших танцоров из своей молодежи.

— Воля пани, — ответил Мацкевич, — является для меня законом, я сделаю все возможное. Но я не желаю начинать склоку, поэтому обещать ничего не могу, разве, под обещанием величайшего секрета, что пани не откроет никому своих планов, соберет дам, на которых имеет влияние, и поедет с ними к Каминскому.

— Добро, дорогой пан Казимир, — довольно и льстиво промолвила пани Богдашевская. — Поспособствуй мне только, чтобы я опередила жидовку.

После этой миссии Мацкевич направился к Вольфовой и сообщил там то же самое известие, с одной только разницей, что это уже пани Богдашевская, словно узнав, что докторова собирается к Каминскому на редут, намерен убедить ту, что ничего в повете без ее разрешения твориться не может, и что она никогда не допустит, чтобы новенькая главенствовала здесь, так как докторова у Каминского никого не встретит!

А когда Вольфова, услышав о такой опасности, чванливо заявила, что хотя она сначала об этом и не думала, но приложит теперь все усилия, чтобы редут был у Каминского, так Мацкевич и ей пообещал привести лучших танцоров, правда, при условии, что госпожа Богдашевская об этом раньше времени не узнает и не испортит планов.

Посредством такой адской интриги две заклятые неприятельницы, действуя наперекор друг дружке, служили одной и той же цели. Никто

(даже самые рьяные любители забав, которые не имели никаких претензий главенствовать) не могли узнать, где же будет редут — у Масляка или у Каминского?

Мало того, муж Вольфовой, доктор, которого вызвали к пациентам, получил категорический приказ от своей всевластной жены, чтобы молодым и здоровым лицам он прописывал редут как антидот[21] против всех возможных в будущем болезней, ибо развлекать забавою ум, согласно самым новым медицинским открытиям, это самое эффективное лекарство для укрепления тела. И обе героини-соперницы были так вежливы со своими мужчинами, что при прощании будто неосознанно легко пожимая руку тем, кто отходил, они просили:

— Мой дорогой, пускай же пан меня не оставит!

Масляк и не догадывается, что здесь происходит. Просмотрит он только свои реестры, посчитает, сколько в прошлое воскресенье он сам на угощение израсходовал, а сколько ему господа приказывали подавать, закроет через минуту счета и, сидя в кресле с подлокотниками со сплетенными на животе пальцами, повернется лицом к камину и глядит на огонь, который там пылает, а сам думает, что в случае еще нескольких таких баталий стоит позаботиться, чтобы оставаться в выигрыше не проигрывая много своего. Но ведь в прошлое воскресенье с такой охотой пани и паны у него развлекались, что Каминский ничуть в памяти их не будет. Разве эта голытьба посмеет соревноваться с давно известным домом? А тут еще несколько раз в день приходит Белявский с новостями, что готовится большой редут, и панночкам некогда готовиться к урокам музыки, с которых он как раз возвращается, ибо все озабочены редутом.

Для Масляка такая музыка звучит чрезвычайно приятно! Так он приглашает Белявского, чтобы тот наливал себе из фляжек, которые виднеются за стеклянными дверцами, в посуду любого размера. А тот, в совершенстве зная эффект каждой капли, смешивает разные ингредиенты, смотрит прищуренным глазом через стекло рюмки на свет, чтобы убедиться, что ликеры хорошо перемешались, и пьет за здоровье Масляка, желая ему забыть о дурном и иметь в будущем только счастье.

Раздел XIX

Победа на стороне Каминского

Настало, наконец, и то страшное воскресенье. Мацкевич еще с утра навестил дам-соперниц и показал им шестьдесят билетов, которые он лично приобрел для танцоров, что в соответствующее время должны появиться у Каминского. Без них редут у Масляка становился невозможным. Бесконечно рады обе соперницы, так как узнали от этого же агента еще и то, что госпожа президентова Пацынина, которая не была в прошлое воскресенье у Масляка, поддалась на уговоры и со своими шестнадцатью панночками, которые уже неплохо танцевали, собирается приехать к Каминскому из-за особенной симпатии к протеже приема у него. Каждая из них эту честь приписывает себе и уважает его за унижение своей антагонистки.

В напоминание о билетах они приказывают ему купить для себя столько-то и столько-то, но Мацкевич, зная как сложно вести подобные счета с дамами, обещает за половину цены прислать желаемое количество, а рассчитаться они смогут, когда их получат. И через пару часов пани Каминская не только отдала им билеты на этих условиях, но еще и осмотрела приготовленные уборы и собственной рукой поправила то, что еще можно

было скоро поправить, заверяя, что теперь все будет чудесно. А была она в этом неплохо осведомлена, так как два года назад, когда строился дом, она не тратила времени зря, проживая в Вильно рядом с первыми модницами литовской столицы.

Масляк удивляется, правда, почему это к нему никто не идет за билетами, но Белявский, который с утра настраивает инструменты, заменяя клапаны кларнетов, гобоев и струны на скрипках да контрабасах, все время его успокаивает, что редут будет, что билеты купят при входе, а сам, продувая починенный инструмент или проводя смычком по только что натянутым струнам, которые доставляют ему столько забот, потому как слабеют, идет к шкафчику, чтобы подкрепиться, и, отвернувшись, с закуской за губою, кричит оттуда флейтисту:

— Пан Буткевич, выдуй-ка, ля.

Так продолжалось до самого обеда, когда собрался оркестр и сыграл без нот симфонию, которую умел играть с закрытыми глазами. Ободрился Масляк, когда Белявский по окончанию сказал:

— Чудесно!

После этой пробы дирижер имел тайное совещание с Масляком, на котором очень предусмотрительно было решено задержать музыкантов на обед, а после закрыть их в пустых гостевых комнатах, чтобы те поспали перед бессонной ночью, ведь когда они разбредутся, то Каминский может их завлечь к себе и споить, лишь бы только опозорить.

Уже и свечи начали зажигать, и музыканты проснулись и готовят инструменты, но кроме этого и грохота лестниц да стульев, которые передвигали от подсвечника к подсвечнику, не слышно было ни звука. От какого-то предчувствия Масляк оцепенел. С заложенными за спину руками и наклоненною головою он молча ходил по залу, пока кукушка в углу, откликнувшись восемь раз, не сообщила время, когда обычно собираются гости. Поднял голову хозяин, взглянул на нее и сказал:

— Пан Белявский, кажется, дело дрянь!

А тот ему на это отвечает:

— Эх! Зря, пан Масляк, волнуешься, я уже не в сотый ли раз повторяю, что редут будет.

— Чтоб черт его побрал! Будет! Но у кого? Лучше бы его вовсе не было! Для сударя, пан Белявский, все равно, ибо будешь ли играть, не будешь, а о своих деньгах напомнишь, а мне — другая забота, мне позор, потери, может, и нищета вовсе. Если бы я пана не слушал, так был бы редут!

И среди таких и подобных укоров застала их кукушка, выпрыгивая из часов и кукуя девять. После этого уже и Белявский заскучал, а через минуту промолвил:

— Что же это такое? Я должен узнать!

С этой целью он вышел, а увидав, что творится у Каминского, сюда уже не вернулся.

* * *

А у Каминского было совсем иначе. К музыкантам под руководством Игнатия Томашевского, раньше собранных из остатков прежнего Слонимского оркестра, пан Обухович с Сенной по просьбе пана Мацкевича прислал своих лучших солистов, а пан Славинский, какого музыкальный талант и независимость высоко поднимали в обществе, позволил уговорить себя быть дирижером этого увеличенного оркестра, что и без пиликанья какого-то там ля был в обозначенное время готов играть для гостей, а чтобы избежать суеты и споров из-за танцев, заранее была вывешена программа, четкими буквами написанная мелком на черной таблице,

которая показывала не столько дирижеру, как тем, кто развлекался, порядок вечера.

Еще не было и восьми, когда приехала со своим штабом пани Вольфова, а при ее появлении в зале, к ней из дальних комнат вышла палестра, какой Мацкевич организовал вход через боковые двери, чтобы избежать подозрений Масляка.

Через несколько минут послышался голос:

— Госпожа президентова!

И та вошла во главе своих молоденьких питомиц.

Госпожа докторова, приписывая эту честь себе, вышла навстречу, вежливо благодаря за приумножение ее компании таким чудесным обществом, а коли они, обменявшись комплиментами, начали уже восхищаться пышным и элегантным убранством зала, а музыканты взялись за свои инструменты, так двери открылись, и послышался удивленный возглас:

— Госпожа Богдашевская!

При этих словах мужчины из разных сторон вознамерились идти к ей, чтобы не опоздать выказать надлежащий почет, и создали такую суету при входе, что она не могла ни вперед пройти, ни посмотреть, кто есть в салоне, через минуту, заметив госпожу Пацынину (в присутствии которой она не сомневалась, так как видела ее лошадей, что уже возвращались назад), она ринулась к ней с протянутой рукою и возгласом:

— Ах! Моя дорогая президентова!..

Но неожиданно она увидела Вольфову, так и остановилась, остолбенев, возможно, даже бросилась бы убегать, полагая, что заплутала, если бы президентова, зная, что эти две героини не терпят одна другую, не схватила бы ее за руку и не промолвила:

— Имею честь рекомендовать пани докторову Вольфову, которая уже несколько лет назад приехала к нам и заслужила нашу протекцию и дружбу.

И обращаясь к госпоже Вольфовой добавила:

— Это пани Богдашевская, моя хорошая приятельница и зачинщица всех забав в нашем обществе.

Дамы, представленные таким образом друг дружке, чинно поклонились и занялись приветствием своих приятельниц, что оказались во враждующих лагерях.

В этот момент зазвучал полонез Агинского, пан Тадеуш Чечот, одетый по-польски, и пан Франтишек Пилецкий — человек чуть более модный, оба хорошие приятели президентовой и школьные товарищи Каминского, подошли к дамам и пригласили: первый — пани Богдашевскую, второй — Вольфову, а вслед за ними — также с отобранными для себя парами и молодежь приступила к танцу, который кружился в разные стороны, а в разговорах все восхищались красотой и пышностью зала, который давал столько тем для разговора и освобождал от обсуждения вещей неприятных.

Вскоре приехали другие знаменитые лица, и редут продолжался наилучшим образом, а две недавние антагонистки, которые любили забавы так же, как и все остальное общество, перестали сожалеть о том, что они сошлись разом, а в удобный момент сказали друг дружке, что довольны знакомством. Только пан Казимир Мацкевич, который все это подстроил, вышел через боковые двери и не показывался в салоне, пока не узнал, что все вышло чудесно. Когда он приблизился к дамам, про которых мы рассказывали, то и одна, и другая погрозили ему пальцем, но этот упрек уже не был страшен, ибо он означал скорее благодарность, чем осуждение.

* * *

Вот как редут в Новогрудке перенесся от Масляка к Каминскому, так как тот, кто хотя бы раз побывал в его салонах, стыдился уже появляться в доме Масляка, который был похож на трактир. Других подробностей мы не раскрываем, боясь утомить ими читателя. Ибо и здесь, конечно, пили и играли в карты, хотя и в меньшем масштабе из-за того, во-первых, что хозяин был более бедный и не такой фамильярный, потому он не угощал за собственный счет, а во-вторых, госпожа П... не играла с Грифиным, распространяя о нем сплетни, будто бы он шулер и плут, и этим предостерегала от игры молодежь. Богуся танцевала, многим нравилась и сама она полюбила развлечения, но была слишком молода, чтобы заслужить на какое-то особенное о себе упоминание. Пол в зале Каминского, как страшил Масляк, не провалился. Сам же редут с течением времени приобрел более модное название косины, а наиболее соответственно было бы, кажется, завершить этот раздел обычной в таких случаях формулой: и я там был, мед да вино пил и т. д.

Раздел XX

Французская война. Часть первая

1812

Происходят теперь более важные и не такие, как это может показаться, легкие для описания события, так как мы намереваемся вспомнить те подробности о войне, названной в Польше войной французской, которые нигде не были записаны, кроме памяти тех лиц, дни которых уже сочтены, но и там господствует полная неразбериха, ведь воспоминания эти (в сердцах и собранные зрением и слухом) завалены различной ненадобностью, то есть личными и общественными поражениями, а также перепутаны и угнетены разными обманутыми надеждами.

Так, когда кто-то с фонарем воспоминаний войдет в этот амбар и толкнет ногой это старье, — посыплется из него труха разрозненных воспоминаний, никак между собою не связанных, которые тем более сложно упорядочить, что разгоняя атом за атомом, сфера ширится перед напрасным напряжением зрения, а глаз выхватывает одни только домыслы и предположения, на какие день сегодняшний и будущее оказывают сильное свое влияние.

Уже с середины зимы, это значит с начала 1812 года, по всем путям началось перемещение российской армии. Но зрелище это не было новым в Литве. Немного оно страшит и ограничивает свободу, но в силу того, что двигалось на Запад, кто наблюдал это, непроизвольно вспоминал Цюрих, Аустерлиц и Йену, куда также красиво и той же дорогой уже шло войско, но назад не возвращалось. Какой-то молодой шутник осведомился у старушки, которая, опираясь на клюку, присматривалась к полку, что проходил рядом:

— А что, мать, была бы ты рада, коли б мы побили французов?

— О, дай боже, — с покорностью ответила старуха, — чтобы вы их побили, и чтобы вас гром побил!

Она тосковала по внуку, которого забрали в армию несколько лет назад, и с того времени она о нем ничего не слышала и ни в одном из отделов, которые там маршировали, его не видела.

Слова этой бабушки, кажется, самым соответствующим образом объясняют философию народа, во имя которого и за который сражаются

непрошенные антагонисты. И хотя тот, кому не повезло, всегда жаждет изменить ситуацию в надежде, что ему повезет, однако итоги и само название уже показывают, что французская война 1812 года не была войной за Польшу; каждый нас грабил, в особенности в деревне, как кому вздумается. Потому все, кто только мог, выбирались в город, где воинские отделы давали, согласно своему желанию и возможности, протекцию. И именно по этой причине обусловлено скопление людей в Новогрудке, которое мы наблюдали в предыдущем разделе.

Когда бы статьи российских законов точно исполнялись, когда бы обыватели, хорошо их зная, имели мужество и непоколебимую волю уследить за их выполнением, когда бы офицерам не так легко было (согласно узаконенному обычаю) унижать солдат тем, что они присваивали их пенсию и питание, тогда перемещение российской армии этак бы не было затруднено, ведь солдат не такой уж ухарь и боится трости, которой, в особенности в те времена, его щедро угощали; организованные повсеместно склады могли бы освободить от необходимости грабить, тогда отдел не тронулся бы с места без того, чтобы не дать обывателю расписку. В противном же случае перемещение армии превращалось в настоящее бедствие.

Тяжело было маршалку назначить депутатов[22], которые должны защищать обывателей от злоупотреблений при пополнении складов и перемещения воинских отделов, ведь люди зажиточные и с определенным положением, превознося собственное спокойствие превыше общественного долга, не хотели принять на себя таких обязанностей, а ему не хватало сильной воли, чтобы принудить их, на что он, бесспорно, имел право, и что было необходимо сделать, в особенности там, где как-то механически действует принцип: «Чин чина почитает». Делегированные же представители обедневшей шляхты не были в состоянии защитить самих себя, не то что население, заслуженных же на российской воинской службе обывателей, которые бы с наибольшей пользой исполнили обязанности депутатов подобного рода в своей провинции, еще не было. Так лошадей, волов и людей забирали как реквизицию и гнали их, пока те не падали либо не убегали при удобном случае. На местах расквартирований — драки, насильно забирается продовольствие, кожухи, сермяги и всякое прочее имущество, необходимое, чтобы перетерпеть холода, а в других деревнях за бесценок оно продается или другими отделами грабится. Лошадей — и выездных, и тягловых, а также выпряженных у встреченного на большаке проезжающего — устанавливали под пушки, которые невозможно было стронуть из места, так как под такой тяжестью колеса увязали в снегу до самой земли. Словом, судный день на Литве!

У людей, однако, появилась надежда, что скоро придет этому конец. Тот, кто живет при большом тракте, завидует положению отдаленных деревень, из которых пешком приходят ротозеи, чтобы посмотреть на движение армии, но кое-кто схвачен и нагружен ранцами и ружьями, уже клянет свое любопытство, он идет туда, куда ему приказывают, а местные смеются над ним, ведь и он попробует, по крайней мере, что такое война и перемещение армии.

Наконец, толпа начинает редеть, все меньше и меньше этих хлопотных гостей. Похоже на то, как пустеет кувшин, и через некоторое время — уже и нет никого. Лишь изредка пролетит по дороге в ту или иную сторону тройка, припадая до земли, а странник, что в ней сидит с тайстрой[23] на груди, толчет в шею кучера да кричит сердито: «Пошел! Пошел!», словно Люцифер за ним гонится, чтобы забрать его душу. Прикрепленный к дышлу звонок уже не звенит свойственным ему голосом, потому что язык его ходит по кругу и чуть слышно дребезжит, его издали и не узнаешь, даже крестьянин, заметив на холме близкую опасность и не имея возможности

быстро направить свою не стреноженную кобылу, прыгает с воза в канаву, и сразу звучит выстрел из пистолета.

Через минуту крестьянин, оправившись и убедившись, что он не ранен, выругает того, кто его так испугал, поплюет три раза на землю, чтобы никакой беды из-за перепуга не приключилось, да и возвращается к возу, где кобыла, не вникая в конфликты этого мира и пользуясь минутой передышки, кротко щиплет при дороге траву.

Сам Депутат по делам перемещения армии пан Бенедикт Чечот, шляхтич молодой и достаточно энергичный (он был из обедневших, потому не смог отказаться от навязанной ему маршалком должности), который забрал у отца двух последних лошадок, обещая хотя бы пасти их на овсе обывателей, сидит сейчас и не показывается (вернувшись с тросточкой домой, ведь лошадей у него, не взирая на его должность, силой забрали) и рассказывает новости, которые слушает раскрыв рот мелкая шляхта, что неизменно с этого времени титулует его Паном Депутатом. Даже собственный отец, хотя он и имеет право звать его, когда они остаются наедине, пан Бенедикт, обращается к нему в третьем лице: «Сын Мой, Пан Депутат». За пропавших лошадей он не упрекает, потому что хоть и бедный, но от такого бедственного лишения тягловой силы еще больше пострадает его хозяйство, однако имеет шляхетскую гордость — на государственной должности приличнее честному человеку потерять, чем бессовестно присвоить. Уже и солнце на небе светит выше. Церера[24] распустила свои золотые косы, чтобы высушить мокрую от растаявшего снега землю. Для земледельцев наступает самая хлопотная пора. Но по причине того, что скот, который используется для работы в поле, могут захватить отделы, если нагрянут внезапно, то его целый день караулят расставленные на высоких местах пикеты, а заметив вдали черную подвижную колонну, подают сигнал охотничьим рогом, чтобы скот с поля и пастбища прятали в лесу.

Раздел XXI

Французская война. Часть вторая

1812

В начале июля вновь вернулся в Новогрудок российский отдел, и было замечено, что царские чиновники засуетились, наспех собирая конфискованные, где только попадутся, фуры. Стряпчий Матович, одетый в мундир и чрезвычайно активный, контролирует каждый отъезд и остается один на один с армейским офицером, что имеет некое секретное задание. Какая-то между ними происходит беседа, в ходе которой они (что видно по тому, как оба машут руками) не соглашаются друг с другом.

Наконец стряпчий бежит к самому богатому жиду Горькавому (так он, по крайней мере, назывался) и сообщает ему, что это пришел к ним уже последний отдел, сразу после которого придут поляки. Но пока это не случилось, весь город должен погибнуть в огне, и офицер, который останется здесь, имеет приказ в полночь поджечь склады, а большое количество их в иезуицких сооружениях в самом центре города организует такой пожар, который невозможно будет ничем потушить, так как устройств для тушения огня еще не было. Так он советует предотвратить эту беду, собрав за два часа тысячу рублей для офицера, ибо схватить его и отвезти в ту сторону, откуда надеялись на более ласковых гостей, было делом опасным.

Бегают жидки и гергечут между собой, по жестам их (ведь кто понимает их язык!) видно, что они что-то важное решают. И еще до назначенного срока искомая сумма уже собрана, так как жидам в подобных делах легче между собой договориться, чем шляхте. Но офицер боится и отказывается взять деньги, в его инструкции точный приказ: подпалить в определенное время ночи, чтобы пламя видно было генералу отдела, который здесь прошел.

Спасает от затруднительного положения стряпчий, заявляющий, что позволит поджечь два стога своего сена да скирду зерна, которые находятся на его земле в предместье. Этот проект, который соответствовал и безопасности города, и самого офицера, был принят. А поступок стряпчего произвел такое сильное впечатление на военного, что тот, прознав, сколько может стоить эта потеря, предложил вычесть ее стоимость из назначенной для себя суммы и отдать стряпчему. В установленное время он поджег стога и поскакал в их зареве в Кореличи, где отрапортовал генералу, что «все благополучно», а зарницы на небе подтверждали его слова.

В ту ночь никто не мог заснуть. Сердце колотилось у каждого. Все вздохнули полной грудью, так как Новогрудок, по сути, уже никому не принадлежал и был свободен. Не было армии, не было чиновников, не было никакой полиции, а тем временем никто ничего друг другу не сделал, ничего плохого даже и в мыслях не было, если и случались ранее недоразумения или зависть, то в такую торжественную минуту ожидания чего-то лучшего все было позабыто, все бегали, обнимались, поздравляли со свободой.

Раздел XXII

Французская война. Часть третья

1812

На другой день с утра в Новогрудке появилось польское войско. Боже, что это была за радость! И кто бы тогда поверил, что счастье будет таким коротким? Из своих тайников вышли дамы, они здороваются с рыцарями, как с родными братьями, мужчинам этого мало, они заводят громкие разговоры, ласкают усталых коней, справляются о своих родных, знакомых или соседях, покинувших край не менее, чем шесть лет назад, удивляются, что в полку о них ничего не знают. Генералу Рожнецкому[25] назначили квартиру в замке Радзивиллов, куда он отправился со своим штабом.

Как на беду, предводителя Рдултовского, который до сих пор ради собственной безопасности притворялся больным, не было в городе. И комитет, который должен был его заменить и состоял из Тадеуша Пилецкого, Бенедикта Гоциского и Белопетровича, также отсутствовал, так как двоих последних (один в Перасеке, а второй в Братянке жили — от Новогрудка довольно близко) должны были предупредить, чтобы они приехали, но забыли сделать это в общем замешательстве. Первые радостные минуты прошли в объятиях и приветствиях незнакомых гостей, словно это были родные братья, а когда офицерам нужно было уже расставлять пикеты, то жители, желая их чем-нибудь угостить и создавая этим суету, усложняют им службу. Пан Адам Вольский, секретарь шляхты, сообразил стать при складе, который удалось сохранить в прошлую ночь, чтобы выдавать рацион для людей и лошадей. Но ведь он — заика от самого рождения — от внезапного потрясения, на беду, временно потерял и остаток способности нечто промолвить, так как не мог ни объяснить свое доброе намерение, ни позвать кого-либо себе на помощь, только все более злился и, размахивая

угрожающе руками, разогнал и тех, кто его слушал. Одни подумали, что Вольский помешался, а другие, что было менее вероятно, что он дурно настроен к гостям.

В любом случае, Вольский в этом деле был не пригоден, так как открыть склад без ключа и без посторонней помощи он сам не мог, а никто другой не додумался, что те запасы можно использовать для гостей. Правда, бегали к трактирщику Домбровскому и приказывали ему, чтобы тот скорее готовил обед для офицеров, но ведь ни за чей счет, ни на сколько персон, никто не сказал, а учтивый Домбровский, хотя меньше всего за это и беспокоился, ибо сам хотел сделать все как надлежит, никого не имел под рукой, потому как и повар его, и поварята побежали смотреть, что творится.

Только когда Белопетрович из Братянки и Бенедикт Гациский из Пересеки, люди отмеченные должностями и уважением, приехали в город, то навели кое-какой порядок, приказав открыть склад и взять все нужное для питания армии. Вскоре начали стряпать у Домбровского, на рынке закипели котлы с едой для солдат, а около ратуши поставили столы, чтобы всем хватило места.

После этого распоряжения они, как должностные лица, направились к Рожнецкому, чтобы приветствовать его и расспросить о других нуждах, а толпа, что их окружала, двинулась за ними до генеральской квартиры, жадно ожидая вестей оттуда. Тадеуш Гациский, в то время адвокат и красноречивый поветовый трибун, решил, что и его присутствие там необходимо, и также двинулся к квартире, когда же пан Белопетрович кратко сообщил, с чем они сюда пришли, пан Тадеуш Гациский начал свою речь, похоже, очень длинную, в которой доказывал, как счастливы жители Новогрудка вследствие появления здесь национальной армии. Генерал Рожнецкий, не имея желания долго терпеть эти речи, остановил его невежливым замечанием, что он сюда пришел не для того, чтобы слушать литовских галок, ибо император требует не слов, а дел, да и сам генерал был здесь достаточно, чтобы заметить, что поляков здесь нет.

Поражены были этим замечанием благородные мужи, что пришли сюда не ради ссоры, взглянули они друг на друга, а прерванный оратор, молодой и горячий, отозвался:

— Пан генерал, мы пришли сюда, чтобы приветствовать командира бесстрашных освободителей края. Ведь пан является генералом польской армии?

На это Рожнецкий с гневом ответил:

— Пан шляхтич, меня мало интересует, кем пан меня считает. Я занят более важными делами. Добавлю только, что я вижу человека, который забыл про субординацию и ведет себя лихо.

А потому обещаю, что если через час не будет продовольствия и фуража на 10 000 человек и лошадей, то пана, как первого встречного бунтовщика, прикажу расстрелять!

— Пусть же пан не ожидает так долго, — разъяренный до последней степени этой угрозой закричал Тадеуш. — Вот открытая грудь искреннего поляка! И когда вся компания у нас с этого начинается, то пусть останется в истории, какими друзьями стали нам наши освободители.

Приказал генерал, чтобы депутация его оставила, и это без возражений было сделано.

Так нечего сомневаться, что после такого случая прежнего вдохновения уже не было, а по городу разнеслась гулкая молва, что это неприятельское войско, переодетое в польские мундиры, ибо генерал хотел расстрелять Тадеуша Гациского, который повсеместно считался истинным патриотом. В результате энтузиазм сразу исчез. К счастью, Рожнецкий через несколь-

ко часов покинул Новогрудок без каких-либо других злоупотреблений и направился со своей компанией в Кореличи.

В тот же день под вечер во главе нескольких конных и пеших полков вошли в Новогрудок князь Юзеф Понятовский[26] и генерал Домбровский. Князь Юзеф остановился в предместье в доме митрополита, а генерал Домбровский — в Городиловке у Керсновских. Тадеуш Гациский, которого оскорбил его родственник Бенедикт за то, что тот присоединился к комитету и вызвал такую ссору, не соглашаясь молча проглотить свою обиду, стал во главе депутации, им же самим организованной от имени города, пошел к князю Иосифу и торопливо и проникновенно пожаловался ему на Рожнецкого. Князь Юзеф, который терпеливо выслушал его и убедился, что жалоба не была вымышленная, вежливо обратился к обывателям, уверяя их, что такое поведение Рожнецкого весьма ему неприятно, а ради завоевания большего у них доверия он даже пытался свое недовольство высказать Рожнецкому в письменной форме.

А по причине того, что он решил завтра оставаться в Новогрудке, то пригласил к себе дворянский комитет, чтобы посоветоваться о создании национального правительства.

Раздел XXIII

Создание нового правительства. Поражение под Миром. Общая картина поведения французского войска

Это был несчастливый день 9 июля, праздник мученика Зенона. Созванные, как мы уже говорили, князем Юзефом обыватели под предводительством маршалка Рдултовского (который по известию о приходе польского войска ночью приехал в Новогрудок) явились к князю. Князь Юзеф принял их радушно и, познакомив в своей содержательной речи с новой эпохой, призвал полностью довериться императору (о планах его ничего не говоря), а Рдултовского данной властью назначил подпрефектом Новогрудского дистрикта[27].

И хотя это не польское название хорошо показывало, что из освобожденных провинций не было намерения создавать Польшу, а только Северную Францию, la France du Nord, не было смелости и не считалось правильным делать какие-либо по этому поводу замечания, так как победитель держал в своих руках судьбу народа. Новый пан подпрефект, которого князь об этом просил, называл фамилии людей, необходимых ему для помощи, а князь их утвердил.

Потом они занялись написанием Акта установления новой власти и составлением благодарности императору, а также приведением к присяге на верность предназначенных торжественно правителей, принятием и изучением инструкции и других документов, необходимых в неизвестной до сих пор службе, а, в первую очередь, переписыванием объявлений и распоряжений для всего уезда, что затянулось до полудня. Каждую экспедицию, наилучшим образом осведомленный о нормах французского языка, просматривал сам князь, одни он утверждал, насчет других делал замечания, словом, когда весь новый механизм был приведен в движение, неожиданно вдалеке послышались пушечные выстрелы, которые повторялись около часа довольно часто.

После нескольких взрывов князь тревожно проговорил:

— Не люблю я этих виватов.

Ведь выстрелы были слышны в той стороне, куда двинулся Рожнецкий, не имевший ни пушек, ни пехоты, и потому не участвовавший ни в ка-

кой баталии. Князь немедленно послал за генералом Домбровским, а сам отдал приказ армии, чтобы та была готова к маршу. Когда канонада утихла, все решили, что Рожнецкий, видимо, напал на москалей где-то посреди поля и захватил их пушки. Это мнение вернуло равновесие, князь, делая вид, что верит, приказал подвинуть посты и дозоры вперед и отправить разведку, а сам снова сел за работу.

А под вечер пришло горькое известие о том, что бригаду Рожнецкого разбили за Миром. В этот день Рожнецкий прошел три мили от Кореличей, а когда входил в Мир, заметил отдел казаков, которые оттуда убегали. Приказав их догнать, не разузнав предварительно о силах, которые могли быть за городом, гнал лошадей восемь верст по Несвижскому тракту и налетел в лесу на засаду корпуса Багратиона[28], которая встретила его с фронта и сбоку смертельным огнем. Несмотря на изначальное замешательство и истощенных лошадей, наши уланы, сохраняя порядок при отступлении, разбили пиками казачий полк, который выскочил с правой стороны из-за рощи, чтобы предотвратить отступление. А когда с левой стороны из-за леса со Сверженского тракта надвинулись черные тучи пехоты и артилерии, чтобы перегородить им дорогу, а с Несвижского тракта мощная прежняя засада двинулась вперед, то Рожнецкий, осажденный со всех сторон, построил свою бригаду в одну линию, чтобы создать как можно больший фронт и ввести в заблуждение неприятеля, однако тот, не давая себя легко провести, взял их под двойной обстрел, много убил и ранил, а еще больше захватил в плен и быстро отступил. Конный полк с пушками из бригады Тышкевича[29], услышав ту перестрелку, спешил уже на помощь своим, но не смог догнать неприятеля, который ретировался. Словом, из-за неосторожности либо лихачества Рожнецкого наших рыцарей под Миром ожидало серьезное поражение.

Назавтра, на рассвете, генерал Домбровский двинулся дальше со своей пехотой, а князь Юзеф еще на несколько часов задержался в городе, занимаясь размещением раненых, множество которых было привезено на лошадях и волах на рынок в Новогрудке, в котором не было лазарета и который не был готов принять такое большое их количество. К счастью, доктор Вольф не эмигрировал вместе с армией, и доктор Ясинский, один из воспитанников Тизенгауза, оставался на месте, потому под их опеку отдали тех убогих. Шляхта, что оставалась в городе, позаботилась, чтобы мученикам всего хватало.

* * *

С того времени уже не было конца военному движению. Каждый день приходили и отходили новые гости, а на их место прибывали другие. Казалось, что шло здесь строительство Вавилонской башни, и огромное количество различных костюмов и языков подтверждало эту мысль. А наиболее безопасно было в Новогрудке, здесь отделы меньше наводили беспорядков, и только по слухам было известно о преступлениях в деревнях и в отдельных имениях недисциплинированного войска, приведенного в край Наполеоном. Грабежи и уничтожение собственности жителей были, кажется, разрешены наполеоновским бюллетенем, изданным после перехода Немана, в котором дружелюбная Литва объявлялась враждебным краем.

Много подобных злоупотреблений было результатом распущенности, но надо признать, что многие из них творились от безысходности, так как такое многочисленное войско шло, не имея припасов, без которых невозможно обходиться солдатам. Никакого распоряжения на этот счет не было, так тем, что удалось перехватить, и питались. А по причине того, что первые отделы роскошествовали и уничтожали все, что попадало им под руку,

то другие, которые шли следом, безусловно, под угрозой голода, разбегались по окрестностям и группировались в отдельные шайки мародеров, страшные тем, на чьи поселения они нападали, но уже не способные быть настоящим войском. Трудно рассказать о беспорядках, которые навела в 1812 году в Литве французская армия, описывая отдельные случаи, потому что их было так много, что хватило бы на целые тома. Достаточно сказать, что орда Чингиз-Хана, продвигаясь из Азии на Запад тем же самым путем, выглядела более прилично, так как там сурово наказывали за недисциплинированность, за отлучки из отдела, и первым условием безопасности армии было требование держаться вместе. Во французской же армии на такие вещи не обращали внимания, хуже того, к грабежу солдаты и командиры были уже ранее приучены, доказательство чего приведем на следующем примере.

На тракте, которым проезжал вице-король итальянский, пасынок императора, принц Эжен Богарне[30], французы квартировали у знакомого нам обывателя, к которому пришли квартирмейстры сообщить об этой чести. А было еще самое начало кампании, и тот обыватель от радости, что такой большой гость пожалует к нему ночевать, не находил себе места. Он угощает квартирмейстеров, советуется с ними, как такого знаменитого и желанного гостя лучше принять, чем ему угодить.

Но тут поляк-квартирмейстер, пораженный такою вежливостью, отведя его в сторону, предостерегает, что здесь ни о приеме, а о том, как спрятать хозяйское добро, прежде всего, думать надо, так как войско под командованием вице-короля оберет его до нитки, что времени осталось мало, так как с минуты на минуту появится корпус, а тогда уже не будет спасения. Легко можно себе представить, какого страху навело на того обывателя подобное предостережение. И после короткого совещания с женой он приказал перенести ларец, который обычно назывался в Литве шафарней, в комнату, что должна была служить опочивальней для ожидаемого вице-короля, и сложить в нее столовое серебро, деньги, хранившиеся в доме, и все то, что он считал наиболее ценным. Развернув тот ларец замком к стене, он положил наверху несколько перин, застелил их коврами и создал нечто вроде софы, надеясь в душе, что таким образом сделал вице-короля сторожем своего имущества, и поэтому теперь он может быть уверен в его сохранности. Уже меньше заботясь об остальном, сложил он, что успел, в тюки и сундуки и схоронил в местах, которые казались ему надежными. А скот и лошадей вместе с тем, что в хозяйстве называется оборой, приказал загнать в лес и назначил сторожей, чтобы те охраняли всю следующую ночь.

Под вечер пришел корпус, и хозяйка скоро убедилась, что ни для нее самой, ни для детей вежливые гости не оставили места в ее собственном доме. Поэтому она должна была забрать детей и прятаться в лесу, а солдат еще и выстрелил в женщину с детьми, которые переходили границу имения, хорошо, что попал в платок, который пани держала в руке и который она долго потом показывала любопытным.

Обыватель остался дома один, ибо лакеи, которых каждый гонял, не могли больше этого терпеть и обратились в бегство. Более чем десятитысячная армия, которая разбила лагерь на полях, где уже заколосилось зерно — ужасное зрелище для хозяина, тем более, что он видел — была другая возможность разместить их удобно для всех: на лугах и выпасах. А если еще во всех зернохранилищах, гумнах, сараях, каретных и других постройках, покрытых, как обычно, соломенными крышами, загорелся в середине огонь, который мог в мгновение ока превратиться в пепел, то это был ему меч семи напастей[31], вбитый в сердце, но офицеры утверждали, что они не имеют права запрещать солдатам разжигать костры.

А когда он поднялся утром и нашел свои спрятанные вчера сундуки с отбитыми замками, опорожненные и разбросанные по двору, то простодушно подумал, что такая обида, по крайней мере, не пройдет даром. И как только вице-король проснулся, то почтенный обыватель на латинском языке, который понимали итальянцы, пожаловался на армию под его командованием, рассказав о преступлениях и грабежах. Но как же он был удивлен, когда князь, вместо того, чтобы искать виновных, принялся нещадно ругаться на него самого за клевету, так как прятать свое имущество от императорской армии было доказательством недоверия, а потому давало право на конфискацию, которую негоже называть грабежом. Если же он, однако, будет настаивать, доказывая свое, то князь прикажет задержать корпус и позволит провести ревизию, но уж если он своих вещей не найдет, то князь, ссылаясь на какие-то свои французские законы, за задержку армии Его императорского величества на марше прикажет его расстрелять!

Это не остановило обывателя, готового искать свое имущество, ибо ему казалось, что солдату на марше негде спрятать чужое, а в военные фургоны не приняли бы краденых вещей. Когда же вице-король со своим штабом покинул занятые комнаты, то обыватель быстренько забежал туда, чтобы запереть спальню, где находилась та прекрасная шафарня, о которой мы говорили выше. Но как же он был поражен увидев открытый ящик, из которого все забрали! Так, не теряя уже больше времени на нарекания, которые угрожали расстрелом, он предпочел спасать жизнь, убегая из дома в сторону, противоположную направлению марша корпуса, и ему еще повезло, что князь не задержал армию, не приказал искать того, кто жаловался ему на грабеж, который сам князь позволял чинить на собственных глазах.

Когда корпус ушел, то остались одни стены, а следующие отделы, двигающиеся друг за другом, уже не находили здесь ничего, чем можно было бы поживиться, так от злости побили окна и печи, сожгли остатки мебели и превратили весь дом в настоящие руины, восстанавливать которые не было ни возможности, ни нужды, так как около разоренного дома мародеры уже не задерживались, а уходили за пропитанием и наживой дальше.

Один только этот обыватель, которого мы знали как весьма порядочного человека, позже, в 1814 году, под присягой подал в комиссию, назначенную расследовать дело о нанесенном французской армией ущербе, подробный реестр 142 претензии, сумма которых превышала 30 000 злотых, однако ни гроша он так и не получил.

Стоит еще внести удивительные замечания: здания, крытые соломой, несмотря на костры, которые раскладывались на току, сжигая разобранные вокруг заборы, чудом не сгорели, а неспелое зерно, потревоженное, потоптанное лошадьми, во многих местах скошенное, отросло заново; вообще, в 1812 году все давало чрезвычайно хороший урожай.

Но по той причине, что досадное обычно быстро забывается, а мы намереваемся писать не историю войны, а лишь показать характер тех впечатлений, которые эпоха оставила в пересказах о происшествиях в определенной, по крайней мере, местности и сохранила позднее в повестях, то отважимся добавить и несколько комичных случаев, чтобы, не изменяя правде, оставить читателя в хорошем настроении.

* * *

В качестве одного из подобных происшествий вспоминается следующее. Через несколько дней после того, как пришло в Новогрудок французско-польское войско, и весть молнией разлетелась по всему повету, появился пьяный казак около корчмы на тракте в Сецевине, что на расстоянии какой-то мили от Новогрудка. Он попал к жиду как раз в шаббат и, подкре-

пляя свои слова тем, что показал хозяину нагайку, легко добыл фураж для лошади и приглашение для себя на щуку с перцем и кугель[32], съев который и похвалив хозяйское радушие, он вытащил из седла награбленные где-то ценности и выразил желание сбыть их за наличные. Но жид, хотя и неравнодушный к такому предложению, как хороший дипломат заметил, что казак и деньги заберет, и вещей тех не отдаст, так как нет никакой юрисдикции, которая бы с таким серьезно вооруженным человеком помогла разрешить спор должным образом, поэтому он решил воздержаться от соблазна.

А щука с перцем, от которой горело все нутро, вызвала у казака жажду, и тот, садясь уже на лошадь, опрокинул еще кружку водки на прощание, за которую, как и за выпас, рассчитался одним махом с помощью нагайки и поехал. Однако недалеко он отъехал от трактира, разморенный водкой и горячим солнцем скатился он с лошади и, как неживой, уснул посреди дороги под стражей своей кобылы, которая, свесив над ним голову, ждала пробуждения всадника.

Осмелевший от такого зрелища, жид побежал в поместье, что было неподалеку, чтобы там собрали помощь и арестовали казака, который держал в своем седле ценности. Владелец этой деревни пан Ян Сатковский выслушал рапорт и не счел нужным сильную поднимать тревогу, так как предполагал, что с пьяным казаком он справится легко, и решил сам разоружить и схватить спящего. Но потребовал у жида, чтобы тот указал ему место, где покоится неприятель. Жиду, правда, не очень хотелось участвовать в таком опасном предприятии, но его подбодрило лихачество обывателя, и он поплелся вслед за ним, подсчитывая дорогой, сколько стоит то, что находится в седле. Когда же они поднялись на пригорок, откуда было видно спящего казака, то жид шепотом дал спасительный совет:

— Пусть же пан у него сначала кнут отнимет, — махнул рукой на такую недостойную шляхтича подсказку Сатковский, не обращая на нее никакого внимания и полагая, что он лучше знает, как нужно сделать; приблизившись к спящему как можно тише, схватился он за палаш, чтобы отбросить его в сторону. Но эта операция оказалась более сложной, чем шляхтич надеялся, ведь казак, никогда не обнажая сабли, дал ей так сильно заржаветь, что безрезультатные попытки вытащить ее разбудили спящего. Он бессознательно махнул нагайкой, которую всегда держал в руке, да так сильно ударил по лицу своего захватчика, что тот, обеими руками схватившись за лицо, должен был прекратить атаку.

Тем временем казак вскочил на лошадь, и заметив, как убегает жид, догадался, кто его выдал. Бросился скорее за ним в погоню и стегал его той самой нагайкой по спине, пока тот не скрылся в трактире. Потом он развернул своего коня и медленно поехал в ту сторону, куда ему было нужно.

Какая судьба постигла казака — никто не знает, а известно только то, что упомянутое происшествие было причиной большой распри между жидом-арендатором и дедичем, ибо жид сильно докучал, требуя компенсацию за свой ладный из красивой дымы[33] кафтан, который казак, по словам обиженного, на плечах ему порубил, когда бил его именно той нагайкой, которая не наделала бы такого вреда, коли была бы изъята по его совету.

Раздел XXIV

Формирование 19-го уланского полка

В Новогрудке формировался 19-й уланский полк, командование которым по номинации императора было поручено господину Константину Роецкому, в то время обывателю с небольшим имением. Кто этот выбор

продиктовал Наполеону — загадка, а известно только то, что более удачно, чем Роецкого, никого нельзя было назначить полковником, так как физически он соответствовал всем необходимым для рыцаря требованиям: фигура видная и здоровье железное. С моральной точки зрения — это был персонифицированный разум, которому незнакомы никакие пороки, никакие волнения. Гордостью он отличался, но без оскорбления других, так как ни с кем не был на короткой ноге и старался не высказывать собственного мнения, хотя таковое имел, что доказывал не словами, а делами.

Словно спрятанный в собственной скорлупе, он не имел ни заклятых врагов, ни искренних друзей, возможно, именно на этот счет следует приписать его поражение в борьбе за должность маршалка с Рдултовским, имевшим определенные канонические пороки, но сердце последнего победило разум первого, ведь с самых давних времен известно, что Венера имела больше сторонников, чем Минерва. Но Роецкий никогда не был военным, он стремился найти хорошего помощника, который бы основательно знал службу до последней мелочи, и он нашел такого в лице капитана Ксаверия Римши.

Римша был такой же гордый, но от природы насмешливый и задиристый. Живя в повете, он знал Роецкого с детства. Доказав мужественность и трезвость ума в предыдущих кампаниях, предполагал, что он возьмет верх над новым полковником, и de-facto сам будет командиром полка, оставляя Роецкому титул. Но последний сразу разгадал его намерения и на самом первом совещании показал такое знание полкового хозяйства, что Римша в тот самый момент понял свое положение подчиненного, каковым он должен и оставаться.

Раецкий набрал офицеров и адъютантов без совета Римши и получил номинации для них по собственной воле. На известие, что формируется полк, собралась молодежь разного состояния, даже и крестьяне охотно становились в ряды. Юношей из известных семей полковник сам назначал в эскадроны, не позволяя никому делать никакой замены. Римше были поручены только рядовые, то есть, мелкая шляхта, официалисты и крестьяне. Полк тот молниеносно пополнялся, так как было из кого выбирать, но снаряжение и обеспечение лошадьми шло медленно, все это в большинстве своем нужно было покупать, а полковник, не желая рисковать собственными ресурсами, добивался на это средств из интернатуры[34], которые приходили не так скоро.

Главная квартира полковника была у президентовой Пацыниной, которая представляла себе, что и она принимает активное участие в формировании полка, ибо обедневшая шляхта обращалась к ней за покровительством, чтобы приняли их в ряды, хотя смысла это и не имело, ведь таких полковник без лишних слов, не спрашивая даже фамилию, направлял к Римше. Наконец в назначенный вечер полковник сообщил организатору, что завтра утром он придет осматривать команду.

Римша на рассвете собрал на площади своих добровольцев в старинных кафтанах, капотах и сермягах, и все сразу узнали, что будет военный парад. Посполитый люд, в наших городках преимущественно состоит из жидов (их, однако же, не было в рядах ни одного), собрался там целой толпой.

Римша поставил свою команду в две шеренги и скомандовал сначала: «Направо!», «Налево!», «Шаг вперед!», «Шаг назад!» (что не очень согласованно получалось у них выполнять), а потом стал посередине и громко объявил:

— Внимание, полк! Когда придет командир (ведь военный Римша не хотел, чтобы шляхтича Роецкого называли полковником) и спросит: «Как поживаете, дети?», то отвечайте: «Здравия желаем командиру!» И еще — руки свободно опущены, мизинцем к бедру!

А в рядах друг друга толкают локтями и спрашивают: «Что это он говорит?»

Вспомнил Римша, что слово «бедро» для большинства литвинов непонятное. Так он становится перед фронтом, энергично опускает руки и кричит:

— Вот так! Мизинцы к стегнам! Не кланяться никому, стоя в шеренге! Не снимать шапок! Понимаете хоть?

И тут, словно наперекор его словам, четвертая, по крайней мере, часть новобранцев, полагая, что инструкция закончена, зашевелилась и, хватаясь за шапки и низко кланяясь, ответила:

— Понимаем, благодетель!

— Стоять! Стоять! — кричит комендант. — Что я вам говорил?

— Пан нам говорил «не надувать» шапок, — отозвались те, кого он ругал. — Тихо! Смотри! Никаких разговоров в строю! Чтоб вас гром поразил, если вы не понимаете по-польски! Стоять просто, вот так!

И он опять выпрямился.

— Не кланяться и не снимать шапок! Руки прижать к стегнам!

Но уже некогда было повторить еще раз эти команды, ибо с Базылянской улицы шел полковник, а за ним — президентова Пацынина со своими панночками.

Полковник выступил вперед и, как и говорил Римша, выкрикнул: «Как поживаете, дети?» Но мало кто помнил инструкцию и ответил: «Желаем здоровья командиру!» Большинство, схватившись за шапки, закричало: «Слава Христу!», или «На веки веков. Аминь»

Кричит Римша:

— Становись! Ровняйся! Смотри! Шапки на голову!

Но как тут наденешь шапку перед таким важным паном? Полковник, словно не обращая внимания на это недостойное поведение, которое в скором времени исправится, и — не командуя: «Шаг вперед!» и «Шаг назад!», начал осмотр с фронта. Замечая людей из своих деревень, которые стояли в той или иной шеренге, он одно только спрашивал: «А ты, Юрка, что здесь делаешь? И ты, Яська, здесь? А не пойти ли бы вам домой свою пашню пахать? Ишь ты, и они на войну собрались! Идите сейчас же домой!» И более десятка таких, напуганных подобным образом и названных по именам, печально вышли из шеренги. Закончив на этой селекции весь обзор, полковник в знак прощания приподнял свою каскетку с бронзовой цепочкой, которые носили военные в то время, и, не решаясь взглянуть в глаза надменному Римше, сказал ему почтительно:

— Спасибо пану капитану, все как и положено, пусть пан их муштрует.

И отправился в город.

Римша был взбешен, кроме возмущения, которое новый полк у него вызывал, полковника он еще больше невзлюбил. Но он не мог спорить с последним, так как тот не допускал никаких замечаний. Римша начал браниться:

— А что я вам говорил? Собаки, быдло!

Но тут, не имея сил терпеть такое унижение, отозвалась президентова:

— Что ж это такое, пан Ксаверий? Пан все войско нам разгонит! Мы не для того их собирали, чтобы так на них здесь кричали. Стыдно, пан Ксаверий, и неприлично, и я этого никогда от пана, ей-богу, не ожидала.

— А пани что здесь делает? — возмущенно обратился к ней Римша. — Может, это пани полк?

— Да, мой, — живо ответила президентова, — ведь и я приложила много усилий, чтобы его собрать.

— Если так, — ответил Римша, — то пусть пани им и командует. И сняв свой ремень с палашом, он внезапно схватил щуплую женщину,

несколько раз этим ремнем опоясал, затем застегнул пряжку спереди так тесно, что она не смогла сразу освободиться, да так с саблей и побежала, как бешеная, домой, а за ней — с воплями ее перепуганные молодые воспитанницы, вызывая хохот посполитого люда, что погнался за ними, так как народ — что в Париже, что в Новогрудке — кругом одинаковый, он летит туда, где забава.

Мы не будем завершать эти очерки подробным описанием того, как та сабля от президентовой снова попала к организатору 19-го уланского полка, добавим только, что формирование полка шло халатно. Правда, достаточно хорошо уже выполнялись маневры пешком, но всегда не хватало то мундиров, то лошадей, то седел и др. Многие из наемных обывательских сыновей квартировались у своих приятелей и в частных домах, однако большинство занимало несколько отдельных дворов, предназначенных для казарм, где, как у нас говорят, спали вповалку и жили вольнее. Те лоботрясы от нечего делать совершали там много невинных шалостей, поскольку к тому молодой возраст и ум их располагал. По крайней мере, одна из большого количества история заслуживает, чтобы ее здесь рассказать.

Во дворе Гнаинских, что находился напротив францисканского монастыря, был dépot[35] одного отдела, а в нем состояло около трех десятков молодых людей, среди которых был некий Богушевич, юноша из знатной семьи из Лидского повета. Флегматичного темперамента, раздобревший, он был большим любителем науки. Ничто праздное его не занимало, и если другие вечерами развлекались картами или стаканом, то он раздевался, ложился в постель, брал в руки книжку и читал, пока не заснет. А ученые же всегда любят поспать, то и он, как человек, принадлежащий к этому классу, не просыпался никогда ранее, пока не поднимут шума возле него.

Со временем он привык и к этому неудобству, так что и криком его трудно уже было разбудить. Имел он лакея, который чистил и приводил в порядок его одежду, а прочитанные книги упаковывал в тюки.

Однажды утром приходит одному из коллег — Михаилу Корбуту — идея подшутить над Богушевичем. Так он позвал рядового Янковского, который был по профессии портным (и который потом в качестве дамского портного так усовершенствовался за границей, что по возвращении в Вильно хорошо зарабатывал), нашептал, чтобы тот заузил Богушевичу портки и мундир, сварганив на скорую руку боковой шов. Янковский, также молодой парень, выполнил тот план с чрезвычайным проворством и положил одежду на место. Когда они это сделали, то сразу рассказали свой план другим коллегам, чтобы те убеждали Богушевича, что он опух, но чтобы не слишком старались, ибо тот должен был сам это понять. И в соответствии с планом, договорившись притворяться, что сами спят, они растолкали Богушевича, чтобы тот проснулся.

Богушевич, который первый раз в жизни проснулся, как ему показалось, слишком рано, из мести за их прежние насмешки и свои беспокойства, принялся будить других, чтобы и те поднимались, а каждый пробужденный, словно спросонья, бранил Богушевича из-за того, что он не дает спать, и каждый, будто случайно на него взглянув, удивлялся:

— Что с тобой, Богуш (так сокращенно его называли)? Ну ты и опух!

И снова ложился спать.

Богушевич, над которым уже столько раз прежде подшучивали, считал и это шуткой и не верил, потому что чувствовал он себя превосходно. Однако общее мнение, высказанное людьми, которые только что просыпались, а потому, как ему казалось, не могли сговориться между собой, немного его встревожило. Стихли возгласы, все успокоилось, но заснуть он уже не мог и через минуту позвал лакея, чтобы тот подал ему одежду. Тот, не зная

ничего о заговоре, честно подает ему, как это называлось в то время, панталоны, но нога в них только до половины лезет, а дальше не идет.

— Что это, Янка, — закричал испуганный Богушевич. — Неужто я опух?

— Похоже, что нет, сударь, — отвечает лакей.

— Но все здесь говорят, что я опух, — возражает Богушевич.

— Похоже, что так и есть, пан, ведь нога не лезет в те же самые панталоны, которые пану еще вчера так хорошо подходили?

— Покажи мне, это не чужие? А увидев на подложке собственной рукой написанное имя и фамилию, он упал на кровать и облился потом. Лакей (он был очень благосклонен к своему пану) стоял вытаращив глаза с теми злосчастными портками в руках. Наконец весьма озабоченный Богушевич жалобно залепетал:

— Янка, я заболел, брось ты то, что держишь в руках, да беги за доктором.

Тот, не теряя времени, бросился это выполнять. Всю эту беседу слышали, будто спящие, те молодые прохиндеи, только тогда, словно один за другим просыпаясь, они спрашивают:

— Что с тобой, Богуш?

Но Богушевич ничего им не отвечал, одно лишь тяжело вздыхал.

— Что с тобой, Богуш? — повторяли они вопрос до тех пор, пока он наконец печально и измучено отозвался:

— Разве вы не видите, я заболел?

— Какой из тебя больной! — говорят они. — Объелся вчера, а сегодня на муштру идти не хочешь!

На этот выпад Богуш не ответил. А тут запыхавшийся лакей уже и доктора привел. Тот приблизился к пациенту и спрашивает его почтительно:

— Что с паном такое?

Богушевич отвечает:

— Я и сам не знаю, но мне кажется, что это водянка.

— Кто это пану сказал? — спрашивает доктор.

А Богушевич ему в ответ:

— Зачем спрашивать о том, что и так очевидно.

Доктор спрашивает, болит ли у него что-нибудь. Печальный Богуш отвечает, что ничего. Доктор считает ему пульс, пульс нормальный, и тогда снова интересуется:

— Откуда взялось основание думать, что это водянка? Не приснилось ли пану это?

— Если бы приснилось! — отвечает Богуш. — Ноги так опухли, что в штаны не лезут.

— Покажи мне, пан, свои ноги.

Богуш, осторожно отогнув одеяло, выставляет свою толстую лодыжку. А тут уже и все коллеги обступили кровать пациента и убеждают, что Богуш притворяется. Доктор ощупывает ногу и говорит, что тело здоровое, хотя Богуш и утверждает обратное. Тем временем, Янковский влез между зрителями, вытащил нитку из одной и другой штанины и вернул штаны на прежнее место. Доктор, раздосадованный консультацией, говорит:

— Кто дал пану право меня поднимать и наспех вести сюда, если в этом не было никакой нужды?

Богушевич объясняет, что он опух, что его ноги не лезут в портки.

Доктор заявляет, что хотел бы сам это увидеть, а пациент убеждает, будто и пытаться нечего, он и так уверен в своей отечности. Наконец, чтобы доктор также убедился, что это действительно так, он зовет Янку:

— Подай портки!

Янка снова их ему подал, но — о! чудо! — влезли в них ноги без какого-либо затруднения. Богуш кричит:

— Янка, что это такое?

Янка отвечает:

— Я не знаю, пан.

— Но ведь ноги раньше не влезали?

— Не влезали, пан.

Доктор, потеряв всякое терпение, возмущается:

— Пан со мной шутки шутит, а я не заслужил этого. Так заявляю, что буду жаловаться на пана его полковнику.

Коллеги берут на себя роль посредников и настоятельно советуют Богушевичу, чтобы тот заплатил доктору для сохранения секрета. Богуш, который не мог понять, что с ним творится, достал дукат, всучил доктору, и когда тот уже уходил, самым убедительным тоном заверил его, что час назад он на самом деле был опухший. Когда доктор ушел, коллеги начали хохотать и говорить, что Богушу надоела уже воинская служба, поэтому он хочет освободиться от нее, выдумывая себе болезни. Но тот, весьма опечаленный, ничего им не отвечает, а спешит убраться, чтобы скорее избавиться от насмешек коллег. Молча он умылся и утерся да тихо зовет Янку, чтобы тот подавал ему мундир. Янка подает мундир, но он, одетый, никак не желает застегиваться.

Так Богуш кричит:

— Янка! Что за черт?

А Янка, как обычно, отвечает:

— Не знаю, сударь.

Но теперь уже, взявшись тот мундир внимательно обследовать, оба отыскали нить-прошивку, что узила шов на плечах. Только теперь прояснилось лицо Богуша, начал он хохотать вместе со всеми, потому что не был обидчив, правила им не мстительность, а тревога за собственное здоровье, чтобы хватило сил служить Отечеству.

И вот, неожиданная весть в начале октября, что российский генерал Чаплиц (который был в авангарде армии Чичагова[36], что возвращалась из Турции) напал на Слоним и захватил такой же полк новобранцев (он назывался императорской гвардией и формировался под руководством Канопки[37]), нагнала такого страха, что 19-й полк улан, оседлав лошадей, которых только можно было за такое короткое время найти, срочно покинул свой бивак и стал на боевой линии, что ему гораздо больше подходило, так как на поле боя он показал мужество, а через два года, после завершения войны, многие из той самой молодежи уже в чине офицеров вернулись домой, украшенные крестами. Между ними был и Богушевич, потому что и он доказал при случае свое мужество, и все коллеги его любили.

Стряпчий Матович не покидал город все это время да на предместье на своей земле занимался хозяйством, словно время было самое безмятежное. А если придут к нему мародеры, то он, остроумный, наденет свой мундир стряпчего и соответствующую шапку, на пояс повесит саблю и так накричит на них по-польски, что те, не понимая какой это мундир и полагая, что это очень важный государственный служащий, убегают и только радуются, что он не приказал их схватить и расстрелять.

А потому, что, отступая, французская армия возвращалась другим трактом, то эта катастрофа почти не затронула Новогрудок и его окрестности. Самым важным, можно сказать, происшествием было появление российского генерала Тучкова в Несвиже, миссией которого, кажется, был только грабеж несвижского клада и обывателей, живших в радиусе нескольких миль, о чем мы уже кратко рассказали.

В ту чрезвычайно суровую зиму поветрие еще более, чем в прошлую войну, косило людей. Колокола отчаянным голосом возвещали о продолжающихся захоронениях. Смутный этот раздел мы считаем необходимым закончить текстом с надгробия, которое ксендз поставил в Девянтковичах, на нем (после того, как выбили на огромном камне имена всех умерших в тот год прихожан и после слов, что это он их память тем надгробием почтил) набожный каплан поместил такой стих:

За овцами своими
Пастырь в землю ляжет;
Дай тому здоровье, Боже,
Кто нам «Wieczny pokój» скажет.

Раздел XXV

Как обращались литвины с французами, которые остались

1813 год прошел в печали и тревоге. Сколько братьев, сыновей, родственников обывателей, которые ушли в прошлом году из края в польское войско, не подавали о себе никаких известий. Строгие указы угрожали суровым наказанием, если кто-то поможет тем бродягам из французской армии, что остались здесь. Как на беду, очень многие из них нуждались, и уже сама милость не позволяла их больше преследовать, несмотря на то, что между ними могли быть и те, кто еще недавно с полными ненавистью глазами истребляли этот край и думать даже не думали, что придется когда-либо просить у нас помощи. Великодушный по своей природе характер литвинов (да и всей Польши) еще больше подкрепляла мысль, что и с нашими земляками, родственниками, детьми где-то на чужбине то же самое могло случиться. Судьба бродяги — большое несчастье, а что говорить, если еще и преследование гонит!

Поэтому, несмотря на страшную угрозу, не нашлось в Литве таких, кто бы отверг бедного бродягу, к какой бы нации тот ни принадлежал. А если в деревне, что была ранее ограблена и уничтожена армией чужаков, случалось какое-то насилие или издевательство над человеком любого народа, что искал убежища, то слух о том с ужасом и возмущением распространялся по округе. И если за это на такую деревню нападал мор, то никто не бросался на спасение, а о покойниках не плакали, так как считали такую меру справедливым Божьим наказанием. Такое тогда складывалось общее мнение, что если кто с несчастным дурно обошелся, то и сам не заслуживает пощады ни от людей, ни от Неба. Когда свирепствовала эпидемия, ему было не выжить, и были на это доказательства.

В этом месте, как доказательство человеколюбия, мы должны записать, что и в нашем доме скрывались трое убогих французов, которым казак Прокуда, что был у нас на постое, носил снедь. Он ходил со своей трубкой к ним поговорить, угощал их наилучшим табаком, который специально для них покупал, и всегда утверждал, что это три переодетых генерала. Во время прощания он дал им по рублю, а секрет никому не выдал. Наконец, в 1814 году, благодаря манифесту, подписанному царем Александром и объявленному с амвонов в костелах, обывателям можно было уже не бояться, так как он позволил тем бедолагам выходить из своих убежищ и, отметившись в ближайшей полицейской управе, возвращаться домой или, если кто хотел, оставаться в крае. Результатом последнего условия стало то, что не все заявили о своем желании вернуться во Францию, которая

после поражения Наполеона не была уже для них столь привлекательна, как ранее. Многие остались в Литве учителями французского языка в частных домах либо школах, а также камердинерами, лакеями, учителями фехтования, танцев и др.

Раздел XXVI

Богуся уже взрослая дама

Богуся, о которой мы уже так давно не имели повода вспоминать, по окончании светского образования у госпожи президентовой Пацыниной и по окончании перемещения армии, в конце прошлого года вернулась в родительский дом. Девушка так изменилась, что не узнать! Красавица, стройная, добрая, чуткая, непорочная, как ангел; слушается родителей и только, кажется, о том и думает, как им угодить и никогда более не разлучаться с ними. Отец ею гордится, мать доверяет ей все свои мысли, как единственной на свете подруге, да учит секретам домашней аптеки и поварских приправ, которыми дом Войских славился на всю округу. А пани Кукевичова, уже состарившаяся и бессильная, как посмотрит на нее, то плачет от радости и удивления, что та малышка Богуся превратилась в прекрасную пани Богумилу.

В подобных заботах проходила зима. Богуся с матерью всего несколько домов по соседству посетили, и кругом рады были ее видеть и восхищались ею. Отец тосковал, когда ее не было дома, однако он хотел показать ее всем, чтобы похвастаться, что имеет такую милую и красивую дочь. И его все чаще посещала мысль, что стоит, чтобы увидела ее преподобная настоятельница и те учтивые монахини из Несвижа. Так Войский, будто между прочим, говорит жене:

— Сердце мое! Девушка здесь одичает, хорошо было бы, чтобы сударыня поехала с ней на Сретенье Пресвятой Богородицы в Несвиж.

Это праздник бенедиктинок, навестите и преподобную настоятельницу, нашу давнюю приятельницу, которая с таким интересом всегда спрашивает о Богусе.

— Хорошо, любимый муж! — ответила Войская. — Охотно это сделаю, если тебе так нравится, но будь благоразумным: зима суровая, и говорят, что в лесу полно волков.

— Что это тебе, дорогая, лезет в голову? Зиму мы не переделаем, но у нас есть крытые сани да шубы, а что касается волков, то я готов утверждать, что за всю жизнь ты ни одного живого волка не видела.

— Да, — ответила Войская, — я их не видела, и дай бог, не увидеть их никогда, но разве люди о них не говорят?

— Ах! Зачем обращать внимание на пустую болтовню, — отозвался Войский. — Люди всегда такие, как подцепят кого-нибудь на язык, то бог знает, чего наплетут. Байки про волков рассказывают те, кто, как и ваша милость, волка в глаза не видел, так как тот, кто видел, знает — волки от человека бегут. Впрочем, и ты, ясочка, и Богуся — не овцы, чтобы вас волки съели. Так не упрямься, а езжайте во имя Божие, разве я посоветую вам это, если бы и вправду была какая-то опасность?

— Полно уже, полно, любимый муж, — ответила Войская.— Я сделаю, как ты велишь, если тебе так хочется, ведь ты же знаешь, я никогда с тобой не спорю. Но видишь ли, времени мало осталось, не отложить ли это на потом?

— Вот и вторая отговорка без резона, а дело в том, что засиделась ты дома и не хочешь за порог выйти. Времени четыре дня впереди, чтобы

выбраться на Божью службу. Покажись также и ты, ясочка моя, на людях, ибо как наговорили тебе на волка, так наговорят и на меня, что я не выпускаю вас из дома.

— Ну, что уж тут поделаешь, — ответила Войская. — Будет так, как ты хочешь, только скажи Гжесю, пусть не сыплет много оброка[38] лошадям перед выездом, чтобы те не понесли в дороге!

Рассмеялся Войский над таким способом предотвращения опасности и сказал только:

— Не понесут, не понесут!

Так вот 2 февраля, на которое всегда приходится праздник Пречистой Девы Сретенской, еще до третьих петухов (ведь у нас в Литве петух — лучшие часы) Гжесь, неизменный извозчик Войских, запряг сначала лошадей, потом сделал перед ними концом кнута крест на снегу, сел на козлы, окутал ноги попонами, поправил шапку и подъехал к крыльцу. Пани Войская в лисьей шубе с капотом на голове и Богуся в легком полушубке из морской выдры уселись на свои места. Под ноги им были положены две заткнутые пробками глиняные фляжки с горячей водой, обернули все сукном, подшитым волчьим мехом, и тогда Войский скомандовал:

— С Богом!

А Гжесь выкрикнул:

— А-ту!

И лошади, фыркая, двинулись, а пани Войская в мгновение завела: «Начните, уста мои, хвалить Святую Деву, начните воздавать хвалу Ей», перемежая это только возгласами: «Гжесь, медленнее! Гжесь, не переверни!» и т. д. А кони бегут быстрее, переходят на рысь, ибо холодно, а дорога гладкая, так скоро и остановились в Несвиже. Когда сообщили преподобной настоятельнице, что Войская с дочерью уже в храме, а лошадей отправили в монастырскую конюшню, то она очень обрадовалась, надеясь после Summy[39], по крайней мере, увидеть Богусю. Когда же та минута настала, и ее действительно она увидела, то так сильно была поражена, что во время обычного у нас церемониала поздоровалась с ней почти как с незнакомкой, а потом удивленно воскликнула:

— Как же так! Это Богуся?

— Так и есть, преподобная мать.

—Ах! Какая из нее красивая девушка выросла!

И давай ее хвалить и удивляться. И эти похвалы да оханье, что не прекращались несколько часов (они начинались с появлением каждой монахини, которая помнит былое недолгое пребывание Богуси в монастыре или только о нем слышала), покрасневшую от стыда Богусю до того измучили, что она потеряла остаток терпения и, не желая больше терпеть этого истязания, начала шептать матери, что пора уже возвращаться домой, ведь отец будет беспокоиться, и следует поторопить выезд, ибо дорога дальняя. Так и сделали, а когда, покидая Несвиж, мать уже бормотала: «Кто под опекой остается...», и когда выехали уже за город, Богуся сказала:

— Ах, мама, какие же монахини скучные!

А мать в ответ:

— Что с тобой, Богуся! Они были так добры к тебе!

— Правда, мама, добры, но и доброта, если перейдет границы, такая же приторная, как лакрица. Как будто не было о чем еще поговорить, а только обо мне да обо мне.

Мать, боясь согрешить пересудом, ответила терпимо:

— Это твои капризы, Богуся!

И снова зашептала молитвы, которые прерывались возгласами: «Не переверни, Гжесь!»

Тем временем, Войский, который остался дома один, тревожился все больше и больше. Когда же солнце зашло, а ветер постепенно начал заметать дорогу, Войский, представляя себе различные трагические случаи, что путали его мысли, пожалел о том, что не послушался совета жены и не отложил эту поездку. И мысль за мыслью, что лезли ему в голову, сделались его судьями, потому что собственно не благодарность Богу, а лишь суетное желание похвастаться дочерью перед преподобной настоятельницей, которую он всегда особенно ценил, были причиной этого путешествия, и сам собой напрашивался вывод, что результатом этого станет какое-то несчастье.

Пока дорога шла лесом, было еще кое-как, но в поле стало хуже. Ветер, который все сильнее и сильнее сыпал снегом в глаза путникам, не давал Гжесю хорошо рассмотреть путь, так он и не заметил того места, где нужно было повернуть направо. Только проехав уже изрядный отрезок пути, он заметил свою ошибку, и, чтобы не пугать паненок, все же повернул лошадей направо, через минуту те увязли по брюхо в снегу, а Войская испугалась и пронзительно закричала:

— Ах, Гжесь! Боже милостивый, что это?

Чем сильнее пани кричала, тем сильнее Гжесь (желая исправить свою ошибку и выбраться на путь, который, он это знал точно, должен был находиться где-то рядом) стегал лошадей, а те, надрываясь изо всех сил, путь проскочили, и, как это случается, его охватило отчаяние.

Заплутать зимой в пургу! Не желал бы я никому испытать это.

Гжесь, разворачивая лошадей то вправо, то влево, оставлял за собой след вроде змеиного, который превращался в круг, а если голова соединилась с хвостом, то Гжесь, рассуждая, что наконец выбрался на тракт, начал ездить по этому кругу, не имея шансов добраться когда-нибудь до цели.

Войский, весьма обеспокоенный долгим ожиданием, высылает конного рассыльного и приказывает ему ехать трактом в сторону Несвижа и расспрашивать о паннах в крытых санях с лошадьми в яблоки, не видел ли их кто. Но тот, узнав в первой корчме на тракте, что они уже несколько часов назад проехали этой дорогой (ведь упряжь Войских хорошо знали), он догадался, что панны должны плутать где-то поблизости и повернул назад, полагая, что либо застанет их уже дома, либо позаботится об их спасении. Пан Войский, узнав об этом, отправляет в заснеженные поля всех своих людей с такой численностью фонарей, какая только нашлась в хозяйстве, чтобы искали самых дорогих для него людей, обещая награду тому, кто их найдет, а тем, кто отправился в сторону часовни, он дал записку для ксендза-настоятеля с объяснением своей беды и просьбой, чтобы тот приказал звонить, хотя и была уже ночь, во все церковные колокола, надеясь, что это может быть спасением, ведь если заблудшие услышат колокол, то легко попадут к дому ксендза, откуда уже и к себе смогут добраться.

Оказалось, что это была отличная идея, ведь одни фонари погасли, а другие, которые еще светились, были приняты Гжесем за волчьи глаза, что не только отбивали у него охоту приближаться, а наоборот, убедительно порождали желание убегать от них, а вот звуки колоколов, указывая место, где жили люди, вдохновили его править в ту сторону. Туда, под колокольню, просто через канавы и сугробы он как раз и выехал. А люди, которые звонили, когда заметили путников и убедились в достижении цели, с удовольствием провели их к поместью, где счастливый Войский приказал их угостить и наградил злотыми. А потом он даже основал традицию, чтобы в метель всегда звонили ради спасения тех, кто заблудился.

В ту ночь не было других разговоров, как только о метели, про беды и хлопоты, которые их постигли. Гжесь, ощущая себя униженным — как это он, старый и такой опытный извозчик, заблудился у самого имения — выдумывает сверхестественные причины и делает вывод: нельзя никуда ехать, если перед лошадьми кто-то перейдет дорогу с пустыми ведрами или заяц перебежит. Ведь его на выезде из Несвижа именно это и настигло: видел он и женщину с пустыми ведрами, которая шла за водой, и сразу за городом заяц перебежал ему дорогу. Далее он рассказывает любопытной челяди о том, как стая волков с сияющими глазами оказалась поблизости, как он маневрировал, чтобы от них убежать, а когда не меньше шестидесяти их окружили сани, и они уже порывались к лошадям, то он одного так сильно перетянул кнутом, что пересек его пополам, не поднимая при этом лишнего шума, чтобы не пугать женщин.

И только когда голодные хищники кинулись на рассеченного волка, чтобы его сожрать, он погнал, пользуясь моментом, лошадей и оказался у колокольни. Старый пастух Юрка заметил:

— Не двоилось пану Гжесю в глазах, не принял ли он за волчьи глаза мой фонарь, который я так долго палил? Ведь мы же, оказывается, были как раз в той самой стороне, где вы бродили, но не видали там ни одного волка.

Смутился немного Гжесь от таких слов, но скоро он нашел, что ответить:

— Конечно, ты волков не видал, и коли бы ты на них посмотрел так близко, как я, то задул бы свой фонарь и, определенно, домой от страха не попал бы.

Только на утро пан Войский, убедившись, что помимо этих забот никакой большей беды не приключилось, а жена и дочь чувствуют себя хорошо, стал расспрашивать: как же их приняли монахини, о чем они разговаривали с Богусей.

Последняя ответила:

— Они были с нами очень вежливы, но если позволишь, отче, быть искренней, то я скажу: они так меня утомили, что я окончательно решила никогда больше не показываться там, где меня знали ребенком.

— Отчего это? — удивился Войский.

— А потому, отец мой, — ответила Богуся, — что все время, пока мы там были, они ни о чем не говорили, а только обо мне да обо мне, будто я была каким-то чудом в детстве или сейчас!

— Не понимаю тебя, любимое дитя, разве они тебя не хвалили?

— О да, хвалили, отец, предостаточно, но не за что иное, как только за то, что я выросла, словно в этом была моя некая заслуга, либо я, по их убеждению, никем иным быть не должна, как только карлицей. Нет, нет, отец, подобные похвальбы меня утомляют и обижают. Если любишь меня, отец мой, не представляй меня в свете как актрису на сцене, я должна постепенно войти в общество, не обращая на себя излишнего внимания, так как мне кажется тогда, что все глаза на меня направлены, а это меня смущает, и я делаюсь неуклюжей.

— Но ты не такая, — возразил отец, целуя ее в лоб. — Если тебя это смущает, то я тебе больше такого неудобства не причиню.

С тех пор Богуся спокойно занималась домашним хозяйством и была счастлива, а когда гости, которые иногда к ним наведывались, начинали восхищаться ее красотой, то отец переводил разговор на другое, чтобы оберегать ее, чтобы ей не пришлось краснеть. Когда она сидела за прялкой, то проплывало, бывало, в зеркале ее мыслей какое-то воспоминание о редуте у Каминского или про рыцаря в мундире, тогда лицо ее краснело, но мыслям трудно что-то приказать, они приходят сами, без приглашения.

Раздел XXVII

Освященное в Литве. Происхождение бабок

Так прошел карнавал[40], закончился великий пост, на пороге уже Пасха, на которой Богусе предстояло приготовить свое первое освященное[41]. А это немалая забота! Ведь в Литве панночке разрешается допустить ошибку в музыкальном такте или в танце, но нельзя ошибиться в выполнении рецептов бабок[42] и ветчины, а рецепты эти не такие уж и простые, как кажется, ведь малейшая мелочь может все испортить. Если же кто из наших читательниц не верит, то пусть в Литве сделает бабку по рецептам парижских или лондонских пекарей, то обеспечит себе этим бессмертие в поговорках, как обеспечил ее себе Заблоцкий[43].

Чего только, боже ты мой, эти короничи[44] не наговаривают на литвинов, утверждая, что к ним нужно ездить за умом, а в Литву — за деньгами. А тут выясняется, что когда наш Ягайло женился на Ядвиге из Короны, то ему было стыдно, что его жене нечем принять у себя гостей, ведь у нее — ни аптечки, ни ветчины. И так, осмотревшись немного дома, король Ягайло понял, что тут не управишься, надо уговорить Ядвигу поехать в Литву, якобы для крещения язычников (к чему она, будучи женщиной, имела чрезвычайную склонность), а на самом деле, чтобы показать жене, какие там хозяйки.

Таким образом, когда в 1387 году на Пепелец[45] по календарю Короны, так как литвины еще Пепельную среду не знали, почтенный Владислав Ягайло со своей молодой красавицей Ядвигой приехал в Вильно, не было тогда ни кофе, ни чая в употреблении. Обычно в Короне похлебка пивная с сыром и суп это заменяло, а в Литве уже было кое-что получше, чтобы приветить королеву. Госпожа Корибутова, братовая Короля, княгиня Новогрудская, пришла к ней утром в шикарном домашней работы пудермане[46] и велела нести за собой на серебряном подносе в золотых кубках похлебку из ковенского меда, приправленную желтками свежих яиц и разными корешками, а к ней — собственную выпечку.

И молодая Ядвига, отвечая на ласку литвинки природной вежливостью, в которой короничи никому не уступят, села завтракать, но она не знала как к снеди приступить, так как ложек на столе не было, а без ложек пивную похлебку в Кракове не ели. Король заметил ее озабоченность и попросил Корибутову, чтобы и та села за стол и показала королеве пример, как нужно есть. Госпожа Корибутова, полагая, что королева имеет подозрения, не подсыпала ли она яд в пищу, долго не отказываясь, села за стол и, обмакнув кусок пирога, начала завтракать, наклоняя золотую чашу, которую держала за ушки домотканой, из литовского льна, салфеткой, расшитой урианским жемчугом.

Королева посмотрела на это и подумала: «Нужно ее простить и делать так, как она, ведь литвины еще язычники, а потому дикари». Но когда таким же образом она сама попробовала похлебки из предназначенного для нее кубка, то просто загляделись: королева — на выпечку, а счастливый, что сделал жене такую приятность, король — на королеву. Потом он обратился к ней то ли в шутку, а то ли торжествуя:

— А что, любимая, нет у нас таких сладостей в Кракове?

Она тогда с восторгом воскликнула:

— Ой, ба! Ба! Если бы у нас это было!

И в продолжение разговора сказала княгине Корибутовой:

— Какое же вы здесь изумительное пиво пьете!

Княгиня Новогрудская, которая в то время еще ни слова не умела сказать по-польски, поклонилась королеве, не зная, что ей ответить. Остался

у нее в памяти только возглас «Ба! Ба!», и от того происходит название «баба», которое позже переделали в нежное «бабка».

А король добавил со смехом:

— Ведь это не пиво, это — ковенский липец.

Королеве так все пришлось по вкусу, что она с тех пор приказывала, чтобы ей подавали такой завтрак. Ее пример сразу же переняли паны и пани, прибывшие из Короны, а ковенский мед поднялся в цене. Общество бернардинцев, которое было там основано через несколько лет, получило от короля привилегию на торговлю медом от собственных пчел, что ему на то время обеспечило достойный доход. Жаль, что молодая, красивая и добрая королева так мало прожила, ведь секреты, как делать бабки из ветчины, называемые за рубежом зельц, она уже начала осваивать. Однако из-за того, что она не делала этого собственными руками, как в то время делали все литовские пани, а приказывала поварам, те записали свои ученые рецепты и дорого продали их короничам, когда вернулись домой, поэтому в Короне и нет ни хорошей бабки, ни хорошей ветчины.

Вторая жена Ягайло — Анна, внучка Казимира Великого, выбравшись в 1413 году со своим мужем королем и дочкой Ядвигой крестить Жмудь, приехала в Ковно и, отведав того же меда и бабок литовских, уже никуда дальше ехать не желала, а король Ягайло, которому такие лакомства не были чудом, двинулся дальше один. На своем пути он заметил, что польские и немецкие священники, которые должны были быть там миссионерами, из-за того, что литвины их не понимают, сильно на них злятся, и вместо толерантности, до сегодняшнего дня свойственной литвинам, они выдали свои буллы[47], запрещавшие неофитам, то есть только что крещеным, не только вступать в браки, но даже знаться с некрещеными своими соотечественниками и русинами, жившими уже в одном государстве. Так он был вынужден обращаться к своим подданным как миссионер и друг, призывая, чтобы они, не обращая внимания на упорных короничей и немцев, продолжали свое дело реформы, которая объединяет их с Небом и европейской цивилизацией, для насаждения которой целые орды крещеных дикарей постоянно на них нападали и истребляли.

Литвины, которые всегда любили своих правителей и были самыми смиренными подданными на протяжении всей истории, послушались короля, а привезенные им ксендзы все свои силы вместо проповедей направили на уничтожение Актов и Книг, которых они не понимали, и своим опрометчивым усердием они сожгли все, что составляло свидетельство мощи и разума литвинов, которые достойно господствовали и у себя, и на Руси, а во время войны с захватчиками были мужественны, а потому страшны врагу. Так вот эта история бабок и объяснение, почему литвины не имеют своей давней истории, ибо то, что о них сейчас ученые пишут, это только домыслы, такие же, как приведенные выше рассуждения.

Это вступление дает понять, почему Богуся, литвинка, под руководством своей матери собственными руками приготовила великолепное освященное. Лишь мясо запекал повар, а приходской захристианин[48] принес сделанного из масла барашка. А когда в посыпанном бальзамической пихтой холодном зале все было со вкусом расставлено, то униатский священник, сосед, освятил это, и осталось только ждать гостей, которые в течение целой недели будут приезжать и говорить, что они думают о таланте молодой ученицы в приготовлении бабок, без которых в Литве, при подобных обстоятельствах, никак нельзя обойтись.

Раздел XXVIII

Пасха. Поручик Максимич. Ксендз Магнушевский

Мне всегда казалось, что из всех католических праздников самое прекрасное — Воскресение Господне, или Пасха. Не упоминая приготовлений — предыдущий пост, Вербное воскресенье, исповедь, а затем и жертву Великой Недели, которые сильное влияние имеют на сердце искреннего верующего, — церковное празднование и общий душевный настрой в этот Великий День такие торжественные и такие у нас всегда искренние, что воспоминания (свидетелем чего я был так давно) еще и сейчас вызывают наслаждение. Я буду говорить о праздновании Пасхи в Литве не в городе, а на селе, поехать куда на резурекцию[49] Войские с дочерью считали религиозным долгом.

Тем местом был Крошин. И хотя поблизости была униатская церковь, которую мы уже дважды упоминали, а униатский священник (тот самый, который в 1811 году так активно защищал имение Войского от пожара) был почтенным соседом, но Войские, как верующие, что принадлежали к латинскому обряду, считали делом чести поехать на резурекцию в Крошин, что находился на расстоянии мили отсюда.

Выбраться в тот день было не так-то просто, ведь так много приказов нужно отдать, никаких мелочей не позабыть, чтобы по возвращении из храма, может быть, даже с гостями, все было готово. А еще ведь и дорога, как обычно весной, была грязная, и когда на рассвете Войские подъезжали к костелу, ксендз Магнушевский уже начал богослужение, когда же он затянул обычный в этом случае гимн: «Твое, Христос, воскресение!», три начиненные порохом мортиры[50] дали залп на паперти, а испуганные лошади понесли Войских дальше.

Старый Гжесь, извозчик, не сумел справиться с управлением повозки, а вопли двух дам, вызывая еще большее замешательство, усугубляли ситуацию. Тут российский гусарский офицер, молодой и стройный, который тоже только что приехал сюда верхом и не успел еще войти в храм, с чрезвычайным мужеством и холодным расчетом, пулей бросившись между двумя вожжевыми[51] лошадьми, схватил их за удила да так лихо закрутил, что те, поднявшись на дыбы, подняли вверх и самого рыцаря, а две дышловые лошади[52], которые не могли моментально остановиться, прижали его дышлом к стене. Люди, которые не попали в храм из-за шума, были свидетелями этого происшествия. Они с ужасом бросились на спасение к месту опасности, так как уже боялись, что офицер погиб, но послышались радостные возгласы, когда все убедились, что только порвались уздечки да вожжи на лошадях, а сам офицер целый, только испорчен у него ментик[53].

Упала в обморок от ужаса пани Войская, а когда ее привели в чувство, все внимание уже было обращено на офицера. И сам пан Войский, и Богуся благодарили его сотню раз и в беспокойстве выпытывали, все ли у него в порядке. Глаза и лицо Богуси были несравненно более красноречивы, чем ее уста, потому что в том нет никакого секрета, что смелые поступки очень нравятся девушкам. Ее вид был самой прекрасной наградой офицеру, который в вежливых словах засвидетельствовал свое удовольствие, что ему представилось такой мелкой услугой сделать первый шаг к тому, чтобы завести знакомства в повете, куда он, отставной офицер, недавно приехал принять во владение небольшое имение по смерти отца, ибо отдан в детстве в кадетский корпус в Петербурге, а затем, проходя службу в полку, он не имел счастья быть известным

здесь, но все же, имея надежду некогда сделаться обывателем польской провинции, он не терял возможности научиться по-польски, когда стоял с полком на Украине, Подоле, Волыни. Одним словом, он — поручик Максимич.

Не очень эта фамилия понравилась Войскому, так как отец нашего рыцаря не отличался хорошей репутацией. Он разбогател на том, что ловил контрабандистов и начинал следствие против обывателей за то, что они скрывали дезертиров, которых он сам, говорили, и подговаривал, чтобы те, переодетые крестьянами либо нищими, искали работу или просили милостыню, а потом компрометировала того (ранее не предупрежденного), кто пощадил их, предоставив им приют. Он был злом для всей губернии, которую, имея полномочия (а как потом выяснилось, и не имея их), он объезжал периодически в качестве чиновника для особых поручений.

Рассказывали о нем невероятные вещи. Зельва, Свислочь, Слоним и Мир дрожали, когда он там появлялся, и огромными, собранными в складчину, деньгами старались откупиться от опечатывания магазинов и ревизии товара. Словом, когда он купил имение по соседству, то Войского это весьма беспокоило, и он не только знакомства, но даже встречи с ним избегал, как напасти. Однако перед самым приходом французского войска тот где-то исчез, и весть о его смерти, услышанная сейчас из уст сына, не вызвала печали. Поэтому Войский не сказал ни слова о покойном, а только поблагодарил господина поручика за спасение жены и дочери. Тут процессия, которая выходила из храма с радостным пением: «Восстал Пан Христос из мертвых сегодня» увлекла их в свое течение, а повторение: «Аллилуйя! Аллилуйя!» сразу же прервало все разговоры.

Процессия трижды обошла костел, три раза капеллан монстрацией благословил народ, а каждый раз мортиры салютовали, будто и не было только что никакого происшествия. На небе солнце показало свое ясное лицо. Жаворонки, словно разделяя счастье людей, радовались на земле, взлетели в воздух и в гармонии с людьми пели гимны. Снег, целую зиму державший землю в оковах, кое-где уже явно терял свою силу, как господство смертельной неволи перед силой жизни, в чем нас Христос заверил своей новой наукой и чудесным воскресением. Ах! Что это за волшебное время — резурекция в Польше, особенно на селе! Жители городов и западных стран, вы этого не знаете! У вас все однообразно. Календарь, а не сердце, говорит вам: «Воскрес Иисус Христос», поэтому вы и не ликуете так, как мы. У нас люди, солнце, птицы и снег, который тает, все вместе кричит: «Слава Господу Всевышнему, а на земле мир людям доброй воли!» Какое здесь царит общее умиление!

Наш гусар присоединился к Войским, с ними он простоял святую мессу до конца, с ними пошел к ксендзу-настоятелю, ведь есть у нас такой обычай. Каждый ксендз-настоятель у нас принимает гостей, каждого из них гости посещают, тем более, что торжество, о котором мы рассказываем, происходило в Крошине, где настоятелем был ксендз Магнушевский. Чтобы доказать верность этого утверждения, нужно сказать о нем несколько слов. Ксендз Магнушевский был человеком большой учености и чрезвычайного морального совершенства, а потому он стал учителем двоих детей князя Матея Радзивилла из Полонечки — Константина и Антонины.

Когда же за свои заслуги он получил от них назначение в богатый приход в Крошине, то отменил оплату за браки, за крестины и за похороны. Более того, он сам, когда благословлял крещение или венчание бедных людей, независимо от того был ли это крестьянин, или обедневший шляхтич, имел обыкновение оказывать им кое-какую помощь.

Он был гостеприимным хозяином, никогда не держал у себя прислугу женского пола, потому бабки и освященное готовил собственными руками и очень радовался тому, что лучше сдобы, чем его выпечка, в окрестностях нет, и его сильно могло огорчить, если не было перед кем похвалиться своим искусством.

Поэтому после богослужения вместе с другими прихожанами к нему подошли Войские, а с ними и наш гусар. Войские представили его, но это мало помогло, так как и мундир, и имя не были слишком уж популярными, а как это неприятно оказаться в компании чужим! Через минуту, однако, пани Войская рассказала новость, что этот незнакомец спас их от великой беды: от увечья, наверное, или даже от смерти, но сам Войский об этом молчал. Богуся обрадовалась, когда о нем заговорили, когда начали немного приближаться к этому спасителю, так как он, по ее убеждению, такое общее безразличие не заслужил. Тут открылась дверь в салон с освященным, и ксендз Магнушевский, пригласив туда гостей, взял миску с яйцами и, поделившись ими с несколькими более важными лицами, повторяя: «Дай боже через год дождаться!», позвал Богусю, чтобы та помогла ему.

И вот Богуся — с блюдом в руках, а сама робкая и покрасневшая — начала с того, кто стоял к ней ближе, но, идя по кругу, неизвестно почему, она не решалась приблизиться к нашему герою, наконец, когда уже не могла его обойти, попросила, чтобы и он тоже взял свою часть. Пользуясь моментом, так как все потянулись тогда к столу, приняв яйцо от смущенной Богуси, офицер сказал:

— Пусть пани уволит меня от того, чтобы я повторял те пожелания, которые так неосмотрительно здесь прозвучали. Целый год ждать подобного счастья было бы для меня слишком долго, и если все это время пришлось бы мне оставаться для всех таким чужаком, как в эту минуту, то лучше бы мне вернуться к воинской службе.

Богуся ему на это ответила:

— Пусть пана это не пугает, это только форма, я надеюсь, что он еще на эти праздники нас посетит и попробует у нас освященного.

Офицер поклонился, но приглашения он не имел смелости ни принять, ни отказаться, ибо как же ехать к Войским на освященное, когда пан Войский не только не приглашает, но ничем даже не поощряет его, чтобы можно было ближе познакомиться, даже не упоминает о случае, произошедшем несколько часов назад, словно желая совсем о том позабыть. Ксендз Магнушевский чрезвычайно доволен, бабки у него удались, все прихожанки их хвалят, выпытывая секрет, отчего они получились такие пышные, настроение у него прекрасное. Он угощает всех и, извиняясь за неудобство, накладывает на тарелку самые вкусные куски шинки, приглашает и собирает вместе около нее по два, а то и по три антагониста, которые криво смотрят друг на друга, чтобы те, приблизившись, поздоровались за руку и, забыв об обиде, завели беседу, которой они избегали, имея что-то на сердце.

А услышав их разговор между собой, он предлагает тост: «За любовь!». Словом, он для того только кормит и поит здесь всех, чтобы его прихожане любили друг друга, чтобы они обеспечили себе избавление на Небе и, по возможности, счастье на земле. Самых упорных он уговаривает, чтобы те из жалости к нему, пастырю, что будет отвечать за гибель вверенных ему душ, изволили договориться и не беспокоить его совесть укорами, что он не исполнил свой долг на земле. Из уважения к нему и уважая общественные интересы, мы еще несколькими словами завершим историю этого священника, хотя это будет и не первым уже отклонением от сюжета задуманной повести.

Раздел XXIX

Продолжение. Ксендз Магнушевский. Юрага. Поэт Петрак

Ксендз Магнушевский через десяток с лишним лет попал в беду и умер в собственном, правда, доме, но под арестом. Его виной должна была стать, по словам одних, излишняя привязанность к дому князей Радзивиллов, которая, якобы, не позволяла ему спокойно смотреть на брак обнищавщего шляхтича пана Юраги с княжной Радзивилл, что была некогда его воспитанницей (этому браку содействовал его брат князь Константин, помня о военном членстве да товариществе, которое завязалось при осаде Модлина[54], и доведя это дело до успешного результата); а по словам других, заступничество за крошинских крестьян, т. е. за подстрекательство их против Юраги, когда тот, получив Крошин в качестве приданого жены, хотел этих крестьян вернуть в барщину или, как говорили, согласовать барщину к количеству земли.

Исходя из того, что мы знали всех участников этой драмы с наилучшей стороны и в преднамеренной жестокости никого из них не обвиняем, а до жестокости там все же дошло, то, не решаясь сами выносить приговор, описываем эту ситуацию так, как она была на самом деле.

Имение Крошин, как это было почти во всех радзивилловских имениях, традиционно отличалось привилегией: если крестьяне продавали или закладывали (частично или полностью) друг другу свои земли, то оставляли повинности, панщину и оброк себе. Поэтому новый хозяин (или тот, кому закладывалась земля) получал ее безо всяких повинностей, а прежний владелец, оставив себе лишь небольшое количество земли, а то и вовсе ее лишившись, если не способен был выполнять добровольно взятых на себя обязательств, либо перебравшись в другое место, совсем об этом забывал. Двор из-за этого терял, так как не только не хватало рук, таких необходимых для обработки пашни, но нужно было еще платить налог за всех крестьян в Скарб, так как новые хозяева не считали своим долгом это делать. Те документы, навечно заключаемые между крестьянами, официально утверждены не были, посему они не имели юридической силы, однако, по мнению хозяев, должны были эту силу иметь. И новые хозяева полученную экзекуцию[55] отсылали тому, кто продал, а он либо обанкротился, либо его совсем уже не было в имении, так прежняя администрация, не желая начинать процесс, на этом и прекращалась, ибо так здесь творилось издревле.

Когда Юрага стал хозяином Крошина и на месте посмотрел, что здесь происходит, то, прежде всего, он приказал коморникам сделать обмер всего имения, а затем распорядился, чтобы хозяева предоставили ему документы, на основании которых они владеют землей безо всяких повинностей в пользу двора. Когда это было сделано, Юрага убедился в неофициальности и неправомерности документов, что давало ему возможность не только выгнать любого шляхтича, но и заставить его рассчитаться за неуплаченное ранее. Дело же с крестьянами он желал закончить, как ему казалось, справедливо: возвращая им суммы, которые они в любой форме внесли за эти земли, а затем, упразднив чересполосицу уже в бесспорно своем собственном имении, разделить ее на основании договора с пользой для двора и без излишнего бремени для крестьян.

Крестьяне же, якобы подстрекаемые ксендзом Магнушевским, не желали на это соглашаться. Поэтому Юрага, передав в Нижний суд сумму денег, которую он вычислил по упомянутому счету, требовал от властей отдать ему поместье. Некоторое время длилось дознание и попытки любы-

ми способами прийти хоть к взаимопониманию. Однако все средства оказались бесполезными, а правительство, взяв однажды это дело в свои руки, посчитало необходимым убедить стороны, что постановления высшей власти должны выполняться, и два отдела пехоты, направленные в поместье с этой целью, добились выполнения постановления, утвержденного правительством. При этой экзекуции несколько крестьян было убито насмерть, более десятка выслали в Сибирь или на воинскую службу, а двор и деревня имели большие потери, так как та команда вместе с офицерами в течение нескольких месяцев содержалась за их счет. Несмотря на то, что Магнушевского подозревали, будто он причастен ко всему этому сопротивлению, а значит, и к общей беде, подвести его к следствию никак не удалось. Но имя его, как главаря так называемого мятежа в Крошине, стало известно и в Гродно, и в Вильнюсе, где сенатор Новосильцев[56] с ректором Пеликаном[57], узнав от пани Сулистровской (на дочери которой в то время женился князь Константин Радзивилл), что ксендз Магнушевский без разрешения университета содержит у себя приходскую школу для деревенских юношей и прививает им дух несубординации, решили разоблачить его способ обучения. И с этой целью, словно направляясь в Слоним, они по дороге заехали в крошинскую часовню.

Ксендз Магнушевский, расстроенный событиями, которые происходили у него под боком, сильно сдал в плане здоровья. Прежняя деликатность его покинула. Он становился ворчливым и подозрительным в присутствии тех, кто создавал атмосферу официальности.

Поэтому Новосильцева и Пеликана ожидал не слишком радушный прием. Однако быстро избавиться от этих гостей было трудно, так как они заявили, что без обеда далее не поедут. Приказал Магнушевский готовить для них обед, а этим жестом дал им время, чтобы поймать себя в сети лести, попав в которые, оставил твердыню необходимой осторожности.

Долго не желал ничего говорить священник о деле Юраги с крестьянами, наконец он забормотал что-то про оскорбление княжны таким несоответствующим ее происхождению браком и начал сетовать, что дальнейшие события являются лишь результатом, так как для нее не подобрали соответствующую происхождению пару. Согласились с таким мнением незваные гости и развязали ему этим язык. Не заметил он хитрости, сделался более открытым, так как предполагал, что защищает в этом деле крестьян и помогает им. Сенатор упрекнул его, что это вина священника, если тот не дает просвещения крестьянам. А Магнушевский ответил, что он делает все возможное, что зимой у него функционирует приходская школа. Пожелали они ознакомиться с ней и так вошли в доверие ксендза, что тот согласился показать им учеников.

Посланный в деревню слуга привел прямо от бороны и скота несколько парней, которые имели определенные успехи в науке. Экзамен, казалось, прошел гладко. Сенатор и ректор хвалили учеников, говоря, что ксендз Магнушевский оказывает неоценимую услугу краю. Эта похвала показалась ему притворной, так как он в глубине души и сам был уверен в ее правоте.

Так он стал размышлять о талантах, в тех бедных парнях сокрытых, из которых, если бы помогли им развиться, можно было иметь много пользы. И что примечательно, один из них мог стать знаменитым поэтом, а в качестве доказательства попросил Петрака[58], чтобы тот прочитал собственные стихи на русском наречии[59], написанные им безо всяких примеров и влияния. Польщенный Петрак достал секстерн[60] и без страха, что его могут наказать за то, за что доброй души ксендз его столько раз хвалил, начал читать свои трены[61]. Лишь несколько строф осталось в памяти автора, их мы здесь и приводим:

TEKST

Zahraj, zahraj, chłopcze mały,
I ŭ skrypaczki i ŭ cymbały,
A ja zahraju u Dudu,
Bo ŭ Kraszynie żyć nia budu.
Bo ŭ Kraszynie Pan siardzity,
Baćka kijami zabity,
Maci tużyć, siastra płacze,
Hdzież ty pojdziesz nieboracze?
Hdzie ja pajdu? miły Boże!
Pajdu u świet, ŭ bezdaroże,
W Waŭkałaka abiarnusia,
Z szczaściam na was abziarnusia.
Budź zdarowa Maci miła!
Kab ty mianie nie radziła,
Kab ty mianie nie karmiła,
Szczaśliŭszaja ty by była!
Kab ja karszunom radziŭsia,
Ja by bez Panow abyŭsia:
U pańszczynub nie pahnali,
U rekrutyb nie zabrali,
I ŭ Maskali nie addali.
Mnie pastuszkom wiek niabyci,
A ŭ Maskalach trudna życi,
A ja i raści bajusia,
Hdzież ja biedny abiarnusia?
Oj, Każanie, Każanie!
Czamuż nia siŭ ty na mnie?
Kab ja bolszy nie padros,
De at Baćkawych kalos.

TŁUMACZENIE

Zagraj, zagraj chłopcze mały
I w skrzypeczki i w cymbały,
A ja zagram na Kobzinie,
Bo nie będę żyć w Kroszynie.
Bo pod złymi tu Panani
Ojciec skonał pod batami,
Matka szlocha, siostra płacze,
Gdzież ty pójdziesz nieboracze?
Gdzie ja pójdę? miły Boże!
Pójdę we świat, na bezdroże –
W Wilkołaka się obrócę,
Oko tęskne ku wam zwrócę.
Bywaj zdrowa Matko miła,
Gdybyś ty mnie nie rodziła
Gdybyś ty mnie nie karmiła,
Szczęśliwsząbyś pewno była!
Czem jastrzębiem się nierodził?
Bo bym się tym oswobodził:
W pańszczyznęby nie pognano,
W rekrutyby nie zabrano,
I w Moskale nie oddano. –
Wieku z trzodą nie przepędzę,
A zaś w wojsku widzę nędzę;
Ja gdy rosnę, to się smucę,
Bo gdzież biedny się obrócę?
Czemuż nie siadł mi na głowie
Ów niedoperz, wzrosto-bójca?
Wstrzymałby wzrost w mej budowie,
Gdym nie przerósł wozu ojca.

Такие и подобные отчаянные нарекания мальчика, который еще был подростком, растрогали отзывчивого ксендза, но совсем другое влияние они оказали на бессердечных экзаменаторов, которые, однако, шесть или семь тренов прослушали с притворным сочувствием, переглядываясь в наиболее выразительных местах. После прочтения сенатор приказал отдать ему секстерн, и они поехали с обещанием, что подумают о судьбе такого талантливого поэта. Довольный отец погладил его по голове и заверил, что это пойдет ему на пользу.

Но как он был поражен, какое овладели им отчаяние, когда через несколько дней невинного юношу полиция забрала в рекрутчину, которой он так боялся. А что до ксендза Магнушевского, который совсем сдал после этого происшествия, то к нему, как к арестанту, приставили стражу. Впрочем, со света его сводили одни только угрызения, что его советы и неосмотрительность стали причиной многих несчастий именно для тех прихожан, которых он так сильно любил. Бернс[62], крестьянин английский, не в таких чрезвычайных обстоятельствах собственным талантом, безо всякой науки обеспечил себе бессмертное имя, а своей семье — почет и достаток; Петрак из Крошина за талант, данный ему Богом, потерпел самое худшее несчастье!

Раздел XXX

Более близкое знакомство с поручиком Максимичем. Приглашение его на освященное

Теперь, возвращаясь к прерванному рассказу, я переношу читателя в салон ксендза Магнушевского, где было освященное. Гости развлекались недолго, ведь каждый в этот день ожидал приятелей у себя. Войские с помощью нового знакомого, того офицера, сели в коляску и поехали, а проворный гусар на добром коне их догнал. Его присутствие у Войского и его дочери вызвало разные чувства. Богусе хотелось с ним поговорить, но она на это не решалась, а пан Войский, наоборот, не хотел этого, однако должен был быть вежливым. Когда они ехали лесом, где дорога была твердой, ибо земля еще не оттаяла, то гусар немного отстал. Скучно от этого сделалось Богусе, а Войский, когда заметил, что его не видно, крикнул кучеру:

— Погоняй!

Пани Войская, не догадываясь о причине этого, завопила:

— Гжесь, ради бога, медленнее!

Но тут гусар снова их нагнал и подал Богусе букетик сорванных при дороге подснежников, за которые она вежливо его поблагодарила. А когда нужно было уже с главного пути сворачивать на дорогу, ведущую ко двору Войских, когда гусар, который должен был ехать дальше, хотел было с ними расстаться, то пан Войский машинально произнес:

— Что же, возможно, пан поручик хочет погостить под нашей убогой кровлей?

На это рыцарь вежливо ответил, что ему чрезвычайно приятно заслужить такую честь, но он должен сначала заехать домой, чтобы переодеться, так как одежда его порвана, а сапоги для верховой езды грязные.

Войский не стал спорить и не сказал, как делал это обычно, что такие вещи несущественны. А Богуся, вежливо ему кланяясь, сказала:

— До свидания, пан поручик!

Разлука предстояла недолгая.

Униатский священник, приглашенный на обед еще накануне, приехал в назначенное время, а был это человек общительный, которого Войский любил и уважал, потому и настроение Войского улучшилось, так как хотя он никому не сказал о том ни слова, но знакомство с гусаром, неизвестно почему, сильно его тревожило. Угощение началось как обычно, с яиц и бабок. Священник безо всякой лести хвалил Богусины сладости и утверждал, что его жена и дочери не смогут испечь таких знатных пирогов. Хотя ему немного и обидно было, что никто не осведомился об их здоровье, ибо дочери униата были видными девушками и, по убеждению отца, достойными общества дочери Войского, но он привык к такому горделивому поведению шляхты, потому старался делать вид, что его это не касается.

После обеда приехали другие гости из округи. Хотя никому есть и не хотелось, каждый должен был отведать и похвалить прекрасное освященное. Однако Богусе чего-то не хватало. Мать ее задумчивость объясняла испугом, который та испытала, когда лошади понесли (ибо что же могло быть более ужасным), но фамилию того рыцаря, который их спас, она никак не могла вспомнить, а отец не хотел ее подсказывать, избегая разговоров на эту тему, Богуся же — неизвестно почему — назвать его не решалась и была молчалива.

Только к вечеру приехал наш герой. Лицо Богуси просияло, но ей казалось, что во фраке, в котором он сейчас явился, он был не так красив, как тогда, когда она видела его в мундире. Лишь ленточка на фраке указывала на то, что это был военный. Пан Войский, приветствовав его в соответствии с этикетом, обратился к гостям:

— Рекомендую нашего соседа пана поручика!

Фамилия не слетела с его уст, так как дурная слава родителя того, кто сейчас вошел, не предполагала приятного знакомства. Таким образом, гость поздоровался с пани Войской и Богусей и снова оказался для всех здесь чужим. Пан Войский, возвращаясь к прерванному марьяшу, в котором пулю держал священник-униат, у которого он еще не выиграл, пригласил гостя, чтобы тот присел. Эта церемония создала большое неудобство, ведь никто здесь его не знал — что это за сосед, откуда он приехал — и потому не собирался заводить с ним разговора, а сам он никого здесь не знал. К счастью, госпожа Войская обратилась к Богусе, которая была сегодня за хозяйку и принимала гостей:

— Богуся, зови же пана поручика на освященное!

А для нашего рыцаря не было ничего более приятного, чем иметь возможность приблизиться к Богусе. Он подал девушке руку, а та повлекла за собой приятельницу, и они вместе пошли в зал, где было освященное. Обычная церемония, когда делятся яйцом, напомнила Богусе нежелание этого гостя произносить общепринятую формулу: «Дай бог через год дождаться!» Поэтому она сказала прежде, чем поручик:

— Дай бог, чтобы мы нашли возможность отблагодарить пана за тот риск, с которым он спасал нам жизнь. Мама до смерти пану будет благодарна...

И задумчиво, не дожидаясь ответа, она повернулась к столику, на котором стояли подснежники, сорванные в лесу его рукой и подаренные ей в дороге (хотя и были они заботливо поставлены в воду, но в соответствии со своей природой под вечер уже завяли), с сожалением добавила:

— Как жаль, что не могу показать пану этих цветочков такими красивыми, какими приняла их, но, ей-богу, это не моя вина, потому что я сразу же поставила их в воду. Просто натура у них такая, что долго ждать они не любят.

— Пани, — ответил юноша, — если бы эти цветы могли быть символом мыслей того, кто их преподнес, то счастье никогда бы не покинуло вас, а я сто раз рисковал бы жизнью, чтобы пани не знавала печали. Это мои пожелания, которые я слагаю сегодня.

— Господи! — мечтательно отозвалась Богуся. — Пан, кажется, может быть таким же вежливым, как и героическим, что уже доказал нам на деле, время, однако, покажет, насколько пан искренен.

И даже сама испугалась того, что сказала.

— Югася! — позвала она свою приятельницу. — Если бы ты знала, от какой опасности пан поручик нас сегодня спас! Мама до сих пор не может прийти в себя от испуга, и у меня перед глазами стоит, как прижатый к кладке пан поручик едва не погиб. Каким-то чудом спас всех нас пан поручик.

— Если бы не тревога за дам, — ответил рыцарь, — которые натерпелись страху, то я, по сути, должен благодарить за этот случай, так как имею такое приятное знакомство и внимание к себе.

— Господи, — отозвалась на это Богуся, — у пана, видимо, легко получается говорить вежливые слова, но мы здесь, в деревне, не слишком к этому привычны. Пусть пан лучше отведает моей выпечки, за которую меня уже хвалили, да и пообщаться на эту тему мне проще, а если она пану и не понравится, то меня это не обидит, ибо я имею надежду, что в следующем году сделаю лучше.

Вскоре они вернулись в гостиную, оба увлеченные. Офицер завел разговор с пани Войской о том, как прекрасно вышли бабки. Госпожа Войская доказывала, что они еще не так хороши, какими, собственно, должны быть, но это только первая попытка Богуси.

Другие матроны начали выпытывать секреты или делиться своими, главными из которых были следующие: очень вредит бабкам движение воздуха, так если вблизи двора есть кузница, то с Великого четверга нужно замкнуть кузницу, так как кузнец, работая кувалдой, осадит на милю вокруг подходящее тесто. Это мнение подтвердила и жена судьи, у которой в этом году бабки не удались — не поднялись и не пропеклись. А все лишь потому, что именно в то время, когда подходило тесто, как на зло, в имении качали белье.

Тем временем Богуся и ее молодые приятельницы начали советоваться, какую бы наладить забаву: «секретарь», «миканы», «цензор» и другие. Начинали и то, и другое, но все почему-то надолго не затягивалось. «Вояжер» позабавил дольше, так как нашелся, к счастью, способный складно говорить адвокат, отправляющий всех в остроумные, хотя вовсе и нелогичные, путешествия. Реки, деревни и поселки были персонифицированы в лицах, составляющих кружок играющих, и они должны были сразу откликаться, ведь рисковали фантом, а он рассказывал, как плыл, например, Неманом и попадал в Одессу либо в Киев, а потом (когда уже обошел там все могилы святых и зажег на них свечи) появился в Скалке под Краковом или на горе Миндовга, здесь, под Новогрудком, и все ради того только, чтобы лицо, что именуемое соответственно, усыпило бдительность и, названное врасплох, потеряло свой фант.

Затем, когда гадали, что делать каждому фанту, выпадали чудовищные унижения: постоять на горячем камне, попросить печь у кумы, сказать три правды и три неправды либо что-то подобное. Озабоченность лица, обладателя того фанта, забавляла других, ибо такова человеческая природа, что чужая беда, если она не слишком велика, радует публику. Богуся, которой в тот день хватало хозяйственных забот — нечего и удивляться — потеряла много фантов. Но любительница музыки пани судьева (она и сама имела музыкальный талант), которой общество оказало честь наблюдать за фан-

тами, все фанты Богуси незаметно откладывала, а собрав их вместе, она неожиданно объявила:

— Пусть же фанты, которые я держу в руке, заиграют нам что-нибудь на фортепиано!

Несомненно, это предложение было злоупотреблением властью, но потому, что всем это весьма понравилось (а общее мнение какое же бесправие не превратит в право?), и Богуся (хотя она и смутилась, но все же должна была исполнять желание) позвала себе на помощь более смелую свою приятельницу и села за фортепиано.

Сразу стих общий ропот. Взяв сначала несколько аккордов, они в четыре руки заиграли увертюру «Двое слепых», затем – «Калифа из Багдада», а когда с успехом это закончили, то по настоятельной просьбе Войского (хотя дочь немного и упрямилась) зазвучала «Баталия под Йеной». Из-за того, что Войский это произведение очень любил (неизвестно почему), он повеселел, а когда басы левой руки имитировали в тактах пушки, то Войский каждый раз выкрикивал:

— Так им и надо!

Наши молодые артистки обратились, в свою очередь, к судьевой, которая все это подстроила, и потребовали, чтобы она тоже не скрывала своего таланта.

Пан Игнатий Томашевский, по профессии музыкант и друг дома судьи, словно случайно принес в салон свою скрипку и запиликал на ней, а когда госпожа судьева села за фортепиано и они вместе сыграли полонез Огинского, то уж пан Войский не мог усидеть на месте, он подал руку пани подкоморной, пан подкоморный[63] — пани Войской, а за ними молодежь — кто кого пригласил, и все затанцевали.

После такого начала весело пошли в ход уже более модные танцы, ведь пан Войский, зная как увлечь, приказал принести несколько бутылок старого венгерского. В мазурке и кадрили наш гусар показал себя отменно, особенно, когда он танцевал с Богусей, и все смотрели на них с умилением, а Войские, захваченные этим зрелищем, сияли от удовольствия.

И вот, когда ноги у гусара заходили проворнее, а сам он хорошо освоился в компании, которая еще недавно его игнорировала, когда усталая, потому как она долго играла, пани судьева потребовала отдыха, а пан Томашевский, даже не думая, наверное, о каких-либо происках, заиграл на скрипке славного «Бычка» с вариациями собственной композиции, то у офицера отозвался его национальный темперамент: он, слушая, вначале задвигал то одним, то другим плечом, потом, сидя, начал перебирать ногами, наконец, он сорвался с места — правую руку вскинул над головой, конвульсивно дернул левой — и пошел вприсядку, затем — в высшем восторге, в каком-то забытьи — воскликнул: «Ах, ей богу!» да едва на середину не выскочил. Но смех Богуси и ее раскрасневшееся лицо весьма его сконфузили, и он поник.

Это выходка могла сильно ему помешать, но он, к счастью, сейчас же исправил свою ошибку, так как сел за фортепиано и показал себя отменным музыкантом, а когда спел несколько итальянских арий красивым мужским голосом, то заставил утихнуть всех, кому хотелось поднять его на смех из-за того «Бычка». Так ничего удивительного, что все общество с симпатией отнеслось к нашему герою, а музыкальная от природы пани судьева увлеклась таким талантом и, чтобы не упустить удобного случая более близко с ним познакомиться, пригласила Войских, пана подкоморного с женой и всю компанию завтра к себе на обед.

Пани подкоморная, почтенная дама, чувствуя в душе свое право (оно считалось более соответствующим этикету), что собственно ей принад-

лежала эта честь, чтобы лица, которые здесь собрались, завтра, на второй день праздников, посетили именно ее (по старопольскому обычаю сама она никого не приглашала, ведь каждый должен считать это своим долгом), и потому она добродушно упрекнула за эти уловки судьеву. Но та, всегда озорная и немного легкомысленная, не догадываясь даже, что здесь в подтексте содержалось немного оскорбленного достоинства, поцеловала подкоморную и добавила:

— Ах, моя дорогая! Не отказывай мне в удовольствии, так как честно сознаюсь в том, что, если бы вы приехали ко мне на освященное, то я не имела бы чем вас угостить, ибо мои бабки опустились и потеряли форму, что мне и стыдно их гостям показать. А бабки пани репутацию свою, наверное, сохранят, то послезавтра и мы, как саранча, на них налетим.

Порадовал подкоморную этот аргумент, и она заговорила:

— Муж мой, что же нам делать?

И, замечая, что он согласен, добавила:

— Пусть же так и будет, но помни, дорогая судьева, чтобы впредь нам порядка не портила.

А судьева, не принимая всерьез предупреждения, вновь поцеловала подкоморную и Войскую и весело побежала дальше, обнимаясь с другими, более молодыми, своими приятельницами, а задержавшись подле офицера, она сказала:

— Надеюсь, что и пан нас навестит, дорога простая, кто захочет, тот легко узнает, где это.

Поклонился рыцарь, отвечая, что для него великая честь с радостью принять это приглашение.

Таким образом, назавтра у пани судьевой, через день — у подкоморной, и так целую неделю они весело развлекались. Почти каждый день наш офицер виделся с Богусей, они охотно вели беседы и танцевали. Общее же мнение, склоняясь в его пользу, полностью освободило его от той предвзятости, которая возникла было в связи с его отцом.

* * *

Через несколько дней после праздников наш рыцарь вновь приехал к Войскому и вызвал к себе его расположение, так как просил у него совета: что делать с управляющим, который распоряжался доходами после того, как отец выехал из повета, но сейчас отчет он не в состоянии был дать, бесстыдно заявляя, что не имел обязанности вести реестры, а покойный больше доверял своим расчетам, чем писанине. Доходы же, если они и были, пошли, якобы, либо на содержание администрации, либо на ремонт зданий, либо на покупку упряжи и скота. Однако имение сильно опустошено и разрушено, в конюшне и коровнике нет ни одного животного, которое бы принадлежало наследнику, так как те, что там стоят, как утверждает управляющий, он купил для себя и за свои собственные деньги, а купленные для хозяина — погибли.

Войский, который неодобрительно вспоминал покойного, подумал: «Вот, нашла коса на камень». А когда он задал несколько вопросов, которые касались управляющего, то понял, что тот после раздела края приехал в Литву из Малороссии с отцом офицера и был постоянным его сообщником во всех преступлениях, о которых мы говорили выше, а потому имел полное у него доверие, и посоветовал следующее:

— Чем скорее пан от такого человека любой ценой избавится, тем лучше.

Но по той причине, что неосведомленность офицера в сельском хозяйстве создавала определенную преграду, чтобы сразу же от него избавиться, то Войский добавил:

— Не хотел бы я набиваться со своими советами, однако, как более опытный, не откажусь давать их пану всегда, когда они понадобятся.

Офицер вежливо поблагодарил за это предложение, которое было полезным ему, тем более, что оно давало возможность чаще навещать дом, где жила Богуся. Отныне он зачастил со своими визитами, музыка способствовала более тесному сближению в отношениях, наконец, когда Войский заметил слишком большую между ними симпатию и хотел этому помешать, он убедился, что было уже поздно. Когда он высказал Богусе свои подозрения, что она, по-видимому, влюбилась в поручика, то та слезами ответила на это замечание и долго закрывалась, не позволяя хоть что-то у нее узнать, только на коленях умоляла отца не быть к ней таким суровым.

А когда отец, весьма впечатленный таким ее поведением, пожелал от нее более ясного объяснения, то целуя и обливая слезами его руку, она, наконец, заговорила:

— Отец, без Альфонса я жить не могу!

Отец вырвал руку, ведь тем Альфонсом был поручик Максимич, которому он своей Богуси ни за что не хотел отдавать. Пытался он объяснить, как позорит связь с сыном человека, который был здесь врагом для всех, старался направить ее внимание на молодых людей, которые не имели пороков, позволял выбрать любого, лишь бы такую бессмыслицу, если любит она отца, выбросила с головы, но и советы его, и уговоры отлетали как горох от стенки, кроме Альфонса другое имя она и слышать не хотела. Наконец отец дошел до угроз, что такое упорство в могилу его загонит, а она, не обращая внимания на эти слова, объявила:

— Отец, пусть что угодно случится, а я женой Альфонса буду.

Испугался отец такого упорства дочери, так как он готов был на все, чтобы спасти своего ребенка от несчастья, от которого, однако же, ничто иное, кроме предчувствия, не уберегало, а предчувствие — это мираж, который человека пытает предположениями, но от которого мало пользы. В таких именно чувствах Войский вышел из комнаты, оставив Богусю в отчаянии, и сам он был сильно озадачен, потому что не знал, разумно ли это — так сопротивляться желаниям дочери. Все же этого парня, который зовется Максимичем, чтобы он сам не говорил, возможно, Войский и полюбил бы. Но стоит вспомнить то чудовище, старого Максимича, как сразу мысли о каре Божьей лезут в голову, представления о различных страшных последствиях пронизывают сердце — и согласиться с просьбой дочери становится невозможно.

В таких вот угрызениях пан Войский написал письмо любимому своей дочери с просьбой, чтобы тот по определенным причинам, которые сейчас касаются дома, перестал их посещать, пока обстоятельства не изменятся и не позволят его снова приглашать. Эта разлука вместо того, чтобы успокоить Богусю, довела ее до еще большего отчаяния и вызвала болезнь. Пани Войская, жалея дочь, упрекала отца, что тот погубит девушку своим невероятным упрямством в деле, которое, судя по всему, было Волей Божьей, но пан Войский и слушать ничего не хотел, пока вид Богуси его самого не испугал, потому что с лица она сильно изменилась. Наконец они с женой договорились, что ради улучшения здоровья дочери будут устраивать изредка вечера и пригласят того офицера, однако с условием тщательного наблюдения, чтобы помимо встреч в салоне и разговоров в их присутствии, никаких других свиданий наедине, никаких признаний не могло произойти.

Раздел XXXI

Замужество Богуси. Смерть Войского

Так случилось, что остановился по соседству и в деревне самого Войского гусарский полк, который возвращался из Франции. Наш герой имел там много друзей и приятелей, так как сам раньше в нем служил, а когда он рассказал о своей любви, то ему посоветовали, как жениться на деве без воли родителей, и дали торжественное обещание, что будут способствовать в этом деле, сколько потребуется. С этой целью офицеры начали посещать дом Войских, мало того, они еще привели с собой полкового попа, лицо подозрительное, которое было способно совершить по-дружески и ради пользы любое бесправие, так реколлекция[64] для него не являлась наказанием, а почетной своей должности он никогда не понимал. Чтобы такое безмерно любимое чадо, чтобы Богуся согласилась на какую-либо конспирацию, это даже не приходило отцу в голову, он только был очень доволен тем, что Богуся словно исцелилась с тех пор, как в их доме стало людно от посещений.

На запусты[65], когда у Войских собралось много гостей, заехал и кулик[66] из одних офицеров, а с ними — капелла и тот бородатый поп. Развлекались превосходно. Танцы, музыка, пение вызвали удовольствие даже у тех, кто не надеялся на такие веселые запусты. Исподволь молодежь исчезла из гостеприимного зала, очевидно для того, чтобы задумать какую-то новую забаву. И вот через некоторое время послышалась музыка, дверь отворилась и вошла краковская свадьба[67]. Наш офицер — в качестве жениха в белом сукмане[68], обшитом малиновыми шнурками, и Богуся — в качестве невесты с венком на голове, а рубашка на шее завязана ленточкой, множество цветных бусин на ней, корсет привлекательно расходится на груди и ловко охватывает талию, из под него — красная, собранная в фалды, юбка, а на ней — яркий передник. Она казалась еще более стройной в черевичках на каблуках, а все вместе так ее украшало, что кругом зазвучали возгласы:

— Ах, как же она хороша в этом наряде!

Сразу же за ними появились дружки и дружина, словно нарочно подготовленные. В ту же минуту заиграл краковяк, который они плясали так проворно и с такой грацией, что зрители, а более всех родители, восхищались да только диву давались. Наконец Богуся и ее мнимый жених, как и на настоящей свадьбе, поклонились отцу и матери. Отец произнес: «Пусть тебя Господь Бог благословит», а мать прибавила к словам нежный поцелуй.

В этот момент музыка заиграла полонез, и пары, сделав круг по комнате, потянулись через другие комнаты к столовой, а за ними, чтобы наблюдать за танцами, двинулись офицеры и стали в дверях, загораживая их и препятствуя обзору, куда те ушли. Но это не страшно, так как полонез, наверное, через другие двери назад скоро вернется. А когда (музыка продолжала при этом непрестанно играть) исчезнувшие пары почему-то долго не возвращались, то отец приподнялся на цыпочки и поверх голов офицеров увидел, что первая пара стоит перед попом, который связывает епитрахилей им руки. Испуганный Войский закричал:

— Богуся, что же это происходит?

Он хотел войти и разлучить пару, но офицеры стояли так плотно, что не пустили его туда. Тогда он бросился к двери, которая вела в сени, так как через них можно было также попасть в зал, а она со двора была заперта на ключ. Он позвал на помощь людей, но все было напрасно, гусары еще раньше позаботились, чтобы ничто не могло помешать браку. Потерял сознание от отчаяния отец, мать кинулась его спасать, не понимая ясно, что здесь

происходит, все их окружили, а пара, только что на самом деле связанная браком, несмотря на замешательство в доме, боковыми дверями вышла из комнат и села на санки, а за ней — офицеры, которые были в заговоре, да все вместе они направились к дому молодоженов.

Подсказало что-то сердцу Богуси, что совершила она недоброе, но уже не исправишь. Когда прошло первое потрясение, что будет погоня, горькие слезы полились из ее глаз. Новый ее дом совсем ей не понравился. Собак, ружей, трубок, казалось, было больше, чем мебели, а вид стульев и столов свидетельствовал, что они уже отслужили свой век. Три комнаты на одной стороне с полом из наспех настеленых толстых досок, а на втором — челядная[69], или пекарня с сенями и глинобитным полом — все создавало контраст с теми потоками шампанского, которое здесь так щедро лилось, что за всю жизнь Богусей столько не было выпито в состоятельном доме Войских, сколько здесь за одну ночь. Поломанная, прикрытая солдатской буркой кровать плотницкой работы с жидкой периной — в одной комнате, а во второй — сено, настланное от стены до стены с разбросанными на нем колодами карт, на котором, по-видимому, военные, коллеги мужа, спали в минувшую ночь, да и эту они будут вынуждены здесь провести, так как уже поздно, и сами они на подпитии. Бесстыдные их приставания к молодой, которая была еще в убранстве краковской девушки, кривая ухмылка и ревнивые взгляды дородной девки из кухни, призванной раздеть ее (и которая узнала, что это новая, неизвестная ей особа, жена пана), — все казалось таким ужасным и отвратительным, что она уже хотела бежать обратно к родителям, но люди рядом, осознание непоправимости, ведь брак уже состоялся, и то, что дороги она не знала, а на дворе начиналась метель — делала задумку эту невозможной для выполнения. Наконец потушенный свет и мертвая тишина вокруг примирили ее с мыслью, что уже ничего не исправишь, что она отдалась на волю судьбы, но стоило ей задремать, как она сразу подскакивала, опасаясь каждого шороха, словно разгневанный добрый ее отец идет сюда с вооруженными людьми.

Ночь прошла в волнениях и тревоге. Утром охотничий рог всех разбудил, все заулюлюкали, требуя водки, а потом — игра в карты, крики и ссоры. Молодая хозяйка боялась выйти из своей комнаты к таким бестактным мужчинам, хотя муж и требовал, чтобы она это сделала. Она только просилась, чтобы он уважал ее достоинство, чтобы послал к родителям узнать, как они там. Муж, которому, в конце концов, надоели эти просьбы, рассердился:

— Что тебе до них? Ты уже моя жена, так и не должна о родителях думать. Если они заскучают, то сами пришлют сюда кого-нибудь, потому что знают, где ты находишься. Выйди, жена моя, выйди, сделай милость, ибо офицеры уже должны возвращаться в свои отделы, но они не могут этого сделать, пока тебя не увидят.

Хочешь не хочешь, но пришлось выйти пани поручниковой, сильно она переменилась в лице от угрызений совести. Вскочили офицеры, когда ее увидели, и после привычных комплиментов потребовали шампанского, чтобы за нее выпить, но его еще вчера все выпили, так за здоровье подняли рюмки с водкой, а потом начали сводить между собой счеты, кто кому сколько денег проиграл в карты, наконец, они собрались и поехали. По своему долгу и от тоски Богуся пошла в кладовую мужа, чтобы осмотреться, как ей хозяйничать на новом месте. Боже ты мой! Какая же там нищета! Немного крупы, прогорклого масла, соль да несколько селедок, принесенных из трактира от еврея, и это все. Посланный мужем в деревню его армейский слуга Ванька принес под мышкой пару курей, которых он силой забрал у крестьян, да связку грибов. Богуся даже дотронуться до этого не хотела, но поручик, распущенный квартированием по деревням, такой

брезгливости ни понять, ни оправдать не мог, потому он сильно злился, что его желание угождать жене не соответствовало его возможностям.

Под вечер того же дня приехала к ней сердобольная Кукевичова, и это был для нее ангел-утешитель. У старушки, когда та вошла в комнату и огляделась по сторонам, и язык отнялся. А по той причине, что и ноги ей уже не очень служили, она села в первое же кресло, не зная как начать разговор. Богуся кинулась к ней, жалобно заплакала и, целуя ей руки, начала расспрашивать о родителях, что те теперь о ней думают. Старая помолчала немного и наконец проговорила:

— Ах! Не ломай еще больше своей судьбы, панночка! Что случилось, того уже не поправишь, много людей знает о том, что было совершено, потому уже нельзя от этого отречься. Пани беспокоится, как тут панночка держится, так она послала меня и немного необходимой одежды, а пан сильно гневается, бог знает, что с ним еще будет.

— Здоров ли он хотя бы? — воскликнула Богуся.

— Ох, нет, — отвечала Кукевичова, — страдает. Очень сильно.

— Так не лучше ли мне поехать к родителям и упасть им в ноги, прося прощения?

— Ой! Не делай этого пока, панночка, — проговорила Кукевичова, — ведь пан сейчас в таком состоянии, что внезапные впечатления его могут убить.

— Разве он так слаб? — закричала Богуся.

— Ох! Очень, — ответила Кукевичова. — За сутки не сказал никому ни слова, лежит как неживой. Пани и наш священник-униат пытаются его успокоить, чтобы он с волей Бога примирился, но не выходит его убедить.

— Ах! Бедная я, бедная, — простонала Богуся. — Необдуманный мой поступок может привести к смерти лучшего на свете отца. Я и родителей люблю, и Альфонса люблю, а кого больше — выбрать не могла. Мне казалось, что отец был несправедлив, когда отказывал мне в счастье, которого я желала так сильно. Его бездушность, которую я узнала первый раз в жизни, подтолкнула меня на шаг, которого нельзя исправить, но в котором мой Альфонс совершенно не виноват, ведь я его так любила, что готова была и без родительского благословения, и без брака пойти за ним хоть в ад. Он меня спас от позора, предложив план, который, к несчастью, так хорошо удался, как и благословение родительское, и святой брак состоялся в родительском доме. Всего мне сейчас для счастья хватает, кроме их прощения. Эта нищета, которая меня здесь встретила, не страшна, потому что это доказательство того, что моему мужу не хватало ни доброго сердца, а только жены. Кукевичова искушенным глазом осмотрела все и, уезжая, пообещала, что сразу же сообщит, как только Войский, по ее наблюдениям, будет в состоянии, безопасном для жизни, и сможет принять у себя Богусю. Вскоре приехала повозка с легуминами[70] в помощь молодоженам, а новость, что отцу будто бы полегчало, немного утешила Богусю, но на шестой день пришло страшное известие: слишком сильное психическое потрясение Войского, переходя из одной фазы в другую, закончилось воспалением мозга и смертью, которую встретил он в бессознательном состоянии.

Раздел XXXII

Материнское прощение

Оба супруга, сильно напуганные этим, сразу двинулись к дому Войских. Богуся там упала на труп отца, отчаянно рыдая, что это она виновата, что это она его довела до могилы. Затем бросилась она в ноги матери

и стала просить и умолять, чтобы та в таком горе ее не прогоняла, чтобы хотя бы она окончательно не пренебрегла от скорби своим здоровьем и не оставила Богусю несчастной сиротой. Расчувствовавшася мать не могла уже ни выгнать дочери, ни даже укорять ее, видя такое отчаянное ее состояние. А Богуся, в свою очередь, решительно отказалась покидать мать наедине, и после похорон отца было решено, что молодые супруги поселятся с ней. Было, правда, при этом одно условие, чтобы зять никогда не приглашал в гости своих молодых коллег из армии, так как присутствие их было для Войской таким досадным, что вытерпеть этого она совсем не имела силы, ей сразу вспоминался тот случай, что здесь недавно произошел, та сцена, которая стала причиной непоправимой беды. В столе покойного нашли завещание, которым было определено дочери 40000 злотых и имение в наследство, а пожизненное пользование этим имением и владение всем, что в завещании иначе не было предусмотрено, сохранялось за пани Войской.

В соответствующее время Богуся стала матерью, а рождение мальчика, которого в честь деда нарекли Юзеф, вконец загладило ту определенную настороженность и сдержанность в отношениях, которые первое время еще между ними оставались. Случалось, что зять ездил то в свой фольварк (куда никогда нога Войской не ступала), то в повет по делам личным либо их общих, и изредка случалось, что задерживался он там дольше, чем обещал уезжая, но всегда потом объяснял это важными причинами, которые его там задержали. По возвращении домой он достаточно часто выглядел озабоченным, но в домашней атмосфере к нему быстро возвращалось обычное хорошее настроение, что доказывало: только дома он мог быть истинно счастлив, и обе дамы весьма этому радовались, а он из уважения к ним даже не захотел переводить сюда из фольварка свои псарни.

Раздел XXXIII

Мошенничество и смерть мошенника

Через год признался поручик жене, что его дела в плачевном состоянии. О том, что прежний управляющий, а также приятель и сообщник его покойного отца, которого по совету Войского он выгнал, написал донос правительству, разоблачая многие до сих пор никому не известные отцовские преступления и злоупотребления, и накликал беду на голову поручика. О том, что военные дезертиры, которыми отец (никем не назначенный исправник по особым поручениям) держал в страхе всю губернию, были на самом деле теми беженцами, которых он поселил на своей земле, как своих подданных, приведенных якобы из собственных малороссийских имений, где ни куска земли у него никогда не было. Что его номинация была сфабрикована, что он принадлежал к банде живодеров и воров, которые по подсказке управляющего и были наказаны. И хотя благодаря званию офицера, как поручик в армии, где он с гордостью выслужился и имел большую поддержку от влиятельных лиц, сам он предоставил себе право на имущество, приобретенное отцом, однако, издержки и штрафы составляют около 6000 серебряных рублей. Богуся не дала ему даже закончить, она сразу побежала к матери и после краткого с ней совещания вернулась назад с долговыми расписками на имя мужа, на которых была сумма, превышающая необходимую.

Искренне поблагодарил ее муж, и все решили, что нужно отправить письма тем, кто держал капитал, чтобы они изволили подготовить и выплатить по контрактам нужную сумму.

В назначенный срок поручик поехал в Новогрудок за деньгами с инструкцией, чтобы теми средствами, что у него по подсчетам должны были остаться, он заплатил налоги и купил все необходимое в хозяйстве на целый год. Но он, вернувшись из тех контрактов позже, чем его ждали, привез только немного сахара и кофе, то есть, сколько сумел добыть в кредит, говоря, что бумаги за налог остались у доверенного лица, услугами которого он должен был воспользоваться, так как сам был несведущий в праве. Через несколько месяцев пришла реквизиция[71] из Нижнего суда, чтобы заплатили налог. Но из-за того, что женщины не сумели прочесть, так как она была написана по-русски, поручик сам ее просмотрел и спрятал в карман, утверждая, что это его дело, а поехав в повет, он договорился с секретарем Нижнего суда, что если необходимо будет посылать экзекуцию, то ее направлять не в имение пани Войской, а в его наследный фольварк, так женщины о том неуплаченном налоге ничего и не узнали. Вскоре он сумел убедить жену, а с ее помощью и тещу, что ведение важных общих дел требует выдачи доверенности, без которой он действовать с пользой не может, и три привезенные им приятеля правильность этого шага активно поддержали, на что пани Войская (хотя она просила дать ей время, чтобы обсудить правомочность этого предприятия с назначенным согласно завещанию мужа своим опекуном либо посоветоваться со священником-униатом, близким соседом), успокоенная словами зятя: «Что же это, мама, вы мне не верите? Неужели я, любя жену и ребенка, могу нанести какой-то вред?», растеряла все свое мужество, которого она никогда много и не имела, и поставила подпись, а за ней и дочь подписала документ, который давал мужу власть полностью или частично изымать причитающиеся им капиталы, хранившиеся у различных лиц, заключать контракты на продажу крестенции, имение (которое было в ее пожизненном владении) по нужде либо по собственному разумению отдавать в аренду или закладывать, и что он сам, либо его доверенное лицо ни совершат и ни постановят — все считается законным. Три привезенные им свидетеля подписались и после ужина уехали, покидая пани Войскую не слишком собой довольную, но не желающую верить своим предчувствиям, ибо в отношении зятя она не имела никаких подозрений в предательстве.

Он же демонстрировал заботливость. Привозил жидов, показывал им рожь и пшеницу, торговался о цене на водку, сундуки, которые покойный Войский держал безо всякого употребления, продал военным несколько лошадей из табуна, которые впустую уничтожали оброк и сено, даже в лесу нашлось более десятка коп[72] товарного дерева, о котором никто раньше и не догадывался. Пани Войская постепенно убеждалась, что зять — еще лучший хозяин, чем покойный муж (хотя она никогда и не высказала этого вслух), но если зять четко доказывал это, то аргументов против у нее не было, когда же он обещал, что по истечении года добудет доход больший, чем это поместье когда-либо приносило, то она только говорила: «Ах, детки мои, мне уже ничего не нужно, это все ваше».

Наконец по важным делам наш рыцарь поехал в повет, где встретил множество своих знакомых — армейских приятелей и коллег, которые, надолго задержавшись во Франции, возвращались с корпусом Воронцова[73]. Такая встреча, когда человек может приветствовать тех, кого давно не видел, уже как хозяин-обыватель, чрезвычайно его радует. Каждый его поздравляет, что женился на такой богатой барышне, а он, чтобы придать себе больше веса, шелестит тысячами! Шампанское закончилось в городке — так наш рыцарь их угощает! Во время карточной игры сыплется золото, банкнотами разжигаются трубки, кредит на все неограничен. А когда жидки сообщают, что больше ему уже не дадут, то он за наличные, за половину цены, продает долговые расписки покойного Войского со

сроком на следующие контракты. Потом пришла очередь и на доходы, что будут через два года, векселя со сроками разнообразных выплат и с эвикцией[74] на бывшее имение Войского, и так далее.

Удачу в карточной игре, как морские волны, то к одному, то к другому берегу прибивает. Нашему герою, что всегда проигрывал, выпала счастливая минута, так и от военных, и от цивильных перетащил он к себе всю наличность. Однако же честь требовала дать возможность реванша тем, кто проиграл, и он не прекращал игры. А тут полковник, которому сообщили, что полковой казначей проиграл воинскую кассу, посылает адъютанта с рунтом[75] в зал, где играли, чтобы тот захватил столик и забрал всю наличность для дознания, которое должно произойти. Такая неожиданность вызвала спор и драку, а назавтра в Городиловской роще нашли нашего поручика убитого пулей из пистолета, по утверждению одних — от самоубийственного выстрела, по словам других — якобы в результате поединка.

Раздел XXXIV

Крах

Трудно передать ужас и отчаяние от известия об этом молодой вдовы и пани Войской. Но не успели они еще свыкнуться с горем, как со всех сторон начали докучать назойливые: кто из-за проданного ему зерна, кто из-за водки, кто из-за сена, кто из-за пропинации[76] от корчмы, кто из-за дохода с мельниц и др. Тут приятели покойного Войского, державшие его деньги в залоге, спрашивают: почему и согласно какому праву их долговые расписки были проданы ростовщикам? А затем приходит правительственная экзекуция по неуплаченным с давнего времени налогам за оба имения, т. е. за имения жены и за мужа, а также по штрафам и всевозможным законным и незаконным начислениям еще за грехи чиновника по особым поручениям и по мошенничеству сына записанные долги, на что наш рыцарь получил, как мы помним, деньги от жены и ездил в город с намерением рассчитаться. Но повод сыграть в карты, сопротивляться которому не хватило ему сил (ведь такую увлеченность воспитывали в нем с детства), лишил его шансов выполнить порученное. Однако жене, которую искренне любил, признаться в убытке он боялся, потому, рассуждая о способах, как избавиться от досадных хлопот, решил добиться от тещи и жены доверенности, которая позволила ему стяжать кредит, но которая и привела к краху. Ведь человек заядлый в игре, несмотря на свое мужество и другие достоинства, не хозяин сам себе.

Только сейчас опомнились предназначенные завещанием мужа опекуны пани Войской, их деликатность сослужила плохую службу, так как ранее они не осмеливались навязываться к почтенной даме со своими правами, так теперь они уже хотели опротестовать законность этой доверенности и торговых договоров покойного зятя, которые в результате были приведены в действие. Но не было определенности, что из этого что-либо выйдет, так как процесс, по мнению некоторых юристов, мог растянуться на долгие годы, кроме того, он мог быть и безрезультатным по причине смерти уполномоченного зятя. По мнению других, делать этого не стоило, потому что муж Богуси был законным опекуном жены и ребенка, единственных наследников Войского. В такой неопределенности обыватели, в руках которых были капиталы, на которые в соответствующее время не наложили ареста, выплачивали ростовщикам, не желая ненужных им процессов, уничтожили выкупленные долговые расписки и положили всем искушениям конец. Войская сначала думала, что собственной расчетливостью и сведенными на нет, насколько это возможно, затратами она сумеет

противостоять притязаниям и претензиям, как сама говорила, без оскорбления души покойного, и платила как могла. Но новые и новые требования, которые появлялись ежедневно, разрушали ее и так уже хрупкое здоровье, вплоть до смерти, и, наконец, она закрыла глаза навсегда.

В этой ситуации те, кого пожизненное право пользования поместьем Войской и в некоторой степени сомнительная доверенность, выданная ею без законных опекунов, в определенной степени сдерживала, набросились теперь на имение со всей наглостью. Долги небольшого имения мужа, увеличенные штрафами и процентами, которые все росли и росли, уже превышали его стоимость. По совету юристов вдова поручика записала в Актах от своего имени и от имени ребенка отречение от наследства мужа, чтобы сохранить, прежде всего, собственное поместье. Но такое отречение оказалось неправомерным, так как сын и законный наследник отца был еще несовершеннолетним.

Тогда нужно было вызвать всех кредиторов и всех тех, кто имел какие-либо претензии, в суд, чтобы вследствие банкротства одновременно рассчитаться и с теми, неизвестными пока, кто давал в долг. Либо объявить эксдивизию[77]. И объявление, согласно постановлению суда, трижды напечатанное в газетах края, и активность изгнанного по совету Войского управляющего, который знал обо всех долгах и поручика, и его родителя, а также информация от офицеров, вернувшихся в родные места с вестью о том, что их коллега в Литве женился на очень состоятельной девушке — такое количество собрали кредиторов, так усложнили дело, что целого имения мужа не хватило, чтобы удовлетворить их требования. Тогда разделили имущество как вышло, а значительная часть долга, в соответствии с юридическим языком, была направлена ad bona reperibilia, что означает, на имение, которое, возможно, когда-либо обнаружится.

Что касается имения самой поручиковой, на которое перешли долги по той доверенности, то осталась небольшая часть, что составляла приданое ее матери и не подпадало под доверенность. Но по той причине, что эта часть не была разделена между кредиторами мужа, а выделенные сходы оценили дорого (якобы из-за пристрастия к ней), то кредиторы начали роптать и угрожать апелляцией в Высший суд.

Чтобы нашим читателям, которые не знают о эксдивизиях, дать хоть какое-то представление об их природе и сущности, мы собираемся сделать следующее дополнение. Слово эксдивизия, согласно общему мнению, означает великую несправедливость, и часто приходится встречаться с соотечественниками, которые не подпадали под действие Статута либо судебную систему края считали вторичной. Они теми эксдивизиями, нам, литвинам, колют глаза, уважая их за преступления, что совершается над нами, и гордятся, что чужеземное право освободило их от этого несчастья. Мы не будем спорить, что лучше — давнишние эксдивизии у нас или новейшие аукционы у них. Достаточно сказать, что еще ни в одной стране мира не появилось такого совершенного закона, чтобы сдерживать банкротство, ведь помимо праздности, которая является недостатком человека, также виновато и стечение обстоятельств, не зависящее от его воли (пример чего мы только что видели), бесспорно, влияющее на ход дела. Мы хотим лишь сказать, что бывшим нашим правозащитникам хватало ума, чтобы удерживать нужное равновесие между должником и кредитором, чтобы последние до йоты соблюдали правила. Ведь интабуляции[78], которые якобы стали изобретением эпохи после разделов, исходили из буквы тех правил. Право на наследство должно было быть записано в Актах, потому ее стоимость в этом же Акте могла быть известна и заинтересованным.

Конституция 1588 года[79], а затем и последующие, неустанно предупреждали кредиторов, что долг, который не был записан в Актах, не будет иметь

никакого веса. И если они не записывали долг, довольствуясь бумагой, которую держали в кармане, то добровольно выходили из-под юрисдикции права. Ведь это давало возможность должникам в несколько раз превысить стоимость имения долгами, которые они брали постоянно, чтобы выплачивать проценты. А пока они их платили, то кредиторы об эвикции вовсе не заботились, думая, что на страже должна быть честь должника.

Упрек же кредиторов, что жена должника и ее наследники на эксдивизиях всегда имели преимущество и чаще получали выгоду, объясняются тем, что родители или опекуны жены обычно перед браком заключали с будущим мужем договор, именуемый интерциза[80], в котором приданое жены в наличных деньгах и ценностях оценивался вдвое и покрывался имением мужа, если был законно записан в Актах еще до долгов неизвестных кредиторов, так как если они в Актах были записаны ранее, потому родители или опекуны супруги выплачивали им наличными.

На самом деле, только одна цена приданого была собственностью жены и ее наследников, когда она умирала раньше мужа, а двойная цена, по терминологии юристов, обеспечивала ей пожизненное владение второй частью. Но если кредиторы, что молчали на протяжении десятков лет, или, другими словами, довольствовались процентами, в случае дальнейшей невозможности их уплаты должником сходились все вместе почти одновременно со своими долговыми расписками к Актам, и потому должны были сформироваться три стороны: должник, жена и кредиторы. Последние, осознав теперь опасность для себя, старались ликвидировать запись жены, обвиняя ее в сговоре со своим мужем и т. п. уловках, но закон был глух к таким обвинениям, а суд, если и склонялся в сторону кредиторов, должен был выносить приговор по закону, который считал документ жены более важным, а имущество, что у нее оставалось, делил между кредиторами соответственно тому, сколько его хватало, а то, чего не хватало, отсылал к ad bona reperibilia. Из-за того, что людям свойственно нежелание признавать свои ошибки, утвердилось мнение, что суд был на стороне должника, а не кредитора.

Раздел XXXV

Показания преступника, его наказание и конец повести

Наиболее активно поддерживал эти нарекания управляющий. Хотя сам он никаких претензий не имел, однако представлял несколько сторон, которые якобы ввиду того, что далеко жили, обязывали его в письме, чтобы он защищал их интересы на месте. То, как ловко он высказывал нарекания на несправедливость суда и цитировал законы и указы, доказывало, что это был человек, который в молодости имел другую профессию, но это еще не предоставляло оснований думать, что его затрудняло совершение им преступления. Однако, когда он забыл и написал письмо к наследнику той деревни, из которой бывший самозваный чиновник по особым поручениям был беглым крестьянином, а в том письме сообщил, что после смерти мужа у Богуси остался сын Юзеф, которого мать может выкупить за внушительную сумму как крепостного (так как его отец, благодаря полученному званию поручика, был личным шляхтичем, и не мог передать шляхетство своему сыну), то это письмо показало, что его писал бывший секретарь Нижнего суда того повета, которого за принадлежность к банде злодеев и воров много лет назад осудили на бичевание, клеймение и высылку на рудники, но о котором подкупленный начальник тюрьмы отрапортовал правительству, что заключенный умер еще до исполнения приговора,

а на самом деле, его выкупил отец умершего поручика — неразоблаченный глава банды, и тот оставался на свободе. Так это письмо было причиной начала следствия, именно тогда, когда, согласно декрету эксдивизионного суда, должна подаваться апелляция, а он самым активным образом склонял к ней стороны, и его самого неожиданно арестовала полиция. Преступник долго не отпирался и признался, что является той личностью, которую ищут, что его имя Круглик; что Тимофей Козорезин, бывший пономарь, стал во главе банды преступников, куда втянул и его ради обеспечения протекции в суде своим бандитам, которые никогда его не выдавали, так как хорошо знали, что он вытащит их из беды; что тот ради собственной безопасности выкупил его от бича, клейма и рудника, и дальше использовал в течение всей жизни себе на пользу. А когда дьяк Тимофей Козорезин и сам секретарь Круглик после первого раздела польского государства бежали на Украину, то у Тимофея было много денег, и он женился там на дочери шляхтича, матери нашего героя. Но когда она, опасаясь визитов незнакомых, с ужасом призналась в своих подозрениях, что это, должно быть, злодеи, то Тимофей раскроил ей голову топором и, забрав ребенка, как маркитант пристал к армии, которая под командованием Суворова шла маршем на Польшу. После быстро оконченной там кампании у Тимофея появилась идея сделаться в Литве урядником, ради чего бывший секретарь Круглик выписывал ему командировки, которые менялись в соответствии с обстоятельствами. Хотя он и знал, что замешан в дурном деле, но был убежден, что за самую незначительную критику этих поступков будет лишен жизни, потому должен служить верно. Сына Козорезина некий генерал взял в Петербург и без большой на то время трудности отдал в кадеты как сына чиновника, который был на царской службе, так как генералу и в голову не приходило, с кем он имеет дело.

Тимофей же в свою очередь позаботился о том, чтобы не возникало подозрений, посылая сыну средства большие, чем можно было себе позволить, а чиновникам — подарки, которые прокладывали ему путь в их среде. У сына это породило мысль, что он принадлежит к магнатскому роду. И ненависть к преступникам, которая так долго тлела в сердце экс-секретаря, неудержимо поднялась в нем, когда он увидел сына негодяя. Тот приехал принять имение отца и трактовал Круглика пренебрежительно, в то время как он собственному уму, хранению секрета и своим поступком приписывал и искусственное возвеличение его отца, и шляхетство, и место в обществе его сына. Жестокость первого, который готов был убить, держало его в страхе и провоцировало взрывы гнева, но это лихачество, по мнению экс-секретаря, было присуще только крестьянину Тимофею, стоящему ниже, чем он, по образованию и воспитанию. Сын же этого крестьянина, ставший офицером благодаря учебе и заслугам, весьма оскорблял его своими аристократическими манерами, делая невозможным сближение, потому к ненависти, которую он имел к отцу, прибавилось и желание унизить сына, возвращая его в то состояние, от которого преступник-отец его освободил.

А по той причине, что Войский, не зная ничего об этих отношениях, посоветовал его выгнать, адский Круглик, претворяя план мести вдове и невинному ребенку сына заклятого своего товарища, предполагал, что угодит своему сердцу, когда испортит судьбу младенца навсегда. Срок давности и изменения в российских законах отменили наказание кнутом и клеймом, потому он осмелел и не боялся уже этого наказания, а Сибирь его не страшила. С того времени, когда Круглик был арестован, его лицо смягчилось, так как и чувство мести, которое не так легко удовлетворить, также весьма мучит. На этом мы завершаем несчастливую повесть в надежде на то, что о вдове в отчаянии и о сироте, может, кто-нибудь и когда-нибудь что-то еще услышит.

Комментарии

[1] Повозка.

[2] Кружева, которые плелись в Брабанте — ныне упраздненной провинции в географическом центре королевства Бельгия.

[3] Из шелковой ткани.

[4] Тесьма, оттягивающая штанину.

[5] В Римской мифологии богиня мудрости. Считалась молниеносящей и воинственной, на что указывают гладиаторские игры, обязательно проводившиеся во время главного праздника в ее честь — Квинкватрии.

[6] Ян Генрик Домбровский (1755—1818) — дивизионный генерал Великой армии, чьи подвиги воспеты в национальном гимне Польши (мазурке Домбровского).

[7] Бальный танец, восходящий к английским народным танцам и распространенный в Европе XVII—XIX вв.

[8] Здесь — бал-маскарад.

[9] Здесь — предмет круглой формы.

[10] Землемер, составитель планов территории.

[11] По обязанности (лат).

[12] Карточная игра, которая пользовалась огромной популярностью в конце XVIII и начале XIX веков. Другие названия: «фаро», «штосе», «любишь — не любишь», «подрезать». Фараон породил целое семейство банковых игр.

[13] «Подождите!»

[14] Участники игры, поставившие деньги на карту.

[15] Здесь — правила игры.

[16] Государственная должность в Польше и Великом княжестве Литовском. Маршалком назывался также руководитель шляхетской конфедерации.

[17] Председатель подкоморного суда, который рассматривал дела частных землевладельцев.

[18] По всей видимости, Наполеона.

[19] Самое раннее утреннее богослужение (лат).

[20] Человек, ведущий подсчет очков при игре на бильярде.

[21] Лекарственное средство, прекращающее или ослабляющее действие яда на организм.

[22] Выборные представители шляхты.

[23] Походная сумка.

[24] Древнеримская богиня плодородия, вторая дочь Сатурна и Реи (в греческой мифологии ей соответствует Деметра).

[25] Александр Рожнецкий (1774—1849) — польский и русский генерал, участник Наполеоновских войн, член Государственного совета Российской империи.

[26] Юзеф Понятовский (1763—1813) — польский генерал, маршал Франции из рода Понятовских. Племянник последнего короля польского и великого князя литовского Станислава Августа Понятовского.

[27] Административно-территориальная единица.

[28] Петр Багратион (1769—1812) — российский генерал от инфантерии, шеф лейб-гвардии Егерского полка, главнокомандующий 2-й Западной армией в начале Отечественной войны 1812 года.

[29] Тадеуш Тышкевич (1774—1852) — государственный и военный деятель Великого княжества Литовского и Российской империи. Адъютант генерала Якуба Ясинского (1794), полковник войск Варшавского герцогства, затем бригадный генерал (1812), сенатор-каштелян Царства Польского (1820).

[30] Эжен Богарне (1781—1824) — французский генерал, вице-король Италии (1805—1814), пасынок Наполеона I (сын Жозефины). В наполеоновских войнах командовал корпусом, в 1813—1814 — войсками в Италии.

[31] Семь напастей Богородицы: 1. Пророчество Симеона; 2. Бегство в Египет; 3. Потеря Иисуса; 4. Встреча с Иисусом на Крестном пути; 5. Распятие и смерть Иисуса; 6. Снятие Иисуса с креста; 7. Положение Иисуса во гроб.

[32] Национальное еврейское блюдо: пудинг. Был обычной пищей в шаббат.

[33] Гладкая ткань из шерстяных и льняных ниток.

[34] Здесь — хозяйственный отдел, занимающийся обеспечением армии.

[35] Место нахождения (фр).

[36] Павел Чичагов (1767—1849) — русский адмирал, морской министр Российской империи 1802—1811 годов. В 1812 году сменил Кутузова в качестве командующего Дунайской армией, руководил преследованием Наполеона по территории Беларуси. После переправы французов через Березину обвинен в неспособности преградить неприятелю путь к отступлению. Остаток жизни провел на чужбине.

[37] Ян Канопка (1777—1814) — французский генерал польского происхождения, участник похода в Россию в 1812 году. В 1812 году сформировал в Великом княжестве Литовском уланский полк. Под Слонимом его полк подвергся неожиданному нападению отряда русского генерала Чаплица и был разгромлен, сам Конопка в бою был ранен и захвачен в плен русским генералом Дячкиным. Содержался в Херсоне под надзором полиции.

[38] Здесь — корм.

[39] Торжественное богослужение, отправляемое по воскресеньям и по праздникам.

[40] Время от католического праздника Трех королей (Богоявления) до Великого поста.

[41] Традиционные пасхальные блюда, которые освящались в костеле.

[42] Здесь — пирог.

[43] Пословица «Заработал как Заблоцкий на мыле».

[44] Название жителей Польши (Короны).

[45] Первый день Великого поста, в который по традиции посыпают голову пеплом.

[46] Одежда на запахе без рукавов.

[47] Здесь — письменные постановления.

[48] Тот, кто присматривает за захристией в костеле (помещением, где хранятся ритуальные вещи и одежда священников).

[49] Крестный ход Воскресения Господня после Навечерия Пасхи.

[50] Артиллерийское орудие с коротким стволом для навесной стрельбы.

[51] Ведущие лошади в упряжке, за которыми идут дышловые.

[52] Лошади, идущие возле дышла (одиночной оглобли) за вожжевыми лошадьми.

[53] Короткая одежда вроде куртки, обложенная мехом, с пуговицами в несколько рядов, со шнурками и петлями, надеваемая гусарами в зимнее время поверх мундира, а в летнее время ментики носили наброшенными на левое плечо.

[54] Крепость, расположеная у слияния Вислы и Нарева, примерно в 30 км на северо-запад от Варшавы. В 1813 году осаждалась российским войском.

[55] Здесь — распоряжение об исполнении повинности.

[56] Николай Новосильцев (1761 — 1838) — русский государственный деятель, член Негласного комитета, президент Императорской Академии наук (1803—1810), кабинета министров (1832), председатель Государственного совета (1834).

[57] Вацлав Пеликан (1790 – 1873) — медик, хирург, общественный и политический деятель; ректор императорского Виленского университета (1826—1832).

[58] Прототипом Петрака считается Павлюк Багрим (1812—1891).

[59] Название белорусского языка.

[60] Лист бумаги, сложенный вшестеро.

[61] Лирическое произведение, посвященное покойному; элегия.

[62] Роберт Бернс (1759—1796) — британский (шотландский) поэт, фольклорист, автор многочисленных стихотворений и поэм, написанных на так называемом «равнинном шотландском» и английском языках.

[63] Глава подкоморного суда (судебно-арбитражный орган в Великом княжестве Литовском, который рассматривал земельные споры).

[64] Название духовных упражнений, используемых в католической церкви. К реколлекциям относятся молитвы, размышления над библейскими текстами, медитации. Как правило, реколлекции проводятся в монастырях.

[65] Последние дни карнавала.

[66] Группа людей, разъезжающая на санях с песнями.

[67] Здесь — свадьба, на которой молодые одеты в крестьянские уборы.

[68] Длинная суконная верхняя одежда.

[69] Комната для прислуги.

[70] Продукты растительного происхождения (от лат. legumen — стручковое растение).

[71] Здесь — распоряжение, указание.

[72] Единица измерения, равная 60 штукам чего-либо.

[73] Михаил Воронцов (1782—1856) — русский государственный деятель из рода Воронцовых, генерал-фельдмаршал (1856), генерал-адъютант (1815), герой войны 1812 года.

[74] В гражданском праве истребование (отсуждение) у покупателя имущества по основаниям, возникшим до продажи (от лат. evictio — лишение владения).

[75] Военный патруль.

[76] Исключительное право на курение вина и варку пива, а также торговлю ими в определенной местности.

[77] Деление собственности должника между кредиторами.

[78] Запись в поветовых метриках.

[79] Статут ВКЛ.

[80] Договор об имущественных правах супругов, заключаемый перед браком.

Перевод с польского и комментарии Ю. АЛЕЙЧЕНКО.

НИНА ДЕБОЛЬСКАЯ

О чем молчал отец

За последние полтора десятка лет для москвички Нины Сергеевны Дебольской, профессионального педагога и переводчика, маршрут личных путешествий «Москва—Минск» стал особенно ожидаемым и желанным. В столице Беларуси почетную гостью всегда с нетерпением ждут представители научной и творческой интеллигенции, музейные сотрудники, журналисты.

*Искренняя симпатия к нашей культуре, переросшая в дружбу и плодотворное сотрудничество, зарождалась в 1999 году, когда Н. Дебольская по приглашению руководства Литературного музея М. Богдановича посетила Минск, приняла участие в организованной им Международной научно-практической конференции. Ее ждали и слушали с особым вниманием: как ни как — племянница Диодора Дмитриевича Дебольского (1892—1964), русского философа, ближайшего друга классика белорусской литературы, удостоившегося особого поэтического внимания и благодарности — именного стихотворения «Д. Д. Дзябольскаму (***Быць можа, пуціна жыцця)» (1911). После окончания Ярославской мужской гимназии оба друга остановили свой выбор на юриспруденции, но пути их разошлись: Максим остался в Ярославле, поступил в Демидовский юридический лицей; Диодор стал студентом юридического факультета Московского университета.*

В свое время Д. Дебольский написал воспоминания о М. Богдановиче в сокращенном варианте, опубликованные сначала в газете «Літаратура і мастацтва» (05.02.1958), а затем в сборнике «Шлях паэта» (1975), подготовленном Н. Ватаци. Полный текст мемуарных записей на языке оригинала впервые увидел свет на страницах «Нёмана» (2011, № 12), к 120-летию со дня рождения поэта. В репрессивное время русский философ не избежал участи многих «бывших», «из благородных». В 1934 году он был приговорен к ссылке без права переписки. Воспоминания Нины Сергеевны о своем дяде были впервые озвучены на музейной конференции в 1999 году, а затем напечатаны в журнале «Нёман» (2001, № 12).

Притягательная сила поэзии, мелодичность белорусского слова не могли не захватить Н. Дебольскую, профессионально чуткую к языкам, побудить к переводческой деятельности, стремлению популяризировать белорусскую литературу, так неожиданно открытую для себя лично. Сегодня на ее творческом счету сборник белорусской поэзии в переводах на французский язык «У краіне паэтаў / Au pays des poetes» (2011), франкофонная книга переводов русских, белорусских и польских поэтов «Poètes russes , bélarusses et polonais» (2013) — оба издания увидели свет в Минске, а белорусское литературное присутствие в многоязычном мире приумножилось десятками имен и сотнями поэтических произведений.

Думается, многочисленные вопросы белорусских исследователей, стремившихся, благодаря Нине Сергеевне, как можно лучше представить окружение М. Богдановича, повлияли на ее желание побольше узнать не только о дяде, Д. Дебольском, но и о всей родне, особенно чья жизнь пришлась на переломные, драматические периоды в жизни страны. Своеобразной точкой отсчета в восстановлении не только истории семьи, но и всего общества стали судьбы родителей: Веры Васильевны Дебольской (в девичестве Романовской) (1895—1977) и Сергея Дмитриевича Дебольского (1889—1960).

Таким образом, перед нами авторское повествование, которое подкупает органичным соседством эмоциональной непосредственности детских впечатлений и сухости информации архивных документов, иронических ноток и драматизма описываемых событий. Фокусируя внимание на архивных свидетельствах, начинаешь задумываться над тем, что не так давно по историческим меркам на земле была абсолютно иная, утерянная почти безвозвратно, цивилизация — русская Атлантида, опустившаяся на дно долгого молчания и беспамятства.

Микола ТРУС

Это было летом? Не помню. По широкой деревенской улице шел кто-то с небольшим чемоданчиком... Папа! В чемоданчике — два сокровища: синий матросский костюм для брата и малиновое платье для меня. Если скользишь пальцами по материи, то кажется, что она ребристая. Это — вильвет. Виль-вет! Ра-дость!

Да, это было летом, потому что ходили гулять в сторону железной дороги. Брат, испуганный свистком паровоза, вылетающего из тоннеля, кричал не своим голосом...

Во второй раз отец приехал зимой, с тем же чемоданчиком, но в нем была только водка. «Что я буду с ней делать?» — и мама упала в обморок. «Без нее вы не уедете домой».

По соседству с нашим проходным московским двором жил какой-то железнодорожник, скорее всего, проводник. С ним-то и договорился отец в самом начале сорок четвертого года помочь семье вернуться из эвакуации. Каждый эпизод этого возвращения обходился, наверное, в одну-две бутылки. Сначала на розвальнях до Рузаевки, где отец посадил всех пятерых в холодный тамбур вагона санитарного поезда. Из госпиталей возвращались раненые. Они и взяли нас с братом в тепло, радовались, глядя на здоровых детей. А ведь за год до этого мы были в шаге от смерти. У брата — воспаление легких. 30 градусов мороза. 30 километров до больницы на санях. Мама оставила сына дома. У меня — абсцесс на шее. Его вскрыла кухонным ножом какая-то женщина, кажется, медсестра в прошлом, которая осталась в тех краях после еще довоенных репрессий. Но возвращались мы — кровь с молоком по сравнению с теми бледными и худыми одногодками, что из Москвы не уезжали.

Отец (уже непризывного возраста) всю войну провел в городе. По ночам сторожил квартиру одной из своих сестер на Остоженке, где спокойно спал даже во время бомбежек. В нашем дворе гасил фугаски. Фу-гаска... Что это такое? Фу... Наверное, что-то очень противное. Однажды отец вбежал в заполненный дымом коридор ближайшего дома, чтобы вылить ведро воды в предполагаемый очаг возгорания. Вся вода обрушилась на голову соседа, который в это время засыпал фугаску песком...

Мы жили в бывших монастырских кельях — небольших деревянных избах. В войну за нашей квартирой присматривала одна из соседок, Надежда Константиновна, в прошлом — монахиня, она и после закрытия монастыря осталась в нем жить. Работала в швейной мастерской, оборудованной в бывшей трапезной. В нашей голландской печке прятала пару-другую солдатского белья (на продажу). Печь не топилась из-за отсутствия дров. Когда, по приезде мама увидела желтоватые плотные наросты льда на потолке и по углам комнат, она лишилась чувств. В войну отца посылали и на лесозаготовки (где он заработал астму), но из леса дров на себе не привезешь.

Мама родилась в конце девятнадцатого века. Ее детство и молодость были вполне благополучны, они прошли в «мирное время» — так она говорила. Мне представлялось, что это было такое время, когда люди не ссорились. Делать она ничего не умела. В первый день совместной жизни с отцом сварила непотрошеную курицу. Изредка отец вспоминал об этом с благодушной улыбкой. Мама знала три европейских языка, учила и арабский в Институте восточных языков, но курса не закончила по семейным обстоятельствам. Сколько бы я ни расспрашивала, кем был ее отец, она молчала. Наш отец пенял ей: «Ты как Иван, не помнящий родства». Мне это сравнение казалось неудачным. «Иван» представлялся нечесаным грубым мужиком, но обязательно блон-

Нина Сергеевна Дебольская.

дином, а мама была темноволосой и очень худой... В гимназии ее звали «ревельской килькой». С трудом выведала ее девичью фамилию — Романовская. «Как ты могла поменять такую звучную фамилию? Ро-ма-нов-ская! (Я тут же разочаровалась в своей собственной).

А вот отчество деда мне не понравилось: Викентьевич. От женского имени Вика? С неохотой, с чувством не гордости, нет, но скрытого удовлетворения, она сказала, наконец, что ее отец был генерал. А одной из родственниц нашего отца она как-то призналась: «Вы же знаете, что было. Хватали прямо на улице и ставили к стенке». И только благодаря одному историку московского дворянского собрания узнала я через много-много лет, что мой дед был расстрелян в числе 500 заложников в Петрограде. Правда, инициалы отчества другие, видимо, ошибка — спешили. А вот о своем единственном брате мать не обмолвилась ни словом, да и мои дальнейшие розыски не дали никаких результатов. Помню, была фотография, в середине которой одно лицо вырезано. Лицо мамы. Почему? «Не люблю фотографироваться». Значит, хотела сохранить на память лица друзей и знакомых, но так, чтобы нельзя было ассоциировать их с ней.

Лет за десять до смерти мамы ездила с ней в ее родной город Ревель (Таллин). Могилы ее матери Антонины не нашли, но нашли где-то на окраине города одноэтажный деревянный дом, в котором генерал царской армии жил с большой семьей до переезда в Петербург после смерти жены в 1915 году. Запомнилось: кто-то из родственников намекал, что мой дед был начальником контрразведки в Эстонии. Дом был добротный, но совсем небольшой для семьи, где было пятеро детей и постоянная экономка. Она считалась членом семьи, ей хорошо платили, и когда дети выросли, она смогла купить себе домик.

По рассказам матери живо представила себе, как ехали на дачу в Бригитовку все вместе, уложив вещи в повозку, запряженную лошадьми. За стол не садились одни, всегда были гости — студенты, друзья брата. В начале Первой мировой войны ему было уже 25 лет, значит, был призван. Продолжить поиски?

Вот все, что получила из российского государственного военно-исторического архива в отношении своего деда:

«Из послужного списка полковника 90-го пехотного Онежского полка Василия Викентьевича Романовского (составлен 19 января 1906 года) видно, что он родился 18 декабря 1850 года, сын фейерверкера Выборгской губернии, православного вероисповедания. В 1866 году поступил на службу из Псковского училища военного ведомства (военной гимназии) писарем в управление Гродненского губернского военного начальника, в 1868 году переведен в штаб местных войск Виленского военного округа, в 1869 году — в Выборгское крепостное инженерное управление. В 1872 переведен в 91-ый Двинский полк стрелковым унтер-офицером и в том же году поступил юнкером в Гельсингфорское пехотное юнкерское училище. В 1874 году произведен в прапорщики, в 1876 году в подпоручики, в 1878 — в поручики, в 1889 году — в капитаны, в 1895 году — в подполковники с переводом в 90-й пехотный Онежский полк. В 1904 году произведен в полковники.

Кавалер орденов св. Анны 2 и 3 степени, св. Станислава 2 и 3 степени, имел серебряную медаль на Андреевской ленте, итальянский Командорский крест ордена короны».

На повторный запрос пришло дополнение: *«Из рукописных списков полковников, составленных на 1904—1906 годы, следует, что Романовский Василий Викентьевич 5 февраля 1906 года был награжден орденом св. Владимира 4-й степени. Высочайшим приказом от 1 января 1908 года он был уволен со службы с производством в генерал-майоры с мундиром и пенсией».*

Значит, когда маме шел тринадцатый год, ее отец стал генерал-майором. Наверное, это событие должно было запомниться ребенку. А итальянский Командорский крест ордена короны? Он-то вручался немногим и за какие-то особые заслуги. Но никогда мама не обмолвилась об этом ни одним словом. Военных не любила, считала их скучными солдафонами. Только однажды проговорилась, что ее отец никогда не пошел бы служить красным, в то время как у меня сохранилось твердое убеждение: в семье Романовских не было преклонения перед царем, не было и религиозного трепета. «Не допускали к экзаменам в старших классах гимназии без записки от священника о том, что была на исповеди». Это и сделало маму вольтерьянкой. Она много читала, любила театр, но настоящей отдушиной для нее была музыка. Часто вечером она говорила: «Делайте, что хотите, а я иду на концерт». Не всегда, но с собой брала только меня. В малый зал Консерватории можно было пройти и по контрамарке. Денег было негусто, но мы побывали на концертах всех послевоенных знаменитостей, чьи имена постоянно звучали в доме. Отец и сын Ойстрахи — какая высокая нота! Нейгауз, Рихтер — средний регистр. Гутман — басы.

Отец предпочитал духовую музыку, но вальс Штрауса «Голубой Дунай» и «Венгерскую рапсодию» Листа слушал неравнодушно. Наверное, эти вещи напоминали ему что-то очень далекое и очень дорогое. Как-то, гуляя со мной во дворе, он сказал задумчиво: «А ведь вас могло и не быть, если бы...» Меня — не быть? А кто был бы тогда? Какая-то другая? Он, кажется, так и сказал: «Вместо тебя была бы другая девочка». Я не была против быть другой (может, была бы лучше), но не быть совсем...

Отец мало говорил с нами, зато ходил на лыжах прямо от дома до парка Горького по замерзшей реке, играл в кегли, в шахматы, сделал детский бильярд. Шахматы и бильярд собирали у нас дома всех соседских детей, играли с азартом. А осенью, перед крыльцом дома, стояли козлы. Отец сам натачивал пилу, и учил нас пилить дрова. Как хотелось доказать, что и я, девчонка, на что-то способна, но как трудно было добиваться, чтобы пила шла ровно по такому твердому березовому бревну. «И сыпались душистые опилки как золотой песок из-под пилы...»

Отец возил меня с братом на скачки, он ставил на лошадей, но мало что выигрывал, что вызывало у мамы скептическую улыбку. Нет, денег она не требовала, относилась к ним философски: «Деньги — вода, сегодня они есть, а завтра — утекли». Мне представлялся ручей, но вода в нем почему-то не иссякала. «Не имей сто рублей, а имей сто друзей». Это напутствие вызывало еще большее удивление, но и нравилось больше. Вот к нам идут гости, наши друзья, много гостей, что само по себе уже было приятно, и про деньги как-то забывалось.

Да, в послевоенное время было принято ходить в гости, и не обязательно по какому-нибудь специальному поводу. Отец постоянно брал меня с собой к родственникам, которых было немало. И все-таки часто, глядя на отца, безмолвно сидящего за столом, обхватив голову руками, я спрашивала себя: «Почему я здесь? В этом доме, в этой семье, в этом городе?» Мне снилось, что я живу где-то в Испании, иду по узкой улице, и из тени на яркий свет выходит темноволосый красавец. Мы обмениваемся мгновенными взглядами, и это больше, чем признание в любви...

Основной заботой отца было — накормить семью. Мама начала работать, когда нам с братом исполнилось уже 12 лет, регистратором в поликлинике для ученых и деятелей культуры. Забавляла нас рассказами о чудачествах «больных». К тому времени отношения между родителями как-то изменились, но мы, дети, не должны были ничего знать. И все-таки, однажды, отец обронил: «Только из-за вас я остался». Чувство долга? Да, прежде всего, но мне казалось, что я поняла бы его, если бы в нем

взяло верх чувство любви. «Господи, Господи, ты все видишь и молчишь», — повторял он каждый вечер, ложась спать.

После войны отец работал в артели гужевого транспорта. Я не понимала, что это значит. «Взялся за гуж...» Слово «гуж» не имело никакого конкретного значения, просто начало одной из пословиц (в которых так много непонятных слов), и оно никак не связывалось с лошадьми. Отец часто ездил по Подмосковью. Знакомые работники предложили оставить меня на несколько дней (подышать свежим воздухом), а я ушла от них (меня не взяли, как обещали, на сенокос) и пошла до Москвы по шпалам. В Гжели, на станции, меня узнали и отвели в избу, где тогда ночевал отец. И он ни слова не сказал маме, только иногда пугал, что что-то расскажет, если я не буду слушаться.

Совершенно непонятно было, почему отец интересуется политикой, внимательно читает газеты. Ведь он однажды привел в негодование близкую знакомую, в доме которой бросил свою шапку на стул в прихожей. «Сережа, что Вы делаете?» — «Что я делаю? Я положил шапку на газету». — «Но там же портрет Сталина!» — «Ах, этого мерзавца...» — «Сережа, что Вы говорите?..» А ведь эта женщина, будучи заведующей довоенным приютом для несовершеннолетних сирот, в начале двадцатых годов смогла устроить отца с семьей в комнате огромной коммуналки, находящейся в бывшей монастырской гостинице, а несколько позже — в бывшей келье с отдельным входом. Кто рассказывал эту сцену, не знаю, но она запомнилась так ярко, как если бы я сама при ней присутствовала. Тем более меня поразило однажды возмущение отца тем, что я не знаю руководителей страны — портреты их были напечатаны в газете. Помню жаркие споры между отцом и болгарином Бастанджиевым (с его семьей мы познакомились в эвакуации), который работал в каком-то советском учреждении. Двое немолодых мужчин сидели на стареньком уютном диване, а я — напротив, за толстым дубовым столом (привезенном еще из Рыбинска одной из моих теток). Отец отстаивал преимущества буржуазной республики, а его оппонент — преимущества социализма. Слово республика было понятно, но почему буржуазная? Как это буржуи (в школе внушалось, что это очень плохие, вредные люди) могут быть республикой?

Занимался ли отец нашим воспитанием так, как им занималась школа? Брату доставалось: был и ремнем порот. Мне предоставлялась полная свобода, прежде всего — в выборе профессии. Затем меня отпускают в небезопасный шлюпочный поход от Химок до Череповца. На следующий год восемь студентов моего института погибают на том же маршруте во время бури на Рыбинском водохранилище, и отец запрещает мне уезжать из Москвы, пока он жив.

О себе отец говорил мало, а если рассказывал что-то, то только отдельные эпизоды. Он должен сообщить родителям своего друга (или однополчанина) о смерти их единственного сына. Когда отец говорил об этом, я замирала, и мне казалось, что он только идет к ним и не знает, как он будет говорить, так он волновался. Я была уверена, что это была единственная смерть на той далекой войне, и что только отец об этом знал, потому и шел к родителям, иначе он попросил бы кого-нибудь другого. А как он сам попал на войну? Знаю твердо, что учился на лесном факультете Московского университета. Должен был стать лесничим. Лес любил и знал. Доставшаяся по наследству от деда Юлиана Смоленского дача семьи Дебольских была под Рыбинском, в деревне Киселиха, недалеко от реки Черемухи. Вот где они — кисельные берега, молочные реки — белые от отражающейся в них цветущей черемухи. В половодье отец на плоту управляет багром. Летом убирает сено на широком поле вместе с целой компанией молодых людей и девушек в длинных платьях и шляпках. Эти картинки остались на выцветших фотокарточках. И эта идиллия закончилась как только началась война.

«Из послужного списка, составленного в 1917 году и доведенного до 1918 года, следует, что Дебольский С. Д. родился 7 сентября 1889 года, сын действительного статского советника, уроженец города Рыбинска, воспитывался в Ярославской гимназии.

В службу вступил согласно поданному на Высочайшее имя прошению в 181-й пехотный Остроленский полк на правах вольноопределяющегося 1-го разряда.

Зачислен в списки полка и 4-ой роты на собственное содержание 30-го сентября 1911 года. Действительная служба считается с 1-го октября 1911 года. Произведен

в рядовые — 14-го ноября 1911 года. Произведен в ефрейторы — 25 декабря 1911 года. Произведен в младшие унтер-офицеры — 8-го июля 1912 года. Выдержал экзамен на прапорщика запаса — 2-го августа 1912 года.

Уволен в запас армии — 1-го сентября 1912 года.

Высочайшим приказом произведен в прапорщики запаса армейской пехоты — 25 ноября 1912 года.

Отбыл учебный сбор при 181-ом Остроленском полку с 10-го мая по 20 июня 1913 года.

Прибыл по мобилизации от Ярославского уездного воинского начальника на должность смотрителя дивизионного лазарета 81-ой пехотной дивизии — 27-го июля 1914 года».

В начале действительной службы отцу было уже 22 года, а что он делал до этого? По-видимому, занимался хозяйством на даче в Киселихе, которую впоследствии крестьяне экспроприировали с оговоркой: «Вот если бы Сергей Дмитриевич оставался здесь хозяином, мы бы ничего не тронули. А брат его Владимир в хозяйстве-то ничего не понимает». И это было объективно.

В запас армии отец был уволен, видимо, в связи с поступлением в университет, с которым пришлось расстаться по причине мобилизации.

Служба в армии по архивным данным выглядит так:

«Назначен и.д. заведывающего хозяйственной частью и командиром роты носильщиком перевязочного отряда 81-ой пехотной дивизии — 26-го ноября 1914 года.

Уволен в 3-х недельный отпуск с 5-го марта 1916 года, отпуск продлен до 1 апреля 1916 года, возвратился в срок.

Командирован в г. Ржев за получением лошадей из Волковысского конского запаса с 20 по 30 октября 1916 года.

Уволен в 3-х недельный отпуск с 15 декабря по 6 января 1917 года, возвратился в срок.

Уволен в трехнедельный отпуск с 20 мая 1917 года, 7 июня 1917 отпуск продлен на 5 дней, вернулся в срок 15 июня 1917 года.

Уволен в 35-дневный отпуск с 18 ноября по 22 декабря 1917 года.

Из отпуска не явился (приказ № 1 от 1 января 1918 года)».

При первом прочтении этого документа мне показалось, что отец во время службы только и делал, что ездил в отпуск. Но куда? К кому? Старший брат (врач) погиб в лагере для военнопленных в Германии. Две сестры и младший брат жили и работали уже в Москве. Другая сестра — в Питере. В Киселихе оставался брат Владимир с семьей на даче, которая была изъята в 1917 году. Дом матери перешел в 1918 году в ведение жилищного хозяйства после ее отъезда в Москву к дочерям.

Только первые полтора года войны отец был в армии неотлучно. Поэтому меня удивило то количество наград, которые он получил:

— орден св. Станислава 3 ст. за участие во взятии крепости Перемышль (приказ по 11-ой армии № 207 от 25 мая 1915 года);

— орден св. Анны 3 ст. за отлично-усердную службу и труды, понесенные во время военных действий (приказ по 3-й армии № 586 от 2 ноября 1915 года, Высочайший приказ от 6 сентября 1916 года);

— орден св. Анны 2 ст. за отлично-усердную службу и труды, понесенные во время военных действий (Высочайший приказ от 29 декабря 1916 года);

— мечи и бант к имеющемуся ордену св. Анны 3 ст. за отличие в деле против германцев (приказ по 2-ой армии № 245 от 24 марта 1917 года).

Никогда его поздние дети ничего не слышали ни о каких наградах, орденах, ни тем более, мечах и бантах к ним, да и в боях он непосредственно не участвовал. Знаю только, что он долго хранил свой револьвер, пока в минуты отчаяния не признался мужу своей кузины, что хочет покончить с собой — не было работы, не чем было кормить жену и новорожденную дочь. Девочка умерла от скарлатины, когда ей было несколько месяцев. Да и жили на птичьих правах в бывшем монастыре. К счастью,

муж кузины, серб Гембач (преподавал русский язык артистам Малого театра) сумел уговорить отца расстаться с револьвером.

На послужном списке отца имеется отметка следующего содержания: «Послужной список Дебольского С. Д. отослан ему, согласно письменной просьбе, непосредственно 18 января 1918 года по адресу: Москва, Плющиха, 7-ой Ростовский, д. № 15, кв. 27».

Из этого следует одно — после невозвращения в армию отец жил несколько месяцев у своего младшего брата Диодора, женатого и имевшего годовалого сына. Тридцать лет спустя арестованный брат дает показания...

«Протокол допроса обвиняемого Дебольского Диодора Дмитриевича от 2-го марта 1949 года, начат в 16.00, окончен в 18.00.

Вопрос: В изъятом у Вас дневнике имеется запись следующего содержания: Уехал на юг Сережа. Через границу придется пробираться ему пешком». Кто такой упомянутый выше Сережа?

Ответ: Мой брат — Дебольский Сергей Дмитриевич 1889 года рождения, заведующий производства артели «Моспогруз», проживает в городе Москве, Зачатьевский переулок, дом № не помню.

Вопрос: Чем была вызвана необходимость перехода им границы?

Ответ: В записях моего дневника от 15 сентября 1918 года о переходе братом границы допущена небольшая неточность. Брат Сергей переходил в то время не границу, а демаркационную линию на Украине. Брат пробирался в Полтаву к тетке моей жены Курбатовой Елизавете Яковлевне с намерением приобрести там продукты для моей семьи.

Вопрос: Что было с ним в последующее время?

Ответ: Попав в Полтаву, брат был мобилизован в Белую армию.

Вопрос: Сколько времени он служил в ней?

Ответ: Примерно с 1919 по 20-ые годы.

Вопрос: В качестве кого?

Ответ: Брат служил на хозяйственной (последнее слово зачеркнуто) в царской армии (исправленному верить) в дивизионном лазарете в качестве начальника санитарно-перевязочного отряда. Кто командовал дивизией мне не известно. Он имел чин прапорщика.

Вопрос: Чем он занимался в последующее время?

Ответ: Брат с остатками разгромленной Белой армии через Крым эвакуировался в Болгарию, где был одним из организаторов «Союза возвращения на Родину» бывших военнослужащих Белой армии. В начале 1922 года он возвратился в Москву.

Вопрос: Каким образом?

Ответ: Брат прибыл, вернее, возвратился в Советскую Россию в числе группы бывших военнослужащих Белой армии с разрешения на это Советского правительства. С тех пор и по настоящее время проживает в Москве.

Вопрос. Подвергался ли он репрессиям со стороны органов Советской власти?

Ответ: Нет, брат репрессиям не подвергался.

Протокол читал. Записано с моих слов верно (подпись).

Допросил: Зам. начальника следственного отдела майор Шомполов (подпись)».

Сколько ни задаю себе вопрос: почему отец (да, он еще не был женат) уехал из Москвы, где уже жили тогда и брат, и сестры, и мать. Поехал ли он на самом деле за продуктами? Но почему так далеко и когда рассчитывал вернуться?

Из памяти всплывает такой эпизод: отец идет на собрание эсеров и замечает около нужного дома какого-то незнакомого человека. На темном рукаве его пальто — пятно от побелки. Значит где-то терся о стену. Отец проходит мимо двери и предупреждает о слежке идущих навстречу опаздывающих. Всех, кто пришел вовремя, в тот день арестовали. Может быть, именно после этого отец решил уехать? Тем более, что было куда ехать. К Курбатовой. Но ведь одна из сестер моей мамы была замужем за Курбатовым, а он был чуть ли не помощником полтавского губернатора. Значит и мама могла быть в Полтаве после расстрела ее отца в Петрограде. Мама рассказывала, что занималась в группе у одной англичанки, не знавшей ни

слова по-русски, которая обучала за три месяца разговорному языку весьма успешно, но мама никогда не уточняла, где это происходило. Но мне представлялось, что это было где-то в провинции.

Один из участников полтавских событий пишет, что «в ночь на 16 июля 1919 года город был занят частями Добровольческой армии. С одной стороны ворвались терские казаки и почти одновременно гвардейские части белых... За несколько дней перед этим в Полтаве побывал сам Троцкий, устроил парад войск и поклялся городу, что красные войска Полтаву не сдадут, что белые могут войти в город только через его труп. Белые в город все-таки вошли, но трупа Троцкого нигде не нашли».

Помню из рассказов, услышанных от родных в детстве: белые хотели расстрелять отца, приняв его за красного шпиона. Он вспорол шинель и достал свои документы. Какие? Свой послужной список, присланный на адрес младшего брата? Возможно, что именно Диодор, настроенный антисоветски, посоветовал брату-эсеру уехать из столицы от греха подальше. И на этот раз отец занимал в армии хозяйственную должность: начальник санитарно-перевязочного отряда. С остатками армии через Крым эвакуировался в Болгарию... Помню, в детстве меня поразило: отец уезжал в эмиграцию последним поездом (оказалось — пароходом) вместе с труппой Художественного театра. Я не понимала, какое отношение отец имел к театру? В Ярославле он знал семью Собиновых. Имя Нюточки Собиновой мне было знакомо. Не в нее ли отец был влюблен в молодости? Но Собиновы были далеки от Художественного театра и никуда не уезжали.

Из годичного пребывания в Болгарии запомнился только один эпизод, рассказанный отцом: он идет по базару и слышит знакомые звуки «апа, апа...». Так его любимая племянница Вероника называла яблоки.

Старшая сестра отца Наталья училась на медика вместе с одной болгаркой. Не исключено, что у отца был ее адрес, он мог у нее жить, но не зная языков, не найдя себе никакого применения, он не мог не вернуться на Родину. Долгое время мне это было не совсем понятно. Но когда я впервые вышла из поезда на перрон в Брюсселе, у меня сжалось сердце от необъяснимой тоски. И в ту же минуту я подумала: «Вот и отец так же чувствовал себя за границей». Как все просто.

По показаниям своего брата отец был одним из организаторов «Союза возвращения на Родину». В это трудно поверить. Очень мало он был похож на организатора. Хозяйственник и очень честный человек — да. «Вот Сергей-то Дмитриевич ни одного кирпичика себе не взял, пока был домоуправом, а пришел Борзенко и полстены монастырской на дачу увез», — любила повторять тетя Нюша, мать моей подруги. Но главная нестыковка: уже в начале 1922 года отец вернулся, а «Союз» был зарегистрирован только 26 апреля 1922 года, и был создан совагентурой для репатриации казачьих и русских эмигрантов. Судьба вернувшихся была трагичной. Бывшие офицеры и военные чиновники расстреливались сразу же по прибытии.

Но наш отец возвращался на каком-то турецком баркасе, который направлялся в Феодосию. На море начался сильный шторм. Спасаясь от него, избегнув кораблекрушения, баркас оказался в Одессе. Без документов, в старой шинели, отец шел по одесской набережной в полном отчаянии, не зная толком, какая власть в городе. Навстречу ему — бывший ученик рыбинской гимназии. «Сергей, что ты тут делаешь?» — «Жду, когда меня арестуют. У меня нет никаких документов». — «Завтра в десять утра ты у меня. Я начальник одесской милиции». И надежный приятель сделал отцу не только паспорт нужного образца, но и дал денег, чтобы добраться до Москвы. От денег отец отказывался. «Как я смогу тебе их вернуть?» — «Вернешь когда-нибудь». Всю жизнь отец помнил об этом многомиллионном долге и внушал мне никогда в долг ничего не брать.

В Москву отец возвращался через Полтаву уже с мамой.

Мой брат помнил, что мама останавливала отца, когда он начинал откровенничать. «Не надо говорить при детях». — «Мои дети меня не предадут». К счастью, дети мало что понимали. А мама была права еще и потому, что, как сказал мудрый Станислав Ежи Лец: «История — это собрание фактов, которых не должно было быть».

Ноябрь 2013.

ПЕТРО ВАСЮЧЕНКО

Власть текста

Белорусская литература на фоне мировой

Недоля и доля Рогнеды

Самая злосчастная женщина белорусского Средневековья стала счастливой после смерти — она превратилась в героиню многих литературных произведений. В пьесах Алеся Петрашкевича, Ивана Чигринова, Алексея Дударева ее личность воссоздается как образ волевой, мудрой, дальновидной, властной женщины-победительницы. Она при посредничестве литературы преодолевает свою злую долю.

Юность Евфросинии Полоцкой

В свои двенадцать лет — необычайно умна, добра, набожна, красива. Такое случается раз на тысячу лет. Чаще преобладает одно... Но если ничего из перечисленного не проявилось, то это тоже — раз на тысячу лет.

Женщина правит страной

Говорят, что женщины управляют миром. Еще говорят, что белорусы — нация женская. Но в Беларуси женщины не были монархами. Но зато они управляли мужчинами. Рогнеда, Софья Гольшанская, Бона Сфорца, Барбара Радзивилл. А через мужчин правили государством. Свидетельством тому — белорусские летописи и хроники.

Пророчества Кирилла Туровского

Кирилл Туровский в притче «Про человеческую душу и тело» рассказал о том, как слепец и хромец обворовали виноградник. Хозяином сада был Господь, слепец и хромец (душа и тело) совокупно представляли человека, существо ненадежное и несовершенное. Преступников ожидало наказание. Антропология и эсхатология белорусского Златоуста подкреплялась реальными прототипами, идеологическими противниками Кирилла. Князь Андрей Боголюбский (тело), от природы хромой, был убит своими домочадцами. Его пособник, епископ Феодорец (душа) был осужден в Киеве церковным и светским судом; ему укоротили язык, вырвали глаза, отсекли правую руку и отрубили голову.

Писателю дано предвидеть более, чем он способен видеть.

«Война и мир» эпохи Ренессанса

Поэма «Прусская война» Яна Вислицкого видится как «Война и мир» эпохи Ренессанса. Действие первой части поэмы — боги римского пантеона сплетничают о земных делах (у Толстого светские и политические новости обсуждаются в салоне Анны Шерер).

Во второй части повествуется об оккупации Пруссии крестоносцами (у Толстого Европу и Россию атакуют полчища Наполеона).

В третьей части боги проводят совещание и по их воле заключается брак между старым королем Ягайлой и юной Софьей Гольшанской (у Толстого происходит окончательная развязка всех любовных интриг и справляются свадьбы. Кульминацией можно считать брак Пьера Безухова и Наташи Ростовой).

Такова естественная логика всех военных эпосов. Так построены гомеровские «Илиада» и «Одиссея»: сначала летели головы под Троей, а боги созерцали бойню с олимпийских высот; потом Одиссей бесконечно долго возвращался к семейному очагу с войны, а Пенелопа доказывала свою супружескую верность.

«Слово о полку Игореве» начинается описанием грабежей и насилия, учиненных Игорем Святославовичем в половецком стане, а завершается плачем Ярославны на городской стене в Путивле; верная жена выпрашивает у природных сил свободу для своего супруга, который угодил в плен к половцам.

Алесь Адамович когда-то суммировал такую логику в одной формуле: «Отвоевались!» Мудрые авторы понимали, что войны рано или поздно завершаются миром. А немудрые до сих пор воюют.

Регалии Симеона Полоцкого

Кем только ни провозглашали Симеона Полоцкого! Белорусский культуртрегер, приобщавший Московию к европейской культуре. Основоположник белорусской и российской поэзии. Неутомимый экспериментатор, авангардист эпохи барокко, создававший графическую поэзию, палиндромы и акростихи. А еще и первый в Восточной Европе педагог-дефектолог, поскольку был домашним учителем царевича Иоанна Алексеевича, убогого умом и телом.

А он для самого себя был всего лишь сирым полоцким иноком, который увлекался стихосложением и стремился, чтобы в его виршах приятное сочеталось с полезным.

Сценические провокации

Два драматурга, не состоявшие в близком знакомстве, Карло Гоцци и Каэтан Марашевский, использовали один и тот же эффектный сценический прием.

Принц Калаф разгадал все «Турандоткины загадки», а она так и не отгадала, кто он такой. Чтобы не проговориться, он замкнул рот на замок и сидел в тюремной камере, где ночью его донимало «проклятое бабье» и компания придурковатых «мудрецов» во главе с Панталоне.

Мужик Демка из «Комедии» Марашевского молчит как рыба, даже рот готов себе зашить, лишь бы не вырвалось ни одно слово, ибо пикнешь — и вот пропало оно, чертово золото, да и в пекло проваливаться неохота. Но вот появляются провокаторы: неумелые дети с лестницей, слабоумный старик с дудой, и все подбивают молчуна проронить хоть слово.

Прием называется сценической провокацией, и благодаря ему два автора, не сговариваясь, заслужили бессмертие.

Новая литература как казус

Рождение новой белорусской литературы можно рассматривать как казус, шутку, парадокс.

Она начиналась с бурлески, с пародийной поэмы «Энеида наизнанку», автор которой, шляхтич Викентий Равинский для смеха переодел римских богов и героев в белорусские кожухи и андараки. То же самое в соседних литературах проделали И. Котляревский и Н. Осипов.

Это был гадкий, но веселый утенок, который не подозревал, что ему суждено превратится в прекрасного лебедя, а радовался уже тому, что он есть.

Жили-были шляхтичи-домоседы, днем занимались хозяйством, вечерами при свече пописывали стихи на «мужицкой мове», потому что были демократических и либеральных воззрений, водили дружбу с простым народом. В польской печати

их язвительно величали «хлопоманами». На Украине помещиков за подобные занятия дразнили хохломанами.

Никто не подозревал, что из поэтических забав хлопоманов-хохломанов вырастут две могучие литературы.

От смешного до великого тоже один шаг.

Ян Барщевский — белорусский Уэллс

Он предвидел полтергейст, виртуальные путешествия в духе Кастанеды и клонирование динозавров, подобное тому, которое наблюдаем в «Парке юрского периода». Повествовал о жабер-траве, переносящей человека в будущее, и о драконе, который вывелся из яйца, снесенного черным петухом.

Загадка Павлюка Багрима

О нем говорили: хотел стать поэтом, а стал солдатом.

Никто не знает, кем он действительно хотел стать. Сегодня нет даже уверенности, действительно ли он написал стихотворение *«Зайграй, зайграй, хлопча малы...»*

Его лирический герой хочет стать волколаком (оборотнем), чтобы носиться по лесам и быть вольным.

Или карликом, на которого в детстве села летучая мышь.

Лишь бы не идти в рекруты или на панщину. Свобода превыше всего.

Быть волколаком или карликом, существом странным и непонятным, — не таков ли удел поэта в Беларуси?

Багрим в конце концов не стал ни первым, ни вторым, ни третьим. Взял в руки молот, выковал люстру для костела, где служил когда-то ксендз, благословивший его на писание стихов, а еще смастерил ограду на кладбище, на котором и сам заснул вечным сном.

Загадка Максима Богдановича

Когда-то Михась Стрельцов сформулировал суть загадки Богдановича: поэт провел детство и юность за пределами Родины, но смог досконально выучить белорусский язык, думал и писал на нем стихи и в двадцать лет стал живым классиком. Как могло это произойти?

Отгадка связана с возможностями генетической памяти. Иллюстрацией может служить сонет Богдановича: «Среди песков Египетской земли...» (*«Паміж пяскоў Егіпецкай зямлі...»)*. Зерно, пролежавшее тысячи лет в горшке, не погибло.

«Вось сімвал твой, забыты краю родны!..» Зерно со странной судьбой. Не упало на камень, не умерло, но дало плод.

Смех Купалы

Если бы Купала на заре своей литературной карьеры, в 1905 году, узнал, сколько литературоведческих фолиантов будет посвящено его творчеству, сколько будет из-за его творений дебатов, интриг и страстей, сколько защищенных кандидатских и докторских, — вот это был бы купаловский смех! Но если бы он увидел, в какой трагифарс превратится жизнь белорусской нации в 1930-е годы, то проговорил бы вместе со своим Мужиком из «Извечной песни» нижеследующее: *«Раскрыйся нанова, магіла, / Страшней цябе людзі і свет»*.

Подтекст «Извечной песни»

Человечество хватается за традицию, как утопающий за бритву.

Традиция — система повторов. Она успокаивает человека в его метаниях: все повторяется, все было и все будет, есть смерть после жизни и жизнь после смерти, и поэтому смерти как бы и нет...

В «Извечной песне» Купалы Мужик умирает, а круг жизни движется своим путем.

Но вдруг он встает из могилы: как так, жизнь продолжается, а меня в ней нет?! И ему мало радости оттого, что извечную лямку существования тянет его потомок. А сам он навсегда выпал из круговорота жизни.

Трагический парадокс поэмы Купалы «На Кутью»

Купала перевернул — поставил с ног на голову — мир живых и мертвых. Мертвые приходят в этот мир проверить, живы ли живые. Мертвые зовут живых к солнцу, битве, песне. И живые оказываются полумертвыми, а умершие — почти воскресшими. И это обстоятельство вызывает гомерический хохот темных сил в финале поэмы.

Машека и Гамлет

Они оба поражены синдромом бессилия — Гамлет и купаловский Машека, герой поэмы «Могила льва». Ничего нельзя сделать, будь ты хоть силач, хоть лев. На силу найдется другая сила. Проще стать безумцем (Гамлет) или кровавым разбойником (Машека), чем сделать *нечто*, что восстановит распавшуюся связь времен, цепь справедливости.

Молчание Мастера

Молчание поэта — это также произведение, которое можно поставить в один ряд с «Черным квадратом» Казимира Малевича. Купала лучшие свои произведения создавал и тогда, когда упорно молчал, и это длилось даже целый год, например, в 1916, 1917, 1927, 1933, 1940 годах. В 1939 году Купала написал несколько стихотворений в честь «Сталина-сеятеля» и опять «лег на дно». Это был «Черный квадрат» белорусской литературы.

Купала в Окопах

Есть анекдот про художника из Москвы, которого пригласили писать портрет Купалы по случаю юбилея начала его творчества. Художнику заказали тему «Купала в Окопах».

Художник был уверен в блестящем революционном прошлом народного поэта — а как же иначе? И он изобразил Купалу-революционера, с перевязанным лбом, с красным бантиком на груди, с пулеметом на плече. Старательно отстреливался от белых из окопов.

В 1920-е годы, в то смутное время, когда одна власть сменяла другую, а белорусская независимость ставилась под сомнения, Купала раз за разом уезжал из Минска в деревню Окопы к матери, чтобы успокоить нервы, отдышаться, написать что-нибудь. По большому счету, окопаться. Окопы стали его Болдиным, его андеграундом, оазисом, дотом. Тут он не просто творил — отстреливался. Одним из таких выстрелов стала написанная в Окопах сверхточная трагикомедия «Здешние» («Тутэйшыя», 1922), пьеса о судьбе белорусов в бесконечности пространства и времени. Она до сих пор «стреляет».

Микита Зносак и глобализация

Проблема Евросоюза: там уже 25 стран, и все горой стоят за свои языки. Их почему-то не удовлетворяет общепонятный английский. Работает целая армия переводчиков. А на дворе — сплошная глобализация.

Кому вольготно жилось бы в эпоху нового смешения языков — так это нашему Миките Зноску, герою купаловской трагикомедии «Здешние». У него ведь есть готовый рецепт решения всех языковых проблем: *«Напладзілі сабе людзі языкоў, як тая трусіха трусянят, і мне, меджду протчым, як ідуць немцы —*

вучыся па-нямецку, як ідуць палякі — вучыся па-польску, а як будуць ісці нейкія іншыя — вучыся па-нейкаму па-іншаму. Эх, каб я быў, меджду протчым, царом! Завёў бы я ад Азіі да Аўстраліі, ад Афрыкі да Амэрыкі і ад Смаленску да Бэрліну адзін непадзельны рускі язык. І жыў бы сабе тады прыпяваючы. А то круці галавой над языкамі, як баран які над студняй».

Виртуальная Брехалка

Повседневность Сети — это виртуализированная Брехалка, наподобие той, которую описал в своей трагикомедии «Здешние» Янка Купала.

Продают и покупают, выкрикивают лозунги, толкают политические речи, выворачивают себя напоказ всему миру.

И некому сказать: *«Ат! Зноў брэшуць»,* потому что мы все *здесь*.

Так не раз бывало с Купалой: ухватился за одну из ниточек, которые тянутся во времени, и вытащил громадную проблему XXI века.

Полет и падение Купалы

Формула жизни Купалы икарийская: полет и падение. Он мечтал о полете, падал и взмывал, стремясь к солнцу. Его герои мечтают о полете не менее фанатично, чем сам автор. Они жалеют, что не орлы, что Бог не дал им крыльев (Сымон из драмы «Раскіданае гняздо»).

И был последний полет, и последнее, физическое падение Купалы — в пролет между лестницами гостиницы «Москва» в Москве. Смерть, похожая на убийство, при невыясненных обстоятельствах.

Гостиница демонтирована. Плитка пола с частицами крови белорусского Икара перевезена в Литературный музей Янки Купалы в Минске.

Мицкевич и Колас

Начала поэм «Пан Тадеуш» и «Новая земля» совпадают концептуально. Они проникнуты острой ностальгией по Отчизне, которая находится в неволе. Один обращается к ней: «Отчизна милая, Литва!», а второй — «Мой родны кут, як ты мне мілы!». В поэме Мицкевича шляхта сражается за родовой «замэчак», в поэме Коласа бьются за кусочек земли и воли.

Так созидаются два хронотопа Родины, замка и хаты, вертикаль и горизонталь. Беларусь невозможна без обоих.

«Новая земля» и земляки Якуба Коласа

Как-то поехали студенты на фольклорную практику в Миколаевщину. И стали свидетелями грандиозной дискуссии между земляками народного поэта. Спорили о том, от чего Колас умер. Деревня разделилась на два лагеря. Одни говорили, что Колас подавился котлетой, а другие — галушкой. О том, подавился или нет, спору не было. Вообще-то смерть Коласа была для сельчан великой бедой, потому что Колас сотворил для них свою новую землю. Все знали, что это Колас, пользуясь своим влиянием, проложил в деревню асфальт, построил школу, решал большие и маленькие проблемы земляков.

Кстати, в трилогии Коласа «На ростанях» есть аналогичный эпизод, когда деревня, в которой жил Андрей Лобанович, тоже поделилась на два лагеря. Спорили о том, праздновать сегодня или работать?

Лабиринт Вацлава Ластовского

В переводе с языка древнего Крита «лабиринт» означает «обоюдоострый топор». Это герб острова еще со времен Микенской эпохи. Крит — историческая Родина лабиринта, который таит в своих недрах опасность, воплощенную в образе Минотавра.

Ластовский создал свой Лабиринт, в который поместил угасшую Полоцкую цивилизацию. Ею управляет династия жрецов, последний из которых, Подземный человек, становится жертвой ритуального убийства. Его преемник неизвестен. Возможно, это сам Ластовский, который с такой достоверностью описал легендарное подземелье Полоцка. Он поселил в своем Лабиринте смерть, и она обрушилась на автора: писателя расстреляли 23 января 1938 года в Саратове.

Ластовский, как и его Подземный человек, не умер; он просто уступил место другим, живущим в земном измерении, а сам ушел в неведомо какие Лабиринты бытия.

Загадка Самсона Самосуя

Самсон Самосуй, творение Андрея Мрыя, — редкий тип героя, который саморазоблачается. Таких в литературе не так и много. Аналогией может служить «я-герой» «Записок из подполья» Федора Достоевского.

Писатель не может объективно оценивать самого себя. Его самокритика неискренняя. За каждым самообвинением прячется самооправдание и даже самолюбование. Так происходит и в ригористических «Исповедях» Жана Жака Руссо и Льва Толстого. Писатель знает себе цену и положительного героя списывает, как правило, с себя. А поскольку объективно оценить себя невозможно, постольку положительные герои мировой литературы хромают на обе ноги. А вот отрицательные герои выглядят убедительно.

Так вот, в романе Андрея Мрыя сатирический герой как бы списан с самого себя. Хотя то, что повествование ведется от первого лица, еще не значит, что перед нами сам автор. Просто найден удачный прием убеждения читателя. Нарциссист Самосуй непредсказуемый и загадочный. Он выходит из романа и убивает своего творца — свое alter ego. А сам остается жить в литературном произведении и в реальности.

Наши Дантесы

Так можно назвать невинных жертв репрессий 1930-х, отсидевших в тюрьмах и ссылках по двадцать-тридцать лет. Они не скребли стены своих темниц самодельными ножами и не мечтали о кровной мести своим обидчикам. Самой страшной местью была книга узника Соловецкого ГУЛАГа Францишка Алехновича «В когтях ГПУ», в которой была беззлобная ирония, но не было желчи и мстительности, с которыми написан «Архипелаг Гулаг».

А Владимир Дубовка, отбывший 26 лет наказания за несовершенные преступления, отомстил «Желтой акацией» — повестью для детей.

И Язеп Пушча, которого посадили за то, что из Ленинграда посылал в Минск свои поэтические «Письма собаке», вернулся из каторги сломленным, но не озлобленным.

«Граф Монте-Кристо из меня не получился», — пошутил бы на их месте Остап Бендер.

Такова она, вендетта по-белорусски.

Виноватый

В нашей литературе особенно остро стоит проблема предателя, виноватого. Издавна выяснялись отношения между Пророком, Песняром и Народом, интеллигенцией и крестьянством. Почему между ними — пропасть? Кто виноват?

Ответ прозрачен и универсален. Если случился конфликт, отвечает тот, кто выиграл. Победитель.

Янка Мавр и его Амок

Писатель дал одно из первых в мировой литературе описание сумеречного сознания. Герой его романа «Амок», индонезиец Па-Инго, зомби на двух ногах, бежит, куда глаза глядят, убивая всех на своем пути, пока его самого не убива-

ют, как бешеного пса. Амок, по Мавру, трактуется как акт социальной мести. Но и мститель тоже наказан.

Мавр, создатель авантюрного жанра в белорусской литературе, был писателем непростым. Работая в 1930-е, в годы воинственного литературного сервилизма, он обязан был закладывать в описываемые приключения политические догмы. Но в конечном счете мораль его произведений универсальна. Вот на какую максиму выводит повесть о жителях Огненной Земли «Сын воды»: каждому следует жить на своей родине и не спешить туда, где его не ждут.

Мавр восхищается экзотикой стран, которых он никогда не видел. Иноземные чудеса видятся глазами белоруса, который, подобно Жюлю Верну, почти никуда не выезжал, сидел у себя на чердаке, перечитывал книги по географии и воображал себе страны, в которых никогда не был.

В «Амоке» Мавр не забывает о золотой белорусской антоновке, которую не променяет на мангостан, дурьян и прочие индонезийские деликатесы. В его личности сочетались здоровый патриотизм и космополитизм; не зря ведь он был первым в Беларуси эсперантистом.

Загадка Кондрата Крапивы

Так кто же смеялся последним? Может быть, Черноус? Парторг Леванович? Или зашуганый Туляга? Скорее всего, это сам автор комедии «Кто смеется последним» Кондрат Крапива, который написал ее в разгар сталинских репрессий, пережил всех горлохватских и левановичей, праведников и злодеев, разменял десятый десяток, стал вице-президентом Академии наук, ездил на работу почти до самой смерти и почти осуществил мечту Бернарда Шоу и профессора Добрияна из комедии «Врата бессмертия».

Литературные пророчества

Литературные пророчества в Беларуси — своего рода перифразы. Большинство из них сбывается не так, как ожидалось. Одним из первых восстал против фатума предсказаний Адам Мицкевич. В балладе «Пани Твардовская» он ведет своего героя, здешнего доктора Фауста, на верную гибель в корчму «Рим», но расплата, которая ждала богоотступника двадцать четыре года, блестящим образом сорвалась.

Владимир Дубовка в хрестоматийном стихотворении «О Беларусь, мая шыпшына...» (1925), заверял: «Чарнобылем не зарасцеш».

Аркадий Кулешов в поэме «Цунами» предупреждал об ужасах радиации, которая свирепствовала на далеких атоллах на краю света.

Выходили эти пророчества, как говорят белорусы, «сваім бокам».

Курани

Деревня Курани на Полесье, засыпанная чернобыльским пеплом и выселенная, являет собой продолжение и трагический финал начатой Иваном Мележем «Полесской хроники».

Драма людей на болоте была запрограммирована автором уже в первой части хроники. Он почувствовал и передал роковой надлом в естественной жизни человека на земле; неважно, что причиной: коллективизация, технический прогресс или мирный атом.

Газета «Звязда» еще в советскую эпоху на двух полосах поместила статью о счастливой жизни потомков Василя и Ганны в передовом колхозе.

Но Мележ задумывал антиутопию, а не утопию, и жизнь дописала ее.

«Полесская хроника» и ее стихия

«Люди на болоте» («Людзі на балоце»), «Дыхание грозы» («Подых навальніцы»), «Вьюги, декабрь» («Завеі, снежань») — название каждой части мележев-

ского сериала привязано к одному из агрегатных состояний воды (жидкость, газ, твердое тело). Стихия воды преобладает в хронике, формируя менталитет, движения души людей, поставивших свои хаты на острове посреди болота. Мележ планировал написать еще несколько романов, делал наброски, но в целом хроника завершена, ее главное художественное открытие исчерпало себя в трех романах.

«Хаты стаялі на востраве...»

Так начинается мележевский цикл.

Белорусы сражались с водой за сушу — люди на болоте.

Население Земли, само того не ведая, как и белорусы, может именоваться людьми на болоте.

Вспомним островитян, замирающих при приближении очередного цунами. Голландцев, отгородившихся от моря дамбами. Венецианцев с их каналами и гондолами. Все они немножко белорусы, немножко люди на болоте. И все трепещут перед глобальным потеплением.

«Желтый песочек»

«Воронок» везет осужденных «политических» на казнь в Куропаты. Так начинается одна из последних повестей Василя Быкова. Грузовик забуксовал в луже, и несчастные смертники изо всех сил выталкивают его из грязи. Лишь один из заключенных не принимает участия в этой драме абсурда. Он — профессиональный зэк, и песочная, непонятная мораль этих людей для него не прописана. У него свой закон: «Не верь, не бойся, не проси». А эти верят, боятся и просят. И в результате — все в одной яме.

Короткевич и заяц варит пиво

Любимым стихотворением Владимира Короткевича было «Заяц варит пиво» (1955). Он его написал, он его и читал, с кем бы ни встречался: с пионерами и пенсионерами, с рабочими тракторного завода и с егерями Налибокской пущи. Там рассказывалось о зайце, который варит свое осеннее пиво при любой погоде, даже когда небо на землю падает. Заяц стал тотемом самого Короткевича, который заварил свое густое пиво — пиво белорусской истории — в предчувствии холодной зимы.

Планирование творчества

Стоит ли писателю планировать свое творчество так, как это делал Владимир Короткевич?

Он собирался издать 90 томов своих сочинений, а вышло только девять, да и то после его смерти.

Достоевский написал планов будущих романов не меньше, чем самих романов. Но он их неукоснительно нарушал: персонажи не слушались.

Максим Богданович планировал издать поэтические сборники «Молодой месяц» («Маладзік»), «Апрель» («Красавік»), «Шиповник» («Шыпшына») и «Кольцо» («Пярсцёнак»), но «Вянок» оказался первой и последней его книгой. Может быть, начинать надо было все же с «Маладзіка», а не с обобщающей книги?

Человек предполагает, а Бог располагает.

Может быть, следует не планировать свое творчество, а просто жить литературой?

Почетный эскорт Алеся Рязанова

Алесь Рязанов, великий экспериментатор белорусской поэзии нашего времени, пришел в литературу в почетном сопровождении.

Его главная книга поэзии «Шлях — 360» (1981) вышла из печати с предисловием и послесловием, будто это была «Библия» первопечатника Скорины. Народ-

ный поэт Пимен Панченко и ведущий критик Варлен Бечик защищали книгу от возможных обвинений в авангардизме, формализме, национализме, маскировали сущность поиска именами Луи Арагона и Поля Элюара.

Это напоминало транспортировку опасного груза или приезд важного гостя.

Анатоль Сыс и вечный вопрос «Что делать?»

Анатоля Сыса погубила ранняя слава. Для белорусов это типичное явление. Рано ушел из жизни ставший знаменитостью Максим Богданович. Исполнение заветных желаний делает их неприкаянными. Максим Танк после сентября 1939 года, когда исполнилась его мечта — видеть Западную Беларусь советской — сам у себя спрашивает: «А что дальше делать?». Вторая мировая война и последующие события подсказали ему, где искать себя. В послевоенный период Танк самореализовался после поучительных поездок на Запад.

А Сыс? Неумение или нежелание распорядиться своей славой и ответить на вопрос: «Что делать дальше?». Ему оставалось только играть в богему и называть себя сыном Купалы, братом Богдановича.

Аутсайдеры

Из печати вышел номер «Текстов» («Тэкстаў»), посвященный литературным аутсайдерам.

Пересказаны истории писателей-душевнобольных, бездомных писателей, не признанных при жизни писателей.

Апология лузеров напоминает о евангельском пророчестве: последние станут первыми.

В одной из новелл Марк Твен изображает писательский рай, главным обитателем которого становится не Шекспир, а безвестный бедняк, который писал гениальный пьесы, но не был никем прочитан и признан при жизни.

Самодостаточность

Самодостаточность литературы — это не ее насыщенность произведениями и жанрами. Самодостаточностью можно назвать то ощущение, которое отменяет необходимость сравнения себя с соседями. У кого, мол, больше, интересней, лучше.

Литературная компаративистика своим рождением во многом обязана комплексу литературной неполноценности.

В Беларуси спокойно, без ажиотажа, сравнивают Купалу с Шекспиром, а Кузьму Чорного с Фолкнером, и эта несуетливость свидетельствует о нашей самодостаточности.

ИТОГИ

О массовой культуре

В киноужасах, где акулы, крокодилы, пауки, тараканы, муравьи, пираньи, монстры терзают человеческие тела, сублимируется вина людей перед искалеченной природой.

Об истории

История умирает, когда время или человек уничтожают ее материализованные отражения. Пробел заполняется мифологией.

О гении

Похожая на анекдот история о Якубе Коласе. Случилось это, когда он был академиком. По долгу службы Колас присутствовал на защите кандидатской

диссертации по его творчеству. Дремал, а диссертантка разливалась соловьем: «В трилогии «На ростанях» Колас хотел сказать то-то и то-то... В поэме «Новая земля» писатель хотел сказать то-то и то-то...»

Колас был разбужен вопросом, адресованным лично ему:

— А правда ли, Константин Михайлович, что Вы все это хотели сказать?

Колас вздрогнул, задумался и проговорил:

— Кто его знает... Может, и хотел...

Гений всегда говорит больше, чем он хочет.

Талант говорит именно то, что собирался сказать.

Посредственность говорит меньше, чем хочет.

О языке

Глобализация смешивает в гигантском, величиной с Землю, котле народы, этносы, менталитеты, конфессии, экономики. Единственное, что пока может эффективно этому сопротивляться, — язык. Язык говорит о том, что у его носителя есть род, семья. В каше, которую заварили глобалисты, сохранятся лишь те народы, которые не разучились ощущать себя родом, семьей, это значит — сохранили свой язык.

О юморе

Наивысшее предназначение юмора — спасение нации от апатии, депрессии и стагнации.

Свидетельство этому — пьесы Янки Купалы «Тутэйшыя» и Максима Горецкого «Жартаўлівы Пісарэвіч».

О слове и тексте

Слово — первый шаг к упорядочиванию хаоса Вселенной.

Текст — попытка гармонизировать невербальные и вербальные части Вселенной.

О литературе XX века

Литературу XX века можно сравнить с цветами, которые пробиваются сквозь асфальт, мусор, осколки, черепки, щебень и грязь; они распускаются на пустырях и свалках; но это все же цветы.

О литературе XXI века

Литература достаточно предупреждала, пугала, разоблачала. Настало время поиска ею надежды, новой гармонии. XXI век — время новых утопий.

О вечности литературы

Древнегреческие боги, богини, герои, как они изображены на чернофигурных вазах, выглядят забавными карликами, если предварительно прочитать о них в великих поэмах и трагедиях.

Видеокультура всегда проигрывала литературе. Первой недостает воображения.

Рассуждают о смерти литературы в эпоху видеокультуры и виртуальной действительности. Но в основе всякой культурной новации — текст. Компьютер использует две буквы, а в литературе их минимум тридцать две.

Смерть литературы откладывается.

БРОНИСЛАВ ЗУБКОВСКИЙ

«Приезжайте в Ялту, земляки»

Стихи Михася Казакова, члена союза писателей СССР, лауреата премии М. Богдановича, Крымского республиканского фонда культуры (1995 г.), литературной премии им. А. П. Чехова (1996 г.), лауреата литературной премии Автономной республики Крым — стали популярными песнями на Украине, Белоруссии, России.

Михаил Казаков — дитя войны. Счастье жить и творить было завещано ему поколением победителей весны 1945 года. Отцом, который не вернулся с войны и о котором Казаков скажет:

У карпатской седой гряды,
Вспыхнет молния в небесах,
Упадет у твоей звезды
С чьих-то рук незабудок роса,
Упадет —
В них моя слеза.

«Отцу»

Даровано это счастье ему и солдатом с документальной ленты, который лег с гранатой под вражеский танк, чтобы не пустить эту изрыгающую огнем железную пантеру с экрана в кинозал.

Кому обязан Михаил Аврамович Казаков своим творчеством? Конечно же, Могилевщине, своей малой родине, где светится золотом хлеб, где шумят медноствольные сосны, и звенит «как струна» тишина, и своему родовому гнезду:

В те нелегкие годы,
Лихие лета,
(не хватало всего,
но особенно хлеба),
Мы, завидуя птицам,
Учились летать.
Больше хлеба
Хотели мы неба!

«Из детства»

Обязан Казаков и тому празднику духовного общения, на который он, продолжая выстраивать свой микрокосмос, подпитанный энергетикой студенческой среды, пришел в середине 50-х годов. Отдельно нужно сказать о преподавателях, которые прямо-таки творили чудеса. Блистала очаровательная Маргарита Борисовна Ефимова, доцент, преподавательница белорусской детской литературы. Разливала в чашки сок манго, говорила: «Утолите жажду. Янка Мавр попробовал этот целебный напиток в стране райской птицы. И ничего — жив, здоров классик».

Бросал шутки-прибаутки, словно камешки в реку, Николай Петрович Луферов, говоря о прозе Кузьмы Чорного:

— В детстве натерпелся писатель. Я также до того, как стать членом Союза писателей, попал, холера ясная, в осьмину, в младенческие годы. Это посудина такая из лозы и соломы, куда рожь засыпают. Так меня мать еле вытащила из осьмины этой. Выходит, в рубашке я родился, товарищи.

Михась литературу любил. «Энеиду» Вергилия, сатиры Горация, трагедии Сенеки (сказывалось влияние преподавательницы зарубежной литературы Л. С. Храпуновой). Разделял эстетические воззрения Шиллера (гармония личности осуществляется в идее), с трепетом отзывался о Гёте (художник обязан быть учителем народа), восхищался гуманистическими идеалами эпохи Ренессанса, был горяч в споре о художниках эпохи Возрождения (Бокаччо, Хозарт, Гойя), считал венцом творения произведения А. П. Чехова. Пленил в студенческие годы начинающего поэта и театр. Ходил в Могилевский драматический театр. Однажды поспорил с Кабатниковой после премьеры спектакля по пьесе Гладкова «Давным-давно». Актриса, помнится, предложила зрителям обсудить спектакль, высказать свое мнение, предвкушая услышать лестные отзывы в адрес Шурочки Азаровой (Кабатникова в гусарской балладе исполняла эту роль).

— Я желаю сказать, — подал с галерки голос Михаил Казаков и в своем аккуратненьком, видевшем виды пиджачке, подался на сцену. Теребя свой галстук с огромным узлом у шеи, Казаков пошутил:

— От бородинской пушки под Москвой, говорят, вся земля дрожала. Так вот, спектакль удался. Хорошо, что он шел на белорусском языке. Оформление, декорации — выше всяких похвал.

— На то и искусство. На то и театр, — засветилась председательствующая на вечеринке Кабатникова и вдруг разразилась тирадой, цитатой из статьи А. И. Герцена: «Театр — это высшая инстанция для решения жизненных вопросов, это камера этой, как ее...» — запнулась актриса. — «Поэзии», — подсказал Казаков, завершив цитату под одобрительный гул нашей галерки. — Однако плохо обстоит дело у артистов с произношением. Плохо обстоит дело с орфоэпией, товарищи. Слабовата речевая практика у актеров. К примеру, вы, — обратился он к Ка́батнико́вой, — произно́сите сло́вва на сце́не неправильно. Нужно говорить не ківе́р, а кі́вер, не і́мя, а імя́, не во́да, а вада́. Без закваски хлеб не делается. А в общем, в остальном все хорошо.

— Прекрасная маркиза, — бросил кто-то реплику из зала.

— А вот этого не надо, товарищ, — спокойно отреагировал Михась. — Курица кудахчет, так она яйцо несет, а чего зря кочету горло драть, как говорят у нас на Дрибинщине. К чистому поганое не пристанет, — урезонил Казаков зрителя.

Кабатникова птицей сорвалась с места, грациозно подлетела к трибунке, подала Михасю руку, вывела его на середину сцены, обняла и расцеловала студента при всем честном народе.

Поэтический язык М. Казакова в студенческие годы напрямую отражает его способ жизни мысли. Он шел от факта к обобщению. Правда, не всегда уверенно. На эту особенность лирики поэта обратил внимание на заседании литературного объединения его руководитель, кандидат филологических наук А. А. Макаревич. В обсуждении стихов начинающего поэта приняли участие в тот день и прибывшие на вечер столичные литераторы. После дебатов на заседании литературного объединения дискуссия разгорелась в курилке. Взяв в кольцо С. Граховского, Г. Березкина, Ф. Кулешова, студенты внимали каждому слову гостей.

— О творческих планах спрашиваете, — почему-то вздохнул Граховский, отмахиваясь от стоящего коромыслом дыма в курилке. — Вот куплю спецовку, топор, запишусь в бригаду плотников. Поближе к народу, стало быть, — изложил свою программу поэт.

— Правильно, — пошутил Г. С. Березкин. — Сермяжная правда и Купалу в люди вывела.

Неожиданно Григорий Соломонович заговорил о стихах Казакова.

— Поет и поет. А спроси, о чем поет — не скажет.

— Не стихи, а бормотуха. О любви поет несостоявшейся. Лучше бы перед тем, как браться за перо, почитал стихи Асадова, Гамзатова о любви, — заметил Ф. Кулешов.

— Не скажите, — не согласился с мнением профессора Березкин. — Вот уберет Казаков «паренчи» со своего поэтического мостика, влетит с размаху в прорубь, добрым молодцем обернется, выйдя из купели.

Вслушиваясь в разговор литературных критиков, стоящий поодаль Игорь Шкляревский, загасив сигарету, бросив окурок в металлический ящик, решительно приблизился к Федору Кулешову.

— К вопросу о любви, профессор!

— Извольте, вьюноша, слушаю.

— Будет ли петь скряга о потерянных деньгах? Как вы считаете? — ребром поставил вопрос Шкляревский.

— Точно не будет, — опередил ответ Кулешова Березкин, смотря на напористого студента.

— А вот о потерянной любви, отвергнутой любви в испанских серенадах, тирольских песнях поется. Поет и Казаков. Пусть тихо, про себя. Что в том плохого? — закончил Шкляревский.

— Вы, товарищ, защищаете несовершенное, — сказал Кулешов. — Плаксивая сентиментальность — не наш, так сказать, стяг. Она пассивна сама по себе, отрицает человеческое деяние, не призывает к чему-то, лишает личность воли. А поэт — это трубач. Я считаю поэтому, что стихи Казакова это...

— Считайте, — отрезал Шкляревский, не дослушав. — Но Ф. Кулешов, это еще знаете, не А. Кулешов.

— Однако и студенты здесь, палец в рот не клади, — провел Ф. Кулешов долгим взглядом уходящего Игоря.

— Резковат, — буркнул Березкин. — Видно, сам стихи пишет.

— Вы это о Шкляревском? — услышав последнюю фразу Березкина, осведомился вошедший в курилку могилевский поэт Алексей Пысин. — Я только что столкнулся с ним в дверях. Стихи он пишет. В «Знаменке» напечатана его подборка с доброй руки литконсультанта Петра Волкодаева. Одно я запомнил. Хотите, прочитаю, — предложил Пысин:

Задавал я разные вопросы,
Ветрам, травам, все узнать желая,
А потом спросил я у березы:
Отчего ты белая такая?
И услышал в шуме молодом
Мать-земля меня вскормила молоком.

— Неплохо, — одобрил Григорий Соломонович. — Есть искра божья у человека.

Разговор прервал декан филологического факультета Николай Рыбочкин.

— А я вас ищу, всю аудиторию обошел. Студенты ждут, — пригласил декан в актовый зал столичных гостей.

Вечер встречи с белорусскими писателями порадовал откровением. Насмешил студентов Иван Гутарев, профессор, литературовед. Предложил:

— Поругайте, други, меня. Но шибко не надо, не матом. Другими словами можно. И я сразу вам скажу, ямбом вы меня ругнули или хореем. В два счета размерную метрику отыщу.

— Сегодня я вам стихи читать не буду, — огорчил Алексей Пысин. — Я о другом. На смену нам идет молодежь. Набьют они шишек и синяков. Пока несовершенны их творения. Нелегки первые шаги. Но яркими блестками будет усыпан их путь, если они...

Перебил стоящий в президиуме Федор Кулешов:

— Вы, Алексей, не спешите ставить младенцев на котурны, не напяливайте на них генеральский мундир. Даже среди сидящих здесь в зале вряд ли кто возьмет на себя смелость назваться поэтом, — сказал он.

Это был вызов. Зал загудел будто огонь в печи, куда подбросили дров. Пысин, не ожидая такой реакции, выбросил перед собой руку, пытаясь успокоить присутствующих.

— Шкляревского, Казакова, Ракова, Кривицкого Анатолия на сцену, — скандировали студенты. Не-ме-дленно.

Широко улыбнувшись, Пысин распорядился:

— Шкляревский, Казаков сюда. К нам, пожалуйста.

Заметно волнуясь, прочитал стихи Игорь Шкляревский, напевно растягивая слова:

Упало небо девочке в глаза,
Застекленело, сосны загудели,
Хотелось крикнуть: «Возвратись назад,
Ведь ты не все, что думала, успела».
А листья гибли, чтоб родиться вновь,
К земле слетали, скрученные дрожью,
К земле, забравшей первую любовь
И ставшей от того еще дороже.

Кто-то в зале всхлипнул, огласив:

— А ведь умерла. Умерла ведь.

Настроение поднял М. Казаков, пригласив очистить душу и тело в сельской баньке:

Черная баня у речки,
Зелен от мха частокол,
Думно сижу на крылечке
Дома, где детство провел.
Свежий березовый веник
В рощице ближней свяжу,
И у сестры своей Фени
Я самовар закажу.
Лягу я, как на лежанку,
На разомлевший полок,
Друг мой наденет ушанку,
Жару поддай-ка, милок.
Воду плесну на каменья,
Пару такого поддам...

...Он был труженик по натуре. Часто на Днепре разгружал баржи с песком, гравием. Со стипендии выкраивал копейку. Чтобы мать могла оплатить налоги на селе.

И все-таки о тех 5—6 рублях, полученных за разгрузку. Их хватало, чтобы сводить друзей в столовую, девушку в кино, купить ей эскимо, а себе пачку «Беломора».

Вспоминается мне наша поездка на целину, в Кустанай, после завершения учебы на первом курсе Могилевского пединститута.

Работали филфаковцы на зернотоках. Михаила забрали к себе в отряд геодезисты. Долго мотался он по степи с теодолитом. Потом подрядился на другую работу, занявшись укладкой-прессовкой силосной массы, освоив технику вождения «ДТ-54».

И писал, писал...

После завершения учебы на 4 курсе филфака, возвратившись из Крыма, Казаков (во время летних каникул ездил проведать сестер, переехавших на юг) прочитал в общежитии стихотворение о крымчанке:

Хорол и Проня встретились в Днепре.
И рады долгожданной встрече были:
Они водою степи напоили —
Хорол и Проня встретились в Днепре.
Как реки, путь свой мы соединили.

«Два крыла»

Проня — река детства Казакова. Хорол — река детства Любови Васильевны.

Постоянен был Казаков в вопросах дружбы, товарищества. Готов был поддержать доброе начинание товарища. Приведу такой пример. На спаренной скучноватой лекции для русских и белорусских филологов каждый занимался своим. Что-то писал на листке Игорь Шляревский. Толкнув меня под бок, шепнул: «Прочти сам, а затем перекинь листок на второй ряд Казакову, пусть посмотрит». Читаю набросок:

Меня в детстве прозвали
Игорек-ветерок.
А у детства известно
Очень много дорог.

«Мне начало самому не очень нравится, — замечает Игорь. — Вот о Стеше дальше читай, там получше будет»:

Бросает ветер в окна Стешины,
Дождя прозрачные горошины.
Меня же в детстве ветром звали,
А когда окна бил — ругали.

От Казакова стихи возвратились к Игорю с переводом на белорусский:

Кідае вецер у вокны Сцешыны
Дажджу празрыстыя гарошыны,
Мяне ж у дзяцінстве ветрам звалі,
А калі вокны біў — няшчодна лупцавалі.

В конце листка приписка Михася со словами Низами.

«Если ты чихнешь спросонья десять раз подряд, ветер утренний наполнит благовеньем сад».

Шкляревский хохотнул и в перерыве, взобравшись на кафедру, распекал студенток своей группы.

— Вот Нина К., — называл он по фамилии девушку, — на целину не собирается. Все едут, а она — нет. Белинский кровью харкал, а о России думал. Ты, Михась, спроси у Н., почему она красивая, молодая, боится степей. Предлагаю объявить Нине бойкот.

— Раз так, то я поеду, — краснеет девушка. — Но я устрою там ледовое побоище тебе, — грозится Нина.

— Нина, ну какой в степи лед, — увещевает Игорь студентку, которой явно симпатизирует.

— Там даже тушканчики и суслики теряют сознание от жары. Хотя у этих тварей вроде сознания нет, инстинкт только. И с водой в степи проблема, Нина.

— Не пугай, не отговаривай, еду, — бросает на Игоря испепеляющий взгляд Нина.

Шкляревский любил розыгрыши, привносил элемент игры в беседах. Напевая в кругу студенческой братвы под струны гитары, тянул что-то из Низами: «Осыпались, осыпались перья с крыльев сизых орлов», — глуховато выводил Казаков. Братия, не воспылав любовью к Низами, брала другой мотив:

Коперник целый век трудился,
Чтоб доказать Земли вращенье.
Дурак! Зачем он не напился,
Иначе б не было сомненья.

Подружила нас целина. Михась охотно брался за подборку целинного сена на волокуше, дул на оцарапанные стальным тросом, иногда и окровавленные ладони. А вечером — с головой в зеленый Табол, кишащий раками. Отведя душу, нанырявшись, Казаков выбирался на берег, окидывая степи взглядом, удивлялся.

— Земля здесь, хлопцы, как копыто конское, твердая. Будто конница Батыя в сивые века прошла.

Вечером, в самане, где все мы, устав за день, попав в объятия Морфея, молодецки посвистывали во сне, Михась работал при свете коптилки, которую сам соорудил из какой-то металлической, заваренной снизу и сплюснутой вверху трубки, выпрошенной у тракториста казаха.

— О чем стихи-то? — спрашиваю утром у зернотока.

— О Волге на этот раз.

— Помнишь, когда мы ехали сюда, локомотив сделал остановку у станции «Батраки» и все мы, очертя голову, рванули к матушке Волге. Я выбрался на берег весь в подтеках. Другие, чертыхаясь, превратились в чернокожих. Вот я и хочу рассказать о красавице-реке, которую припудрили отходами нефти. Экология — боль наша. Надо сейчас бить тревогу. Иначе загубим природу, — тихо сказал Михаил.

В Минске в 60 годы издал первую книгу «Млечный путь». «Лучшие стихи его, — писал редактировавший сборник стихотворений Н. Я. Аврамчик в предисловии к книге, — говорят о том, что в белорусскую литературу идет поэт со своим взглядом на мир, поэт, у которого чувствуется свой голос».

Стихотворениям М. Казакова никогда не были присущи дидактика и морализаторство. Поэт считает, что идея стихотворения должна проистекать из логики развития образов, не быть навязанной.

На лугу — медуница,
А у рощи — пщеница,
А в овсах — перепелки:
«Пить-пить».
— Погоди, молодица,
Дай с дороги напиться —
Очень хочется пить.
Разлетаются брови
Под косынкою новой,
Прямо в душу — глаза-небеса
— Вам, наверно, в Брилево?
— Я успею в Брилево.
До чего же водица вкусна.
В ведрах — щедрое солнце,
И над ведрами — солнце,
С очень редкой сегодня косой.
Полчаса у колодца,
А мне пьется и пьется,
А молодка смеется
— Это... перед грозой.

«Жажда»

Поэт, взяв читателя за руку, уводит его в леса, луга, ведет к реке («возьми дороги на основу, а тропы, что прошел, в уток», «словно девушки, вербы зашли по колено в реку», «моя земля, моя купель, лесных криниц прохлада»). Вот синим морем — лен. Вот вербы у реки. А вот родник. Утолить бы жажду, но стоп!

«Не смей, отойди», — тихо шепчет родник.
Журавль над колодезом мертвым — поник,
Не смог улететь от постигшей беды,
В песках утонули мальчишек следы...

«Под черным крылом»

Дальше запретная зона. Туда нельзя.

Как-то выехал на лечение в Ялту белорусский поэт Захар Яковлевич Бирала. По приезде домой позвонил мне.

— Тебе привет от Михаила Аврамовича. Отдыхал я в Ялте. С деньгами у меня не совсем хорошо вышло в конце. В общем, истратился я. К редактору «Крымской газеты» решил заглянуть, — может, чем помогут, думаю, журналисты. Говорю редактору, что я писатель из Белоруссии. Может, чем пособите, а то поиздержался я в Ялте, а знакомых нет. И родственников нет. Редактор выслушал меня, направил к Казакову. Он, говорит, стихи пишет, а к тому же земляк ваш. И к тому же первый заместитель редактора. Зашел к Казакову, представился.

— С Марьиной Горки я, — объясняю ему. — Из Белоруссии, — торопливо говорит Бирала.

— Земляк, — обнял меня Казаков. — Добре.

Стихи мои взял, сделал перевод на русский, опубликовал в газете, выписал гонорар. Так я, знаешь, в Джанкое всяких южных присмаков домой накупил. А еще мне в дорогу денег личных своих дал. И про тебя спрашивал. Сожалел, что редко в гостях бываешь у него, — завершил Бирала телефонный разговор и добавил пару слов: — Поедешь в Ялту — накажи. Я должен долг отдать. Через тебя деньги передам ему, если не возражаешь.

Раз приглашает — надо ехать. И вот я в Ялте. На Таврической, 13. Любовь Васильевна слушает наш разговор:

— Давай помянем наших преподавателей, — поднял Михась фужер, наполненный терпким крымским вином. — Помнишь, как начинал лекции Якуб Кириллович Усиков?

— Кто из вас, хлопцы, не любит хорошо покушать? Как скажет такое, — смеется Михась, — то хочется сразу бежать в столовую, под ложечкой-то сосет, мать родная. Слова его магическую силу имели. Кстати, у меня есть все литературоведческие работы Усикова, монографии о творчестве Крапивы. Еще по проблемам комедиографиии, исследования его берегу. Толковая работа, — заметил Казаков. — Кстати, я в журнале «Нёман» рецензию на книгу Якуба Кирилловича твою прочитал. Вот год выхода журнала не помню только.

— Пятый номер за 1981 год, — поднимаю свой фужер.

— Впрочем, дружок, за тобой должок. Помнишь Белыничи, педпрактику, ресторан? Ты что-то не спешил позвать нас с Николаем Супрановичем к столу. Заважничал.

Чувствую, как краска заливает лицо. После проведения внеклассного мероприятия в школе, забежал я вечером в ресторан. Денег в кармане — кот наплакал. Так, на первое, да на чай. Вижу, наш куратор сидит за столиком. Ужинает. Заметив меня, Якуб Кириллович пригласил к столу, заказал графинчик водки. Неожиданно заявился в ресторан и Михась с другом. Усевшись за столиком напротив, глядя на нас, заказали себе спиртное у официантки и хлопцы.

— Пикантная ситуация, — заметил Усиков и потянулся к графину с водкой.

— Зови хлопцев, а если кто и скажет, что преподаватель трапезничает со своими студентами — типун ему на язык.

Зашел разговор о Макаревиче.

— Мне Александр Антонович свою монографию в Крым прислал. Хорошее название его книги «Ад песень і думак народных», — взлетели черные-пречерные брови Михася. — А мой адрес дала ему Маргарита Борисовна Ефимова. Она отдыхала в Крыму. Встретились будто родные, — обронил Казаков.

— А я с Александром Антиповичем был знаком до учебы в techinstitute.

Он мой земляк.

— Вот как, — удивился Казаков. — Расскажи.

— В конце августа я получил вызов на учебу. Сажусь в Марьиной Горке в поезд «Минск—Могилев». Напротив меня — мужчина и женщина.

Догадываюсь, что супруги. Подъезжаем к Тальке. Мужчина говорит: «Знаешь, Валя, я ведь здесь в Тальковской школе преподавал после войны до поступления в аспирантуру. Школа в 100 метрах от железной дороги. А в 30-ые годы в этих местах Якуб Колас отдыхал. Не знаю, сохранилась ли хата, в которой он летовал».

Женщина «ох да ах», давай сойдем, говорит.

Тут и встрял я в разговор:

— Извините, говорю, но поезд здесь не останавливается. Только в Осиповичах.

И уже в институте я встретил пассажира. Он, оказывается, ехал из родных Шелегов нашего района. На побывке был дома.

— А я, знаешь, — признается Михась, — я без ума был от его лекций. Помнишь, как он рассказывал. Сидит хозяйка за столом. Напротив хозяин. И все к жене: «Видишь ли ты меня?» — спрашивает. Та в ответ: «Не вижу, муженек, не вижу, родной». «Так чтобы не видела ты меня из-за высоких хлебов, из-за бурачной высокой ботвы», — стучит муж в стенку хаты, приглашая мороз на Рождественскую кутью.

Передаю Михаилу привет от Захара Яковлевича.

— Как же, помню. Хорошие басни пишет. А беднеет наш белорусский цех сатирический... После Корбана, Крапивы, Волосевича — некому стило подхватить. Кстати, Захар Яковлевич был реабилитирован? — поинтересовался Михаил.

— Да, было. Упекли человека в места не столь отдаленные. За частушку в газете. А частушка была такого содержания:

Я іду, іду па кладачцы,
Кладачка хістаецца,
Мне савецкая ўлада
Вельмі падабаецца.

Соответствующие органы усмотрели в этом криминал. Раз кладка шатается, значит, и власть советская непрочная, шаткая.

— Любят Захара Яковлевича на Пуховщине? — наполнил фужеры Михась.

— Еще бы! Год тому выступали на литейно-механическом заводе в Пуховичах писатели. Прочитал свои стихи Сергей Граховский. Стихи его — философичные, непростые, не каждому по зубам. В зале вяло похлопали. Очередь за Захаром Яковлевичем. Реакция зала оглушительная — смех, аплодисменты. Поднимается, вижу, Граховский, и мне кажется, с какой-то обидой говорит: — У вас сегодня под лавкой топор мы нашли-отыскали.

Сдержанно рассказывал Михась о своей педагогической работе. Работал в Гололобовской восьмилетней школе в должности директора до переезда в Ялту. Пугало отсутствие опыта. В первый день занятий завуч внесла в расписание урок Михася по белорусскому языку.

— Какой-то страх меня обуял, знаешь, — признался Михась. — Как встретят меня пятиклассники, как примут? Вспомнился тут мне эпизод, рассказанный минскими литераторами. Разговор о Владимире Семеновиче Короткевиче. Зашел он в класс, поздоровался с ребятами. В ответ — молчание. Он снова

поздоровался. И опять — тишина. Так он, присев, вдруг пружинисто махнул вверх всем телом. Ученики завизжали от восторга, да так, что стены задрожали в школе. Так вот начинал свою работу Владимир Семенович. Нашел он выход, как видишь, из ситуации. Прихожу я в класс, здороваюсь. Дружно ответили ребята, но внимательно разглядывают меня. Что, мол, за фрукт такой заявился. Тут кто-то в пластмассовый пенал дунул. За ним — другой. «А давайте, — предложил я ребятам, — сыграем, переделаем пеналы в музыкальный инструмент временно». Мелодию песни подобрал. И пошло, поехало. «По долинам и по взгорьям» — врезали-врубили всем классом. В конце урока поднимается вихрастый парнишка и отдает приказ со своей «камчатки»:

— Дневники к бою!

Собрал дневники — и бах мне на стол. Пришлось артистам за высокое мастерство исполнения выставлять пятерки. Я к ним на следующий урок прихожу. Гляжу, стоят у доски трое: «Мы вам песню посвятить желаем. А в руках пеналы держат», — смеется Михась и влюбленными глазами глядит на Любовь Васильевну.

— Таким вот было начало, крымчанка.

В тот вечер он удивил меня еще раз. Достал из шкафа папку, в которой бережно хранились фотокопии факультетской газеты «Литератор». Казаков был редактором студенческой газеты. И художественным оформителем. Показывает: «Видишь крапинка-серпантинка на газете. А делал я так. Брал зубную щетку, смазывал тушью различных цветов и оттенков. Щетку в левую руку, правой оттягиваю щетку на себя, делаю вброс на ватман. Наш декан Николай Рыбочкин удивлялся:

— Каким способом можно разместить на ватмане столько цветастых молекул, не испортив бумагу?»

Казаков красочно оформлял газету, мастерски рисовал.

— А что, — говорил он, отшучиваясь, в институте. — Пушкин и Лермонтов на полях своих рукописей такие фигурки рисовали, что диву даешься этим эскизам-набросказам. Ведь рисовали они своих действующих в произведениях героев сначала на бумаге, обдумывая сюжет.

Внимательно рассматриваю фотокопии нашей студенческой газеты, вижу набранные на машинке, вклеенные в ватман стихи И. Шкляревского «Не купишь, сосед».

— Молодцом Игорь. Талант. В Москве он сейчас. Стихи его в «Литературке», в журнале «Юность» встречаю, — тепло отзывался Михась о Шкляревском. А ты в курсах, что Игорь, получив Государственную премию в области литературы, часть средств отдал на облесение пострадавших от чернобыльской беды полесских массивов. Так что Игорь вырастил свой лес уже. А ведь сколько попортили крови человеку. Игорь подготовил к печати в Минске первый свой сборник «Я иду». Издательские работники, привыкшие к стандартной поэзии, книгу печатать не стали. Положение спас Березкин. Он тогда заведовал отделом поэзии в журнале «Нёман», поехал к Петру Устиновичу Бровке. Тот и устроил разгон чиновникам, призвав их к покаянию. Добавил: «Восхитителен перевод Шкляревского «Слово о полку Игореве». Как хвалил Игоря за перевод Лихачев, академик. Взволнованно говорил Михась о наших студентах-шестидесятниках, шагнувших в литературу. Это необязательно были филфаковцы. Волна творческого подъема привела в литературу талантливого прозаика Олега Ждана (историко-географический факультет). Могучий парень, грудь колесом и нараспашку вельветовая куртка с ненужными ему замками. Олег Ждан после института устроился на завод, — напомнил Михась. В рабочие ушел Игорь Шкляревский, став вагранщиком-литейщиком. Физматовцы вырастили своего поэта Виктора Ракова, впоследствии автора ряда поэтических сборников.

— Помнишь, как хохмил Виктор, носясь по этажам, рассказывая всем, что на свидании у его лирического героя вышел на «все сто» «пацалунак», — заулыбался Михаил.

После института ушел «в народ» Борис Казанов, устроившись на Дальнем Востоке матросом на судне. Его морские повести и рассказы на страницах Всесоюзной печати порадовали откровением, романтикой голубых дорог. В Москве печатались произведения Олега Ждана. Пополнила ряды литературоведов Светлана Марченко (факультет начальных классов). Михась достал с полки монографии Марченко о творчестве Василя Витки.

— Читаешь ее исследование, будто под водой идешь в солнечный утренний день. А помнишь, начинала Светлана в институте со стихов, а нашла себя в литературоведении, — заметил Михаил. — Все они, кого я тебе назвал, из наших, стали членами Союза писателей республики, — весь светился Казаков.

Михась, возвратив папку с фотокопиями в шуфляду серванта, прошелся по комнате, произнес задумчиво:

— В долгу мы неоплатном перед нашими преподавателями. Благодаря им что-то делаем мы для людей полезное. Каждый в сфере своей, так сказать, занятости. Есть долг, будут и дела. Вот порядок в Беларуси наводит Лукашенко. Радостно сознавать, что учили Президента в Могилевском пединституте наши с тобой учителя. Горжусь этим, — откровенно признался Михась. — Ко мне из Минска периодика идет — газеты, журналы. Узнал я из печати, что Президент приезжал в Могилевский пединститут. Тепло его встречали преподаватели, студенты. Знал бы я заранее об этой встрече — прилетел бы в Могилев, — заверил Михась.

— И о чем бы ты хотел поговорить с Президентом? — включилась в разговор Любовь Васильевна.

— Я, — мечтательно улыбнулся Казаков, — предложил бы ему партию в теннис. Любил я в институте эту игру.

— Как же, помню. Был ты первой ракеткой. Равных не было тебе в этом деле, — подзадорил я Казакова.

— Ну, скажешь тоже, — отмахнулся Михаил. — Не та сноровка уже. Хотя внучку я Алину приобщил к игре. В школе она «на высадку» играет неплохо. Как говорят спортсмены, держит удар.

Укладываясь спать, Казаков определил задание на завтрашний день.

— Утром пойдем в редакцию. Познакомлю тебя с шефом. С редактором. Крепкий мужик наш Кинелев. Стихи пишет. А потом я уже договорился с Любашей, поведет она тебя в литературный музей Бирюкова. Ты, верно, не знаешь, что свою «Чайку» он писал, будучи прикованным к постели. Заведует музеем жена писателя. Она и расскажет тебе о подвиге этого мужественного человека,— подытожил Казаков.

В намеченную программу Михась включил и посещение музея Чехова.

— Пощупаешь его кожаное пальто, в котором он отправился на Сахалин. К тому же в музей, — объяснил Казаков, — поступили интересные материалы из Ясной Поляны, касающиеся дружбы Толстого и Чехова.

— А в воскресенье, дружище, — с цветами к Максиму Богдановичу на Ауцкое кладбище. Ведерко прихватим с собой. Нужно полить кипарис, посаженный Евдокией Лось в честь памяти Максима. Я две недели не был на его могиле — редакционная текучка заела, — впервые за весь вечер пожаловался Михась.

«Поэт трепетно любит свою Беларусь. Взволнованно обращается он к ней, — пишет в предисловии к сборнику М. Казакова «Любовь земная» профессор Таврического национального университета им. Вернадского Александр Губарь, — ты как сердце, всегда и повсюду со мной».

Тонко подмечена и тематическая направленность поэзии Казакова во вступлении к книге: «Любовь земная. Чем измерить ее? Березкой у отчего дома, освещающей теплым светом твой путь? Женщину, которую зовешь неземной? Людьми, подставившими плечо в трудную для тебя минуту?»

Развернуть «образ во времени» — такую задачу ставит перед собой М. Казаков, стремясь к эстетическому осмыслению гармонической связи лирического героя с окружающим миром.

В канву поэмы М. Казакова «Семь колодезей» вплетается библейский мотив о павших за сохранение источника в борьбе за жизнь борцов многих поколений.

Но поднимались мертвые
И становились в строй.

В произведении «Речка Партизанка» река меняет русло, вынося тело народного мстителя на белый песок к своим братьям-крымчанам. А. Губарь отмечает в предисловии к книге: «Ставший крымчанином, сын Белоруссии полюбил этот край, волнующий своей историей, колдующий красотой самого синего в мире Черного моря, манящий к себе поросших роскошными лесами древних гор, замечательными архитектурными сооружениями и памятниками. Крымская тема заняла свое достойное место в творчестве М. Казакова».

Доказательство этому не только поэмы Казакова, но и весь цикл стихотворений, посвященный Крыму: «Чертова лестница», «Долина привидений», «Красные сосны», «Дайте пить!», «Большой каньон», «Днепровский дождь», «На Боткинской тропе», «Водопад Джур-Джур», «Лето в Киев пришло», «Росток».

Поэт восклицает:

У Днепра
Я всегда себя чувствую дома
Украина —
Моей Беларуси сестра.

«Лето в Киев пришло»

Да, была ностальгия по родному дому, осыпанному чернобыльским пеплом... И, конечно, М. Казаков не мог обойти тему М. Богдановича:

Как икона
В венке васильковом
Твой, Максим,
Гениальный «Венок».

«Венок васильковый»

А вот поэт подслушал разговор двух «эрудитов»:

После лекции Кондрат
Уточнил растерянно:
— Это что — дегенерат?
Рыба иль растение?
— Темнота! — сказал Мартин
И махнул рукою —
Он такой же человек
Как и мы с тобою.

«Темнота»

Писал он и о войне. Стихотворение «Войску Польскому» повествует о том, как 12—13 октября 1943 года у деревни Ленино Горецкого района в Беларуси отличилась в прорыве вражеской обороны 1-я польская пехотная дивизия им. Костюшко (командир З. Берлинг), на базе которой потом было создано Войско Польское.

О войне мы узнаем и из стихотворений поэта «Четвертая береза», «Хатынь», «Глаза», «Память». Героическая тема рассказывается и в поэме «Неополимые

крылья» о белорусском летчике Плавельском, погибшем в Таджикистане от рук басмачей. Угасающим взглядом в последний раз окидывает изувеченный басмачами летчик свой сбитый самолет.

Смотри
«Кухсор и Тоджик» твой горит —
Плавельский видел:
Крылья догорали,
Сходили в небо
Звезды с его крыл,
И звездами с груди
Сходили раны,
И высоко
Орел над ним парил.

«Неополимые крылья»

Встретив в печати стихотворение известной украинской поэтессы Тамары Коломиец «Максим Богданович», М. Казаков перевел его на русский язык.

Крепил Максиму
Постоянно дух,
Нрав моего народа
Соловьиный,
Так будь же ему легкой,
Будто пух,
Ты, вечный дом поэта —
Украина.

«М. Казаков — переводчик, — подчеркнул в предисловии к книге поэта литературовед Губарь, — продолжает традиции классика белорусской литературы Максима Богдановича, выступившего воодушевленным пропагандистом украинской литературы». Но ностальгия была. Не проходила. И тогда он обращался к белорусам:

Приезжайте в Ялту,
Земляки,
В солнечную Ялту
Непременно.
Грусти в сердце
Мне не потушить
И черемух пламя
Возле Горок
Невозможно
Мне без них прожить,
Так как чайкам
Не прожить без моря.

«Море тихо плещется у ног»

Побороть эту ностальгию ему действительно помогали земляки. В уютной квартире Казакова на Таврической неделями отдыхали белорусские писатели, приезжавшие к Черному морю под крымское солнце.

В рабочем кабинете Казакова тишина. Солоноватый воздух (сказывается близость моря). В кабинете Михася — полки с книгами российских и белорусских писателей. Большой портрет литературного крестного отца на стене — Николая Яковлевича Аврамчика. Приезжая в Крым на лечение, Аврамчик почти не бывал в Ялтинском Доме творчества. Приходил сюда, на Таврическую. Здесь Михаил рассказывал Аврамчику о поездке в Югославию в составе украинской делега-

ции. Здесь они договорились посеять рожь, символ жизни, на могиле М. Богдановича. И сделали это. Михась досматривал могилу великого поэта, ему были важны советы гостя из Минска. Михаил советовался с Аврамчиком, как лучше организовать работу белорусского общества в Ялте (Казаков возглавлял его), литературного объединения при республиканской газете. Был его руководителем. На стене — портрет матери. О ней есть у Казакова стихотворение «Ты прости».

На могиле ее возвели
Обелиск из гранита неброский,
С Могилевской неблизкой земли,
В изголовье на вахте —
Березки.

На столе — Диплом лауреата премии Совета Министров Автономной Республики Крым, подписанный председателем Совмина С. В. Куницыным от 28.11.2000 года Казаков не успел подержать его в руках. На полке — книга М. Казакова «Вянок васільковы», изданная в Минске. Михась, помнится, признавался: мой сборник «Вянок васільковы» — это памятник Максиму Богдановичу.

Вот и записная книжка Михася Аврамовича. Сюда он заносил то, что планировал на неделю по общественной работе. Листаю книжку. Даты, сроки, встречи с работниками библиотек, культуры, промышленности, телефоны ответственных работников Совмина в Симферополе.

В последние два года Михаилу нездоровилось. Но он до последнего не оставлял работу в редакции.

Когда Михаила привезли в больницу в реанимационное отделение, вся редакция была у врачей: коллеги Михаила пришли сдавать кровь, чтобы спасти товарища. Казаков мужественно переносил боль (болезнь Боткина дала рецидив на печень). Предчувствуя кончину, он написал четверостишие. Строки эти выбиты на памятнике:

И жалею,
          и зову,
                    и плачу:
Падает из глаз слеза,
звеня,
Я ведь в жизни что-нибудь да
значил,
Вспоминайте иногда меня.

«И жалею, и зову, и плачу»

В последний путь его провожала вся Ялта. Траурная процессия, двадцать автобусов, двигалась в горы. У Ауцкого кладбища автобусы замедлили ход, приостановившись ровно на одну минуту. Казаков прощался с Богдановичем. Приостановились автобусы по просьбе Любови Васильевны Казаковой. Она исполнила волю мужа.

АЛЕСЬ МАРТИНОВИЧ

Три ипостаси Ивана Чигринова

В когорте современных белорусских мастеров слова одно из первых мест принадлежит Ивану Чигринову — народному писателю Беларуси, лауреату Государственной премии БССР и Литературной премии имени Александра Фадеева, известному государственному и общественному деятелю: в составе делегации БССР участвовал в работе XXXIII Генеральной ассамблеи ООН, избирался депутатом Верховного Совета БССР, возглавлял постоянную комиссию Верховного Совета БССР по национальным вопросам и межнациональным отношениям. Был секретарем правления Союза писателей БССР, председателем правления Белорусского фонда культуры, главным редактором журнала «Спадчына». К сожалению, жизненный путь Ивана Гавриловича короток: родился И. Чигринов 21 декабря 1934 года, умер 5 января 1996-го. К счастью, написал немало, а лучшее из того, что создал, вошло в золотой фонд национальной изящной словесности.

Мастер малого жанра

Вообще-то, как и многие прозаики, И. Чигринов свой творческий путь начинал со стихотворений. Некоторые из них опубликовал в костюковичской районной газете «Ленінскі прызыў» еще будучи школьником. Когда стал студентом, в основном печатался в «Чырвонай змене». Но еще первокурсником дебютировал в журнале «Полымя» стихотворением «Сон трактарыста» (1952, № 12). Как точно заметил Владимир Гниломедов: «...Юнацкія вершы І. Чыгрынава паводле сваёй сюжэтнай будовы і апавядальнай манеры, насычанасці дэталямі — цяпер гэта асабліва заўважна — абяцалі будучага празаіка».

Не мог этого не чувствовать и сам писатель, поэтому вскоре и распрощался с поэзией, обратился к прозе. Сначала взялся за написание так называемых «мясцовых быляў», которые в начале 60-х годов прошлого столетия предлагал костюковичской районной газете — она уже называлась «Сцяг камунізму». В основе этих произведений — местные предания, легенды, записанные во время странствий по родному району. И не в последнюю очередь от своего деда Кажанова. Наиболее интересные случаи позже использовал и в художественных произведениях. Именно на основе одного из преданий, услышанных от деда, родился и рассказ «Цар і мой прашчур». Но первой серьезной заявкой И. Чигринова-прозаика стала документальная повесть «Тайна адной экспедыцыі», опубликованная в конце 1957 года в «Чырвонай змене». В этом небольшом произведении уже чувствуются особенности творческой манеры писателя: скрупулезное осмысление материала, немногословность и вместе с тем глубокий подтекст, убедительность психологических характеристик персонажей. Рассказав об известном полярном исследователе Августе-Соломоне Андре, писатель намеренно отказался от подробного воссоздания его биографии. Главное внимание сосредоточено

на взаимоотношениях человека и окружающей среды, на том, что цивилизация принесла Северу и аборигенам свои беды и конфликты.

Сам И. Чигринов, правда, началом своей зрелой литературной деятельности считал рассказ «Праз гады», сюжетно связанный с началом Великой Отечественной войны. В этом рассказе также чувствуется документальная основа. О том, что произошло, поведал лесник Долголев, с которым герой-рассказчик имел возможность встретиться: «Слухай, — нечакана звярнуўся ён да мяне, — ты ведаеш, што такое партызан сорак першага года? Не тое, зусім не тое». Какие же они партизаны сорок первого? Партизаны самого начала войны... С подозрением относились к каждому незнакомому человеку. Оно и понятно: «Павылазіла розная свалата ды пачала кусацца... Думаеш, свой жа савецкі, а ён цябе прадасць і перапрадасць». Поэтому трое партизан, пробивавшихся на запасную базу, с недоверием отнеслись к учителю, который напросился к ним в спутники. А оказалось, честнейший человек. Когда группа напоролась на немцев, вдруг выхватил у Долголева автомат: «Я застануся тут, — усхвалявана зашаптаў ён, і ў голасе яго пачулася рашучасць. — Я буду страляць, а вы — бяжыце...» Через годы Долголев произносит с болью: «І мы чакалі яго, аж пакуль не ўбачылі, што па алешніку ходзяць немцы».

На этом рассказ и завершается. Самое время порассуждать, а что же такое настоящий героизм? Можно ли назвать того учителя героем? Через несколько лет насчет этого И. Чигринов в одном своем интервью скажет прямо: «Некаторым людзям, у тым ліку і крытыкам, здаецца, што патрыятызм — гэта, калі выйшаў на вуліцу і крыкнуў «ура!». Не, патрыятызм у часе вайны, асабліва ў часе акупацыі, — гэта нешта зусім іншае. Патрыятызм — гэта духоўны свет народа».

Этим правилом он руководствовался и подготавливая к печати свою первую книгу. Отбирал произведения, с которыми не стыдно было бы смотреть в глаза ни критикам, ни читателям. Рукопись в издательстве одобрили, включили в тематический план. Но вдруг И. Чигринов неожиданно попал в немилость. Причиной стала публикация в первом номере журнала «Полымя» за 1963 год рассказа «Маці». Все бы ничего, но И. Чигринов с сочувствием написал о матери полицая. С просьбой, чтобы книга вышла, пришлось обращаться к самому первому секретарю ЦК КПБ Кириллу Мазурову. С выходом книги Кирилл Трофимович помог. Но рассказ «Маці» к белорусскому читателю снова пришел только в 1984 году, когда был опубликован в первой книге трехтомника избранных произведений И. Чигринова, да и то в переработанном виде и под названием «У ціхім тумане».

Первая книга И. Чигринова называлась «Птушкі ляцяць на волю». На общем фоне в ней не теряется и рассказ «Праз гады». Однако, тем не менее, своего рода запевкой стал другой рассказ — «Бульба». Те, кому приходилось писать об этом произведении (Юлия Канэ, Татьяна Шамякина, Таиса Грамадченко, Анатоль Вертинский), не могли не обратить внимания на сдержанность, лаконичность письма И. Чигринова. Т. Грамадченко: «...Чыгрынаў узнаўляе характары герояў праз знешнюю дынаміку сюжэта, праз непасрэдна падзейны план апавядання». Т. Шамякина: «Апавяданне “Бульба” пачынаецца кароткай, стрымана выпісанай экспазіцыяй, у тым жа тоне, з якога ў далейшым пачнецца і раман “Плач перапёлкі”».

В этом рассказе И. Чигринов вспомнил о военном детстве: «У сорак трэцім мы былі яшчэ малыя, але запомнілі гэтых салдат... Мы — гэта Мішка Бычыхін, Санька Брылёў і я. У вёску тады мы першыя прыбеглі з лесу і ўжо цэлага паўдня сядзелі ў сасняку, ля школы, запаліўшы вогнішча. Школа ўцалела. Немцы чамусьці яе не зачынілі. Можа, таму, што знаходзілася яна на водшыбе і была пад жалезным дахам. Паўз яе цяпер ішлі ў калонах салдаты. А мы сядзелі каля вогнішча і, як зачараваныя, моўчкі ўглядаліся ў іх загарэлыя, стомленыя твары. Мы былі дзеці, і ў кожнага з нас на вайне быў бацька. Дык думалася: а можа, якраз тупае бацька вось так, у страі, і не пускаюць яго камандзіры дамоў, крый бог, пройдзе міма».

Подходили солдаты, прикуривали от костра. Подошел и старший лейтенант Сидоров. Он очень хвалил белорусскую бульбу, которую впервые попробовал под Гомелем, еще в сорок первом. Собирался угоститься ею и назавтра. Но ночью на Беседи начался бой. Правда, ребята все-таки надеялись, что Сидоров снова навестит их. «Не адыходзілі ад вогнішча, якое ўсё палілі на адным і тым жа месцы... У нас была напагатове для яго печаная бульба». И без какого-либо перехода (а он здесь и не нужен) в рассказе появилось последнее предложение: «Але старшы лейтэнант не прыйшоў...»

Это многоточие многозначительное. Его можно по-разному понять. Как по-разному можно прокрутить дальнейшую судьбу этого старшего лейтенанта. Могло быть и так, что ему неожиданно приказали идти дальше. Могли его и ранить: «Пачынаючы з самае раніцы, везлі на машынах раненых». Последнее более возможно. Но дело даже не в этом, хотя так не хочется верить, что жизнь этого чудесного человека неожиданно оборвалась. Произошло то, что и бывает на войне...

И другие рассказы из первой книги И. Чигринова — как и тот, который дал ей название, так и «Апавяданне без канца», «Адна ноч», «Ці бываюць у выраі ластаўкі», «Сустрэча на пероне», «Па дарозе дамоў», «Жыве ў крайняй хаце ўдава» и другие — это сама жизнь, правдиво отображенная молодым на то время, но талантливым писателем. Важно также то, что это в самом деле была именно книга, а не сборник рассказов. Целостная, завершенная, объединенная единством авторского замысла. На это первой обратила внимание Ю. Канэ: «Галоўная, на мой погляд, вартасць зборніка Івана Чыгрынава ў тым, што апавяданні, сабраныя ў ім пад агульнай назвай, утвараюць *кнігу* (выделено Ю. Канэ. — **А. М.**) цэласную, цікавую, прывабную. Адбываецца гэта дзякуючы цэласнасці, акрэсленасці асобы аўтара».

Второй сборник рассказов И. Чигринова «Самы шчаслівы чалавек» не заставил себя долго ждать. Он вышел через два года после первой книги, в 1967 году. По мнению Владимира Юревича, в этом сборнике «выявіліся новыя рысы пісьменніцкага таленту — імкненне да раскрыцця псіхалагічнага зместу факта, здабытага найчасцей з асабістага жыццёвага вопыту, схільнасць да глыбокага і шматзначнага падтэксту». А это мнение Т. Грамадченко: «...І. Чыгрынаў працягвае творчы пошук у тым напрамку, што і ў першым (сборнике. — **А. М.**). Зборнікі звязаны між сабой тэматычна, аб'ядноўваюцца матывамі, асобай аўтара. Разам з тым апавяданні другога зборніка маюць і некаторыя адрозненні, што сведчыць пра далейшае развіццё творчай індывідуальнасці празаіка». Значительный шаг И. Чигринова вперед увидела в этой книге Т. Шамякина: «У зборніку... больш упэўнена, чым у папярэднім, даследуецца сэнс і паўнацэннасць чалавечага жыцця на зямлі. Характэрная асаблівасць зборніка — узмацненне сацыяльнасці, цікавасць аўтара да актуальных праблем грамадскага жыцця, да духоўнага свету чалавека. Тут выявілася таксама ўменне І. Чыгрынава ў адным творы выкарыстоўваць розныя прыёмы абмалёўкі характараў, ужываць розныя ракурсы для адной з'явы, факта, што характэрна менавіта для раманных форм эпасу».

Можно также сослаться на мнение и других критиков. Они также свидетельствуют в пользу того, что И. Чигринов не просто издал свою вторую книгу, а был способен брать новые творческие высоты, еще больше углубляясь в характеры персонажей, взятых из самой жизни.

Атмосфера передвоенных лет удивительно полно передана в рассказе «Самы шчаслівы чалавек» (в шестом номере журнала «Маладосць» за 1965 год он был опубликован под названием «Першы бой»). Для красноармейца Алексея Балаша в самом деле это был первый бой. Конечно, можно было спастись, отбежав в кусты, ибо он видел наступающих гитлеровцев, а они его не видели. Но для Балаша это не выход. Ведь перед началом войны он одного боялся: «Яго дэмабілізуюць раней, чым пачнецца яна. У іхняй сям'і ўсе мужчыны былі на вайне:

дзед — на японскай, бацька — на грамадзянскай, старэйшы брат таксама ваяваў. Аляксей ведаў, што ордэн брат атрымаў за Іспанію». Теперь пришла его очередь: «...Аляксей страляў... і страляў без продыху. Нарэшце, патроны скончыліся. Тады Аляксей дастаў з сумкі, што ляжала побач, запасную абойму, глянуў на патроны і не спяшаючыся пачаў перазараджваць». Но «ў гэты момант ірванула зямлю. Аляксей адчуў, як штосьці моцна штурханула яго, ён ударыўся галавой аб пень і выпусціў вінтоўку з рук». В себя он пришел через какое-то время: «Аляксей... акінуў позіркам нерухомыя постаці на паляне і раптам па-сапраўднаму зразумеў: гэта ж ён палажыў столькі ворагаў!.. Значыць, атака адбіта!» А если атака отбита, то «цяпер яго хвалявала і радавала тое, што і ён, Аляксей Балаш, чырвонаармеец другога батальёна трыста сорак чацвёртага палка, мае непасрэднае дачыненне да сённяшніх падзей. На душы, нягледзячы на шматлікія раны, было хораша, і Аляксей адчуваў сябе, можа, самым шчаслівым чалавекам». Жить ему, правда, оставалось недолго, сказались раны...

Уже одного рассказа «Самы шчаслівы чалавек» достаточно для того, чтобы говорить об И. Чигринове как о замечательном рассказчике. А во вторую же его книгу вошли и такие произведения, как «Ішоў на вайну чалавек», «За сто кіламетраў на абед», «У баку ад дарогі....» и другие. Не оставалось сомнения, что И. Чигринов уверенно освоил секреты малого прозаического жанра, является одним из лучших белорусских рассказчиков.

К жанру рассказа, правда, он снова обратился только через 17 лет — много времени отнимало написание романов. Но в 1984 году в журнале «Беларусь», в шестом номере появился рассказ Ивана Гавриловича «За трэцім разам». В переводе на русский язык это произведение должно было появиться в одном из декабрьских номеров всесоюзного журнала «Огонек». Еще того, который называют сафроновским. Но то, на что осмелился главный редактор «Огонька» Анатолий Сафронов (перед этим, конечно, главный редактор «Беларуси» Александр Шабалин), не смогло пройти через рогатки тогдашней строгой литературной цензуры. Хотя, повторюсь, уже был 1984 год.

А «прицепилась» цензура к этому рассказу из-за того, что, согласно сюжету, один из героев произведения Парфен Конопелькин, спустя несколько десятилетий, сомневается, а правильно ли сделал он, что в свое время убил гитлеровца. Это был так называемый «факельщик». Оказывается, «палявая паліцыя пры сухапутных войсках стварала цэлыя каманды, каб, адступаючы, спапяляць усё, што здольна было гарэць і разбурацца. І нашы салдаты, калі, здаралася, заставалі такіх на месцы злачынства, расстрэльвалі без суда і следства». Один из случаев и не дает покоя Конопелькину. Чем больше он прокручивает в своей памяти случившееся, тем больше старается внутренне оправдать себя. Сначала он придерживается такой версии: «Са мной якраз аўтамат быў, то я першы падняў і выпусціў імгненна чаргу». Потом старается оправдаться: «Але ж не адзін я страляў у яго. Стралялі і другія. Можа, мае кулі і не патрапілі...» І вот третья встреча Конопелькина с рассказчиком. Теперь Парфен полностью отказывается от своего участия в случившемся: «Во тут во, дзе мы едзем зараз, апынуўся я некалі сведкам, як расстрэльвалі тут у вайну чалавека».

Какой значительный переворот произошел в душе героя рассказа! Уже тот немец для Конопелькина не только не факельщик, а и человек. И Парфен делает все возможное, чтобы в глазах тех, кто знает эту историю, ни в коем случае не выглядеть убийцей. Будто и случайно очутился он там. Рассказ «За трэцім разам» лишний раз подтвердил, насколько опытным рассказчиком был И. Чигринов, как остро он чувствовал современность. Насколько умел на давние события посмотреть с позиции современности.

После того, как уже стал признанным романистом, написал и другие рассказы. Все эти произведения, появившиеся после двух книг рассказов, свидетельствуют в пользу того, что И. Чигринов не собирался прощаться с «малой прозой».

Романист

Валентина Локун убеждена: «Малая проза І. Чыгрынава дае ўсе падставы гаварыць пра пісьменніка як пра апавядальніка з эпічным светаадчуваннем, з эпічным бачаннем і ўспрыманнем». Однако приближение Ивана Гавриловича к первому роману происходило постепенно. И через приобретение творческого опыта в результате написания рассказов. И через сбор фактического материала. И через осознание, что рамки рассказа его таланта уже тесны, а поэтому есть необходимость выйти за их пределы.

Однако только ли такое желание — мол, и я не хуже других! — двигало И. Чигриновым, когда он брался писать свой первый роман? Безусловно, нет. А как появился замысел, как он постепенно реализовался, можно узнать из высказываний самого Ивана Гавриловича, прежде всего, из его интервью «Раман — гэта народ» корреспонденту «ЛіМа» в 1979 году: «Спачатку мне проста хацелася напісаць зімовую аповесць пра ваенны час. Ды, мусіць, таму, што неяк вельмі помню вайну па зімах. Маразы вялікія, сабакі выюць. Так часта вылі, што мы ці не разбіраліся: калі выюць, задраўшы ўгору галаву, — значыць, на пажар гэта; калі апусціўшы галаву — значыць, на смерць. Недзе разбіраліся нават і ў тым, на чыю смерць яны выюць: ці на смерць далёкага чалавека, ці блізкага... У зімах здараліся чамусьці і самыя вялікія карныя экспедыцыі немцаў, і тады даводзілася ратавацца, бегчы ў лес, ездзіць у другія вёскі, сядзець у снезе, начаваць пры вогнішчы. Адным словам, зімы якраз найбольш запомніліся. Таму і задумаў напісаць зімовую аповесць».

И заглавие этого произведения у И. Чигринова появилось — «Калі выюць сабакі». Даже писать его начал. Но почувствовал, что «ў тэме вайны шмат чаго недасказанага, шмат чаго і проста нявысказанага. А галоўнае — мала той вайны, мала таго народнага подзвігу, якія былі тады». К такому выводу И. Чигринова заставили прийти некоторые произведения о войне, написанные к тому времени: «У іх хапала шмат чаго, але жывога жыцця, жывых людзей не хапала... Мне, вядома, не хочацца нікога прыніжаць, як не хочацца и сябе выстаўляць, але адчуванне такое ў мяне было. Не было б, пэўна, мележаўскага рамана (имеется в виду «Людзі на балоце». — **А. М.**), не было б у мяне і такога адчування, але яно прыйшло, і я ўзяўся за гэтую справу. Я пачаў думаць, а пасля і ўзяўся пісаць «Плач перапёлкі», баючыся, што з яго выйдзе, з гэтага рамана».

Использовал впечатления военного детства, немало дал творческий опыт предшественников в осмыслении событий Великой Отечественной войны: Иван Шамякин, Иван Мележ, Михась Лыньков. Очень помогли мемуары партизанских командиров. И, конечно же, встречи со многими из них: «...Бывала, у мяне збіраліся памногу партызанскіх камандзіраў. Такіх, як Мачульскі, Захараў, Булат, Жунін, Мармулёў, Ціхаміраў, Джагараў. Мы падоўгу гутарылі, пра ўсё гутарылі... Некалькі разоў сустракаўся ў Маскве з Панамарэнкам (начальником Центрального штаба партизанского движения в годы войны. — **А. М.**). Пасля ў мяне завяліся свае ўласныя карэспандэнты, якія пісалі пра сябе, пра сваё жыццё, пра партызанскую барацьбу, пра людзей, што ўдзельнічалі ў гэтай барацьбе».

Такая подготовка не прошла бесследно. В белорусской литературе появилось масштабное художественное полотно, каких до этого не было. Писатель, видевший войну глазами ребенка, сумел сказать о ней настолько правдиво, что затронул, как говорится, за живое. «Першапачатак народнага подзвігу» — так сказал о романе «Плач перапёлкі» один из первых его рецензентов Владимир Юревич. В самом деле, — начало. Хотя пока что ничего героического веремейковцы и не совершили, но все они живут предчувствием чего-то нового, большого, что обязательно окажет влияние на их дальнейшие судьбы, а значит, и поделит их на два лагеря. На тех, кто останется приверженцем советской власти, сделает все зависящее от него, чтобы приближать разгром захватчиков. И на фашистских прихвостней.

С гордостью за родную Беларусь написан роман И. Чигринова. Вместе с тем и с болью, что так много довелось пережить народу, особенно в годы Великой Отечественной войны. Понятие историзма в отношении к произведению приобретает глубинное значение. Связь времен, соединение вчерашнего и сегодняшнего, постижение всего этого в диалектическом единстве выходит на первый план. И вот уже за судьбой небольшой деревеньки Веремейки начинает видеться вся земля белорусская, к лучшим представителям которой относятся главные герои романа Родион Чубар и Денис Зазыба — председатель колхоза и его заместитель. Впрочем, председателем сначала был Зазыба, но с этой должности его сняли после того, как осудили сына Масея. Явление для того времени обычное: Масей был объявлен «врагом народа».

Чубар и Зазыба — люди преданные советской власти, но во многом не похожие друг на друга. Зазыба — прагматик. В каждом конкретном случае он старательно выверяет свое поведение. Уточняет его согласно обстоятельствам. Чубар же сторонник активных действий, он не привык идти на компромиссы, не может отойти от указаний, полученных перед войной и в первые дни войны от районного начальства. Забывает, да и никак не хочет принять во внимание, что обстановка изменилась, и то, что было правильным вчера, никак не поможет и действовать, и бороться с врагом.

Ставя перед собой великую и благородную цель — разгром врага (но, несомненно, такая цель была и у Зазыбы), Чубар готов сразу же все вокруг ломать, уничтожать, не желая понять, что людям все же придется как-то жить на оккупированной территории. Видя Чубареву непримиримость, легко переходящую в агрессивность, Зазыба, как только может, пытается хотя бы немного «остудить» своего товарища, но это дается ему очень нелегко.

Важно, что в романе у И. Чигринова именно народный взгляд на войну. На происходящие события он посмотрел глазами самого народа, а выразителем мыслей его как раз и выступает Зазыба. Правда, он не только собственным мнением и рассуждениями делится, а и прислушивается к голосу тех, с кем живет и чьи мысли для него очень важные, а иногда и определяющие:

«— І яшчэ я табе скажу, Чубар, а ты ўжо як хочаш, — хочаш слухай, а хочаш не. Але я яшчэ ў тую германскую чуў, як Панаська гаварыў. Быў у нас такі чалавек, да калгасаў памёр. Ты яго не заспеў. Дык от Панаська нават тады гаварыў: хто з роднае зямлі ўцякае, той ворага не перамагае».

Чубар не сразу придет к пониманию того, что его место с односельчанами. Не случайно его линия в романе занимает куда больше места, чем линия Зазыбы. По той простой причине, что сама диалектика его характера в начале войны (да и в дальнейшем) куда более сложная, чем у Зазыбы. Он никак не может вырваться из мирного времени. Если нет указаний, как действовать, не знает, что делать. Направляется в районный центр Крутогорье, наивно полагая, что именно там получит нужные указания. И наталкивается на немецкие танки.

Хождение этого чигриновского героя по мукам — естественое состояние человека, который вдруг столкнулся с суровой реальностью. Если Зазыба воевал в гражданскую, то «Чубар не меў вопыту ў ваеннай справе — яму не давялося ўдзельнічаць у папярэдніх войнах па малалецтве». Чем дальше «бежит» он от Веремеек, тем больше они не хотят «отпускать» его от себя. На путь истины Чубара наставляет полковой комиссар, с которым его свела судьба. Узнав о сомнениях нового знакомого, о его муках, тот сказал прямо: «Ведаеце, што я зрабіў бы цяпер на вашым месцы?.. Вярнуўся б у свой калгас. Там вас добра ведаюць».

Роман «Плач перапёлкі», как и любое произведение этого жанра, густо населен. Его персонажи разные и непохожие друг на друга, но объединяет их то, что все они веремейковцы. Веремейковцы как часть белорусского народа. Они только входят в войну. Все еще впереди, о чем свидетельствовало и окончание произведения: «Канчаўся ўсяго толькі другі месяц вайны...». Продолжением «Плача перапёлкі» стал роман «Апраўданне крыві». Притом это такое продолжение, что

стыковка между двумя романами настолько сильная, что при знакомстве с «Апраўданнем крыві» сразу же появляется такое ощущение, будто это очередная глава предыдущего произведения. В конце «Плача перапёлкі» автор сообщает, что Чубар «нават не заўважыў, як трохі вышэй, на ўзгорку і таксама на нядаўні стрэл, выскачыў перадавы раз’езд нямецкай вайсковай часці, якая ўступала ў Верамейкі паўз хату Юхіма Кандрусевіча». А вот первое предложение нового романа: «Маршавая нямецкая калона даўно ўжо ступіла паўз Кандрусевічаву хату ў Верамейкі, а ў вёсцы мала хто свядома мог бачыць яе: амаль усё дарослае насельніцтва было ў Паддубішчы».

Иван Чигринов придерживался хроникальности в отображении событий, но, говоря словами Т. Шамякиной, «хроніка тут своеасаблівая. Па-першае, раманны час сцягнуты. У першым рамане дзеянне адбываецца на працягу некалькіх тыдняў, а ў другім ужо сціскаецца да некалькіх дзён, затое пры гэтым узрастае нагрузка іншых структурна-стылёвых элементаў. Па-другое, сутыкненне жыхароў вёскі Верамейкі з немцамі аказваецца кульмінацыяй усёй дылогіі, кульмінацыяй, размешчанай насуперак, здавалася б, усім правілам сюжэтна-кампазіцыйнага будавання, як раз пасярод дзеяння».

Согласно авторскому замыслу, и во втором романе основную нагрузку несут образы Чубара и Зазыбы. Однако образ Чубара, хотя и получил дальнейшее развитие, нельзя сказать, чтобы слишком «сдвинулся» с места. Как и в «Плачы перапёлкі», Чубар все еще ищет себя, а конкретней — не может найти собственное место на войне. И хотя во многом уже соглашается, что станет партизанить, тем не менее, чувство неопределенности не оставляет его. И даже тогда, когда уже пришел к Веремейкам, он не может освободиться от желания попробовать проанализировать, а что могло бы случиться, если бы события развернулись в ином направлении.

А вот Зазыба своего рода испытание не только на социальную активность (чего-чего, а в этом ему, как и Чубару, не откажешь), а и на нравственность, мораль проходит после возвращения сына Масея, перед войной осужденного и отбывавшего наказание. С этого времени в жизни Зазыбы-старшего начинается, по сути, новая полоса.

Есть еще один образ, несущий значимую нагрузку — Парфен Вершков, «чалавек моцны духам и багаты розумам». Если Зазыба противоположность Чубару, то Вершков (понятно, в определенной степени) как бы полярность самому Денису Евменовичу. Оба выходцы из самых народных низов, оба не имеют большого образования, оба преданы советской власти. Но если Зазыба в этой преданности иногда доходит до фанатизма, то Вершков способен рассуждать трезво, глядя в самую суть дела. Свое отношение у него и к событиям тридцатых годов. Желание разобраться, что и к чему в этой жизни, приводит Парфена и к тому, что он начинает задумываться, а кто мы на земле, откуда пришли. С таким вопросом он обращается и к Масею Зазыбе. Спешит получить ответ, ибо предчувствует: мало ему осталось дышать родным воздухом. Умирает внезапно. Был человек, и нет человека.

В романе «Апраўданне крыві», как и в «Плачы перапёлкі», при внешней замедленности действия присутствует тот внутренний динамизм, который свидетельствует о том, насколько напряженные процессы происходят в душах людей, как веремейковцы, и те, кто жил рядом с ними, войдя в войну, остаются на ней, и каждый при этом действует согласно своим убеждениям, согласно своему пониманию долга. В произведениях этих и раскрыт патриотизм, название которому — духовная сила народа.

В третьем романе «Свае і чужыя», хотя встречаешься с уже знакомыми Родионом Чубаром и Денисом Зазыбой, а своего рода центробежная сила все время притягивает к Веремейкам, границы произведения значительно расширяются. Правда, не в пространственном понятии — до этого Чубару, как видно из романа «Плач перапёлкі», блуждая дорогами войны, приходилось отходить

от деревни значительно дальше, — а в тематическом плане. Основная авторская мысль сосредоточена на том, чтобы показать, как в этих местах организовывалось партизанское движение, а люди на оккупированных территориях от желания сражаться с врагом переходили к борьбе с ним. Правда, И. Чигринов до поры до времени в чем-то выступает даже не столько писателем-исследователем характеров и самих обстоятельств, сколько информатором. Однако сведения, которые при этом приводятся, очень нужны и со временем они «сработают» надлежащим образом, как бы наполнятся самой плотью, а это приведет к психологической убедительности в показе борьбы с оккупантами.

Показывая первые шаги партизанского отряда, И. Чигринов сначала смотрит на события глазами его командира Нарчука, а потом комиссара Баранова. И даже рядовых бойцов. Присутствует и еще такой важный взгляд «со стороны», который позволяет независимо, а поэтому более объективно, оценить, что и к чему, и одновременно прийти к неким важным выводам, также очень необходимым. Это голос самого автора, звучащий часто не в унисон с рассуждениями персонажей, но именно он придает роману концептуальное звучание, а значит, и является решающим для определения возможного развития событий: «Між тым, сёння не адзін Мітрафан Нарчук, камандзір Крутагорскага партызанскага атрада, які рабіў на вайне першыя свае крокі, меў патрэбу ў навуцы камандаваць і ваяваць.

Па тым, як разгортвалася вайна, па выніках яе можна было меркаваць, што давалася гэта навука нялёгка. І перш за ўсё, няйначай, таму, што ў адрозненні ад звычайнай навукі, той, якую мы ўсе прывыклі ўяўляць мірнай, а разумець як «выразнае пазнанне ісціны», гэта мела другі выгляд і другую сутнасць і патрабавала чалавечых ахвяр, чалавечай крыві і многа матэрыяльных затрат, што ў пераважнай большасці выражалася ў тых разбурэннях, якімі суправаджалася вайна».

Конец декабря сорок первого года стал для героев романа определяющим. Не оставалось никакого сомнения, что Зазыба и Чубар через некоторое время станут активными борцами с немецко-фашистскими захватчиками. Они, наконец, поняли, в чем заключается настоящая наука воевать. Тем самым, получалось, что то, к чему «вел» И. Чигринов на протяжении трех романов, свершилось. Можно было ставить в масштабном повествовании последнюю точку.

Поэтому после завершения романа «Свае і чужыя» относительно продолжения «веремейковского цикла» Иван Гаврилович отметил следующее: «Што будзе далей вядома: Вялікая Перамога ў маі 45-га... Прадаўжаць далей не мае сэнсу». Но веремейковцы все же и на этот раз не «отпустили» его: в 1992 году был опубликован четвертый роман «Вяртанне да віны». Что И. Чигринову он давался нелегко, видно по тому, что между этим произведением и «Сваімі і чужымі» «разрыв» в девять лет. Да и публикация в журнале «Полымя» (предыдущие романы помещены в «Маладосці») растянулась на целый год. Начало романа увидело свет в первом номере ее, завершение — в двенадцатом. Да и название в процессе написания конкретизировалось. Сначала четвертый роман назывался «Не ўсе мы памром», только постепенно он стал «Вяртаннем да віны».

В этом романе, как и в предыдущих, И. Чигринов, глядя на войну глазами народа, обязательно отталкивается от видения ее одним из представителей его, в данный момент как бы аккумулирующем мудрость, рассудительность и определенную осторожность. Если раньше это был Парфен Вершков, то теперь Кузьма Прибытков. Его рассудительность базируется на народной нравственности, а она такая, что далека от высоких материй, но хотя иногда и несколько наивная, зиждется на том, что попадает под определение «не навреди». Интересен в связи с этим разговор Прибыткова с Патюпой, бывшим энкавэдэшником, который днем появился на деревенской улице с винтовкой. У Прибыткова это появление партизана сразу же вызвало ассоциацию с фашистским прислужником Браво-Живатовским: «Дак таксама не выпускае з рук вінтоўкі. Можа, цяпер недзе тута, на лузе. Ці вы па дамоўленасці так — спярша з вінтоўкай адзін пройдзе, пасля другі? Спярша паліцэйскі, пасля партызан, няйначай,

каб дарогі не скрыжаваць?» После этого Прибытков изложил философию своего отношения к войне: «Пастраляеце вось так адзін аднаго, пасля і дзеці вашы не разбяруцца, што да чаго. А немцам ета, нябось, на руку... Варожасць паміж людьмі звычайна не канчаецца з вайной. Ета як... Ета, каб была мая ўлада, дак я б пазабіраў у вас етыя вінтоўкі, паламаў ды выкінуў у грэблю. А то ваяваць дак вы захацелі. І ён вобегае тута й ты. Ваяваць трэба было тама, на фронце. Ваююць жа другія, дак...».

Вспоминаю произведения о минувшей войне, в мыслях переворачиваю их страницы, и не могу сказать, чтобы у кого-либо из писателей, пусть себе и самых известных, можно было прочитать нечто похожее. В их книгах есть все. И народное мужество, и смелость, решительность, когда оружие брали в руки и старые, и малые. Иногда показаны и определенные сомнения насчет того, как воевать, как жить под немцем. Но чтобы кто-то взял и показал такого Прибыткова? Нет, кажется, подобного образа в белорусской литературе. И здесь И. Чигринов — первооткрыватель. Первооткрыватель характера непростого, по-своему противоречивого, но взятого из самой жизни, как бы подсмотренного в военной реальности. Впечатление такое, будто сам писатель имел возможность в свое время разговаривать с прототипом этого персонажа. Однако, конечно, не мог, ибо сколько лет было И. Чигринову в годы войны? Допустим, с подобным «философом» он встречался после победы. Но если бы и встречался, то вряд ли возможно, чтобы такой «Прибытков» на расстоянии времени мог так передать свои тогдашние мысли, рассуждения. В таком случае закономерно возникает вопрос, откуда такая правдивость и убедительность этого образа? Да все оттуда, с того пространства, что называется миром И. Чигринова, в нем, в этом многомерном мире, соседствуют большой талант и богатые наблюдения, когда из множества их, подсмотренных внимательным глазом писателя, и рождаются персонажи, взятые из самой жизни.

В романе начинает звучать понятие вины, вынесенное и в его заглавие. Не просто дается персонажам постижение этого понятия. И потому, что оно вообще не поддается однозначной оценке. И из-за сложности военных реалий, где действуют свои законы, которые чаще не стыкуются с нравственными атрибутами, а их как раз и придерживаются те веремейковцы, которых можно назвать настоящей совестью деревни. Но признать свою вину, хотя бы и частично — это не так и просто, ибо это требует и определенного мужества. Хотя бывают и ситуации, когда иного не дано.

Именно в такой ситуации оказался Чубар, когда гитлеровцы его пленили. А после допросов посадили в самолет, чтобы показал расположение партизанского отряда. Покажешь — свободен. Но «здраднікам Чубар станавіцца не збіраўся». А показать размещение отряда — также измена. На нее же он не мог пойти ни при каких условиях. Поэтому, когда самолет снизился и открыли дверь, чтобы пленный мог лучше ориентироваться, он «нагнуўся і паляцеў уніз...». Тем самым Чубар сделал выбор, подтвердивший его честность и преданность Родине. Однако в этой ситуации есть небольшое, но вместе с тем очень существенное авторское уточнение: «Дзіўна, але нават у такім становішчы, на пачатку сваёй смерці, Радзівон зноў успомніў, не, дакладней, убачыў таго бешанковіцкага паўстанца і ваенурача, якога забіў некалі на пясчанай выспе». Как известно, в начале войны он совершил самосуд. Когда же до войны охранял бывшего деникинского офицера, придерживался приказа (был ли непосредственным исполнителем казни, из романа неизвестно).

В связи с подобным трагическим завершением жизни Чубара понятие «вяртанне да віны», на чем постоянно акцентировал внимание И. Чигринов, приобретает еще большую значимость. Как правильно отмечал Виктор Коваленко, «варта задумацца над сутнасцю характара Чубара як сацыяльна-псіхалагічнага тыпу пэўнага часу, над яго суаднесеннасцю з падобнымі персанажамі ў творчасці іншых пісьменнікаў».

В самом деле — «пути Господни неисповедимы». Работая над пятым романом, И. Чигринов вспомнил первоначальное название романа четвертого: «Не ўсе мы памром». Несколько уточнил его и появился заключительный роман пенталогии: «Не ўсе мы згінем». Тем самым основное внимание сосредоточил на исконном противопоставлении войны и мира, а также на результатах, к которым неизбежно приводит вооруженная борьба, требующая не только неимоверных нравственных усилий, но и больших физических затрат. Особенно, если она такая истребительная, какой и была Великая Отечественная, в которой погиб каждый третий житель Беларуси.

Поскольку пятый роман был задуман как завершающий, то И. Чигринов основное внимание сосредоточил на том, как на территории Беларуси завершался разгром немецко-фашистских захватчиков. А начался он, как известно, в середине 1943 года. Для тех же партизан, которых не взяли в действующую армию, борьба с врагом, по сути, завершилась в июле сорок четвертого, когда в Минске перед Домом правительства прошел известный парад победителей. Тем самым очертились и временные рамки произведения.

Чтобы была стыковка с предыдущим романом «Вяртанне да віны», И. Чигринов неоднократно обращается к ретроспекциям, позволяющим уточнить отдельные моменты из жизни персонажей, хотя в завершающий роман их перешло не так и много. Если же взять во внимание тех, кто несет основную романную нагрузку, то их всего двое: Денис Евменович и Масей Зазыба. Вечная тема: отец и сын. Остальные персонажи не просто эпизодические, они появляются на страницах произведения только на какое-то мгновение. Одних давно нет в живых. В других случаях, как это произошло с неожиданной гибелью жены Зазыбы Марфы Давыдовны, рассказывается более подробно. Иногда сообщение лаконичное, в чем-то близкое к телеграфному — и так понятно, что произошло.

Но если в предыдущих романах зачастую полярность замечалась в поведении Зазыбы и Чубара, то теперь на другом «полюсе» оказался Масей. Своего рода стеной между отцом и сыном, как и видно было до этого, стало отношение к советской власти. Денис Зазыба, хотя во многом и начал смотреть на нее другими глазами, окончательно разочароваться в ней не смог. Не такое воспитание имел, чтобы отказаться о того, что сформировало его как гражданина. Масей же, не желая помогать фашистам, тем не менее, надеялся, что после освобождения его ожидает нечто лучшее, чем до этого. Тем более, что окончательно остаться в стороне от событий, находиться на своеобразной нейтральной полосе ему так и не удалось.

Кто хорошо знаком с творчеством И. Чигринова, не мог не заметить, что он, как правило, избегает неожиданных сюжетных поворотов. Его проза — не столько проза действия, сколько глубокого психологизма. Безусловно, такую прозу принимает далеко не каждый читатель. Тем, кто привык только следить за развертыванием сюжета, с ней, можно сказать, делать нечего. Настоящее эстетическое удовольствие от произведений И. Чигринова (от романов даже в большей степени) получает читатель, желающий «работать» головой, привыкший к постоянным раздумьям, к анализу. Однако, как убедил роман «Не ўсе мы згінем», И. Чигринов полностью не отрицает и сюжетного динамизма. И не столько способен заинтриговать читателя, сколько дает возможность в полную силу проявиться его величеству случаю. Именно так и случилось, когда Зазыба попал в избу, в которой остановился генерал. Без неприятностей, безусловно, не обошлось бы, если бы генералом не оказался прежний командир роты Зеленодольский, у которого в гражданскую войну Денис Евменович был пулеметчиком.

Трудно поверить в подобную встречу? Но чего на войне не бывает! Происходит иногда такое, что не способна придумать даже самая богатая человеческая фантазия. И. Чигринов, сведя Зазыбу с Зеленодольским (а генерал оказался человеком, который не забыл фронтового побратимства, «опускает» воинскую иерархию, если рядом бывший друг), не просто расширил романные рамки

произведения. Эта встреча понадобилась ему для того, чтобы дать возможность Зазыбе в дальнейшем побывать в Минске, где он рассчитывал встретиться с сыном. Зеленодольский взял Дениса Евменовича к себе, генерал был особистом, вершил судьбы и тех, кто сотрудничал в годы войны с немцами.

Нахождение Зазыбы рядом с Зеленодольским — это одновременно и возможность для Зазыбы увидеть многие аспекты жизни, довоенной и военной, о которых он хотя и догадывался, но суть которых до конца не мог понять и постигнуть. Теперь же и происходит приближение к подобной правде, ибо генерал — человек открытый и, доверяя Зазыбе, говорит о многом, что известно только ему одному. По сути, исповедуется ему, переосмысливая свой путь, пытаясь разобраться в тех сомнениях, которые иногда одолевали его: «...Зазыба Зеленадольскаму спатрэбіўся, вядома ж, не як спецыяліст па нядаўняй акупацыі, а вось менавіта па гэтай прычыне — па роднасці душ, па выхаванні маралі першых гадоў бальшавіцкай рэвалюцыі, акурат генерал бачыў цяпер у сваім колішнім кулямётчыку нейкае апраўданне сябе».

Ретроспекции помогают лучше понять и Масея Зазыбу, который, находясь на нейтральной полосе, так и не осмелился пристать к той или иной воюющей стороне. Однако и здесь помог случай.

Один из наиболее психологически завершенных эпизодов в романе тот, когда Масей разговаривает с Семеном Потемкиным и Иваном Люнизиным, которых командование партизанского отряда послало в Бабиновичи, чтобы уговорить его бросить писарство и пойти в партизаны. Масей не собирается «прятаться» от них, тем более, что Иван «сам адбываў астрожны тэрмін»: «...У вашай прапанове мяне не толькі турбуе адна даволі важная акалічнасць, але і палохае. Гэта партызаны вашы цяпер гатовы гарантыю бяспекі даць, а што скажа тая ж савецкая ўлада, якую ўсе вы, у тым ліку і мой бацька, гэтак чмакаеце?» Масей убежден, и в этой своей убежденности он в чем-то близок к истине, вспоминая свое незаслуженное осуждение, а что уже говорить теперь, когда, по сути, он работает на немцев: «...Ад савецкай улады не абароніць нават вялікае геройства. У савецкай улады заўсёды павінны быць вінаватыя. Яна без гэтага не можа».

Незавидно положение, в котором он оказался. Это Зазыба-младший еще больше уяснил, когда узнал об успехах Красной армии: «...Масей паступова прыходзіў да высновы, што чакаць Чырвоную армію ў Мінску яму таксама няварта. І не столькі таму, што друкаваўся ў газетах, якія выходзілі ў шматлікіх гарадах на акупіраванай тэрыторыі. Ніхто ж не вызваляў яго ад віны, за якую трапіў у лагер за Марыінскам. Сюды дадавалася праца ў валасным упраўленні у Бабінавічах. У вачах улады, якая вярталася, усё гэта мела сваю шкалу вызначэння віны. Штошто, а наконт гэтага Масей не памыляўся. Іншая справа, каб яго няшчасці скончыліся трыццатымі гадамі і каб яму ўдалося пракідацца ваенны час пры бацьку ў Верамейках. Аднак лёс не захацеў паказаць літасць». Масею не оставалось ничего иного, как занять свое место в «камфартабельным цягніку для ад'езду самых выдатных дзеячаў нацыянальнага руху з тэрыторыі Беларусі». Среди этих «самых выдатных» были и те, чьи руки в крови: «Дзіўна, але Масею чамусьці здавалася, што апынуўся ён у гэтым цягніку выпадкова і хутка пакіне яго. Ад гэтага на душы пакуль не адчувалася нават развітальнай журбы з радзімай. Як штосьці далёкае-далёкае, амаль несапраўднае, вярнула памяць яму Верамейкі, матчыну магілу і няўрымслівага бацьку з яго непраходзячай наіўнасцю. Трагічны лёс трагічнай сям'і!.. І хіба не ягоная віна ў гэтым?..» А вот Денис Евменович сразу убедился, что прощается с сыном навсегда, едва узнал о его отъезде от Зеленодольского. Он «добра ўжо разумеў, што страціў Масея назаўсёды. Цяпер сыну заставалася адно — мыкацца, гараваць па чужых краях. А гэта, бадай, горай, чым адседжваць новы тэрмін на Калыме ці Пячоры».

Но это уже за пределами романа. В веремейковском цикле была поставлена последняя точка. Роман «Не ўсе мы згінем» оканчивается описанием партизанского парада, который Зазыба-старший «пабачыў, стоячы недалёка ад трыбуны,

дзе знаходзіліся Чарняхоўскі, Панамарэнка...». А впереди была Великая Победа, приближать которую выпало и веремейковцам, призванным в действующую армию. Персонажи пенталогии свою войну завершили. Одни погибли, другие, кому повезло, выжили. Судьба каждого из них, как это видно из романного цикла, частица и судьбы народной.

Драматург

Нисколько не чуждой была Ивану Гавриловичу и драматургия. Однако к этому жанру он приближался постепенно, постигая его секреты и тайны. Определенный опыт приобрел, когда вместе с Иваном Новиковым работал над сценарием многосерийного телевизионного художественного фильма «Руины стреляют...», поставленного в 1973 году на киностудии «Беларусьфильм». В основу его, как известно, положены романы того же И. Новикова «Руіны страляюць ва ўпор» и «Дарогі скрыжаваліся ў Мінску», в которых правдиво показана борьба с немецко-фашистскими захватчиками в Минске. И все же настоящее драматургическое мастерство к И. Чигринову пришло, когда он взялся за инсценировку своего романа «Плач перапёлкі». Правда, об инсценировке можно говорить условно, ибо в народной драме (а именно такое название он дал своему драматургическому произведению) сохранены основные сюжетные линии, действуют уже известные персонажи. Однако, как того и требовало театральное действо, автор, учитывая законы и возможности жанра, по сути, написал новое произведение на уже известном материале.

Работалось, правда, нелегко. Сказывалась и ответственность, которую брал на себя: хотел драму «Плач перапёлкі» предложить театру имени Янки Купалы. Нашел взаимопонимание с главным режиссером Валерием Раевским и вскоре на купаловской сцене появился не только новый спектакль, но и появилось имя нового драматурга. Спектакль был доброжелательно встречен и зрителем, и критикой. Более того, поскольку как раз в Москве проходил очередной партийный съезд, новая работа прославленного белорусского театра была предложена на Всесоюзный смотр и отмечена на нем престижной премией.

А как насчет нового имени? Нельзя не согласиться с мнением Степана Лавшука: «...Прыход знакамітага празаіка ў драматургію адбыўся неяк будзённа. Прынамсі, ніхто ў новым «цэху» не захапіўся, не зарадаваўся: глядзіце, хто прыйшоў! І дарэмна. Па-першае, прыйшоў не абы-хто. Па-другое, спанадная прафесійная ўвага да людзей тэатра не аказалася б лішняй нават такому вопытнаму літаратару, як І. Чыгрынаў». О, эта будничность! Не является ли она еще одним проявлением нашей неспособности, да и нежелания радоваться чужим успехам? Не прячется ли за этим и определенная черта национального характера, когда по-прежнему ничего хорошего у себя не замечаем, а вместе с тем обижаемся, что часто хорошее не желают примечать у нас и другие?

Однако о И. Чигринове-драматурге. Думается, как раз успех спектакля «Плач перапёлкі» и предопределил последующие усилия Ивана Гавриловича в этом направлении. Не могло не появиться искушение дать сценическую жизнь и другим своим произведениям. В результате в брестском театре появился спектакль «Апраўданне крыві», в Витебске были поставлены «Свае і чужыя». И. Чигринов инсценировал и ряд своих рассказов (спектакль «Дзівак з Ганчарнай вуліцы» в театре-студии киноактера в Минске). По существу, произошло то, что и должно было произойти: И. Чигринов, как писатель, плодотворно работавший в разных жанрах, просто не мог обойти своим вниманием и драматургию. Прав тот же С. Лавшук: «Гэта было б гэтак жа нелагічна, калі б беларускі селянін, робячы гэблем, плугам, касой, чамусьці праігнараваў бы, напрыклад, пілу».

Тем не менее, вопросы, как говорится, снимаются, но вместе с тем и остаются. Одно дело, если автор творчески использует уже знакомый ему материал,

и совсем иное, если он берется за написание оригинальных драматургических произведений. А И. Чигринов, наконец, пошел именно таким путем. В 1988 году одна за другой появились три его оригинальные пьесы. И что интересно, две из них — «Следчая справа Вашчылы» и «Звон — не малітва» — были посвящены седому белорусскому прошлому.

Сам Иван Гаврилович так объяснял свое обращение к национальной древности: «Справа ў тым, што асэнсаванне падзей Вялікай Айчыннай вайны мною адбывалася не год і не два... Безумоўна, гэта прыносіла задавальненне, здаецца, я нібыта знайшоў сябе, знайшоў сваю тэму... Але не будзем забываць і іншае. Працуючы над апавяданнямі, пішучы раманы, я знаходзіўся ў межах пэўнага фактычнага матэрыялу, як бы трапляў у яго палон. Стваралася паступова такое псіхалагічнае становішча... Як бы лепей выказаць яго? Дакладней вызначыць! Здаецца, правільней будзе так: складваецца ўражанне, што я быццам трапіў у нейкі даўні і доўгі дождж. Ён ідзе, ідзе і ідзе... Усе паспелі схавацца ўжо, а ты ўсё стаіш і стаіш пад ім. Я ўжо недзе выказваўся пра гэта. Словам, паступова прыходзіла разуменне — патрэбен пераход у другі жанр. Але не проста пераход у драматургію, а ў драматургію на гістарычную праблематыку. Зноў з’яўляецца: чаму? Ды таму, што выхаванне без гісторыі немагчыма. А літаратура ж — не мною гэта сказана — безумоўна, калі яна сапраўдная, служыць, найперш, справе выхавання. Ведаць гісторыю — ведаць свой народ».

«Выходя» на историческую стезю, И. Чигринов, однако, отказался от больших и не испугался целика. Куда легче ему было бы поставить в центр произведения, скажем, Кастуся Калиновского, Сымона Будного, Францишка Скорину... Берись и пиши, факты так и просятся в руки. Но у И. Чигринова и здесь был свой взгляд на прошлое. И не только, а и собственная концепция его восприятия и раскрытия.

Насчет выбора именно этого, а не иного героя для своего первого оригинального драматургического произведения, он признавался: «...Васіль Вашчыла таму і прывабіў мяне, што мы і па сённяшні дзень пра яго амаль нічога не ведаем. Прынамсі, яго імя не надта сустракаецца ў падручніках. Гістарычных працах. Згадваюцца Сцяпан Разін, Емяльян Пугачоў... Асобы вартыя памяці. Між тым, Вашчылам я «жыў» даўно. Па-першае, ён мой зямляк. А па другое, тая гістарычная таямнічасць, што існавала вакол яго імя, прыцягвала да сябе, узнікала жаданне ва ўсім самому разабрацца, да ўсяго дайсці».

Пьеса не случайно названа «Следчая справа Вашчылы», ибо в основу ее и положено следственное дело, лежавшее в архивах с 1744 года. Познакомил И. Чигринова с этим уникальным документом, позволяющим по-новому посмотреть на события белорусского прошлого, доктор исторических наук В. Мелешко. Однако это «следственное дело» хотя и приоткрывает многие тайны, вместе с тем оставляет и главную загадку. Она, прежде всего, связана со смертью руководителя Кричевского восстания. В документах сказано, что его отравили. Но сразу возникает вопрос. Почему же Ващилу, которого, казалось бы, можно было надлежащим образом наказать, неожиданно взяли, да и в последний момент, во время следствия и отправили неприметно на тот свет? На счет этого у И. Чигринова было свое мнение: «...Упэўнены, што яго нявыгадна было слухаць на следстве, якое мелася адбыцца ў рускім горадзе Мгліне, — так званаму польскаму баку. Ні расейскаму... У Старадубе, па дарозе з Кіева ў Мглін, Вашчылу і атруцілі. Калі ж прытрымлівацца дакументаў, дык там сказана, што ён захварэў жыватом і тут жа памёр».

Иван Чигринов придерживался самих документов. Однако пьеса «Следчая справа Вашчылы» — это не обычное прочтение исторически важных материалов, а вдумчивое осмысление и переосмысление их. Первоочередное внимание драматурга обращено на такие моменты, которые позволяют почувствовать, насколько неординарной личностью являлся Ващило, и, вместе с тем, разобраться, что толкнуло его на открытое выступление против угнетателей.

Насколько непростой и извилистый путь народа к своему самоопределению, видно и из пьесы «Звон — не малітва». Хотя кто-то, может, усомнится в правомерности подобного вопроса. В самом деле, о каком самоопределении можно говорить, если речь идет о событиях времени перехода от язычества к христианству. Однако не будем забывать, что именно в этот период и закладывались основы нашей государственности, а Полоцкое княжество постепенно становилось прообразом белорусского государства. По стечению обстоятельств к созданию его пришлось иметь отношение князю Изяславу, одному из сыновей великого князя киевского Владимира и его жены Рогнеды.

Предыстория этих событий на сегодняшний день хорошо известна. Рогнеда, которая не могла и не хотела простить мужу убийство своего отца, матери, братьев, позже она скажет Изяславу: «Ён не толькі маё жыццё зганьбаваў, але і княства наша Полацкае знішчыў. Ты становішся дарослы, таму пра ўсё павінен ведаць». Дождавшись, когда Владимир уснул, замахнулась на него ножом. Словно почувствовав опасность, великий князь неожиданно проснулся и перехватил ее руку. Рогнеду ожидала смерть. Но за мать заступился малолетний Изяслав. Он стал между нею и отцом. Владимир пожалел жену и выслал ее подальше от стольного Киева. Они поселились в глухой местности, неподалеку от Минска, где возникло селение Изяславль, нынешний Заславль. Этот случай, который оказал влияние на дальнейшую жизнь Рогнеды и Изяслава, в пьесе подается как вставной эпизод: «Вельмі здалёку прыходзіць з’явішча, бы насланнё... Спіць на ложку вялікі князь Уладзімір. Рагнеда ўстае з той жа пасцелі, бярэ прыхаваны нож, замахваецца на мужа» и т. д.

Тема «человек и власть» нашла свое раскрытие и отображение в пьесе «Прымак» и драматургической повести «Брат караля». Эти произведения близки между собой основными сюжетными линиями. Да и главные действующие персонажи в них одни и те же, конкретные исторические личности: Ягайло, Витовт, Софья Гальшанская, Иван Друцкий, соратник Ягайлы по боевым походам еще в годы его молодости Юлиан и другие. Присутствует еще, я бы сказал, и схожесть внутренняя. И в пьесе, и в драматургической повести одинаково звучит тема белорусской государственности. Иное дело, что она рассматривается как бы с разных отправных моментов.

В первом случае сами события осмысливаются с точки зрения Польши, которая, понятно, была заинтересована в укреплении своей страны, в том числе, конечно, и за счет белорусских земель. В драматургической повести «Брат караля» на первый план выступают интересы Великого княжества Литовского, которое, пойдя на политический союз с Польшей, все же (именно на таких позициях находятся его лучшие представители) добивается для себя как можно большей самостоятельности. Да и основания для этого есть. В объединении двух государств виделось едва ли не единственное спасение, чтобы совместными действиями противостоять угрозе Тевтонского ордена и Московского государства. Укрепить свои границы с Запада и с Востока. Но, как оказалось, Польша также была не против того, чтобы стать полноправной хозяйкой на белорусских землях. Да и как отказаться от такой заманчивой перспективы, если сам король Ягайло, по сути, та марионетка, которой можно управлять, как захочешь.

Столкновения обеих сторон выразительно обозначены в пьесе «Прымак». Польская — это Ягайло и его окружение, литовская, значит, белорусская, — Витовт, претендующий на корону и те, кто поддерживает его. А среди них и император Священной Римской Империи, король венгерский Сигизмунд. Правда, поскольку все эти события, хотя и часто попадают в поле зрения исследователей, да и писателей, но по-прежнему нельзя сказать, что все можно подкрепить документально. Поэтому И. Чигринов позволил себе сделать определенные оговорки. Например, в списке действующих персонажей читаем: «Іван Друцкі — князь, здаецца, стрыечны брат каралевы Соф’і». В самом же начале пьесы: «Здаецца, 1429 год». После этого проникаешься к автору еще большим

доверием. Понимаешь, что он старался докопаться до правды и вместе с тем ни в коем случае не хотел выступать истиной в последней инстанции, а только приглашал вместе разобраться, что и к чему.

Несколько обособлено у И. Чигринова стоит драма «Савіцкі». И дело здесь вовсе не в художественных достоинствах или недостатках этого произведения. Написано оно достойно, точно выписаны характеры персонажей. Обособленность эта иного плана: в самом материале, а если конкретней — в выборе главного героя. Александр Савицкий — персонаж не вымышленный. В свое время его прозвали «белорусским Дубровским». Под таким именем он вошел и в легенды, отдельные из которых и по сегодняшний день можно услышать на территории Гомельщины или Могилевщины. Правда, как это бывает довольно часто, с годами сам Савицкий забылся, а в устах народа живет образ какого-то едва не идеального защитника обездоленных, несчастных, этакого Робин Гуда.

Первым вернул Савицкого из небытия Владимир Мехов, рассказав о нем в одном из материалов своей книги «Далучэнне»: «Хто вы, Аляксандр Савицкі?». А поскольку писал произведение документальное, то придерживался реальных фактов. Правильнее, тех немногочисленных сведений, которые ему удалось отыскать. Кстати, как установил В. Мехов, еще в первые дни 1910 года на страницах газеты «Полесская жизнь», выходящей в Гомеле за подписью «Л-віч», печаталась пьеса «Смерць Савіцкага». Оперативное появление произведения, пусть себе и невысоких художественных качеств — наилучшее подтверждение тому, что Савицкий, который действовал на территории Черниговской, Могилевской и Гомельской губерний, вызывал у современников большое внимание к своей личности. Между прочим, позже известный русский писатель Леонид Андреев взял его в качестве прототипа главного героя своего романа «Саша Жигулев».

Основная канва драмы И. Чигринова также держится на документальной основе. Это, однако, не означает, что драматург сдерживает себя в рамках конкретных фактов. Как у писателя со смелым полетом фантазии, у него чувствуется умение строить сюжет. Он не только отображает реальные события и обстоятельства начала XX столетия. Во многом как бы моделирует их, пытаясь предугадать то, что могло быть, если придерживаться логики поведения Савицкого и отталкиваясь от сведений, сохранившихся о нем. Иначе говоря, Савицкий в одноименной драме — это и реально существовавший человек, но одновременно это и художественный персонаж, а поэтому его образ во многом можно назвать типизированным, обобщенным. На примере Савицкого И. Чигринов пытался (и это ему удалось) показать, насколько более сложным и разносторонним было революционное движение в былой царской России, чем подавала его семь десятилетий официальная идеология.

В драме «Савіцкі» И. Чигринову удалось, притом, по-моему, довольно легко, найти стержневой момент, отталкиваясь от которого, можно, словно клубок, раскручивать перипетии судьбы главного персонажа. Сама интуиция подсказала это ему. Поскольку Савицкий — постоянная непредсказуемость поведения, какая-то импульсивность, то, сомнений не возникает, он мог легко сходиться (и сходился!) с самыми разными, в том числе совершенно неизвестными ему людьми. Сходился и в среде их сразу становился своим человеком. Именно при таких обстоятельствах — реплика за репликой, слово за словом — и произошло его знакомство с сыном могилевского вице-губернатора, студентом Петербургского технологического института, с которым они оказались в одном купе поезда, идущего со столицы в Могилев.

Не обошел сложных процессов в жизни общества И. Чигринов и тогда, когда обратился к ним в «сучаснай трагікамедыі» (его определение жанра) «Госці». В соответствии с жанром избрана и тональность произведения. Есть в нем саркастически-изобличающие моменты, присутствует и тот смех, о котором говорят: смех сквозь слезы. Главное же в том, что И. Чигринов выступает драматургом-гражданином, который небезразличен к происходящему вокруг, и который сам

хочет детально разобраться в этом. Да и приглашает к этому всех, кто познакомится с пьесой.

А в трагическом гротеске «Ігракі» Иван Гаврилович удачно уловил основные моменты той дипломатической борьбы, которая велась между Советским Союзом и фашистской Германией накануне Великой Отечественной войны. И даже не борьбы, а обычной игры, когда каждая сторона, пряча свои настоящие планы и цели, старалась выиграть время, обмануть противника. Результатом этих закулисных интриг стало подписание известного пакта Молотовым и Рибентропом, который долгое время подавался не иначе, как большое достижение советской дипломатии, политическую прозорливость партийного руководства Советского Союза, что позволило хотя бы немного собраться с силами, чтобы затем дать решительный отпор агрессору. Теперь же, когда стали известны многие секретные документы, это воспринимается во многом иначе. И Гитлер, и Сталин действовали, как говорится, в одной обойме, ставя на карту судьбу человечества, и при этом, не задумываясь, руководствовались только собственными амбициозными интересами.

Сложное явление — сталинизм... И если в «Іграках» И. Чигринов подступает к нему с пункта видения самого Сталина, который, конечно, как видно было, во всем видит одни заботы о развитии своей страны, то в драме «Чалавек з мядзвежым тварам» есть возможность познакомиться и с одним из тех, кто в свое время двигал сталинскую машину насилия, беззакония, репрессий. Иван Дорофеевич зовут его, фамилия Погасов. А кем он был в страшные годы, прятать не собирается:

«Пагасаў. Следчы. Следчы я. Такая ў мяне прафесія была. Цяпер — на пенсіі. Як кажуць, на заслужанай. Спярша у ЧК працаваў, затым у АДПУ, НКУС, пасля у НКДБ, ну і так далей — МДБ, КДБ... Словам, працаваў у сістэме дзяржаўнай бяспекі».

Проблемы, поставленные в драме «Чалавек з мядзведжым тварам», были актуальны на момент написания произведения. Но и ныне они не утратили своего значения. Понять, кто виновен — значит, не повторить прежних ошибок.

Иваном Чигриновым написаны также такие произведения, как «драматычная фантазія на чарнобыльскую тэму» (авторское определение жанра) «Хто вінаваты», пьеса «...Зайграй, хлопча малы», в которой писатель задумывается над судьбой Павлюка Багрима. Они также свидетельствуют о том, что талант И. Чигринова — многогранный и успешно развивался в разных жанрах.

* * *

Выступал Иван Гаврилович также в области публицистики и литературной критики. Об этом, в частности, свидетельствуют его книги «Новае ў жыцці, новае ў літаратуры» и «Паміж сонцам і месяцам». Безусловно, лучшим очеркам, статьям — как публицистическим, так и литературно-критическим — нашлось бы место в Собрании сочинений И. Чигринова, задуманном еще при жизни Ивана Гавриловича. К сожалению, это издание окончилось на первом томе. На сегодняшний день наиболее полное издание творческого наследия И. Чигринова — однотомник, вышедший в серии «Бібліятэка Саюза пісьменнікаў Беларусі», в который вошли все пять его романов.

С точки зрения рецензента

Откуда мы пришли? Кто мы? Куда мы идем?

Есть у Поля Гогена чрезвычайно мощная по силе воздействия на зрителя картина. В аллегорических образах изобразил художник на ней и беды, поджидающие человека, и стремление к открытию тайн мироустройства, и жажду чувственного наслаждения, и мудрое спокойствие, умиротворение, и, конечно же, неизбежность смертного часа. Путь каждого отдельно взятого человека и путь цивилизации в целом стремился воплотить знаменитый постимпрессионист. Название данного полотна — «Откуда мы пришли? Кто мы? Куда мы идем?» Не боясь излишнего пафоса, могу с уверенностью сказать, что к поиску ответов на эти вечные вопросы подталкивает нас и новая книга Франца Сивко «Эдэм», вышедшая в издательстве «Мастацкая літаратура».

Включает она уже известную белорусскому читателю трилогию «Удог» (увидела свет на страницах журнала «Полымя» в 1998 году, затем входила в различные сборники автора), а также рассказы и эссе. С первых же месяцев своего появления «Удог» привлек пристальное внимание литературных критиков. Писали об этом произведении И. Штейнер, Т. Андрейченко, Г. Кислицына, А. Мартинович и др. И восторженные отзывы об оригинальности и глубине, и обвинения в субъективизме подачи исторических событий звучат в данных рецензиях. Однако в одном авторы единогласны: «Удог» — вещь чрезвычайно талантливая. «Настоящим белорусским произведением эпохи перелома веков и тысячелетий, когда мы прощаемся со многими иллюзиями» называет Т. Андрейченко данную повесть. И действительно, поражает широта охвата временных промежутков в повести (с 1570 по 1998 годы). Но не стоит думать, что трилогия излишне растянута. Автор стремится в каждой эпохе выделить только самое важное, то, что обличает пороки, передает особенности национального характера, живо тревожит и волнует каждого человека. Словно фрагменты пазла, складываются отдельные части в целостную картину повести, отражающую путь нашего народа в вечности.

Причем следует отметить, что у читателя не возникает ощущения чужеродности элементов целого. Объединены все части образом-символом таинственного дерева удог, принесенного на белорусские земли завоевателями. Растение прижилось, однако своими смертоносными соками продолжает отравлять, дурманить голову, вести к гибели и вырождению. А помогают ему привести в действие свои яды люди-чужестранцы, также ощущающие себя лишними, желающие внести разлад в мирное течение жизни. Образы этих героев во многом схожи. Это, например, Пелагея, которая опоила настойкой из ягод удога косинеров во времена восстания 1830—1831 годов, и Наталья, убившая тем же напитком ненавистного мужа и его родственников в 1976 году. Важным объединяющим звеном является и место действия — селение Дубровка, известное с XVI века как владение рода Сапегов. Однако и этим не ограничиваются средства создания художественной целостности повести. В каждой ее части мы сталкиваемся с введением сновидений в сюжет. М. Дынник отмечал: «Как литературный прием, сновидение служит для самых разнообразных целей формального построения и художественной композиции всего произведения и его составных частей, идеологической и психологической характеристики действующих лиц и, наконец, изложения взглядов самого автора». Вот и в трилогии «Удог» сны цементируют композицию, отражают самые острые переживания героев (потеря матери у Пелагеи, сложный моральный выбор на допросах в НКВД у Гирика, вина за смерть отца у Романа и т. д.). Во многих случаях сны героев — вещие (например, сон об измене мужа у Пелагеи). Таким образом, имеем дело с так называемыми «психологическими снами», отражающими важные, этапные, кульминационные события в жизни персонажей. Вставными элементами произведения являются также отрывки из «этнаграфічных запісаў сябра гуртка «Шубраўцы» Юльяна Пачопкі», «магнітафонных запісаў дацэнта М. М. Дзямешкі», писем Зоси к двоюродному брату Юзику Астукевичу в Крайновскую тюрьму и др. Все это помогает передать колорит определенной эпохи, живую народную речь и, главное, показать отношение простых людей к описываемым событиям. Ведь сам Ф. Сивко в большинстве случаев не дает моральной оценки поступкам своих героев, выбирая прием «отстранения» (В. Шкловский). Именно эта особенность творческой манеры автора придает глубину и неоднозначность его произведению, заставляет читателей напряженно размышлять и искать ответы на поставленные вопросы. А вопросы у вдумчивого читателя во время прочтения «Удога» возникают самые разнообразные: «Где найти корень зла?», «Как избавиться от чужеродного влияния и исторического беспамятства?», «Как не стать жертвой обстоятельств и шестеренкой в безжалостном разрушительном механизме?», «Как белорусам сохранить свою индивидуальность и определить векторы движения в будущем?». Что и говорить, повесть не из разряда легкого чтива. Однако она удивительно привлекательна, прекрасна в своей суровой стройности и упорядоченности.

Такими же по-философски глубокими являются и рассказы из книги «Эдэм». Рассказ «Бацечка Зэн» также связан с событиями национально-освободительного восстания. Очень конкретно выписывает автор детали, связанные с реалиями того нелегкого времени, когда свирепствовала эпидемия холеры: способы защиты от страшной болезни (пропитка одежды дегтем, протыкание шилом писем), рацион людей (похлебка из крапивы, панцак (перловая каша), хлеб из муки с травой). Однако воссоздание исторических реалий — не самоцель для автора. Главное в рассказе — показ человеческих переживаний, в частности — трогательной истории любви двух молодых людей. И в этом автору вновь помогают образы-символы. Читаем строки: «Зелянее між градак з фасоляю лапік прыбітае да зямлі непрыбранае каноплі» и невольно сравниваем хрупкие растения с такой же «прибитой к земле» болезнью любимой девушки Войтака Юлии. Выбоины на земля-

ном полу — словно душевные раны главного героя. Чистота белоснежного снега — символ исцеления. Нельзя не отметить и богатство языка писателя Сивко. Он чрезвычайно внимательно относится к слову, средствам создания художественной выразительности. Оригинальны и образны его сравнения: «бясконцы, як сама бяда, дождж», «жорсткі, як сама сцюжа, што прадзірае да касцей на скразняку, вузел». Не мог обойти автор и такую важную тему — проблему памяти, в данном случае доброй памяти, что оставляет после себя человек. Войтак на склоне лет размышляет: «Жыццё пражывеш, а для родных адным нечым застанешся ў памяці. Хто Хціўцам выявіцца ва ўспамінах, хто Хлусам, хто яшчэ кім... Найлепш — калі Братам, ці Сынам, ці, як мае во — Маці і Бацечкам».

Рассказ «Трое» уже не погружает читателя в глубину столетий. Здесь Ф. Сивко рисует ситуацию достаточно современную. Не свирепствуют эпидемии, закончились войны, однако троих главных героев объединяет беда. Правда, беда у каждого своя, трагедия личного масштаба. Секач — «капэзэшнік сталы», который находится в бегах. Характеризуя своего героя, Ф. Сивко часто дает ему определение «зверь», подчеркивая этим потерю Секачом чего-то важного: «Шырока, неяк пазвярынаму, стаўляў ногі». Да и кличка у персонажа говорящая: Секач — тот, кто жаждет «сечи», разрушения, хаоса. Мальчик Юрка, детдомовец, стал на сомнительную дорогу под давлением обстоятельств. Однако он еще только формируется как личность. Юрка тянется к лучшей жизни («захацелася выйсці са схновы, павучыцца»), замечает красоту природы и людей. Вот как выглядит в глазах паренька одинокая женщина, которая по воле обстоятельств стала «третьей» в их с Секачом компании: «Цяпер, калі яна стаяла амаль побач, бокам да куста, за якім ён хаваўся, Юрка заўважыў, што яна не такая ўжо і старая, як падалося па першасці. Зараз ёй можна было б даць і пяцьдзясят пяць, і меней. Была яна без хусткі, і гэта вельмі неяк ажыўляла, маладзіла даволі прывабны, з шыракаватым носам твар. Праўда, было шмат зморшчын пад вачыма і на шыі, але і яны не псавалі агульнага ўражання: усё згладжвалі рахманасць і рухавасць моцнага, здатнага да любой работы чалавека». После знакомства с ней Юрка не хочет возвращаться вновь к Секачу, звериная сущность которого вновь подчеркивается названием его тайника — логово. Женский образ выписан довольно тщательно. Невозможно не заметить, что в творчестве Ф. Сивко выводятся на первый план именно героини-женщины. Причем четко разграничиваются на два устойчивых типа: женщина-блудница, демоническая женщина, и женщина-мать, почти святая. Так, если в «Удоге» главную роль играли женщины первого типа, то в данном рассказе имеем дело с женщиной, обладающей христианскими качествами (покорность, сострадание, всепрощение) и будто «пранізанай дабрынёй». Она жалеет своего сына-алкоголика, не сетует на горькую судьбу и одиночество. Ей просто хочется внимания и общения («хоць жывога чалавека пабачыла»). После смерти Секача (ударился головой, падая в результате сопротивления женщины его попытке изнасилования), она даже хочет повеситься, не может смириться с тем, что убила человека. Ф. Сивко явно сравнивает свою героиню со старой липой при дороге, которая дает пристанище путникам, а те оставляют мусор и кострища. Рассказ имеет открытый финал. Утром женщина намеревается позвонить участковому и рассказать обо всем. Как оценят представители закона ее поступок, как в дальнейшем сложится судьба Юрки? Читатель вправе сам порассуждать и прийти к выводу.

Завершает раздел «Рассказы» книги «Удог» произведение «Мыйшчык Лёха». О чем оно? Скорее всего, о необратимости, необходимости хранить самое важное и ценное в жизни. Во время его прочтения невольно вспоминаются слова героя рассказа «Бацечка Зэн»: «У маладосці ж як бывае? Выпусціш вартае з рук з надзеяй, што вернецца яно, а яно не вяртаецца, хоць плач, хоць крычы. І застаешся ні з чым на ўсё жыццё». Однако Войтак своего

не упустил, а Лёха потерял все самое дорогое: любовь, уважение в обществе, собственное достоинство. Описание Лёхиной квартиры можно смело приравнивать к описанию его душевного состояния: «Голая, з абдзёртымі, бруднымі сценамі кватэра непрыветліва патыхнула пахам цвілі і нямытага рыззя». Живя будто во сне, герой практически отошел от мира людей, даже работает он теперь в морге. И вот в череде беспросветных Лёхиных будней происходит событие чрезвычайное. В морг привозят его бывшую жену — Зою. Ф. Сивко, не изменяя своим традициям, огромное значение при описании этой трагической «встречи» придает деталям. Лёха не сразу узнает в изнуренной болезнью женщине свою жену. Однако, переворачивая ее при мытье, он придерживает тело за плечи и ноги, так что «атрымаліся амаль што абдоймы». Окончательно опознать Зою помогает шрам на ноге от раны, которую сам же Лёха и нанес ей, будучи нетрезвым. Вспоминается новелла В. Степана «На вуліцы Школьнай», где санитарка Валентина также только по шраму узнает свою первую любовь — Витьку Кныша. Смерть дорогих людей, естественно, переворачивает что-то и в душе героини Степана, и в душе Лёхи. Он искренне скорбит об утрате, понимая, однако, что потерял жену еще задолго до этого. Мойщику уже не хочется после работы идти в шумную компанию своего друга-собутыльника Федьки, на последние деньги он покупает траурные гвоздики. И в данном рассказе Ф. Сивко снова оставляет финал открытым: «Яму ўсё яшчэ было кепска, але ўжо не так, як звечара. Расслабляла, адцягвала ад панылых думак прысутнасць людзей. Ды і ўпэўненасць, што які ні паскуднік Федзька, а чужой капейчыны не прысабечыць, а наадварот, яшчэ, як мае, і сваёй дакладзе на сабантуй, дадавала гумору». Может ли стать на путь исправления «пропащий человек»? Снова решать читателю.

Эссе книги «Эдэм» — «Выспа Міжрэчча» и «Я пешкі, мама» — автобиографические. В них автор как бы объясняет читателю, почему выбрал именно такие темы произведений своей книги. Оказывается, Дубровка (место действия в «Удоге») — родная деревня Ф. Сивко (в советское время носила название Междуречье). Проблема исторической памяти, забвения своих корней поставлена в эссе очень остро, писатель не «приглаживает» реальность. Теперь мы еще яснее понимаем, что растение удог в одноименной трилогии лишь умело созданный аллегорический образ. Не дурман напитка руководил в процессе безумного разрушения исторических памятников, а «сігнал да ўседазволенасці», «сверб разбурэння». Стерли с лица земли в советское время в Междуречье усадьбу Сапегов, спилили на дрова уникальный парк с редкими породами деревьев... Как же далеко зайдем мы в своем беспамятстве? Как сможем жить без моральной опоры?

Небольшое по объему эссе «Я пешкі, мама» является, на мой взгляд, квинтэссенцией творческого опыта Ф. Сивко и стержневым произведением книги. Недаром образ Эдема из него дал название всей книге. Эдем и пекло одновременно — летний день в самом ярком воспоминании детства автора. Хоть мать и обречена на пекло тяжелого труда, она сама — словно райская птица, которая даже с того света прилетает к сыну во сне. Сыну, который все, что в жизни имеет, оплатил и ничего не получил авансом, а значит, может сказать, что идет по жизни пешком («пешкі»).

Так пусть же каждый из нас поймет, откуда он пришел, кто он и куда движется. А поможет нам в этом мудрый наставник. Талантливый прозаик, драматург, исследователь Франц Сивко. Читайте и размышляйте!

Юлия АЛЕЙЧЕНКО

Из почты журнала

ВАЛЕРИЙ ГРИШКОВЕЦ

Живет на селе подвижник

В прошлом номере журнала наши читатели имели возможность познакомиться с прозой Вениамина Бычковского. Но представлять его исключительно как литератора было бы несправедливо и неправильно. Это еще и удивительный человек, который не только словом, но и делом пытается изменить окружающий мир. Предлагаемый очерк и познакомит нас с этой стороной его жизни.

Его зовут Вениамин Бычковский. Живет он в деревне Бобровичи Ивацевичского района. Судьба его столь неоднозначна, крута и милостива, а дела его столь просты и велики одновременно, что рассказ о нем следует начать с деревни Бобровичи, где Вениамин Бычковский, собственно говоря, и стал тем, кем в конце концов и стал: личностью, человеком неординарным, чья жизнь и судьба отныне намертво связаны с Полесьем, с православием, что и подвигает его ежедневно и ежечасно на подвиг — земной и небесный — во имя этих, самых важных для него святынь.

Бобровичи — настоящее и прошлое

Первое, что бросается в глаза, когда въезжаешь в эту деревню — часовня. Стоит она справа от дороги, метрах в ста, на небольшой возвышенности, серебрясь маковкой колоколенки и новой, цинковой жести кровлей, золотясь на щедром в эту июльскую пору солнце крестами, как бы опрокинутыми в синеву неба. А дальше, идя по деревне, невольно замечаешь, чуть ли не на каждом строении, будь это добротный дом или простой сарай, гнездо аистов. И эти гнезда здесь в Бобровичах тоже не совсем обычные — большие и крепкие, основательные гнезда. Аистов в Бобровичах много, деревня небольшая, а величественных птиц Полесья много. Они сейчас, в последней декаде июля особенно заметны, молодые птицы стали на крыло и в гнездах, даже больших здешних, тесно: стоят птицы по три в ряд и не понять уже, кто родители, а кому в первый раз предстоит скорый долгий перелет в края неблизкие...

Говорят, аисты приносят людям счастье, потому издавна на Полесье считалось большим грехом порушить аистиное гнездо, прогнать птиц с подворья. Вот и стояли годами на крышах наших сел и хуторов, на деревьях и столбах аистиные гнезда. Никто их не рушил, наоборот, с нетерпением из года в год по весне ждали возвращения белокрылых птиц в свои гнезда. И они прилетали каждую весну, из года в год. Прилетели аисты в Бобровичи и весной 1942-го, во вторую военную весну. Бобровичи тогда были не то, что сегодня — многолюдная, с большими семьями деревня. Ближе к осени птицы улетели, а 13 сентября ворвались в Бобровичи страшные люди — не стало ни гнезд, ни деревни. Людей сожгли или расстреляли. Сожгли хаты

с сельской церковью. Ничего не оставили каратели, одни пепелища...

Прилетели ли сюда по новой весне аисты, что увидели, и как себя повели, никто никогда не узнает. Но места эти столь благодатны и красивы, что жизнь после войны снова вернулась сюда, вернулись и белые величавые птицы Полесья. Правда, Бобровичи уже не такие многолюдные и большие, как бывало. Но то, что места здесь особенные, привлекает не только аистов. Сегодня в Бобровичах нет ни одного пустующего дома. Возвращаются те, что уехали в города, пусть и не навсегда, но дома родительские отстраивают, ремонтируют и благоустраивают подворья: лучше летнего отдыха, чем в родной деревне, вряд ли сыскать и в заморском раю. Селятся здесь состоятельные люди из Пинска, Бреста и Минска. Строят большие роскошные дома, и не только дома. Что ж, места здесь воистину благодатные, девственные места! Сосновые и смешанные леса, много дубов, берез. Леса светлые и просторные, грибные и ягодные места. В радиусе 11 километров — ни одного поселения. Никаких тебе ферм, никаких предприятий, даже инженерных сооружений нет поблизости. Исключительно чистые места. В естественном своем состоянии. Центральная усадьба сельисполкома — за 20 километров в Телеханах. Бобровичи — самая удаленная деревня Ивацевичского района, деревня, так сказать, тупиковая: одна дорога ведет в Бобровичи, она же и из Бобрович. Кругом леса первозданные.

Сразу за деревней — озеро! Почти 10 тысяч квадратных метров чистой воды... Дно песчаное, вода летом прогревается настолько, что входишь в нее безо всяких содраганий-колебаний, наоборот, думаешь, как быстрее войти поглубже и окунуться всем телом. Дело в том, что берега озера пологие и чтобы хорошо искупаться и поплавать, надо пройти по воде метров 200, а то и все 300...

А какая в Бобровичском озере рыба!.. На вкус вроде как сладкая, какая-то просто сахарная. И при этом совсем не приторная, ешь, и хочется есть...

Вениамин Бычковский.

Прежде, чем прийти на озеро, Вениамин Бычковский ведет меня на сельское кладбище, оно в той же стороне. Подходишь к погосту и сразу замечаешь дуб. Он хоть и в глубине кладбища, но его просто нельзя не заметить, как только подойдешь сюда. Подходим ближе. Таких дубов я никогда раньше не видел, настоящий царь-дуб! Раскидистый, кряжистый, узловатый в комле и с корой, в разрезы которой входит ладонь. Окружность ствола почти 8 метров. Это сколько людей надо, чтобы обхватить его? Бобровичскому дубу, говорит Вениамин Бычковский, не менее 1000 лет! Правда, толком никто не знает, поскольку мало кому известно о существовании этого дуба.

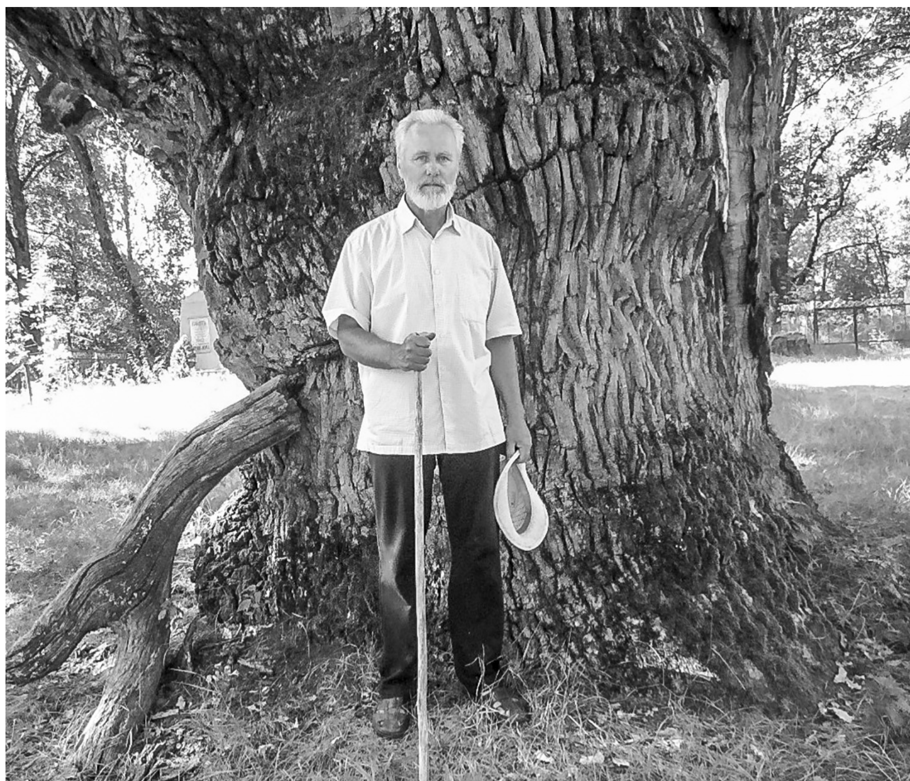
Бобровичское кладбище утопает в дубах. Настоящая дубрава! Деревья по большей части молодые, относительно возраста дубов, но немало и старожилов погоста, то там, то сям стоят деревья в три, а то в четыре-пять обхватов. Кладбище, по словам Бычковского, находится на месте древнего капища.

— Раньше я приходил сюда к этому дубу, — показывает Вениамин Бычковский на царь-дуб. — А теперь прихожу сюда еще и к матери. Уже смертельно больной перевез ее из России в Грод-

но, где она и отошла с миром. Сама настояла на том, чтобы перевез ее в Беларусь и похоронил на деревенском погосте Бобрович — точно знала, какой здесь мир. А мир здесь действительно особенный, намоленый не одним поколением людей. Представь себе, сюда приходили поклониться люди тысячи лет назад! Не случайно здесь эта дубрава, не случайно растет этот царственный дуб...

— Вон, видишь на том берегу среди зелени деревьев желтеет песок? — показывает Вениамин Бычковский на противоположный берег озера. — Это — Вядо. Здесь на северо-восточном берегу Бобровичского озера в начале 60-х годов прошлого века белорусские ученые нашли два поселения каменного века. Первое относится к концу палеолита и эпохи позднего палеолита и мезолита. Датируется X—VI тысячелетиями до нашей эры. Второе поселение обнаружено на северо-западе озера, датируется VIII—VI тысячелетиями до нашей эры. Найдены останки 6 костров, обложенных камнями. Вокруг них собрано более 100 кремневых приспособлений труда и около 600 обработанных кремней: листоподобные наконечники стрел, сверла, резцы, скребки, миндалеподобные топоры, резаки. Здесь же были найдены фрагменты бытовой керамики, зеленого литого кафля, стеклянной посуды, металлические долота, ключи, скобы, гвозди X—XVIII столетий нашей эры.

Вот такие здесь места. Тысячи лет назад их облюбовали люди и поселились на этой земле. Оно и понятно: кругом леса, богатые деревом, дичью, грибами. Рядом — огромное озеро. Значит, есть рыба, птица — есть чем поживиться человеку. И люди веками жили на этих берегах. Здесь было две деревни: Вядо и Тупичицы. В сентябре 1942-го фашисты расстреляли их жителей, а деревни сожгли. Они так и не возродились. И что поразительно, вокруг на десятки километров леса и леса, а на месте этих деревень —



У царь-дуба.

песок! Голый песок, десятки гектаров поля, где колышется трава и опять песок. Правда, на месте бывших хат, то в одном месте, то в другом пробиваются цветы. Видимо, цветы росли у хат, и вот теперь напоминанием о далекой, навсегда ушедшей жизни, всходят по весне и цветут, цветут — живое напоминание о трагической судьбе деревень Вядо и Тупичицы. Наверно, место, где массово гибли люди, имеет особенную энергетику, на этом месте даже деревья не растут... Правда, на месте сожженной церкви выросли дубы. Но и они какие-то дупловатые, скрюченные, вроде больных людей.

— Поверишь, — говорит Вениамин Бычковский, — здесь, посреди Вядского поля, на месте сожженной нацистами церкви в вечерней тишине слышится звон колоколов, по крайней мере, я слышу этот звон, трагический звон колоколов...

Писатель, человек, гражданин

Вениамин Бычковский родился за тысячи километров от Беларуси, в Уфе. Мать работала на стройке маляром. Воспитывала сына одна. Отсюда, наверно, в его характере мягкость и доброта. Отсюда, скорее всего, и упорство, так характерное сиротам, детям из неполных семей. Тогда, в 50—60-х годах прошлого уже века не шибко-то баловали детей взрослые, тем более, когда ты сирота, да еще растешь у матери, которая работает на стройке маляром. Это сегодня детей, особенно сирот, нянчат чуть ли не до пенсии. А тогда еще кровоточили раны недавней страшной войны, взрослые жили будущим счастьем, работали, не покладая рук, так что было как-то не до сюсюканий, да и простые родительские ласки были не в ходу. В первую очередь, требовали, причем, безо всяких оговорок, хороших оценок и хорошего поведения в школе, дома — помощи по хозяйству, а то и попросту оставляли детей сам на сам с проблемами учебы и быта. Благо что, так сказать, кормили. Впрочем, всяко было. Но уж точно не потакали детям, не заморачивались, как сегодня, чуть ли не ежедневными покупками обновок, игрушек, прочего баловства...

С юности Вениамин Бычковский увлекся тяжелой атлетикой, как теперь говорят, тягал железо. С 16 лет выступал за сборную Башкирии. Много ездил по Советскому Союзу — участвовал в различных соревнованиях, выполнил норму кандидата в мастера спорта СССР. И сейчас в комнате на стене висит несколько его снимков тех лет: вот он со штангой на груди, а вот — крепкий, широкоплечий, мускулистый молодой человек с бородой. Что осталось от того? Разве что борода. И та не такая пышная...

Что ж, всему свое время. Судьба была неблагосклонна к Вениамину. Беда ждала его уже за ближним поворотом жизни. Рано сломался, точнее, травма выбила из строя талантливого молодого спортсмена, штангиста Вениамина Бычковского. Полгода лежал прикованный к постели, перенес не одну операцию. И здесь не подвел его характер, сила духа, выносливость, что закалял в себе с детства. Пришлось оставить штангу, но не оставил мысли о спорте, увлекся туризмом. Объездил чуть ли не весь Союз, жил в горах Алтая, Тянь-Шаня, Памира. Бывал в Средней Азии, на Дальнем Востоке, Камчатке...

Туризм тогда стал для Вениамина Бычковского образом жизни. Да и работал в туристической отрасли Южного Урала. Тогда и начал писать в газеты статьи по профессии, туристические очерки, а потом и рассказы. И по-прежнему много ездил. Правда, полученная в молодости травма позвоночника, все чаще напоминала о себе, приходилось ложиться в больницу, все больше принимать лекарства, обращаться к врачам. Стал замечать в себе, что начал уставать от города, от шума и многолюдья. В 1989-м оставил Уфу и поселился за городом. А вскоре не стало Союза ССР, начались проблемы не только со здоровьем, но и с любимой работой. Спасибо друзьям, не забывали Вениамина, помогали выжить. Стал серьез-

ней относиться к творчеству, много читал, писал.

Весной 1995-го друзья ехали в Польшу, пригласили и Вениамина. Но по дороге ему стало невмоготу, заныла старая болячка. Вениамин решил не ехать в Польшу, а остаться и ждать друзей в Беларуси. Заехали в одно место, в другое. Не пускают люди на ночлег. Время было непростое, люди жили, боясь поздно выйти на улицу, не то, что пустить на ночь незнакомого человека, да еще из машины с номерами другого государства. Так и ехали все дальше и дальше, пока не стало смеркаться. Вот уже и совсем стемнело, решили ехать на первые попавшиеся огни. Подъехали, постучались. Люди впустили. Что за место, спросили. Им ответили: город Ивацевичи.

Городов Вениамин не любил. Даже небольших. Переночевал, а утром попросил хозяев показать места заповедные на их взгляд. Так добрались до Бобровичей. Деревня сразу, что называется, приглянулась Вениамину: небольшая, среди просторного леса, да и на улицах, и во дворах — не только яблони и груши, но и высокие стройные сосны, раскидистые березы, дубы... А когда увидел озеро... Тут же разузнал, продаются ли здесь дома, почем и какие. Словом, запала в душу ему деревня Бобровичи.

Вернулся на Урал, а вспоминал Бобровичи. И осенью, получив за книгу рассказов «Печальник» гонорар, не раздумывая, пошел на вокзал и купил билет до Ивацевичей. А там приехал в Бобровичи и... остался навсегда!

Из рассказа Вениамина Бычковского «Межа»: «...Странные ощущения переживаю в деревне: своя жизнь отдаляется, а чужой мир приближается и становится родным. Кажется, я врастаю в эту землю. Как будто раньше жил в какой-то скорлупе и перекатывался по земле как придется — земли не чувствовал. А здесь, в Полесье, пятками ощущаю мягкость и тепло земли, точно я только вылупился и каждой клеточкой почувствовал теплую грудь матери-земли, ее заботливые руки. Особенно сейчас, когда руки родной мамы уже остыли и покоятся на ближнем погосте».

В этом внутреннем монологе героя рассказа легко угадывается сам автор, это, если хотите, его исповедь перед читателем, перед Полесьем, людьми этого края, ставшими родными и ему, писателю Вениамину Бычковскому. Сегодня его рассказы и очерки печатаются в московских журналах и альманахах, Вениамин Бычковский лауреат и дипломант многих литературных конкурсов. Увы, белорусский читатель пока мало, а то и вовсе не знаком с творчеством этого самобытного писателя. Оно и не удивительно: писатель Бычковский меньше всего поражен «звездной болезнью», а точнее, совершенно не тщеславен, более того, человек очень скромный, весь, как говорится, в себе. Писателю же надо, что называется, предлагать себя, идти «на торг, на рынок», пусть не ради тщеславия, удовлетворения собственных амбиций и самолюбия, но одно — истины ради! Тем паче, если тебе есть что сказать людям. А извечное «Нет пророка в своем Отечестве» не утратило своей сути и сегодня, и вряд ли когда утратит. Так что...

Правда и то, что в свои 60 Вениамин Бычковский, несмотря на то, что, как многие считают, живет отшельником, с раннего утра и до позднего вечера в делах и заботах. А как иначе, если у тебя два сына, одному из которых 10, а другому 8 лет? Да-да, не удивляйтесь, Вениамин Бычковский в наших палестинах обрел не только вторую родину, но и семью. Притом, судя по его отношению к детям, к рассказам о своей жене Анастасии, он в полном смысле слова счастлив опять быть отцом и мужем. Его жена Анастасия — художник-иконописец, живет и работает в Минске. Но это ни в коем случае не мешает их семейному счастью, полноте отношений. Теперь у них, как говорит Вениамин, четыре сына. Старшие Тимофей и Никита — дети Анастасии, не чужие Вениамину, он считает их сыновьями. Ребята учатся в Белорусской академии художеств: Тимофей на скульптора, Никита на художника. По их стопам хотят пойти и дети Вениамина и Анастасии: десятилетний Роман и восьмилетний Богдан. Они учатся в

гимназии-колледже имени Ахремчика для одаренных детей Беларуси.

Кстати, своих сыновей Вениамин назвал неслучайно: Романа — в честь так и не написанного им романа, а Богдана — в память о своем товарище, авторе мемуарной книги «Moyi Celehany» Богдане Мельнике, уроженце Телехан, бывшем польском офицере. Их связывала крепкая, поздняя мужская дружба. Бычковский помогал ему в работе над этой книгой, они часто встречались в Бобровичах, Вениамин с Анастасией ездили в гости к Богдану Мельнику в Люблин. К слову сказать, уже живя в Бобровичах, Вениамин Бычковский открыл свою родословную: родителей его матери из деревни Козлы теперешнего Пружанского района, как и многих других жителей края, в 1915 году, когда фронт вплотную приблизился к Западному Полесью, депортировали в глубинную часть Российской империи, на Южный Урал. Там и родилась мать Вениамина — Бычковская Анна Васильевна. Правда, она никогда не говорила сыну о своих полесских корнях. А именно здесь, в глубине Полесья, говорит Вениамин Бычковский, он нашел ответы на все вопросы, что мучили, не давали ему покоя.

Не зарастет народная тропа

Собирать артефакты полесского края Вениамин Бычковский стал почти сразу, как только поселился в Бобровичах. Видно, сказалась давняя привычка профессионального туриста, тяга ко всему новому, неизведанному. Первые экспонаты будущего музея полесского быта появились еще в домике, что он приобрел при переезде на жительство в Бобровичи. Домик небольшой, но это не стало преградой для Вениамина. То найдет он брошенное топорище, то топор, то косовище, то косу, то старый чугунный утюг, то увидит в дальнем углу двора давно заброшенную телегу или плуг. Все не поместить в небольшой хатке, да и не потянешь сразу на двор: мало ли что подумают о приезжем местные хозяева и хозяйки. И все же, все же... Так появилась первая небольшая коллекция предметов домашнего быта и крестьянского труда полешука: куфар (сундук), короба, корзины для хранения зерна, глиняная посуда, берестяные и соломенные сита, коромысло, прялки, качалки для глажения белья и одежды, ручники и другие предметы

Музей полесского быта.

домашнего ткачества. Несколько лет Вениамин Бычковский работал в Телеханской средней школе, где вел кружок краеведения. Создал школьный музей этнографии.

Это и стало его первым опытом в создании собственного музея. А первым толчком в собирании различных предметов полесского быта стала увиденная им картина, что называется, вживую: на деревенском заборе висели для просушки глиняные жбаны. Эта картина так впечатлила недавнего жителя Южного Урала, что он долго стоял и смотрел не отрываясь на эти горшки на деревенском заборе. А когда скопил маленько деньжат и купил дом попросторней, а при нем настоящее подворье, тут уже Вениамин, долго не раздумывая, решил создавать собственный музей. Да он и не мог уже спокойно пройти мимо лежавшего, а точнее, пропадавшего того или иного предмета крестьянского быта и ремесла.

Первым делом, прежде чем помещать туда экспонаты, вычистил от залежалого мусора хлев. Благо, он достался ему большой и просторный, на два входа. А то, что больно низкая крыша в хлеву, так оно даже и лучше: еще в недавние времена полешуки жили в невысоких хатках, где как раз в одном строении располагались сами, а во втором, что прямо через стенку, стояла живность.

Теперь здесь музей на две половины. А перед музеем — телега, тут же на стене — коромысла, косы, берестяной козуб для съема пчелиных семей, хомут, седёлка, лядо — приспособление для подъема бревен... Справа от входа в музей — колоды, в которых наши предки-бортники держали пчел, а перед музеем — камни, символизирующие древнее капище. В самом музее буквально поражает собрание экспонатов. Да и экспонаты размещены продуманно и грамотно с точки зрения музейщика. И сам музей устроен куда как профессионально. На полу — домотканые ковры, а точнее — половики. На потолке вдоль балок — веревки с поплавками от рыбацкого невода. И экспозиции, экспозиции... Я даже не подозревал, сколько всего придумали наши предки и соорудили собственными руками!.. Что ж, жизнь в замкнутой среде, а жили они среди глухих лесов и болот, понуждала к творчеству, к выдумке, заставляла изобретать, денно и нощно трудиться. Так что с полным на то основанием можно говорить, что полешук во все времена был не только работящим, но и мудрым, как сейчас бы сказали, креативным человеком. Это неизменно подчеркивает, проводя экскурсии в созданном им музее, Вениамин Бычковский. Об этом он говорит в деловой беседе и в разговоре по душам. Говорит искренне, с нескрываемыми энтузиазмом и любовью, удивляясь тому, что порой местные люди смотрят на него, как на ненормального...

Сегодня в музее Вениамина Бычковского порядка тысячи экспонатов! От найденных на городище Вядо предметов быта древнего человека и монет времен Великого княжества Литовского, средневекового наконечника стрелы от арбалета, запалов кремниевых ружей, фрагментов стеклянной и керамической посуды и женских украшений до ткацких станков из хаты полешука XIX — начала XX веков. Просто диву даешься, глядя на детскую коляску, сделанную «за польским часом», кованую нижнюю часть, включая металлические колеса и деревянную «люльку» для ребенка. Не меньше поражает воображение прялка со станиной в виде скрипки. Эту прялку Вениамин нашел в деревне Гортоль, что в 4 километрах от городского поселка Телеханы. Из этой же деревни и телега с металлическими осями, что ковалась в сельской кузне также «за польским часом».

А сколько трогательного и трагического в рассказе Вениамина об истории приобретения небольшого экспоната — бруса для правки косы. Передал его Вениамину ныне покойный Николай Куратник. Во время массового расстрела жителей деревни Вядо в сентябре 1942 года он чудом вырвался из сарая, куда каратели загоняли людей. Бежал не чуя ног через лес и поле. Опомнился только в деревне Святая Воля, что за 10 километров от Вядо. Пересидел ночь в огороде родного дядьки, в дом

заходить не стал, побоялся. А утром пошел обратно в Вядо. От деревни осталось одно сплошное пепелище. Долго бродил на пожарище от родного подворья, ничего не оставили каратели — ни жилищ, ни построек, ни отца, ни матери — никого и ничего! Увидел под ногами в куче золы и пепла брусок, которым отец правил косу. Взял его с собой и всю жизнь хранил, как самую дорогую реликвию. Показал старик Вениамину этот брусок, поведал свою горькую историю и... спрятал брусок обратно. А потом, когда уже Вениамин Бычковский собрался уходить из хаты, что-то задело старика, попросил Вениамина подождать. Пошел в комнату и... вынес ему брусок: храни! Пусть останется память...

Колокольный звон над Бобровичами

Долго не слыхали его сельские хаты, окрестные леса и поля. В сентябре военного 1942-го дотлели последние головешки, что остались от церкви святой великомученицы Параскевы, которая стояла аккурат посреди Бобровичей. Теперь стоит здесь памятник с именами 576 человек, что с 13 сентября 1942 года никогда больше не переступили порог родного дома...

Трагическую судьбу Бобровичей разделили и жители ближайших деревень Вядо, Тупичицы и Красница. В том «черном» сентябре гитлеровцы не только уничтожили эти деревни, но и расстреляли их жителей: невинную смерть от рук карателей приняли более тысячи человек за связь с партизанами. Нацистские палачи придумали и соответствующее карательной операции название — «Болотная лихорадка».

Но гитлеровцы просчитались: наш человек силен не только телом, но и духом. Пример тому — писатель, краевед и этнограф Вениамин Бычковский. Ведь что-то же или кто-то вел его по жизни: приехал человек за тысячи километров, как оказалось, на родину предков, проникся любовью к этой земле и людям, да так, что не мыслит себя без деяний во имя этой земли, во имя людей ее, тех, что жили здесь многие годы и века, и тех, кто живет сегодня. Как только Вениамин стал изучать историю деревни Бобровичи, историю полесского края вообще, твердо решил вместе с созданием музея возродить в Бобровичах церковь. Пусть и не такую, какой она была здесь, но Божий храм должен возродиться в деревне, решил Вениамин Бычковский. И не просто церковь, а храм-памятник по безвинно убиенным жителям деревень Бобровичи, Вядо, Тупичицы и Красница...

— В 1997-м году, на второй год после моего приезда сюда, — рассказывает Вениамин Бычковский, — я окончательно понял, что с этой деревней, с Полесьем, останусь навсегда. Как будто что-то просияло во мне: Бобровичское озеро, небо над ним, древнее Вядо, царь-дуб на здешнем погосте — это тот треугольник, который не отпустит меня никогда. Мои полесские рассказы, музей и часовня — это мой долг перед этой землей и ее людьми. Ношу эту нести мне до конца дней. Она сколь трудна и тяжела для меня, столь радостна и желанна мне...

Конечно, если бы не благочинный Ивацевичского района отец Григорий (Пилипчук), вспоминает Вениамин Бычковский, вряд ли осуществилась бы его задумка с часовней. Кто только не чинил различных препятствий «невесть откуда взявшемуся человеку», были такие, что подозревали в нем корысть, были и такие, что крутили пальцем у виска. Но Вениамин Бычковский не отступал от задуманного: испокон веку стояла в Бобровичах церковь во имя святой мученицы Параскевы, должна и стоять, будить в людях светлое, божественное, напоминать им о православных предках, не давать забыть собственную историю, изжить в себе память рода своего...

Отец Григорий понял чаяния «этого заезжего человека», его простоту и бескорыстие. Вскоре пришла и добрая весть: строительство часовни благословляет архиепископ Пинский и Лунинецкий Стефан.

И работа началась. Благо, вдоль здешних дорог и на здешних полях

Часовня в деревне Бобровичи.

лежит немало валунов. С их сбора, по сути, и началось строительство часовни в Бобровичах. Фундамент и заложили из камней-валунов, что привезли с окрестных полей и дорог. Помогали Вениамину сыновья Тимофей и Никита, тогда еще совсем юные помощники. В фундамент строящегося храма Вениамин Бычковский заложил четыре крестика — в каждую из сторон храма — что нашел на Вядском поле, на месте сожженных деревень Вядо и Тупичицы.

Церковь, как принято у нас, строится всем миром. Ну, если и не миром, то, по крайней мере, находится немало добрых людей, готовых пожертвовать свой труд и средства на богоугодное дело. Сегодня, когда уже поднялись к небу купол, колокольня и кровля часовни, Вениамин Бычковский с благодарностью вспоминает бывшего начальника Телеханской ПМК-60 Александра Токаря, бывшего директора предприятия «Ивацевичидрев» Бориса Михнюка, священника отца Николая (Левшука), настоятеля храма деревни Святая Воля, священника отца Василия (Лавицкого), настоятеля храма г. п. Телеханы, священника отца Виталия (Кота), настоятеля храма деревни Яглевичи Ивацевичского района, Ольгу Чирко, жительницу Бобровичей. Это она пожертвовала сруб старого своего дома на храм. Этот сруб и составил основу строящейся часовни.

В 2006 году часовню освятили. Вот и возродился в деревне Бобровичи Божий храм. Он, как и в приснопамятные времена, носит имя святой мученицы Параскевы. Отныне каждый год, 13 сентября — в день памяти безвинно убиенных жителей деревень Бобровичи, Вядо, Тупичицы и Красница, а также 10 ноября — в день памяти преподобной мученицы Параскевы, в часовне идет служба. Приезжает батюшка. А если не приезжает, Вениамин Бычковский все равно открывает двери храма, звонит в небольшой колокол у входа, идет в часовню и принимается читать Акафист. На это благословил его отец Григорий.

А в доме Вениамина лежит еще несколько колоколов, один из которых подарили ему врачи Минского института травматологии, где недавно

делали Бычковскому очередную операцию столичные хирурги и куда ему периодически приходится ложиться на лечение. Не за горами время, надеется Вениамин Бычковский, когда эти колокола займут свое место на звоннице, и Благовест зазвучит над дорогими его сердцу просторами, над деревней Бобровичи, что стала и его жизнью, и судьбой.

Вместо эпилога

Я впервые встретил человека, сумевшего не один раз в жизни начать все сначала: найти любимое дело, создать семью, жить с пользой и в радость себе и людям.

Я впервые увидел музей, созданный одним человеком, притом, в далекой деревне, что называется, в глуши. Да притом — в бывшем хлеву — настоящий музей!.. Сюда едут делегации студентов и школьников, едут люди из окрестных деревень и многих уголков земли: России, Польши, Германии, Израиля. И, что главное, видят здесь многое в первый раз, открывая для себя что-то новое. А уезжают отсюда непременно с благодарностью, с желанием приехать сюда снова.

Я впервые увидел человека, строящего Божий храм на земле и сотворившего такой же храм в собственном сердце.

Теперь я знаю, куда буду приезжать, когда смятение подкатит к горлу, когда сомнение не будет давать покоя душе и сердцу. Я буду возвращаться в Бобровичи к Вениамину Бычковскому снова и снова. В реальности, скорее всего, не так и часто, как хотелось бы, но в думах своих, в своих помыслах и памяти — постоянно, до конца отпущенных мне дней.

Содержание журнала «Нёман» за 2014 год

ПОЭЗИЯ

ПРОЗА

«ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА» В «НЁМАНЕ»

«СЯБРЫНА»:
БЕЛАРУСЬ — РОССИЯ

Составил В. ПРОХОРЕНКОВ.

ТРАХИМЁНОК Сергей Александрович. Родился в 1950 г. в г. Карасук Новосибирской области. Окончил Свердловский юридический институт. Доктор юридических наук. Член союзов писателей России и Беларуси. Автор многих книг прозы, сценариев кино- и видеофильмов. Живет в Минске.

КОТЛЯРОВ Изяслав Григорьевич. Родился в 1938 г. в г. Чаусы Могилевской области. Окончил факультет журналистики Белорусского государственного университета. Поэт, переводчик. Автор многих книг поэзии, многочисленных публикаций в изданиях Беларуси и России. Живет в Светлогорске.

ТКАЧЕВ Василий Юрьевич. Родился в 1948 г. в д. Гута Рогачевского района Гомельской области. Окончил факультет журналистики Львовского высшего военно-политического училища СА и ВМФ. Прозаик, драматург, публицист, критик. Автор многих книг. Живет в Гомеле.

ШАХ Софья Николаевна. Родилась в 1947 г. в д. Лесец Калинковичского района Гомельской области. Окончила Мозырский педагогический институт им. Н. К. Крупской, Минский педагогический институт им. М. Горького. Автор многих книг поэзии. Живет в Светлогорске.

ДЕЙКУН Раиса Васильевна. Родилась в 1954 г. на станции Авраамовская (д. Партизанская) Гомельской области. Окончила факультет журналистики Белорусского государственного университета. Подполковник милиции в отставке. Автор книг на правоохранительную тематику, книги-исповеди «Мой Чарно-Быль, або Я боль людскі... кранаў рукамі...», сказок «Прыгоды Бульбаесціка», «Компания «Артем и К°» по уничтожению жука», «Бульбаесцева сямейка». Живет в Гомеле.

ЯЦКОВСКИЙ Игнатий. Родился в 1795 г. на Новогрудчине. Юрист и литератор. После поражения восстания 1831 г. находился в политической эмиграции. Организатор (совместно с Александром Рыпинским) Вольной славянской типографии в Лондоне. Существует версия о том, что именно Игнатий Яцковский — автор известного стихотворения «Зайграй, зайграй, хлопча малы», долгое время соотносимого с именем Павлюка Багрима. Умер в 1873 году.